

Ю. В. Подлинчук

и знов агорода съверьскаго. и стръ
бъча въсволюбрѣ. ѿ лговъ и стославъ и зраильска. и чьран

говьска іа помочь. и кони раша вой земаю. поло бцую
слышавше поидоша. рекоуше въ атьа маша и звиша

«Слово о полку Игореве»

Научный перевод и комментарии

и множе ство плоча и зша и жемзидстн. и стоиша
на секахъ. при днѣ. вса ла шеа : +

екоуше братьа маша ходили. со стославо великии крѣ
мъ. и бнлн стн ми зрѣ наперстѣ славлъ. а ѿ мн салн
кстн пришли. а въ змаю и мсстѣ ли по стн и ти. а мы
въ змалн и стмы. и самъ ст мой звилн. и же мый и рѣ
тн по логнны оу га. а стѣ по и рѣ по стн задомъ и до ко
нцн и звьѣ. а же мн б оуть по бѣда. и рѣ оу лѣ со морѣ.
сдѣ же мн ходили и ндѣ рн о машн. а въ змемъ до ко
стою славо. и чѣть. а стѣ доу шн въ стѣ іа стро е нѣд.

Ю.В. Подлипчук

«Слово о полку Игореве»

*Научный перевод
и комментарий*

ОСКВА НАУКА 2004

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
П44

*В оформлении книги использованы миниатюры
Радзивилловской летописи. Конец XV в.
(воспроизведение оригинала XII в.).*

Подлипчук Ю.В.

“Слово о полку Игореве”: Науч. пер. и коммент. / Ю.В. Подлипчук. – М.: Наука, 2004. – 327 с. – ISBN 5-02-010257-1 (в пер.)

Книга посвящена изучению древнейшего памятника русской литературы “Слово о полку Игореве”. Несмотря на наличие обширной исследовательской литературы, научных и поэтических переводов, в “Слове” до сих пор присутствуют многочисленные “темные места”, которые порождают самые различные толкования описываемых в произведении событий и даже позволяют ставить под сомнение подлинность памятника. Автор предлагает новый, “пословный”, перевод на основе комплексного метода анализа текста, что позволило в значительной степени сократить количество “темных мест” и, по сути, дать новое смысловое прочтение древнего памятника. В его основе лежат разбивка текста на синтаксические структуры и словоделение, определяемые нормами древнерусского языка, логикой прочтения и историческими реалиями. Привлечены и тщательно изучены многочисленные материалы исторических источников, памятников древнерусской письменности, исследований по истории языка, сведения по географии и биологии.

Для специалистов по древнерусскому языку и литературе и всех, кто интересуется историей памятника.

ISBN 5-02-010257-1

© Ю.В. Подлипчук, 2004
© Художественное оформление.
Издательство “Наука”, 2004

Содержание

“Слово о полку Игореве”. Научный перевод

К переводу	7
“Слово о полку Игореве”. Научный перевод.....	9

Комментарий

О прочтении древнего текста “Слова о полку Игореве”.....	39
Комментарий.....	45
Первая композиционная структура.....	45
Вторая композиционная структура.....	102
Третья композиционная структура	161
Четвертая композиционная структура	208
Пятая композиционная структура.....	228
Шестая композиционная структура	264
Седьмая композиционная структура.....	286
Генеалогические связи русских князей, упомянутых в “Слове о полку Игореве” (схема)	319
Библиография.....	320
Список сокращений	327

говьскіа помочь · и внидеша воѣ землю · полощюу
слышаше поидоша · рекоуше братьямаша и звиша
и ѿцимаши · адрѹзши и зымаши · а сннѣ идрѹмапѣ ·
послаша по всеи земли своей · а сами поидоу · и жаша
дрѹмы своей · а сннѣ идрѹкѣ · и ѿи мпоустѣ
вѣ · и стретоша · адрѹмы не доидоуше · и сѣств
пнша · и по бѣ · и бы · вше · поло · бци · и вниша · ч · до · вѣ · ж · в ·
и м · во · ж · е · ст · во · г · ло · на · в · з · а · ша · и · ж · м · з · и · д · е · т · и · и · с · т · о · м · ш · а
на · в · е · ж · а · х · ѡ · п · р · и · д · и · и · в · с · а · л · а · ш · е · с · я · :

екоуше братьямаша ходили · со · ст · о · с · л · а · в · о · в · е · л · и · к · и · к · о · у ·
м · з · · и · б · н · і · с · н · и · м · и · з · р · ѣ · на · п · е · р · е · г · ѣ · с · л · а · в · л · ѡ · а · ѿ · м · и · с · а · и ·
и · с · н · и · п · р · и · ш · а · н · ѣ · в · з · е · м · л · ю · ѿ · н · е · с · т · ѣ · л · и · п · о · и · и · т · и · · а · м · ѡ ·
в · з · e · м · л · и · ѿ · с · м · ѡ · · и · с · а · м · ѡ · с · т · о · и · з · в · и · л · и · · и · ж · e · м · ѡ · ѿ · д · р ·
ѣ · п · а · л · о · н · ѡ · ѡ · у · н · ѣ · · а · с · ѣ · т · ѣ · п · о · и · д · ѣ · т · ѡ · ѿ · з · а · д · о · н · ѣ · н · а · d · o ·
н · ц · а · ѿ · и · з · в · ѣ · · а · ж · e · м · ѡ · ѡ · у · т · ѣ · п · o · б · e · d · a · · и · d · o · у · л · ѡ · i · c · o · m · o · r ·
ѣ · ѣ · ж · i · м · ѡ · х · o · д · и · л · и · н · a · d · ѣ · н · ѡ · м · а · ш · i · · а · v · o · з · e · m · e · m · d · o · k · o ·
i · s · l · a · m · ѡ · s · l · a · d · ѡ · · и · ч · ѣ · · а · n · e · t · e · d · o · u · ш · i · b · ѣ · ѡ · ѿ · с · t · p · o · e · n · ѣ ·

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Научный перевод

К переводу

Имеющиеся в распоряжении исследователей копии списка “Слова о полку Игореве” (первое печатное издание 1800 г. (П); копия, снятая для Екатерины II, найденная в Государственном архиве (Е); выписки Н.М. Карамзина (К) и А.Ф. Малиновского (М); позднее Щукинская копия (Щ)) несогласно передают древний текст: так, только в текстах двух основных копий около 300 разночтений. Ныне убедительно доказано, что А.И. Мусин-Пушкин следовал при редактировании текста практике XVIII в., допуская существенные изменения орфографии оригинала, приравнивая его к орфографии своего времени, или орфографии церковнославянской печати. Сличение копий дает возможность утверждать, что в древнем тексте были отмечены выносные буквы (в выписках А.Ф. Малиновского: трудны^х, князем; в Екатерининской копии: умо^м); случаи написания под титлом (например, в Екатерининской копии: гнѣ, гнѣ); “оу” вместо “у” (в выписках А.Ф. Малиновского: “харалоужными”, “строужіе” и др.). Кроме того, отмечено, что Мусин-Пушкин *редактировал* текст, стремясь унифицировать написание при наличии вариантов в самом “Слове”.

Данный при настоящем переводе текст – результат перекрестных показаний всех копий; за основу взят Екатерининский список. В некоторых случаях, если сличение было в пределах только двух текстов (по причине отсутствия фрагментов в выписках Малиновского и Карамзина) и предпочтение было отдано Екатерининской и Щукинской копиям, то оно основано исключительно на предположении, что текст этих копий менее подвергся редакционной правке, и отнюдь не означает, что есть основания считать эти копии более достоверными при передаче орфографии подлинника. При перекрестном сличении копий в тексте восстановлены выносные буквы и слова под титлом. Текст дан в новом словоделении на основе научного словаря согласно приемлемым конъектурам и новой разбивке на синтаксические структуры, во всех случаях строго на научном обосновании. В случаях явных ошибок, искажающих текст, затрудняющих чтение, внесены исправления. Немногочисленные исправления допускались, только если они носили не радикальный характер и убедительно обос-

новывались палеографически (в тексте исправленные слова подчеркнуты).

Знаком “+” обозначены места, в которых удалось избежать общепризнанных исправлений текста или его перестановок. Римскими цифрами обозначены композиционные структуры, арабскими – комментируемые фрагменты. Написание подчеркнутых слов соответствует списку, указанному буквой на правом поле. Фигурными скобками обозначены те места, где автору удалось избежать традиционной перестановки текста. Восстановление всего текста с соблюдением всех грамматических и орфографических норм XII в. является особым предприятием, которое не предполагает настоящая работа.

I

1 **Вступление в поэму
Размышления Автора
о характере повествования.
Пolemика с Бояном
(Яном Вышатичем)**

2 Повествование о походе
Игоревом –

Игоря, сына Святославова,
внука Олегава, –

4 нелепо же нам было, друзья,
начать старыми словами
героических сказаний.

5 О походе Игоревом,
Игоря Святославича,
начаться же этой песне
по подлинным событиям
настоящего времени,

а не по плану Боянову,

6 ибо Боян мудрый, если кому
хотел песнь создать,

7 то растекался замыслом по
дереву,

серым волком по земле,
сизым орлом под облаками,

8 так как хранил в памяти свару
ранней поры междоусобицы.

9 Тогда пускал десять соколов
на стаю лебедей –
распри и достигал.

Слово о полку Игоревъ М

Игоря сына Святъславля
внука Ольгова
не лѣпо ли ны бяшетъ братіе
начати старыми словесы

+ трудныѣ повѣстіи. М

О полку Игоревъ М

Игоря Святъславлича П

начати же ся тъи пѣсни П

по былинамъ
сего времени

а не по замышленію Бояню

Боянъ бо вѣщїи аще кому

хотяше пѣснѣ творити

то растекашеться мыслію по

дереву

сѣрымъ волкомъ по земли М

шизымъ орломъ подъ облакы

+ помняшеть бо рѣчь М

первыхъ временъ усобицѣ. М

Тогда пушашеть ѿ соколовъ П,М

на стадо лебедей Щ

+ которы и дотечаше.

<p>Так в прошлом хвалу пел он старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарезал Редедю перед полками косоожскими, 10 Красивому Роману Святославичу.</p>	<p>Та преди <u>пѣсь</u> пояше П старому Ярославу храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю М предъ <u>полкы</u> Косоожьскими Красному Романови Святѣславличу.</p>
<p>11 Боян же, друзья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, а свои искусные пальцы на живые струны возлагал – они же сами князьям славу рокотали.</p> <p>Начнем же, друзья, сказание это</p>	<p>Боянъ же братіе не <u>ѣ соколовъ</u> М на стадо <u>лебедеи</u> пуцаше Щ нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше они же сами <u>князе</u>^м славу М рокотаху.</p> <p>Почнемъ же братіе повѣсть сію</p>
<p>12 от прежнего Владимира до нынешнего Игоря, 13 который заострил замысел непреклонностью своею и отточил своего сердца мужеством.</p> <p>Набравшись ратного духа, 14 направил свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую, 15 и тогда Игорь глянул на светлое солнце и увидел: от него мраком все свои войска скрыты. И сказал Игорь дружине своей:</p>	<p>отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря иже истягну умъ крѣпостію своею + и поостри сердца своего мужествомъ.</p> <p>Наполнився ратного духа наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Рускую тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи</p>
<p>16 "Соратники и дружина! 17 Да лучше бы быть посеченным, чем плененным быть. А сядем, соратники,</p>	<p>Братіе и дружино. Луце жъ бы потяту быти неже полонену быти. А всядемъ братіе</p>

- на своих быстрых коней
да посмотрим синий Дон!"
- 18 Запала князю
дум-желаний страсть,
ему знамение заслонив.
- 19 "Так как изведать Дону
Великого хочу, – заявил. –
Копье сломить
вдали поля половецкого
с вами, русские, хочу!
Голову свою сложить,
или испить шлемом
из Дона!"
- 20 О Боян, соловей старого
времени.
Вот бы ты такие походы
по-соловьиному воспел.
- 21 Скача, соловей, по поведанному
дереву,
летая мыслью под облаками,
свивая славы вокруг
этого времени.
- 22 Блуждая в тропе Троканей
через поля на горы
- 23 петъ следовало песнь Игорю,
того Олега внуку:
- 24 "Не буря соколов занесла –
через поля широкие
воронье стаями
несется к Дону Великому".
- 25 Уже ли запеть, прославляя,
следовало, мудрый Боян:
"Богатырей внук!
- 26 Кони ржут за Сулою –
звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новгороде –
стоят дружины в Путивле".
- на свои бързый комони
да позримъ синего Дону.
- + Спала князю
+ Умъ похотии жалость
ему знаменіе заступи.
- Искусити Дону Великаго
хощу бо рече.
Копіе приломити
конецъ поля Половецкого
съ вами Русици хощу.
Главу свою приложити
а любо испити шеломомъ П
Дону.
- О Бояне соловію старого
времени.
А бы ты сіа полкы
ущекоталъ.
- Скача славію по мыслену
древу
летая умомъ подъ облакы
свивая славы оба полы
сего времени.
- Рища въ тропу Троканю
чресъ поля на горы
пѣти было пѣсь Игореве П
того Ольга внуку.
- Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая М
галицы стады
бѣжать къ Дону Великому. Щ
Чи ли въспѣти
было вѣщеи Бояне
Велесовъ внуче.
- Комони ржуть за Сулою М
звенить слава въ Киевѣ.
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ
стоять стязи въ Путивлѣ.

II

1 **Поход Игоря**
Встреча братьев у Оскола
6 мая 1185 г. и вторжение
в степь половецкую. Ночная гроза

2 Игорь ждет любимого брата
Всеволода.

3 И сказал ему неистовый тур
Всеволод:
"Один брат, один свет
светлый –
ты, Игорь!"

Оба мы – Святославичи!

4 Седлай, брат, своих быстрых
коней,
но мои и собранные,
оседланные у Курска, –
во главе!

А мои и куряне,
опытные ополченцы,

5 под трубами рождены,
под шлемами вынянчены,
с конца копья вскормлены,
дороги им известны,
овраги им знакомы,
луки у них натянуты,
колчаны открыты, сабли
наострены,
сами скачут, как серые
волки,

в Степи, ища себе чести,
а князю славы!"

Тогда вступил Игорь-князь
в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

6 Солнце ему тьмою путь
преграждало;
ночь, стеная ему грозою,
птиц пробудила свист.

7 Зверей до сотни согнал див –
сзывает с верху столба.

Игорь ждетъ мила брата
Всеволода.

И рече ему буи туръ П,Щ
Всеволодъ
Одинъ братъ оди" свѣтъ
свѣтлыи
ты Игорю.

Оба есѣв Святславличя.

Сѣдлаи брате свои бързыи
комони
а мои ти готови
осѣдлани у Курьска
напереди.

А мои ти Куряни
свѣдоми къмети

подъ трубами повити
подъ шеломы възлѣлѣяни Щ
конецъ копя въскрѣмлени
пути имъ вѣдоми М
яругы имъ знаеми Щ
луци у нихъ напряжени Щ
тули отворени сабли
изострени

сами скачють акы сѣрыи
вѣлци М
въ полѣ ищучи себѣ чти М
а князю славѣ.

Тогда вступи Игорь князь
въ златъ стремя
и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь Щ
заступаше
нощъ стонущи ему грозою П,Щ
птичь убуди свистѣ.

+ Звѣри нѣ въ ста зби дивъ П
кличеть врѣху древа.

Велит покорность проявить
войску чужому,
Волге и Поморью,
и Посулюю, и Сурожи,
8 и Корсуню, и тебе,
Тмутороканский
деревянный идол.

9 А половцы непроторенными
дорогами
побежали к Дону Великому.
Кричат телеги в полночь:
"Сообщи, лебеди распуганы!
Игорь к Дону рать ведет,
уже ведь беды ему готовит!
Птиц точно так волки
в грозу взъерошивают
по оврагам.

Орлы клетотом на кости
зверей зовут.
Лисицы лают на красные
щиты".

10 О, Русская рать!
Ты уже за грядой холмов.

Рассвет в чужой степи
10 мая 1185 г.

11 Долго ночь темнела.
Заря-свет пропала.
Туман поля покрыл.
Щелканье соловьиное уснуло.
Гомон воронье разбудил:
русские,
огромные поля
красными щитами
перегородили,
ища себе чести,
а князю славы.

Велить послушати
земли незнаемѣ
Влѣзѣ и Поморію
и Посулюю и Сурожу
и Корсуню и тебѣ
Тьмутороканьскыи
блѣвань.

А Половци неготовами
дорогами
побѣгоша къ Дону Великому.
Крычатъ телѣгы полунощи
Рци лебеди роспущени.
Игорь къ Дону вои ведетъ
Уже бо бѣды его пасеть. М
+ Птиць подобію волци П
грозу въсрожать
по яругамъ. П,Щ

Орли клетомъ на кости
звѣри зовуть.
Лисици брешут на чрленья
щиты.

О Руская земле.
Уже за шеломянемъ еси. П

Долго ночь мръкнетъ
+ Заря свѣтъ зашла
мьгла поля покрыла.
Щекотъ славіи успе.
+ Говор галичь убуди
русичи
великая поля
чрълеными щиты
прегородиша
ищучи себѣ чти
а князю славы.

*Пятница, 10 мая 1185 г.
Набег на половецкое кочевье*

<p>12 Спозаранку в пятницу
смяли языческие полки
половецкие.</p>	<p>С'заранія въ <u>пяткѣ</u>
потопташа поганія полкы
Половецкыя.</p>	Щ
<p>13 И, рассыпавшись стрелами
по степи,
умыкнули прекрасных
девушек половецких,
а с ними золото,
и шелковые ткани, и дорогую
парчу.   Покрывалами
и накидками,
и кафтанами на меху
начали настил мостить
по болотам и грязным
местам –   и всякими узорчатыми
тканями половецкими.
Красный стяг,
белая хоругвь,
красный бунчук,
серебряное копье
храброму Святославичу.</p>	<p>и <u> рассуша</u>^с стрѣлами
по полю
помчаша красныя
дѣвки Половецкыя
а с нима злато
и паволокы и драгыя
оксамиты.   Орѣтмами
и япончицами
и кожухы
начаша мосты мостити
по болотомъ и грязивымъ
мѣстомъ   и всякими
узорочьи Половецкыми.
Чрълень стягъ
бѣла хорюговъ
чръвлена чолка
сребрено стружіе
храброму Святъславличю.</p>	М

*Тревожная ночь в степи
с 10 на 11 мая 1185 г.*

<p>14 Дремлет в степи
Олегов храбрый род.
Далеко залетел...
Не был же на поругание рожден
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе,
черный ворон языческий –
половчанин.</p>	<p>Дремлетъ в полѣ
Олгово хороброе гнѣздо.
далече залѣтѣло.
+ Не было нъ обидѣ порождено
ни соколу
ни кречету
ни тебѣ
черныи воронъ поганьи
половчине.</p>	
<p>15 Гзак мчится серым
волком,   Кончак ему путь указывает
к Дону Великому.</p>	<p>Гзакъ бѣжитъ сѣрым
волкомъ   Кончакъ ему слѣдъ править
къ Дону Великому.</p>	

Встреча
с половецкими полчищами.
Суббота, 11 мая 1185 г.

На другой день очень рано
кровавые зори рассвет
возвещают.	Другаго дни велми рано
Кровавыя зори свѣтъ
повѣдаюť.
Черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них
трепещут синие молнии!
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами
с Дону Великого!
Тогда копьям изломаться,
тогда саблям притупиться
о шлемы половецкие
на реке, на Каяле,
у Дона Великого.	Черныя туча съ моря идутъ
хотять прикрыти ѿ солнца
а в нихъ
трепещуť синія молніи.
Быти грому великому.
Игти дождю стрѣлами
съ Дону Великого.
Ту ся копіемъ приламати
ту ся саблямъ потручати
о шеломы Половецкыя
на рѣць на Каялѣ
у Дону Великого.
16 О русская рать,
ты уже за грядою холмов!	О Руская земле
Уже <u>за</u> шеломянемъ еси. Щ
17 Вот ветры,
Стрибога внуки,
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.	Се вѣтри
Стрибожи внуци
вѣютъ съ моря стрелами
на храбрыя полки Игоревы.
18 Земля гудит,
реки мутно текут –
по Роси поля скрывают
войска.	Земля тутнетъ
рѣкы мутно текуть
по Роси поля прикрываютъ
стязи.
Переговариваются половцы –
идут от Дона,
и от моря,
и со всех земель!	Глаголють половци
идуть отъ Дона
и отъ моря
и отъ всѣхъ странъ.
19 Русские полки отступили.
Дети бесовы кликом
поля перегородили,
а храбрые русские
перегородили красными
щитами.	+ Рускыя полки <u>отступиша</u> . П,Щ
Дѣти бѣсови кликомъ
поля прегородиша
а храбрии Русици
преградиша чръвлеными
щиты.

Всеволод в бою

Яростный тур Всеволод!
20 Стоишь в обороне,
осыпаешь воинов стрелами
гремишь о шлемы мечами
боевыми.
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым мечом
посвечивая,
там лежат
языческие головы половецкие.

21 Пощеплены саблями
закаленными
шлемы аварские
от тебя,
яростный тур Всеволод!

22 Проклинай раны, дорогие друзья,
забыл почести и богатство,

23 и города Чернигова
отеческий золотой престол,
и своей любимой жены,

24 прекрасной Глебовны,
привычки и нрав.

Воспоминания о первых усобицах

25 Были побоища Трокани.
Минуло время жизни Ярослава –
были походы Олеговы,

26 Олега Святославича.
Тот ведь Олег
мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.

27 Вступает в золотое стремя,
в городе Тмуторокане
тоже звон услышав давний,
великий Ярослав.

28 Сын Всеволодов –

Владимир
каждое утро

Яръ туре Всеволоде.
Стоиши на борони
прыщещи на вои стрелами
гремлещи о шеломи мечи
харалужными.

Камо туръ поскачаше
своим златымъ шелома^m
посвѣчивая
тамо лежать
поганья головы Половецкыя.

Поскепаны саблями
калеными
шеломы Оварскыя
отъ тебе
яръ туре Всеволоде.

+ Кая раны дорога братие
забывъ чти и живота
и града Чернигова

отня злата стола
и своя милыя хоти
красныя Глѣбовны
свычая и обычая.

+ Были съчи Трокани. К

Минула лѣта Ярославля
были полци Олговы
Олга Святъславлича.

Тои бо Олегъ
мечемъ крамолу коваше
и стрелы по земли сѣяше.

Ступаетъ въ златъ стремя
въ градѣ Тмутороканѣ
тоже звон слыша давныи

+ великыи Ярославь.

+ Сынъ Всеволожъ

а Владиміръ
по вся утра

скобы ворот закладывал
в Чернигове.

29 Бориса же Вячеславича
похвальба на смерть привела
и на Канины зеленое
покрывало уложила.

Из-за вражды Олеговой
храброго и молодого князя

30 с такой же "Каялы"
Святополк взял – по завету
отца своего –
между венгерскими иноходцами
к святой Софии к Киеву.

31 Тогда –
при Олеге –
горемыка и рождался,
и вырастал для междуособиц,
и погибал.
Достаток Дажьбожьего
потомка –

в княжьих крамолах.
Время жизни людей сократилось.
Тогда по Русской земле
редко пахари покрикивали,
но часто вороны каркали,
трупы себе деля,
а воронье
свою речь говорило:
хотят полететь на кормежку.
То было в те битвы
и в те войны,
а такой битвы –
не слыхано!

32 *Сражение 12 мая 1185 г.,
воскресенье*

С рассвета до вечера,
с вечера до рассвета
летят стрелы каленые,

уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславича
слава на судъ приведе
и на Канину зелену
паполому постла.

За обиду Олгову
храбра и млада князя
съ тоя же Каялы

+ Святополкъ повелѣя
отца своего –
между угорьскими иноходцы
ко святыи Софии къ Киеву.

Тогда
при Олзѣ
Гореславлич и сѣяшется
и растяшеть усобицам М
и погыбашеть. П
жизнь Дажь-Божа внука М

въ княжи^x крамолах.
Вѣци челоувѣко^m скратишась.
Тогда по Руской земли
рѣтко ратаевѣ кикахуть
нѣ часто врани граяхуть
трупя себѣ дѣляче
а галици
свою рѣчь говоряхуть
хотять полѣтѣти на уедіе.
То было въ ты рати
и въ ты полкы
а сицеи рати
не слышано.

Съ заранія до вечера
съ вечера до свѣта
летят стрелы каленя

гремят сабли о шлемы,
трещат копы боевые.
В поле чужом,
среди земли Половецкой,
черная земля
под копытами костьми
была засеяна,
а кровью полита,
тоскою взошли они
по Русской земле.

grimлють сабли о шеломы
трещать копіа харалужныя.
Въ полѣ незнаемѣ
среди земли Половецкыи
черна земля
подъ копыты костьми
была посѣяна
а кровію польяна
тугою взыдоша
по Руской земли.

***Последняя битва,
поражение русских 13 мая 1185 г.***

33 Что мне шумит,
что мне звенит
нынче?
Рано, перед зарей,
Игорь полки возвращает,
ибо жаль ему
любимого брата Всеволода.

34 Бились день,
бились другой –
третьего дня к полудню
пали стяги Игоревы.
Тут братья разлучились
на берегу быстрой Каялы,
тут кровавого вина не хватило,
тут пир окончили.
Храбрые русские сватов
напоили,
А сами полегли за землю
Русскую.

Что ми шумить
что ми звенить
давеча.
Рано предъ зорями
Игорь полкы заворачаетъ
жаль бо ему
мила брата Всеволода.
Бишася день
бишася другии
третьяго дни къ полуднію
падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста
на брезѣ быстрой Каялы
ту кроваваго вина не доста
ту пиръ докончаша.
Храбріи Русичи сваты
попоиша
а сами полегоша за землю
Рускую.

III

**1 *Последствия неудачного
похода: печаль Русской земли
и торжество половецкое***

2 Никнет трава от жалости,
а дерево с тоской к земле
приклонилось,

Ничить трава жалощами
а древо с тугою къ земли
преклонилось

- потому что уже, друзья,
невеселое время настало,
уже Степи военную силу
уберегла. уже бо братіе
невеселая година вѣстала
уже Пустыни силу
прикрыла.
- 3 Поднялась обида-вражда
в воинстве Дажьбожьего
потомка: внука
"Вторгся повторно ++Вступить двою М
на землю Троканю!" на землю Троканю.
Всплескала лебедиными Вѣсплескала лебедиными
крыльями крылы
на синем море у Дона, + на синемъ морѣ у Дону
торжествуя: плещучи
- 4 "Пробудила добычливые
времена усобица князей
для язычников!" + на поганья.
Убуди жирня времена
усобица княземъ
- 5 "Сгинь! –
сказал ведь брат брату. –
Вот это –
мое!
А то –
мое же!" + Погыбе
рекоста бо братъ брату.
Се
мое.
А то
мое же.
И начали князя про малое: И начаша князи про малое
"Это великое!" – говорить, Се великое молвити
а сами на себя крамолу ковать, а сами на себя крамолу ковати
а язычники со всех сторон а поганіи съ всѣхъ странъ
приходят с войнами приходяду съ побѣдами
на землю Русскую. на землю Рускую.
О, далеко забрался сокол, О далече заиде соколъ
птиц отгоняя к морю. птиц бѣя къ морю.
- 6 А Игорева храброго войска
не воскресить –
о нем возгласил обряд
поминальный
и скорбь устремилась
на Русскую землю.
Муку людям размыкивая,
в страстном порыве
жены русские заплакали,
причитая: аркучи
"Уже нам своих милых мужей Уже на^м свои^х милы^х ладь М

ни в мыслях представить,
 ни думой вообразить,
 ни глазами увидеть,
 7 а золотом и серебром
 совсем не побренчать".
 И застонал же, друзья,
 Киев от горя,
 а Чернигов от несчастий.
 Тоска разлилась по Русской
 земле,
 печаль обильная текла среди
 земли Русской.

8 А князья сами на себя
 крамолу ковали,
 а язычники сами победно
 налетали на Русскую землю.
 Брали дань
 по беличьей шкуре со двора
 те и ведь два храбрых
 Святославича:
 Игорь и Всеволод!
 Уже недоверие пробудил,
 которое ранее-то усыпил,
 отец их.
 Святослав Грозный
 Великий Киевский –
 военной мощью
 устрашил:
 своими сильными полками
 и боевыми мечами
 напал на землю Половецкую,
 притоптал холмы и овраги,
 возмутил реки и озера,
 9 иссушил потоки и болота,
 а язычника –
 Кобяка из Лукоморья –
 от железных, огромных
 полков Половецких,
 словно вихрь, вырвал,
 и пал Кобяк!
 В городе Киеве,
 в гриднице Святослава,

ни мыслию смыслити
 ни думою сдумати
 ни очима сьглядати П
 а злата и сребра
 ни мало того потрепати.
 А въстона бо братіє
 Кієвъ тугою
 а Черниговъ напастыми.
 Тоска разліяся по Руской
 земли
 печаль жирна тече средѣ П
 земли Рускыи.

А князи сами на себе
 крамолу коваху
 а поганіи сами побѣдами
 нарищуще на Рускую землю.
 Емляху дань
 по бѣлѣ отъ двора
 ті и бо два храбрая
 Святѣславличя
 Игорь и Всеволодѣ.
 + Уже лжу убуду
 которую то бяше успиль
 отецъ ихъ.
 Святѣславъ грозный П
 Великыи Кієвскыи
 + грозою бяшетъ
 притрепеталъ П
 своими сильными полкы
 и харалужными мечи
 наступи на землю Половецкую
 притопта хлѣми и яругы
 в'змути рѣкы и озеры
 иссуши потоки и болота
 а поганого
 Кобяка изъ Луку моря
 отъ желѣзны^х великыхъ
 полковъ Половецкыхъ
 яко вихрь выторже
 и падеся Кобякъ.
 Въ градѣ Кієвѣ
 въ гридницѣ Святѣславли

тогда немцы и венецианцы,
тогда греки и моравы
поют славу Святославу –
10 проклинают князя Игоря,
который утопил благополучие.

11 В глубинах Каялы,
реки Половецкой,
русского золота понасыпали,
тогда Игорь-князь пересел
из седла золотого
да в седло кочевника!

12 Омрачились ведь городов
стрельницы крепостные,
и веселье поникло.

13 А Святослав смутный сон
увидел в Киеве на горах

14 в эту ночь.
«С вечера
покрыл я голову, – сказал, –
черным траурным покрывалом.
На кровати сосновой

15 дали пить нечистое вино,
с желчью смешанное.

16 Сыпали мне пустыми колчанами
языческих иноверцев
крупный жемчуг на грудь

17 и развлекают меня:
"Уже грамоты на досках
не князя".

18 В моем тереме
златоверхом
в эту ночь с вечера бес спеленал,
вороны прокаркали:
"Плен из-за хана ведь
с прошлого года!"

Предстала чащоба леса Кия –
погребальные сани влек осел

ту Нѣмци и Венедици
ту Греци и Морава
поють славу Святѣславлю –
кають князя Игоря
иже погрузи жирѣ.
Во днѣ Каялы
рѣкы Половецкыя
рускаго злата насыпаша
ту Игорь князь высѣде
изъ сѣдла злата
а въ сѣдло кощѣево.

Уныша бо градомъ
забрали
а веселіе пониче.

А Святѣславъ мутенъ сонъ
виде в Кіевѣ на горахъ
си ночь.

Съ вечера
+ одѣвахъ темя рече
черною паполомою.

На кровати тисовѣ
чрѣпахуть ми синее вино
с трудо^м смѣшено.

Сыпахуть ми тѣщими тулы
поганыхъ тлѣковинѣ
великыи женьчугъ на лоно
И нѣгують мя.

Уже дѣскы
+ безъ кнѣса.

В моемъ теремѣ
златовръсемъ
++в сю ночь съ вечера бос уви
врани възгряху.

++У пленъ с кана
+ бо лони.

+ Беша дебрь Кия
+ сани нес ошля

П

к синему морю».	к синему морю.	
И сказали бояре князю:	И ркоша бояре князю	
"Уже, князь,	Уже княже	
тоска умом овладела:	туга умь полонила	
эти ведь два сокола слетели	се бо два сокола слетѣста	
с отеческого престола золотого,	съ отня стола злата	
стремясь добыть город	поискати града	
Тмуторокань	Тмутороканя	
или же напиться шлемом	а любо испити шеломомь	
из Дона.	Дону.	
Уже соколам крылья	Уже соколома крилца	
подсекли	припѣшали	
язычников саблями,	поганыхъ саблями	
а самих опутали	а <u>самаю</u> опуташа	П,Щ
в пути железные.	въ путины желѣзны.	
Темно ведь было в третий день:	+ Темно бо бѣ въ <u>т</u> день	П,Щ
19 два солнца померкли,	два солнца померкоста	
оба багряных столпа	оба багряная стлѣпа	
погасли,	погасоста	
и с ними молодые месяцы –	и съ <u>нима</u> молодая мѣсяца	Щ
Олег и Святослав –	+ { Олегъ и Святѣславъ тмою ся поволокоста на рѣцѣ на Каялѣ. Тьма свѣтъ покрыла по Руской земли. Прострашася половци	
тьмою заволоклись		
на реке, на Каяле.		
20 Тьма свет покрыла		
по Руской земле.		
Устремились половцы,		
словно гепарды:	аки пард	
уже родовое гнездо в море	+ уже гнѣздо и в морѣ	
потопило сотни	погрузи ста	
и великую гордость	и великое буиство	
даровало враждебным племенам.	подасть хинови.	
Уже опустился позор на славу,	Уже снесеса хула на хвалу	
уже ударило насилие по свободе,	уже тресну нужда на волю	
21 уже набросился Див на войско –	уже врѣжеса дивъ на землю	
это бог тот, с шеста.	+ се бог отъ с кыя.	
22 Прекрасные девы запели	Красныя дѣвы въспѣша	
на берегу синего моря,	на брезѣ синему морю	
23 звоня русским золотом,	звоня рускымъ златомъ	

воспевают время черное,
лелеют мечь Шаруканову,
а мы уже – дружина –
лишены веселья".

Тогда великий Святослав

неожиданно

24 вымолвил золотое слово,
со слезами смешанное,
и произнес:

«О мои "племянники",
Игорь и Всеволод!

25 Преждевременно начали

Половецкую землю мечами
терзать,

а себе славу искать.

Но бесчестно одолели,
бесчестно же

кровь языческую пролили.

26 Ваши храбрые сердца,
в жестоком бою

выкованные

и в ярости битв закаленные,
это ведь сотворили

моей серебряной седине!

27 И уже не вижу власти

сильного и богатого,

и много войск брата моего

Ярослава

с черниговскими вельможами,

с богатырями,

и с татранами, и с шельбирами,

и с Топчаками, и с ревугами,

и с ольберами.

28 Эти ведь

без щитов, с засапожными

ножами

криком полки побеждают,
трезвоня о прадедовой славе.

Но сказали двое:

поють время бусово
лелѣють мечь Шаруканю
а мы уже дружина
жадни веселіа.

Тогда великые Святъславъ

изрони злато слово
слезами смѣшано
и рече

О моя сыновча
Игорю и Всеволоде.

Рано еста начала

Половецкую землю мечи
цвѣлити

а себе славы искати.

Нъ нечестно одолѣсте
нечестно бо

кровь поганую прольясте.

Ваю храбрая сердца

+ въ жестоцѣмъ харалузѣ

скована

а въ буести закалена
се ли створисте

моеи сребренеи сѣдинѣ.

А уже не вижду власти

сильнаго и богатаго

+ и много вои брата моего

Ярослава

съ Черниговскими былями

с Могуты

и съ Татраны и съ Шелѣбиры

и съ Топчаки и съ Ревугы

и съ Олбѣры.

Тѣи бо

бесъ щитовъ с засапожники

кликомъ полкы побѣждаютъ
звонячи въ прадедную славу.

Нъ рекосте

"Покажем себя храбрыми сами
первую славу себе

присвоим,

а последующую
сами разделим!"

29 А разве чудо, соратники,
старому помолодеть,
если и сокол в линьке,
бывает, высоко птиц

отгоняет –

не дает гнезда своего в

обиду.

30 Но вот несчастье –
княжье мне не пособничество.
В ничто годы обратились!

31 Вот в Римове кричат
под саблями половецкими,
а Владимир изранен –
печаль и тоска
сыну Глебову».

IV

1 Слово Автора к русским князьям

*Обращение к Всеволоду Юрьевичу,
князю Владимиро-
Суздальской земли*

2 Великий князь Всеволод!
Не в мыслях – тебе
прилететь издалека
отеческий золотой престол
постеречь!

3 Ты же можешь Волгу
веслами разбрызгать,
а Дон шлемами вычерпать.

4 Если бы ты был,
то была бы невольница по
монете,
а кочевник – по резаной монете.

Мужаймъся сами
преднюю славу сами

похытимъ

а заднюю
ся сами подѣлимъ.

А чи диво ся братіе
стару помолодити
коли соколъ въ мытѣхъ
бываетъ высоко птицъ

възбиваетъ

не дасть гнѣзда своего въ

обиду.

Нъ се зло
княже ми непособие.
Наниче ся години обратиша.

Се у Ри^м кричатъ
подъ саблями половецкими
а Володиміръ подъ ранами
туга и тоска
сыну Глѣбову.

Великыи княже Всеволоде.
Не мыслию ти
прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти.

Ты бо можеши Волгу
веслы роскропити
а Донъ шелома выльяти.

Аже бо ты былъ
то была бы чага по ногатѣ
а кощеи по резанѣ.

5 Ты можешь по берегу
живой шугой –
лодками – стрелять
с удалыми сынами Глебовыми.

**Обращение к Рюрику и Давиду,
сыновьям**

Ростислава Мстиславича

6 Ты, неистовый Рюрик!
И Давид!
7 Не к вам двоим, золоченым
шлемам,
по побоищу добрели,
не вас двоих
храбрые бойцы ревом
призывают,
словно туры, раненные
саблями, закаленными
в поле чужом!
Вступите, повелители,
в золотые стремяна
за бесчестье этого времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
неистового Святославича!

**Обращение
к Ярославу Владимировичу,
князю Галичской земли**

8 Галичский Грешник,
Ярослав!
Высоко сидишь на
своем златокованом
престоле.
9 Укрепил горы Венгерские,
своими железными полками
преградив королю путь.
Перекрыл к Дунаю проход,
меча тяжести сквозь
облака.
Распри улаживая,

Ты бо можеш по суху
живыми шереши
ширы стреляти
удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буи Рюриче.
И Давыде.

+ Не ваю ли злачениі Щ
шеломы
по крови плаваша
не ваю ли
храбрая дружина рыкають
аки туры ранены
саблями калеными
на полѣ незнаемѣ.
Вступита гѣна
въ злата стремянь
за обиду сего времени
за землю Рускую
за раны Игоревы
буего Святѣславича.

Галичкы Осмомысле
Ярославе.
Высоко сѣдиши на
своемъ златокованнемъ
столѣ.

Подперѣ горы Угорскыи
своими желѣзными полки
заступивъ королеви путь.
Затвори кѣ Дунаю ворота К
меча бремены чрезъ К,Щ
облаки.

Суды рядя

**Обращение
к Игорю Святославичу.
Упоминание о подвиге
Ольговичей – Олега
и Владимира Святославичей**

14 Но уже, князь Игорьь,
померк солнца свет,
а древо не добром

листву уронило:

15 по Роси и по Суле
города захватили,
а Игорева храброго войска
не воскресить!

Дон-то, князь, окликает
и призывает князей к битве!
Ольговичи – храбрые князья –
поспешили на бой.

**Обращение к сыновьям
Мстислава Изяславича
и Ярослава Луцкого – потомкам
Мстислава Великого**

16 Ингвар и Всеволод
и все три Мстиславича,
не захудалого рода
пламенные ангелы!

Не военными жребиями
себе уделы захватили.
Где ваши золотые шлемы?
И метательные копья польские?
И щиты?

17 Загородите Степи путь
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
неистового Святославича,
ибо уже Сула не течет
серебряными струями
к городу Переяславлю.

Нъ уже княже Игорю
утръпѣ солнцю свѣтъ
а древо не бологомъ

листвіе срони

по Роси и по Сули П,Щ
гради подѣлиша
а Игорева храбраго полку
не кресити.

Донъ ти княже кличетъ
и зоветъ князи на побѣду.
Олговичи храбрыи князи
доспѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ
и вси три Мстиславличи
не худа гнѣзда
шестокрильци.

Не побѣдными жребіи
собѣ власти расхытите.
Кое ваши златыи шеломы.
И сулицы ляцкыи. И щиты.

Загородите Полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Рускую
за раны Игоревы
бугега Святъславлича,
уже бо Сула не течеть
сребренными струями
къ граду Переяславлю.

1 **Осуждение усобиц**2 *Рассказ о событиях 1181 г.
Гибель Изяслава*3 И Двина болотом течет
тем, угрожающим

полочанам.

Под криками язычников

один только Изяслав,

сын Васильков,

позвонил своими острыми

мечами

о шлемы литовские –

пробил славу предку

своему Всеславу,

а сам –

под красными щитами

на кровавой траве.

4 Побита литовскими

мечами

из-за пыла юного застава, +

а она то и сказала:

5 "Дружину твою, князь,

птиц крыльями ты приодел,

а звери кровь полизали.

Не было здесь брата Брючслова,

ни другого –

Всеволода.

6 Один же изронил

жемчужную душу

из храброго тела

через золотое ожерелье!"

Скорбны возгласы.

Сникло веселье.

Трубы трубят городненские:

7 «Ярослав и все потомки

Всеславовы!

8 Уже опустил тот стяги свои,

вонзил тот мечи поврежденные,

ибо уже примчались

из-за дедовой "славы",

И Двина болотомъ течеть
онымъ грознымъ

Полочаномъ

под кликомъ поганыхъ

единъ же Изяславъ

сынъ Васильковъ

позвони своими острыми

мечи

о шеломы Литовскыя

притрепа славу дѣду

своему Всеславу

а самъ

подъ чрълеными щиты

на кровавъ травѣ.

++ Притрепанъ литовскыми

мечи

ис хоти юна кров

+ а ть и рекъ.

Дружину твою княже

+ птицъ крилы приодѣ

а звери кровь полизаша.

Не бы^с ту брата Брючаслова

Ни другаго

Всеволода.

Единъ же изрони

жемчужну душу

изъ храбра тѣла

чрезъ злато ожереліе.

Уныли голоси.

Пониче веселіе.

Трубы трубятъ Городенъскіи.

Ярославе и вси внуце

Всеславли.

+ Уже понизи ть стязи свои

+ вонзи ть свои мечи вережени

уже бо вы скочисте

изъ дѣднеи славъ

ибо вы своими крамолами
начали приводить язычников
на землю Русскую.

На достояние Всеславо
9 с раздором ведь явилось насилие
от земли Половецкой
на седьмом тысячелетии!»

*Рассказ о крамольнике Всеславе,
деде Изяслава*

11 На Трокань метнул Всеслав
жребий
из-за двух сыновей, ему милых.
Он хитростями подкрепился
военным отрядом,
и устремился к городу Киеву,
и коснулся копьем
золотого престола киевского.

12 Скакнул от них хищным
зверем
в полночь из Белгорода.

13 Объявился с иным.
Три лишь урвал удачи
от трех разбойных набегов:
отворил ворота Новгорода,
разбил славу Ярославу,

14 скакнул волком до Немиги
с Дудоток.

На Немиге снопы стелют из
голов –
молотят цепями боевыми,
на току жизнь кладут –
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
не к добру были засеяны –
засеяны костями русских
сынов.

вы бо своими крамолами
начасте наводите поганья
на землю Рускую.

На жизнь Всеславо
которое бо бѣше насилие
отъ земли Половецкыи
на седмомъ вѣцѣ.

Трокани врѣже Всеславъ
жребіи
дѣвѣицю себѣ любу.
Тѣ клюками подпрѣ
ся о кони
и скочи кѣ граду Киеву
и дотчеса стружіемъ
злата стола Кіевскаго. П

Скочи отъ нихъ лютымъ П
зверемъ
въ полночи изъ Бѣлаграда.

Обѣсися с инемъ.
+ ꙗ лѣ утрѣже ваззни
с три кусы
отвори врата Нову-граду
разшибѣ славу Ярославу
скочи волкомъ до Немиги

съ Дудотокъ.
На Немизѣ снопы стелют
головами

молотятъ чепи харалужными
на тоцѣ животъ кладуть
вѣють душу оґ тѣла. М
Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхуть посѣяни
посѣяни костями Руски М
сыновъ.

- 15 Всеслав-князь подданных
князьям города определял,
а сам в ночь волком
судил,
мчался
из Киева.
- 16 Проскитался до петухов,
17 Тмуроканя великому
Хорсу
волком путь проложил.
- 18 Ему в Полоцке
позвонили заутреню рано
в Святой Софии колокола,
а он в Киеве звон услышал.
- 19 Если и мудрая душа в ином
теле,
но часто от страха
возмездия страдала,
тому мудрый Боян
и впервые припевку,
глубокомысленный, изрек:
"Даже хитрому,
даже ловкому,
даже птице ловкой
суда божия
не миновать!"
- 20 О, стонать Русской земле,
вспомнив предыдущее время.
"И первых князей того,
прежнего, Владимира
невозможно было удержать
у гор Киевских.
Этого же ныне
- 21 выступили дружины –
Рюриковы,
А другие – Давидовы –
но врозь,
так им хвостами бунчуков
помахивают копьа".
- Всеславъ князь людемъ
судяше
княземъ грады рядяше П,Щ
а самъ в ночь волкомъ
рыскаше
ись Кыева.
- Дорискаше до куръ
+ Тмуроканя Великому
Хръсови
волкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотъскѣ
позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы
а онъ въ Киевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа в друзѣ
тѣлѣ
нъ часто
бѣды страдаше
тому вѣщеи Боянъ
и первое припѣвку
смысленныи рече
Ни хытру
ни горазду
ни птицю горазду
суда Божіа
не минути.
О стонати Рускои земли
помянувше первую годину.
И первых князей того
старого Владиміра
нелзѣ бѣ пригвоздити
къ горамъ Кіевськымъ.
Сего бо нынѣ
сташа стязи
Рюриковы
А друзіи Давидови
нъ роз
+ ино ся имъ хоботы
пашутъ копіа.

Сквозь землю половецкую
ты колыхал на себе

Святославовы суда
до войска Кобякова.

Приколышь, повелитель,
моего супруга ко мне,
чтоб не слала к нему

слез
на море рано".

10 Ярославна рано плачет
в Путивле,
на стрельнице крепостной
причитая:

"Светлое и просветлое
солнце!

Всем тепло и благодатно.
К чему, повелитель,
простерло знойный свой луч
на мужа воинов?

11 В степи безводной
жаждой им луки стянуло,
печалью им колчаны
заткнуло..."»

Путь на родную землю

12 Вплеснуло море.
К северу идут смерчи
мглою,
Игорю-князю Бог путь
указывает

из земли половецкой
на землю Русскую,
к отеческому золотому престолу.
Погасли к вечеру зори...
Игорь спит,
Игорь бодрствует,
Игорь в мыслях поля меряет
от великого Дона
до Малого Донца.

13 Коня в полночь Овлур
свистнул за рекой.

Сквозь землю Половецкую
ты лелѣял еси на себѣ

Святослави носады
до полку Кобякова.

Възлелѣи господине
мою ладу къ мнѣ
а быхъ не слала къ нему

слезъ
на морѣ рано.

Ярославна рано плачетъ П,Щ
въ Путивлѣ
на забралѣ аркучи.

Свѣтлое и тресвѣтлое
слънцѣ.

Всем тепло и красно еси.
Чему гѣне
простре горячую свою лучю
на ладѣ вои.

Въ полѣ безводнѣ
жаждею имъ лучи съпряже
тугою имъ тули затче.

Прысну море.
Полунощи идутъ сморци
мглами
Игореви князю богъ путь
кажетъ

изъ земли Половецкой
на землю Рускую
къ отню злату столу.
Погасоша вечеру зари.
Игорь спить
Игорь бдить
Игорь мыслию поля мѣрить
отъ великаго Дону
до малого Донца.

Комонь въ полуночи Овлурѣ
свисну за рѣкою.

Велит князю уяснить:
князю Игорю – смерть.
Прокричал:
"Прогремело войско!
Прошумела трава!
Становище все половецкое
пришло в движение!"
А Игорь-князь помчался
горностаем к тростнику
и – белым гоголем – в воду,
14 бросился на быстрого коня
15 и соскочил с него босым,
волком и побежал
к лугу Донца,
и полетел соколом,
под туманами избивая
гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Если Игорь соколом полетел,
то Овлур волком побежал,
стряхивая собой студеную росу, –
загнали ведь своих быстрых
коней.
Донец сказал:
"Князь Игорь!
Много тебе почета,
а Кончаку неприязни,
а Русской земле веселья!"
Игорь сказал:
16 "О Донец!
Немало тебе почета,
колыхавшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми
туманами,
под сенью зеленого дерева

Велить князю разумѣти
+ князю Игорю небыть.
Кликну.
Стукну земля.
Въшумѣ трава.
+ Вежи вся Половецкіи
подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горностаемъ къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду
въвержеся на борзъ комонь
+ и скочи съ него босымъ П,Щ
волкомъ и потече
къ лугу Донца
и полетѣ соколомъ
подъ мглами избивая
гуси и лебеди
завтроку
и обѣду
и ужинѣ.
Коли Игорь соколом полетѣ
тогда Влуръ волкомъ потече
труся собою студеную росу
претръгоста бо своя борзая
комоня.
Донецъ рече.
Княже Игорю.
Не мало ти величія
а Кончаку нелюбія
а Руской земли веселія.
Игорь рече.
О Донче.
Не мало ти величія
лелѣявшу князя на волнахъ
стлавшу ему зелену траву
на свои^x сребренныхъ брезѣхъ
одѣвавшу его теплыми
мглами
подъ сѣнію зелену древу

21 "Если сокол к гнезду летит,
а мы с тобой соколенка опутаем
прекрасной девицей".
И сказал Гзак Кончаку:
"Если мы его опутаем
прекрасной девицей,
не наш будет соколенок,
не наша прекрасная девица,
и начнут нас с тобой птицы бить
в поле Половецком".

Аже соколъ къ гнѣзду летить
а въ соколица опутаевѣ
красною дѣвицею.
И рекъ Гзакъ къ Кончакови.
Аще его опутаевѣ
красною дѣвицею
ни нама будетъ сокольца
ни нама красны дѣвице
то почнутъ наю птицы бити
въ полѣ Половецкомъ.

VII

1 Князь Игорь и Русская земля

2 Автор приводит в назидание Игорю Святославичу слова из песни Бояна об Игоре Рюриковиче

3 Сказал Боян заключения
для Святославовой песни,
поэт, что старого
времени Ярославова:
"Олега коганя любимец!
Тяжко тебе –
голове без плеч".
4 "Беда тебе, телу,
без головы:
5 Русской земле без Игоря".

Игорь едет к Киеву

6 "Солнце сияет на небе.
Игорь-князь в Русской земле!" –
7 девушки поют на Дунае,
вьются голоса через море:
"К Киеву Игорь едет
по Боричеву
к Святой Богородице
Пирогощей!
8 Страны рады,
города веселы".

+ { Рекъ Боянъ иꙗходы
на Святъславля пѣс П
твор'ц, а стараго
времени Ярославля.
Ольговы коганя хоти.
Тяжко ти
голови кромѣ плечю.
Зло ти тѣлу
кромѣ головы
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесе.
Игорь князь въ Руской земли.
дѣвици поютъ на Дунаи
вьются голоси чресь море.
До Кіева Игорь ѣдетъ
по Боричеву
къ Святѣи Богородици
Пирогощей.
Страны ради
Гради весели.

*Монолог Игоря –
исповедь в церкви
Святой Богородицы Пирогощей*

Слава и аминь

10 Певали песнь о старых

князьях,

а в будущем о молодых петь:

"Слава Игорю Святославичу!

Неистовому туру Всеволоду!

Владимиру Игоревичу!

11 Невредимы князья,

и дружина сражается за

христиан

против языческих полков!"

Князьям – слава,

12 а дружине воистину!

13 1187 год

Пѣвше пѣснь старымъ

княземъ

а потомъ молодым пѣти.

Слава Игорю Святъславличю. Щ

Буи туру Всеволоду. Щ

Владимиру Игоревичю. Щ

Здрави князя

и дружина побарая за

христьяны

на поганья полки.

Княземъ слава

а дружинѣ аминь.

Комментарий

О прочтении древнего текста “Слова о полку Игореве”

Настоящий художник делает все сам за себя. Нам остается лишь попытаться понять действительность, изображенную писателем, и притом понять так, чтобы наше понимание приблизилось к мысли писателя.

А. Платонов

В 1800 г. вышло первое издание “Слова о полку Игореве”. Открытие “Слова” явилось чрезвычайным событием, возбуждившим интерес ученых, писателей и общественности к прошлому Русской земли. Литературный памятник Древней Руси обладал столь явным поэтическим достоинством, что даже неточный перевод и несовершенный комментарий к нему не могли помешать высокой оценке творения неизвестного Автора.

Раздавались, правда, и голоса “хулителей”. Читая “Слово” уже в переводе и пытаясь самостоятельно, без особых усилий перевести древний текст, “хулители” злобно отмечают все возникающие курьезы и несуразности.

Когда в 1839 г. в Киеве вышла “История древней русской словесности” М. Максимовича, О. Сенковский гневно обрушился на автора за то, что он включил в нее “Слово”. О. Сенковский полагал, что “Слово” – нечто несуразное, произведение, лишенное всякого смысла, написанное ужасным языком, вычурное и витиеватое, в духе Марлинского.

Ему вторит М.Н. Катков: «Пусть бы г. Максимович попробовал изложить содержание этого “Слова” и сделать из него выписки, тогда бы обнаружили все безобразия этого несчастного произведения!» [65: 37–72]*.

Чем меньше нелепостей оставалось в новых переводах, тем тише были голоса “хулителей”. Но были и “скептики”: «А не подделка ли “Слово”?» “Скептики”, как и “хулители”, добрую половину своих аргументов черпали из несуразностей переводов.

Затянувшаяся полемика со “скептиками” имела свои плюсы и минусы. Плюсы – это накопление фактов, подтверждающих подлинность “Слова”, нахождение параллелей в других памятниках древнерусской литературы, изучение языка “Слова”, прояснение фактов истории Киевской Руси. Минусы – канонизирование многих неверных прочтений. Защищая “Слово” в целом от “скептиков”, ученые вынуждены были защищать и частные неудачные прочтения и толкования. Неверные, подчас фантастические прочтения

* В квадратных скобках указаны номер источника в Библиографии и страницы.

обрастали доказательствами, изощренными, но не бесспорными. Традиция освятила и аргументацию, и сами прочтения.

Изучение “Слова о полку Игореве” (СПИ) сразу же было осложнено тем обстоятельством, что исследователи были лишены возможности обратиться непосредственно к рукописи (единственный экземпляр сгорел в московском пожаре 1812 г.), и объектом изучения стали копии – первопечатное издание, выпущенное в Москве в 1800 г.; архивный список, сделанный в 1795 г. для императрицы Екатерины II; отдельные выписки в бумагах А.Ф. Малиновского и выписки Н.М. Карамзина для “Истории государства Российского”.

Явный недостаток копий в том, что копиисты не стремились передать текст в графике оригинала, т.е. текст был транскрибирован. Тем самым утрачена возможность проверить правильность многих прочтений и, что особенно важно, правильность выведения из-под титла многих слов. Только случайно в Екатерининской копии осталось несколько случаев аббревиатуры. А есть основания утверждать, что при раскрытии аббревиатуры были допущены ошибки. Кроме того, сами копии имеют разночтения. Чаще всего эти разночтения в буквах, которые в ветшалых текстах при нечетком или беглом письме в полууставе XVI в. легко спутать. Но бесспорно установлено и то, что копиисты позволили себе в ряде случаев исправлять орфографию текста, приводя ее в соответствие с орфографией церковнославянской печати, что характерно было для издательской практики конца XVIII – начала XIX в., или пытались унифицировать написание некоторых слов, которые в древнем тексте, вероятно, имели в написании варианты.

Так как текст в рукописи (предположительно XVI в.) был дан при начертании слитно, то первым издателям пришлось быть пионерами и в разбивке текста “Слова” не только на слова, но и на синтаксические структуры. Первые переводы наглядно показывают, как многого не понимали первоначально в СПИ из-за ограниченных знаний истории русского языка и древней русской истории. Многое позднее было уточнено и в переводах, и в комментариях. *Но разбивка А.И. Мусина-Пушкина сохранилась в основе и по сей день. Сличение многочисленных переводов приводит к любопытному заключению: исследователи с большей решительностью исправляли древний текст, дошедший в копиях, чем разбивку на слова и синтаксические структуры Мусина-Пушкина и редакторов.*

Итак, Мусин-Пушкин первым робко стал “улучшать” текст “Слова”, упорядочивая орфографию и исправляя явные, по его мнению, ошибки.

Позднее стали активно исправлять не только ошибки (действительные и мнимые) переписчика XVI в., но и самого Мусина-Пушкина.

Затем решились на перестановку отдельных фраз. Например, текст, в первых копиях читаемый так: “Темно бо бѣ въ ҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца. Олегъ и Святѣславъ тѣмою ся поволокоста. На рѣце на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци акы пардуже гнѣздо, и въ морѣ погружиста, и великое буиство подастъ Хинови”, – ныне всеми исследователями преподносится читателю в таком виде: “Темно бо бѣ въ ҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца. Олегъ и Святѣславъ тѣмою ся поволокоста // и въ морѣ погружиста, и великое буиство подастъ Хинови. На рѣце на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци акы пардуже гнѣздо”. Основанием для

правки послужили неудачи переводчиков при дословном переводе и понятное нетерпение ученых, комментирующих текст.

Во второй половине XIX в. исследователи решились уже на перестановку целых фрагментов. Так, А.А. Потебня, утверждая, что текст во многих местах грамматически неупорядочен, предложил целый ряд перестановок слов и фраз, тем самым утверждая мысль, что иные возможности уточнения прочтений “темных мест” уже исчерпаны. А.А. Потебня считал, что “Слово” – совершеннейшее произведение, но известный нам текст – это черновая рукопись Автора с его пометками и заметками на полях, что “многое стоит не на своем месте”. Ученый взял на себя смелость “поставить все на свое место”, т.е. реконструировать памятник, внося в текст копий 722 (!) поправки [126: 2].

Д.И. Прозоровский, пытаясь упорядочить текст, фактически заново переписал все “Слово”. “Это прекрасное произведение, – утверждал Прозоровский, – в теперешнем его виде представляет какой-то странный сбор отрывков и бессмысленных выражений” [127: 3].

К концу XIX в. очень многие исследователи сохраняют веру в возможность прочтения древнего текста без радикальной правки. Особенно после того как в 1888 г. А.И. Соболевский выдвинул остроумную версию о якобы перепутанных листах рукописи. Версия показалась исследователям убедительной, и текст стали переставлять так, чтобы избежать смыслового разнобоя, возникающего при переводе. Ныне сторонники версии А.И. Соболевского настаивают на необходимости, по крайней мере, шести перестановок текста.

Противники подобных манипуляций с текстом, отстаивая свои позиции, не нашли лучшего аргумента, чем тезис о сознательном допущении алогичности структур самим Автором СПИ, т.е. что «композиционно “Слово” представляет собой мозаику». Кроме того, противники радикальной правки текста были непоследовательны и позволяли себе принять некоторые перестановки текста (например, перестановку фрагмента “Темно бо бѣ въ ҃҃ день...”)

Любопытным эпизодом в изучении “Слова” стала выдвинутая в 1975 г. О. Сулейменовым версия, что безнадежно испорченный текст СПИ содержал значительное количество слов и фраз чужой тюркской речи. Эти слова и фразы были непонятны переписчикам более позднего времени, и они окончательно погубили текст XII в. в попытке осмыслить непонятные слова. Следовательно, делает вывод О. Сулейменов, необходима радикальная правка, необходима реставрация текста [152]. Справедливости ради нужно сказать, что О. Сулейменов решительно поставил под сомнение не только возможность прочтения древнего текста без правки, но и разбивку А.И. Мусина-Пушкина.

Несомненно, что в “Слове о полку Игореве” имеют место и ошибки переписчиков, и незначительные искажения текста. Несомненно, что в отдельных случаях не избежать необходимости исправления текста, но при этом исправление текста должно иметь не только лингвистические и палеографические обоснования, но и должно дать смысл, согласованный со всем контекстом и соотносимый с историческими реалиями. Вот только несколько случаев, когда текст был исправлен с целью его “улучшения”, хотя он мог быть прочитан и без правки: “говоръ галичь убуди” исправлено на “говоръ галичь убудися”, “Рускыя плъкы отступиша” – на “Рускыя плъкы оступиша”, “рѣчь (речь) первыхъ (първыхъ) временъ усобицѣ” – на “рече първыхъ временъ усобицѣ”, “убуди жирня времена усобица” – на “упуди жирня време-

на усобица”, “Ярославль сынъ Всеволожь” – на “Ярославль сынъ Всеволодь”, “одѣвахъ темя” – на “одѣвахуть”.

Но во всех этих и аналогичных случаях текст мог быть прочитан без правки, он абсолютно исправен.

Провозглашенный же противниками правки лозунг: “Осторожно – Слово о полку Игореве!”, к сожалению, был воспринят как охранительный не только (и даже не столько) по отношению к древнему тексту в дошедших до нас копиях, сколько по отношению к прочтению Мусина-Пушкина (не к переводу, разумеется, а к словоделению и членению на синтаксические структуры) и к толкованиям, уже ставшим традиционными. Так увековечились “готские девы”, загадочный “босой волк”, “поющие копыя”, Ярослав Осмомысл в переводах подпирает горы Венгерские своими полками, мечет Всеволод Суздальский по земле удалых сынов Глебовых, никогда не существовавшие “стрикусы” врубаются в новгородские ворота, князь-маг Всеслав парит на синей мгле, а по ночам он становится волком-оборотнем. Разрушают в тереме златоверхом откуда-то появившуюся матицу с сербским названием “кнес”; серые вброны ловят змей по ночам и носят их к синему морю. И Автор “Слова” откровенно демонстрирует ересь средневековой крамолы, оскорбительно называя христиан-русских “внуками” языческих богов. Все тот же маг Всеслав, пренебрегая судьбой своих детей, заточенных с ним в темницу, предается сладким грезам о некой девице; другая дева с лебедиными крыльями, но о которой почему-то говорится в тексте “Слова” как о существе мужского рода, выказывает то странную вражду к русским, то к половцам; свистят в ночную грозу звери и т.п.

Невольно возникает мысль, что в какой-то мере М.Н. Катков в его нигилизме по отношению к “Слову” был прав. Но относятся ли язвительные замечания Каткова собственно к “Слову” или к несуразностям переводов?

Но несуразности переводов давно оправданы: “Слово”-де – произведение поэтическое. И еще: быть может, то, что алогично с нашей точки зрения, вполне приемлемо для человека XII в.? Точный перевод даже воспринимается как разрушающий поэзию “Слова”. Буднично и прозаично выглядит бегство ночью князя Игоря, что мчится стремительно (как волк или сокол) к Донцу, по сравнению с актом превращения Игоря сначала в горноста, а потом в волшебного босого волка. Суровую красоту средневекового эпоса подменила красивость волшебной сказки, сочиненной графом Мусиным-Пушкиным.

Несоотнесимость в переводах некоторых эпизодов с фактами истории уже перестала смущать. А при прочтении древнего текста следует понимать, что литература Киевской Руси еще не “отпочковалась” от исторических хроник – летописей. Элемент вымысла был незначительным и привносным. Главным было – передать исторический факт. Иное дело, что автор того или иного произведения древнерусской литературы мог быть мало знаком с фактами описываемых событий, пользоваться сведениями из третьих рук, обращаться к далекому прошлому, отдавая дань мифу. **Но Автор “Слова” выказывает осведомленность необыкновенную. Он-то не ошибся ни в одном случае, он не перепутал ни географические, ни исторические реалии.** Часто он приводит сведения, известные по летописям, но с подробностями, которых в них нет. Это явно рассказ очевидца, и по этой причине “Слово” заслуживает особого доверия.

Доверие к Автору “Слова” и положено в основу настоящей работы, т.е.

исходным было оправдавшее себя предположение, что мы имеем исключительный случай, когда чрезвычайно талантливый художник создал произведение, в котором логикой своих рассуждений и сопоставлений чисто художественными средствами сумел воплотить высокий идеал; что, следовательно, все частности в поэме подчинены общему; что у художника такого таланта не могло быть ничего случайного: ни слова, ни фразы; что, вероятнее всего, алогизмы возникли при переводе и идут от нашего бессилия, неспособности взглянуть на ставшее привычным под иным углом, увидеть явления в ином ракурсе, от неспособности вжиться в строй мыслей и чувств, в логику изложения поэта XII в. И оказалось, оценивая и анализируя творение Великого Поэта, нет нужды делать скидку на “детскость” древнерусской литературы.

Гений всегда опережает время. Явно ошибочным оказался принцип доказательства подлинности “Слова” сведением всех его элементов к параллелям, найденным в летописях, в поучениях и житийной литературе, сопоставлением его с поэзией скальдов и с византийской литературой. Автор не только следовал образцам своего времени, он сам создавал образец и для своего времени, и на века. (Именно так воспринимал поэта средневековья А.С.Пушкин.)

Сравнения необходимы, но для нашего понимания, для уяснения, а не для доказательства, ибо Автор позволял себе и нарушать нормы. Он ввел в поэму не книжные – народные речения, так затруднившие переводчиков: “смага”, “карна”, “жля”, “ширы” “давеча” и другие; он использовал небытовавшие метафоры (мыслено древо), он выстроил сложные синтаксические конструкции, которые смущают исследователей и ныне.

Основу настоящей работы представляет перевод “Слова”. Древний текст был заново разбит на слова, фразы и композиционные структуры, т.е. разбивка Мусина-Пушкина подверглась ревизии. Были отвергнуты все радикальные правки текста, если оказывалось возможным найти приемлемое прочтение без исправления текста путем нового словоделения или изменения границ синтаксических структур. ***Правильность прочтения каждого фрагмента контролируется степенью соответствия содержания фактам истории и логике повествования.***

Работа над переводом обнаружила любопытный факт: многие бесспорные прочтения были давно уже найдены, но несправедливо забыты только по той причине, что они не “вписывались” в существующие переводы.

Уже сам факт ревизии разбивки и словоделения Мусина-Пушкина, а следовательно, и всех существующих переводов потребовал нарушить главную традицию комментариев к “Слову” – краткость. По существу, комментарий к настоящему переводу стал *сводом статей*, комментирующих новое прочтение. Объем каждой статьи комментария определился не только суммой необходимого иллюстративного материала и данными истории, грамматики и лексики, на которые опирается новый перевод того или иного фрагмента, но и необходимостью *дать* хотя и краткий, но *достаточно обоснованный анализ отвергаемых конъектур*, так как в противном случае у читателя, не являющегося специалистом в области древнерусского языка, может сложиться впечатление, что обилие интерпретаций, прочтений и конъектур объясняется тем, что нормы древнерусского языка весьма условны, что определенное сочетание слов может означать все, что нужно интерпретатору. По этой же причине даны необходимые справки по истории Киевской Руси. Что касается

самого перевода, то это *дословный* перевод, т.е. *подстрочник*. Научный дословный перевод как форма перевода наиболее полно отвечает тем условиям, которые были поставлены при осуществлении настоящей работы: преобразование речевого произведения на одном языке (древнерусском) в речевое произведение на другом языке (современном русском) при максимальном сохранении смысла и плана содержания. При этом учитывалось, что язык оригинала является одновременно и самостоятельной системой лексико-грамматических средств и, в то же время, фазой в развитии русского языка. Как каждый перевод, предлагаемый не является абсолютным эквивалентом текста подлинника. Стремление к минимальным семантическим потерям заставило отказаться от попытки найти эквивалентные возможности в современном русском тексте, которые сохранили бы ритмико-мелодический строй поэмы, хотя в последнее время и исследователи, и читатели все более осознают “Слово” как поэтическое произведение, и художественный перевод “Слова о полку Игореве” ныне мыслится как поэтический.

Создание поэтического перевода – это иной этап работы над “Словом”. Так, в свое время на основе существующих дословных научных переводов Н.К. Гудзия, А.С. Орлова и др. поэтом Н. Заболоцким был сделан прекрасный поэтический перевод.

Но и наличие хорошего поэтического перевода “Слова” не исключает необходимости в переводе дословном, так как в поэтическом переводе не только отражается поэтическое мировоззрение Автора XII в., но и неизбежно наслаивается еще и поэтическое мировосприятие поэта-переводчика. Например, современный поэт А. Чернов, стремясь передать ритмику “Слова”, хотя и поставил перед собой задачу не отходить далеко от текста, довольно часто предлагает читателю поэтические вариации на темы и образы “Слова” [173: 69–83].

“Свистъ звѣринъ въстазби” (словоделение Мусина-Пушкина) А.Чернов переводит: “Свист звериный / Русских выдал”; “Ольговичи храбрыи князи dospѣли на брань” – “А Игорь князь к победе/ На год опоздал...” и т.п.

В предлагаемом переводе стремление максимально точно передать смысл древнерусского текста явилось причиной сохранения синтаксиса древнего текста при лексическом эквиваленте. По этой же причине переведены все слова, имеющие в современном языке иные смысловые эмоциональные оттенки или значения (поганья, галицы, вещи и т.п.), и слова, значение которых ныне широкому читателю не известно (сулицы, стружие, насады, ногата и т.п.). Параллельно и синхронно настоящему переводу дан древний текст в графике, выявляющей ритмико-мелодический строй “Слова” – звучание произведения на том языке, на котором оно создано, что полнее дает представление о степени совершенства, которой достиг Великий Поэт Киевской Руси. Подстрочник здесь незаменим.

Я выражаю глубокую благодарность всем, кто ознакомился с моей работой в рукописи и высказал свои суждения, которые были учтены мною и привели к существенной доработке некоторых статей, комментирующих текст “Слова”: Б.А. Рыбакову, М.Л. Гаспарову, В.П. Григорьеву, М.К. Давыдовой, И.А. Малышевой, Т.А. Сумниковой, Л.Я. Маловицкому, В.Ф. Пахомову, Е.Л. Суркову.

Выражаю столь же глубокую признательность А.Н. Колмогорову, А.П. Окладникову, Ф.П. Филину, Н.И. Хоменко, В.И. Тищенко, в той или иной форме поддержавших мое начинание.

Комментарий

Первая композиционная структура

1. Одним из важнейших вопросов, возникающих уже в начальный период работы над переводом “Слова о полку Игореве”, является вопрос о художественной природе текста древнего памятника: прозаическое или поэтическое произведение “Слово”; написано ли оно стихами; определялась ли его художественная природа возможностью речевого исполнения? (Если “Слово” предназначалось для прочтения перед определенной аудиторией, то Автор не мог не стремиться к максимальной музыкальной и ритмической организации текста.)

Вопрос о художественной природе “Слова” касается всех проблем, имеющих отношение к форме и содержанию в их единстве. Уже определяя сюжет “Слова”, следует четко и ясно представить себе, по какому принципу он построен. Стремился ли Автор к повествованию о цепи событий, или, *подчиняясь поэтической необходимости, он повествует о том единственном и главном Событии, которое вызвало глубокое потрясение лирического мира.*

До настоящего времени, если и делается попытка решить проблему поэтической природы “Слова”, то только на некотором завершающем этапе работы над текстом, т.е. поэтическая структура произведения рассматривается после завершения работы над дословным переводом. А между тем целый ряд чисто поэтических средств (например, рифма, анафора, синтаксические повторы) оказывается решающим фактором и при определении границ синтаксических структур (следовательно, и при определении смысла высказывания), и при словоделении сплошного текста (т.е. при определении лексики). Иными словами, речь идет о том, что анализ поэтических структур должен являться составляющей комплексного метода исследования, когда определяющими аргументами являются и нормы грамматики, и логика изложения, и исторические и иные реалии. Например, в данном тексте во фрагменте “Сон Святослава” было “одѣвахътемярече”. И читается от времен Мусина-Пушкина: “одѣвахътемя, рече”. Недоумение вызывает странная форма глагола. От недоумения избавились весьма радикальным способом: “Одѣвахъте” исправлено на “одѣвахуть”. А между тем ошибочным было словоделение, что косвенно подтверждается и одним из поэтических средств, используемым Автором, – рифмой:

А Святъславъ мутень сонъ виде
В Кіеве
На горахъ
Си ночь.

“Съ вечера
одѣвахъ
темя, –
рече, –
чръною
пополомою”

Древний текст “Слова о полку Игореве” обладает столь явной музыкальной гармонией и настолько ритмичен, что уже в XIX в. было высказано суждение, что и строй речи, и система образов в “Слове” принадлежат скорее к произведению поэтическому.

Для А.С. Пушкина Автор “Слова”, бесспорно, был поэт и “стихотворец”. Пушкин высказывался всегда определенно: «...*стихотворцы* никогда не любили упреков в подражании, и неизвестный *стихотворец* “Слова о полку Игореве” не преминул объявить в начале поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна» (выделения в цитатах здесь и ниже наши. – Ю.П.). И еще: “Кто из наших писателей XVIII века мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин *не поэт*. Державин? Но Державин не знал русского языка, не только языка *песни* о полку Игореве?» [128: 147–148].

Уже в начале XIX в. была предпринята попытка передать не только смысл текста древнего памятника, но и его поэтический строй. В поэтических переводах лучших поэтов текст “Слова” получил, несомненно, более яркое образное воплощение средствами современного русского языка, так как сама образная система СПИ явно имеет поэтическую природу. Но именно в поэтическом плане переводы неадекватны оригиналу. Стихотворные размеры, на прокрустово ложе которых укладывалось “Слово”, исказили ритмико-мелодическую структуру древнего текста, не говоря уже о лексико-семантических потерях.

Сравнительный метод исследования ритмики “Слова” дал обескураживающие результаты: ни с былинными стихами, ни с украинскими думами, ни с народными песнями, ни с позднейшими русскими стихами “Слово” не сопоставимо. Исследователи пришли к выводу, что ни метр, ни рифма не характерны для СПИ. Как уже отмечалось выше, исследование ритмики “Слова” не являлось взаимосвязанным с процессом перевода, словоделение Мусина-Пушкина ревизии не подвергалось.

Подавляющее число ученых пришли к выводу, что “Слово” написано прозой, хотя в отдельных фрагментах несомненна попытка ритмической организации текста, возможно, что в этих фрагментах мы имеем даже нечто похожее на стихи. Обычно эти фрагменты приписывались легендарному певцу Бояну, о котором несколько раз упомянул Автор.

Как аргумент в пользу того, что “Слово” не может быть написано стихами, Н.К. Гудзий выдвинул довод: “...большое количество чисто исторических сведений, сообщаемых в нем и сопровождаемых упоминанием значительного количества князей, вряд ли могло уложиться в стихотворные строки” [37: 20].

Ему слово в слово вторит Л.Р. Шейнкерман [186: 12], утверждая, что СПИ “прозаическое произведение потому, что в нем много данных исторического характера, которые не могут быть выражены стихами”. Обратим

внимание: не “не могли быть выражены стихами в XII в.”, а вообще “не могут быть выражены стихами”.

Но многочисленные поэтические переводы того же “Слова” опровергают этот аргумент. Он может иметь силу только при одном обстоятельстве: Автор “Слова” не обладал для этого достаточной силой таланта. Но утверждать подобное ныне никто не решается.

Мих. Делярю писал: “...вдохновенный певец Игоря, чувствуя недостаточность и стеснительность песенного размера для произведения обширного и разнообразного, поневоле должен прибегнуть к складу прозаическому, оставляя себе право разменять его сообразно с описываемыми предметами и действиями: возводить где нужно стихи, даже рифмы, словом, сообразовываться во всем со своим чутким поэтическим слухом и внутренним чувством красоты и современности” [121: 3–4]. Но сам Делярю перевел “Слово” стихами, да еще и так называемым “русским гекзаметром”. При этом Мих. Делярю не испытывал “недостаточности и стеснительности песенного размера для произведения обширного и разнообразного”.

Бесспорным аргументом, по мнению исследователей, в пользу версии о том, что “Слово” написано стихами, должно быть наличие строгой акцентной упорядоченности текста, хотя при определенных условиях отсутствие строгой, регламентированной упорядоченности текста не является недостатком поэтического произведения, тем более если она не “запрограммирована”, если на нее не возлагается определенная функция.

Современный исследователь “Слова о полку Игореве” Рикардо Пиккьо (Йельский университет) рассматривает текст памятника именно под этим углом зрения [203: 16]. Текст СПИ у Р. Пиккьо действительно предстает в некоей строгой упорядоченности. Группа интонационно связанных слов образует единицу, член – *colop*. Серия таких групп с одинаковым количеством ударений получает название “изоколон” (*isocolon, im.* – “равночленность”). Разбив текст на “колоны”, исследователь демонстрирует определившуюся закономерность их повторений. Р. Пиккьо утверждает, что “изоколический принцип позволяет выявить связь логических единиц с ритмикой”. А это дает возможность определить и текстовые неточности. Р. Пиккьо на примере показывает, как, по его мнению, изоколический метод позволяет уточнить понимание места, до сего времени не бывшего в числе “темных”. Фрагмент текста в “изоколоне”:

3* Камо / Туръ / поскочяше
3 своим / златымъ / шеломомъ,
3 посвѣчивая / тамо / лежатъ
3 поганья / головы / Половецкыя;
3 поскепаны / саблями / калеными
3 шеломы / Оварьскыя / отъ тебя,
3 Яръ / Туре / Всеволоде.

Здесь формула повторения 3–3–3–3–3–3, но могут быть и иные варианты, например: 3–3–2–2–3–3 и т.п. Внешне очень эффектно. Но приводит в недоумение пунктуация, возникающая как следствие необычного членения текста, при котором явно не принимаются во внимание синтаксические связи слов.

[* Количество элементов в данном колоне.]

Ср. у Мусина-Пушкина: “Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шело-
момъ посвѣчивая, тамо лежатъ головы Половецкыя...”

Опыт работы над переводом “Слова” действительно приводит к выводу, что разбивка Мусина-Пушкина весьма несовершенна. Но прочтение Р. Пиккьо поражает: “посвечивая лежат головы (?) половецкие”. Как же это объясняет Р. Пиккьо? «Мое прочтение, которое подтверждается трехударной изоколической серией, отличается от традиционного взгляда определением грамматических функций причастия “посвечивая”. В то время как многие ученые полагают, что оно относится к золотому шлему Всеволода, я убежден, что оно относится к половецким головам (the severed heads of the Kumans). Эти головы, по моему мнению, “лежат сверкая” на поле битвы.

Поэтическая функция этого причастия совершенно ясна: метонимический перенос голов и шлема (головы Половецкыя = шеломы Оварскыя) объясняется последними тремя изоколами этого пассажа – головы половецкие лежат, сияя, сверкая, ибо они со шлемами, которые защищали, прикрывали их от ударов княжеских мечей Всеволода» [203: 155].

Хотя Р. Пиккьо уверен, что его метод исследования ритмики “Слова” позволил найти правильное прочтение, но это прочтение приходит в противоречие с историко-археологическими данными (см. поясн. П.21*) и нормами языка (*посвечивая* – причастие ед.ч., муж.род).

Разбивка, предлагаемая Р. Пиккьо	Должно быть (см. поясн. VI.20):
3 Тогда / врани / не граахуть,	3 Тогда / врани / не граахуть,
2 галици / помолкоша,	2 галици / помолко <u>ша</u> ,
2 сорокы / не троскоташа,	2 сорокы / не троскоташа,
2 полозиe / ползоша:	2 по лозию / ползо <u>ша</u> :
3 только / дятлове / тектомъ	2 только / дятло <u>ве</u>
3 путь / къ рѣцѣ / кажуть.	3 тектомъ / путь / къ рѣцѣ
	1 кажуть

Но, возможно, исследователь допустил ошибки (например, вместо ритмической формы 3–2–2–2–3–3 обнаруживается иная – 3–2–2–2–1), однако “изоколический метод” исследования ритмики проясняет что-то в вопросе о ритмическом строе “Слова”. К какому итогу приводит изоколический метод исследования?

Оказывается, по Р. Пиккьо, вся древнерусская литература и древняя южнославянская литература обладают аналогичной ритмической организацией. “Слово” не представляет собой исключения. Традиционный вопрос: поэзия или проза? – должен быть просто снят.

Согласиться с выводами Р. Пиккьо можно только при условии, что своеобразии ритмико-мелодического строя “Слова” не создается за счет наличия определенных неучтенных учеными ритмико-мелодических средств, по воле Автора вступающих в сложное взаимодействие, что эти же ритмико-мелодические средства в тех же взаимодействиях во всей русской и южнославянской древней литературе. Но обращение к тексту СПИ убеждает, что

[* Т.е. Вторая композиционная структура, фрагмент 21.]

уже первые строки “Слова”, которые, по мнению исследователей, в ритми-ко-мелодическом отношении уступают другим фрагментам, своеобразно ритмически упорядочены за счет стиховой синтагмы, образованной рифмой и акцентированием.

- 1) Слѡво / ∪
о полку Игѡреве, / ∪ ∪
Игѡря, / ∪
сына Святѣславля, / ∪
внука Ольгова / ∪
не лѣпо / ∪
ли ны /
бѣшетъ, брѣтѣ, / ∪ ∪
начѣти / ∪
старыми словесы /
трудныхъ повѣстїи / ∪

Ср. акцентарную реконструкцию В.В. Колесова: “Слѡво о пѣлку Игѡревѣ, Игоря, сына Святѣславля, внука Ольгова. Не лѣпо ли ны бѣшетъ, брѣтѣ, начѣти старыми словесы трудныхъ повѣстїи...” [73: 37].

Как это ни удивительно, но наличие созвучных слов, ритмизирующих текст, исследователи в начале “Слова” не обнаружили. Впрочем, переводчики, оторвав “Слово о полку Игореве, сына Святѣславля, внука Ольгова” от первой фразы и предложив иное синтаксическое членение текста, действительно разрушили рифму: Игѡреве – брѣтѣ; слѡво – лѣпо (см. поясн. I.2).

В этом фрагменте кроме рифмы музыкально организует речь насыщение ее сонорными звуками (особенно плавными): “Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святѣславля, внука Ольгова, не лѣпо ли ны бѣшетъ, брѣтѣ, начѣти старыми словесы...”

Итак, рифма не единственное средство, организующее текст СПИ. Прежде всего следует подчеркнуть особую роль аллитераций (это отмечал неоднократно В.Р. Ржига [204: 24–34]).

В примере: “На кровати тисовѣ чръпахуть ми синее вино с трудомъ смѣшено. Сыпахуть ми тѣщими тули поганыхъ тлѣковин...” – глухой взрывной “т” не только создает мрачный колорит, но и поддерживает ритм.

Аналогичны функции и многократного повтора “р”: “...Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врѣни граахуть, трупїа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть...”

В примере “Ничить трава жалощами, а древо с тугою к землїи преклонилось, уже бо, брѣтѣ, неведая година. Встада уже пустыни – сиду прикрыла. Вѣстада обїда въ силахъ Дажь-Божа внука, вступил ... на землїю Троканю. Въспѣскала лебѣдиными крыды на синѣмъ море у Дону, плещуи...” – ритм поддерживается акцентированным звуком “л”; а во фрагменте “Почнемъ же брѣтѣ повѣстѣ сїю отъ стараго Владимирѣ до нынѣшняго Игоря иже и стягну умъ крѣпостїю своею и поостри сердца своего мужествомъ...” – звуко сочетанием “ст”.

Такова и роль ассонансов (повтора гласных). Так, лабиализованный гласный звук “у” многократно повторенный, не только дает стонущее звучание,

но и поддерживает ритм: “Рѣка Стугна, худу струю имѣя ... и стругы, простре на кусту уношу-князю Рослиславу...” (11 повторов).

Близка по функции и роль тавтологического повтора: светъ светлыи, мосты мостити, думаю сдумати, певше песнь, песнь пояше и т.п.

Ритмическую организующую роль играет и встречающаяся довольно часто лексическая анафора (повторение одних и тех же слов в начале каждого параллельного ряда):

Игорь спить
Игорь бдить
Игорь мыслию поля мѣрить
Въстала уже пустыни – силу прикрыла
Въстала обида въ силах Дажь-Божа внука
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы
ту кроваваго вина не доста
ту пирѣ докончаша.

Обычно лексические и синтаксические повторы поддерживаются еще рифмой, а часто и аллитерацией. При передаче ритмической организации текста “Слова” в графике были учтены все средства ритмизации речи, использованные Автором.

Пример:

Уже снесеса хула на хвалу
Уже тресну нужда на волю
Уже врѣжеса дивѣ на землю...

Здесь ритм подчеркнут повтором “уже” и “на”. С учетом рифмы – “хулá – нуждá; хвáлу – трéсну” (ударение на *a* – “хвáлу” – подтверждается акцентологическими данными, см. у В.В. Колесова [73: 73]; “вóлю – зéмлю” – дается окончательная разбивка:

Уже снесеса хулá
на хвáлу
уже трéсну
нуждá
на вóлю
уже врѣжеса
дивѣ на зéмлю...

Анализ “Слова” приводит к выводу, что, не пытаясь найти единую ритмическую систему, Автор стремится к максимально ритмической и музыкальной организации текста.

Целостный художественный организм, отличающийся необыкновенной музыкальной пластичностью, создается из мозаики различных поэтических средств. При этом своеобразно использована рифма в тексте “Слова”. Границы синтагм подчеркнуты рифмующимися словами. Речевой такт, несущий перед паузой акцентируемое слово, которое через определенный период находит созвучное ему слово, делает речь подчеркнуто выразительной и в логическом, и в эмоциональном отношении; т.е. рифма является не только средством музыкальной организации речи, но и выполняет “служебную” роль, оказывая влияние на интонацию. Такое внимание к речевому такту со всей очевидностью показывает, что Автор явно учитывал возможность прочтения (а не пения!) текста на аудиторию. Значимым становится, с учетом

этих наблюдений, тот факт, что Автор подчеркнул отличие своего произведения от Бояновых песен замечанием, что Бояновы песни исполнялись под аккомпанемент струнного инструмента, т.е. так или иначе пелись.

Особый смысл приобретают слова Ю. Тиховского: "...читайте возможно естественнее (текст "Слова". – Ю.П.), делайте логические ударения и остановки, где требует этого смысл, – и получите стихи" [158: 53].

Но, как это ни парадоксально, все переводчики, по-разному стремившиеся передать ритм "Слова", были уверены, что именно так удобно, красиво, естественно читать текст СПИ. Прежде всего нужно уточнить: на каком языке? На древнерусском? Однако все переводчики совершенно не придавали значения акцентному строю древнерусского языка. А во многих случаях мы можем столкнуться с фактом "неестественного" по современным нормам произнесения ударений ("на хв́алу", "седíне" и т.п.). Искажение же акцентного рисунка резко нарушает ритм текста. Отметим, что относительно удачно акцентологическая реконструкция текста СПИ была сделана только в 1976 г. В.В. Колесовым. До сего дня этот опыт еще не был использован при исследовании ритмики "Слова". Предшественники же В.В. Колесова (Ф.Н. Корш, Э. Сиверс, В.Н. Перетц, Р. Нахтигал), во-первых, за исходную базу акцентологической реконструкции брали сам текст СПИ и современные славянские языки, т.е. применяли сравнительно-сопоставимый метод, а не сравнительно-исторический; во-вторых, акцентная реконструкция не предполагала параллельной проверки словоделения; наконец, существенно повлияла на результаты реконструкции заданность: стремление обнаружить заранее предполагаемый стихотворный размер.

В последние годы вопросы поэтической природы "Слова" привлекли внимание московского поэта Андрея Чернова. Им был опубликован поэтический перевод с небольшим послесловием [173: 69–83]. Ранее, в статьях "У истоков русской рифмы" [171] и "Два штриха к портрету рифмы" [172], А. Чернов поднял вопрос о специфике стиховой гармонии "Слова". Поэт обращает внимание на роль рифмы и на то, что нерифмованного текста в "Слове" нет. Это, на мой взгляд, является положительным в начинании А.Чернова, а некоторые наблюдения, касающиеся ритмического рисунка СПИ, очень интересны. Но многое в методе исследования ритмики "Слова" у А.Чернова представляется ошибочным, что, естественно, нашло свое отражение в переводе.

Прежде всего, прослеживая ритмико-мелодическую структуру древнего текста, А.Чернов игнорирует акцентологию. Кроме того, выявление ритмики "Слова" у А.Чернова не связано с самым ответственным процессом работы над текстом – словоделением. Наконец, заданность приводит к тому, что найденные А.Черновым в древнем тексте созвучия (рифмы) очень часто оказываются искусственными с точки зрения реального древнерусского языка. Вот, например, текст, приведенный впоследствии к переводу самим поэтом-переводчиком, для того чтобы продемонстрировать наличие в СПИ рифмовки по формуле АБАБ:

На Дунаи Ярослáвнын/о
Глас/о слышит/е
Зегзицею незна́ем/е
Рано кычет/е...

Но в этом фрагменте гипотетическая рифма возникает только при допуске, что редуцированные гласные имели во время создания “Слова” четкое звучание. Это положение настойчиво отстаивается А. Черновым. Так, в статье “У истоков русской рифмы” он приводит рифмующиеся слова: “кмети, повити – скачють”, утверждая, что “ь” в XII в. звучал как “е”, т.е. “скачюте”, а “ъ” как “о”: “нъ – порождено – воронъ” – “оно – порождено – вороно” [171].

Заставив звучать все редуцированные гласные, А. Чернов получает текст, который перенасыщен созвучиями.

У Чернова:

Только дятлове тектоме
Путе ко реце кажуте
 Соловьи веселыми песнеми
Свето поведаюто.

В копиях:

Только дятлове тектомъ
 Путь къ рѣцѣ кажутъ
 Соловиі веселыми пѣсньми
 Свѣтъ повѣдають.

В некоторых случаях текст СПИ после “реконструкции” А. Чернова становится уже совершенно фантастическим по нормам языка XII в.: “Овлуро волокоме потече” (что должно означать: “Овлур волком потече” [174: 97]).

Если принять принцип фонетической реконструкции текста СПИ, предложенный А. Черновым, то следует утверждать, что “Слово” – рассказ о событиях 1185 г. – было написано значительно ранее второй половины XII в., так как конечные глухие гласные не звучали уже с конца X в. Константин Порфирородный не слышал их, когда записывал слова: Neasin – (неясыть), rгаш – (праг – порог) [176: 109]. Во всяком случае, бесспорно, что в XII в. наблюдается последовательное опущение слабых гласных. Да и звучали редуцированные очень кратко, произносились ослабленным голосом. При таком произнесении “онъ”, вопреки А. Чернову, никогда не звучало как “оно”.

Как уже отмечалось выше, средством ритмико-мелодической организации речи в СПИ являются аллитерация, ассонанс, анафора, синтаксический параллелизм и рифма. Ритмической единицей является синтагма. Иногда в речевых тактах наблюдается правильная система акцентных ударений:

Пример:

Ваю храбрая сердцá/ 0
 въ жестоцѣмъ харалузѣ/ 0
 скованá/ 0
 а въ буети закаленá/ 0
сѣ ли/ 0
 створѣйте/ 0
 моѣи/ 0
сребренеи сѣдинѣ/ 0
 А уже/ 0
 Не вижу влáсти/ 0
Сильнаго и богáтого/ 0 0
 и много вои/ 0
 брата мбего/ 0 0

Предложенное в настоящем переводе графическое построение несколько условно, так как определялось задачей подчеркнуть все ритмообразующие элементы в древнерусском тексте, особенно обнажая тот факт, что, рассчитывая текст на произнесение (прочтение), а не пение, Автор особое значение придавал речевому такту (синтагме).

Во избежание недоразумений подчеркнем, что принятая в переводе система графической записи не ставит цель зафиксировать некий единый ритмический размер, его в СПИ просто нет. Кроме того, общая ритмико-мелодическая характеристика текста такова, что не позволяет дать графическую запись, соотносимую с песнями, думами, церковными песнопениями, которым свойственна была определенная напевность. *Это особенно ярко проявляется в ораторских обращениях Автора к русским князьям и в весьма многочисленных фрагментах, куда врывается разговорная стихия, оформленная как прямая речь.*

Напомним, что очень многие поэты-переводчики интуитивно пришли к графическому исполнению, которое чрезвычайно близко принятому в настоящем переводе.

При переводе с древнерусского языка на современный русский возникает сложная проблема сохранения ритмообразующих средств. Проблема еще более усложняется при дословном (научном) переводе. Стремление найти лексический эквивалент ограничивает возможности передачи всех поэтических средств оригинала. Поэтический же перевод имеет возможность сохранить и одну из главных особенностей текста СПИ – явное *наличие рифмы*. Но поэты-переводчики часто ставят перед собой цель прямо противоположную: “Стихи, по нашему мнению, не должны быть рифмованы, ибо это слишком уводило бы от оригинала” [111: 355]. Трудно согласиться с утверждением, что “выбор ритма для отдельных мест перевода может быть достаточно вольным, это дело поэтической интуиции переводчика...” (там же).

Выявление определенной ритмико-мелодической формы СПИ, конечно, подтверждает, что Автор стремился придать особую значимость высказыванию, сделать текст максимально информативным и экспрессивным, но выявление музыкально-ритмической структуры само по себе еще не исчерпывает проблемы: стихами ли написан текст СПИ? Вопрос этот усложняется еще и тем, что определение границ между прозой и стихами более чем затруднительно. Вероятно, прав Б.В. Томашевский, когда утверждает: “Естественнее и плодотворнее рассматривать стих и прозу не как две области с твердой границей, а как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых расположились реальные факты” [162: 7].

Но уместно привести и слова И. Гробака: “Чем менее в стихотворной форме элементов, которые отличают стихи от прозы, тем более ясно следует различать, что дело идет не о прозе, а именно о стихах. С другой стороны, в произведениях, написанных свободным стихом, некоторые отдельные стихи, изолированные и вырванные из контекста, могут восприниматься как проза” [90: 36].

Решающими в вопросе “поэзия или проза?” являются два фактора:

1. Богатая и сложная содержательность “Слова” вызвана не стремлением дать информацию о событиях Игорева похода, а высказаться: передать потрясенность этими событиями, передать свои мысли, чувства и волю, т.е. речь идет о самоосознании факта. Таким образом, *возникает внутренняя обусловленность рождения поэтического явления.*

2. Правильное эстетическое восприятие СПИ и его древнерусского текста возможно только на фоне литературных явлений Киевской Руси XI–XII вв. Совершенно очевидно, что Автор искал форму, отличную от летописей, которые не переживались читателями как художественная речь.

На данном этапе развития литературы художественная речь воспринималась только как поэтическая. Следовательно, мы в СПИ имеем стихи в том смысле, что Автор сознательно пользовался несвободной, регламентированной речью. Целый комплекс выразительных средств в СПИ является ожидаемым, так как имеет многократное повторение при определенных условиях. Для Автора это была упорядоченная речь. А повторяемость элементов создавала именно стиховую интонацию. При этом Автор еще и подчинялся регламентирующим требованиям жанра, отличая свое поэтическое произведение от “песен” Бояна. Во многом, вероятно, Автор был новатором: его поэма рождалась, отмежевываясь от традиции песенного искусства, от фольклора, летописного повествования и общеразговорной стихии. Автор определил свое произведение как “Слово”. “Слово” могло означать: “высказывание кого-то”, “ораторское выступление”, “речь”, “сообщение, принесенное как слух”, “произведение, написанное для публичного чтения (сообщения)”, “сообщение, основанное на предании (устном сообщении)”.

К жанровому определению “слово” Автор добавляет: и “песня”, т.е. произведение поэтическое, “стихотворное”.

Если исходить только из представления о том, что стих – это упорядоченная, строго регламентированная *система ритмической организации* текста, и не учитывать литературно-исторические процессы эпохи, то проблема “поэзия-проза” для исследователя СПИ становится неразрешимой. А между тем окончательное решение этого вопроса невозможно без решения всех иных проблем и перевода, и осмысления текста “Слова”. Так, например, в СПИ (как в поэтическом произведении) реальные исторические события даны не как таковые, а в своей смысловой соотносительности, как дифференцированная смена эпизодов. Следовательно, разбивка повествовательного текста на композиционные структуры может быть произведена только при выявлении смысла соотносительности эпизодов по законам поэтическим.

К сожалению, игнорирование этого положения привело исследователей к недоумению по поводу обмолвки Автора, что повесть эта будет “от старого Владимира” до “нынешнего Игоря”. Последовательного же изложения событий от времени Владимира до Игоря, как известно, в “Слове о полку Игореве” нет, и исследователи пришли к ложному выводу об утраченных фрагментах, в которых якобы рассказывалось о событиях истории Киевской Руси. Но для Автора (это очень четко прослеживается) *главным было одно Событие в период после Владимира до “сега времени”*: **разорение Русской земли в усобных войнах**. Именно это и определит идею произведения: призыв к единению. Из потока реальных событий отобраны только те, которые необходимы, чтобы выстроить *сюжет поэтического произведения*. Поэтическая необходимость определяет и систему художественных образов, и ракурсы изображения, и значимость этих эпизодов, которые в произведении непозэтическому неуместны.

Поэтическая необходимость определила и обращение Автора в начале “поэмы” к аудитории.

А.С.Дёмин, исследуя читательские потребности XI–XII вв., пришел к выводу, что разнообразные предисловия, прологи, вступления, вводящие читателя в круг проблем данного произведения, знакомящие с событиями, предшествующие основному действию или разъясняющие авторский замысел,

были хорошо известны и древнерусским авторам, и аудитории, и осознавались как относительно особые по своей функции части книг и сочинений [41: 207–226].

Именно стремление к установлению тесного контакта с аудиторией определило начало “Слова” как самостоятельной композиционной структуры, как пролога, вводной части, которая является и экспозицией, причем такого типа, при котором достаточно четко определяется коллизия контекста. Сразу же четко определяется тема повествования, отношение Автора к событиям, о которых пойдет речь, и обосновывается право на творческую независимость. Одно из самых значительных событий предыстории собственно похода – солнечное затмение – введено Автором в первую композиционную структуру только как аргумент при обосновании своей позиции по отношению к основному конфликту, к событиям и персонажам. *Повествование же о походе Игоря начинается только с последовательного эпического рассказа о событиях, т.е. с момента встречи братьев Святославичей (Игоря и Всеволода) у Оскола.* Этот эпизод начнет уже следующую композиционную структуру.

2–3. “Слово о полку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстїи о полку Игоревъ, Игоря Святъславлича”.

Все ныне существующие переводы “Слова о полку Игореве” начинаются со слов: “Не лѣпо ли ны...”, следуя традиционному делению “сплошного” текста “Слова” на синтаксические структуры, предложенному еще А.И. Мусиным-Пушкиным; а “Слово о полку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова...” считается названием (заглавием) произведения:

Слово о полку Игореве,
Игоря, сына Святославова,
внука Олегова
Не любо ли нам было б, братия,
начать (петь)
старыми словами ратных повестей
о полку Игореве,
Игоря Святославича?

(Перевод Г. Шторма)

Но внимательное изучение структуры древнего текста приводит к сомнению в правильности традиционного прочтения. Из смысла первых строк следует, что в начале “поэмы” Автором ставится вопрос о возможности вести повествование старыми словами “трудныхъ” (в разных пониманиях: ратных, героических, воинских или печальных, скорбных) “повестей”. Однако дословный перевод фрагмента оказывается невозможен, так как глагол “начати” является *переходным* и требует после себя прямого дополнения (“начать (что?)”), которое в тексте при традиционном прочтении отсутствует. Отсюда возникает смысловая незавершенность высказывания: «Не хорошо (ли) нам было, “братия”, начать старыми словами ратных (печальных) повестей о походе Игоревом (?)».

В переводах эта смысловая неполнота устраняется переводчиками введением в текст либо прямого дополнения, либо дополнения, выраженного инфинитивом, обозначающим действие как объект, на который направлено другое действие.

Ср. перевод Г.Шторма, приведенный выше, и перевод Ив. Новикова:

Песню нам начать ратных повестей
Словесами старинными...

Совершенно очевидно, что этот вариант прочтения утверждает право на “улучшение” текста, т.е. предполагает его радикальную правку.

Но большинство переводчиков, стремясь избавиться от синтаксической неполноты фразы, предлагают видеть здесь случай употребления родительного падежа вместо винительного: “По не прочтению древнерусского синтаксиса тех времен иные переводчики увидели здесь родительный падеж: дескать, начать старыми словами (каких повестей?) – трудных. Но это есть родительный вместо винительного, как, например, “преклоняет слуха своего” вместо “слух свой”. Так что буквально данная строфа означает: начать старыми словами трудных повестей” [194: 121–122].

Ср. объяснительный перевод Д.С. Лихачева: “Не пристало ли нам, братья, начать старыми (старинными) выражениями горестное повествование о походе Игоревом...”

Неполнота фразы действительно ликвидирована, но и эта конъектура не представляется убедительной. Прежде всего, употребление родительного падежа вместо винительного наблюдается только в пределах одного числа (ед.ч. – ед.ч.; мн.ч. – мн.ч.). Следовательно, понимание “трудныхъ” как род.пад. ед.ч. и “повѣстїи” как род.пад. ед.ч. невозможно.

Нужно уточнить, что, вероятно, правильное было бы говорить не об употреблении родительного падежа вместо винительного, а об исторических изменениях функций падежных форм. Действительно, несмотря на то что в XI–XIII вв. винительный падеж устойчиво выражал значение объекта при физических действиях, в некоторых случаях это значение мог передать и родительный падеж. Но случаи такого употребления родительного падежа совершенно конкретны. Например, когда под объектом подразумевалось нечто делимое, т.е. возможен частичный охват объекта: “...дасть емоу хлѣба” (Русская Правда. 1282. Л. 626 об.); когда употреблен глагол, означающий восприятие: “Съмотри жития его” (Изборник 1076 г. Л. 15); во всех случаях, если при глаголе было отрицание, причем употребление родительного падежа становилось устойчивым: “Розга не можетъ плода творити о себѣ. Ио., XV, 4. Остр. ев.” [213, т. 3: 935].

Но при глаголах физического действия без отрицания, означающих соиздание, как правило, употреблялся винительный падеж. Ср.: “Приидоша от Царяграда мастера четыре церковнии... въ печеру къ великому Антонию и Феодосию, глаголюще: Гдѣ хочета начати церковь? Патер. Печ. (Абр.), 5 (XV в. ~ XIII в.)”; “Понеже убо мнози начаяша чинити повѣсть о извѣстныхъ въ насъ вещехъ. Остр. ев. 227 (1056–1057 гг.)” [212, вып. 3: 149–150]; “Творити храмъ. Изб. 1079” [213, т. 3: 943].

Таким образом, предполагать в первой фразе “Слова” родительный неполного действия не представляется возможным. (Нельзя видеть здесь и немотивированный родительный падеж, так как он обычен как стилистический вариант разговорной речи в значительно более поздних текстах.) Кроме того, следует учитывать и то, что существительное “повѣсть” в значении “повествование о чем-либо” в тех случаях, когда речь идет о целостном произведении, всегда употреблялось в ед.ч.: “Се начнемъ повѣсть сию. Пов.

врем. лет, 9 (1377 г. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 4: 95]. См. в тексте “Слова”: “почнемъ же... повѣсть сию...”.

Итак, правильным построение первой фразы может быть только при условии наличия дополнения при переходном глаголе “начяти”: “Слово... не лѣпо ... начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи”. Следующее далее: “О полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича...” – начинается повтором вторую фразу. Дополнение, столь необходимое для уяснения смысла первой фразы, волей первых переводчиков было отторгнуто от фразы и вынесено как заглавие.

Постановка дополнения в начало предложения делает фразу, открывающую повествование, максимально выразительной, т.е. Автором выбраны и порядок слов, и позиция дополнения наиболее удачные для четкого уяснения мысли: “Слово” о походе Игоря нельзя начинать так, как иное. Инверсия как *стилистическая фигура* неоднократно встречается в древних текстах, когда необходимо, чтобы определенная позиция слова сделала его наиболее значимым. Постановка же дополнения в односоставном предложении в самом начале и в препозиции по отношению к сказуемому известна по текстам: “Пересвѣта чернеца брянского боярина на суженное мѣсто привели” (“Задонщина”. Сп. ГБЛ. Собр. Ундольского, № 632 (У). Л. 183). Заметим, что такая позиция – особенно частое явление в отрицательных предложениях.

То же, что после слов “о полку Игоревѣ” идет уточнение “Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова”, является характернейшей особенностью стиля древнерусской литературы, во-первых; а во-вторых, является характерным приемом Автора – обязательно уточнять имена, которые без этого уточнения могут быть не известны.

Древнерусский язык пользовался значительной свободой в расположении слов в предложении. Ф.И. Булаев указывал, что даже в древних рукописях можно найти независимость от греческих оригиналов в отношении порядка слов [16: 557–558]. Кроме того, “Слово” – далеко не рядовое и языковое, и литературное явление – явно представляет собой произведение поэтическое, что, безусловно, проявляется и в системе синтаксических средств, представленных во всем разнообразии. Это богатство и разнообразие – свидетельство того, что уже в период средневековья в русском языке существовала система синтаксических средств, способных выразить с максимальной точностью сложную мысль, что Автор – человек высокого интеллекта – в совершенстве владел выразительными средствами своего языка.

Предлагаемое в настоящем переводе прочтение позволяет, при соблюдении логики изложения, избежать исправления текста, неукоснительно следуя нормам грамматики древнерусского языка.

Остается добавить, что *ни одно лицо из причастных к редактированию древней рукописи при подготовке к первой печати не обмолвилось о “красной строке” в “Слове о полку Игореве”*. А заглавия обычно разрисовывались красной краской, украшались узорами и рисунками. Первая буква иногда имела вид цветка, птицы или зверя. В исключительных случаях употреблялась не только киноварь (красная краска), но и золото (на клею).

Если бы первая страница древней рукописи начиналась с заглавия и посвящения и имела начальный орнамент и красную строку, то трудно было бы предположить странный заговор умолчания об этом тех, кто видел древний текст. Но даже Мусин-Пушкин, Малиновский, Карамзин и типографщик Селивановский в своих “показаниях” (по памяти) о внешних приметах

рукописи не могли припомнить то, что запомнилось бы прежде всего. Остается предположить, что заглавного оформления просто не было.

Нельзя пренебрегать и свидетельством Шукинской рукописи. Эта копия дает представление даже о заставке, выполненной как трехцветный орнаментальный рисунок. Но слова, долженствующие быть, по мысли переводчика, заглавием, скопированы, как и весь текст, полууставом.

Автор “Слова” задуманное им произведение облек в форму “Слова” вполне закономерно: “Слово” – форма, единственная в литературе Киевской Руси, где неотложные задачи текущей современности обсуждались обычно непосредственно, в прямом контакте с читателем” [102: 4–5]. «...термин “слово” несомненно восходит к самой рукописи и воспроизведен по ней в издании 1800 г., хотя сами издатели предпочли назвать памятник так, как он не раз именуется в тексте. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что и в заглавии авторского текста произведение именовалось “словом”: этот термин могли ввести и позднее переписчики, поскольку и в XIII–XIV вв. наблюдается применение его к произведениям разных жанров, в том числе и историко-повествовательных» (там же).

“Слово” в древнерусском языке означало высказывание; изречение; повествование; рассказ; склад речи; план; манеру выражения; грамоту, письмо; повеление, совет; обещание; показание; содержание; закон, заповедь, учение; логос.

В контексте: *повествование, рассказ.*

Перевод: *“Повествование о походе Игорево – Игоря, сына Святославова, внука Олегова – нелепо же нам было, друзья, начать старыми словами героических сказаний”.*

3. Игорь Святославич – князь Новгород-Северский (1151–1202), внук печально известного Олега Святославича, породившего “тмутороканские” смуты и усобицы, сын удельного князя Черниговского – Святослава Олеговича. Бабушка Игоря – половчанка; мать – простая новгородка, с которой новгородский архиепископ Нифонт отказался даже венчать Ольговича: “Не достоин ее пояти”.

Для Ольговичей была характерна дружба с половцами. В 1094 г. с половецкой помощью Олег Святославич (Тмутороканский) силой утвердился в Чернигове. Но княжение его в Чернигове было очень недолгим. В 1096 г. Олег был изгнан Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. Отец князя Игоря, Святослав Олегович, в 1156 г. захватит Чернигов и в 1157 г. станет князем Черниговским. После смерти Святослава его детей – Олега, Игоря, Всеволода – от Черниговского стола отеснит их двоюродный брат Святослав Всеволодович. А Святославичам будет выделена небогатая Новгород-Северская земля. Это во многом определит взаимоотношения двоюродных братьев. В 1166 г. новгород-северские князья начинают сводить счеты со Святославом Всеволодовичем – развязывают усобицу. А Святослав, как истый Ольгович, обращается за помощью к половцам, которые нападают на Северскую землю. Примиряет враждующие стороны киевский князь Ростислав.

После смерти Ростислава (1167) начинается длительная и жестокая борьба за киевский престол. Не вдаваясь во все фазы этой борьбы, отметим, что князь Игорь принял деятельное участие в усобице, поддерживая Свято-

слава и выступая в союзе с половцами. В результате упорной борьбы киевский престол будет захвачен Святославом Всеволодовичем. Святослав покажет себя тонким и умелым политиком. Только это и позволит ему удержаться в Киеве. Дело в том, что боярство и оседлые половцы, жившие повсеместно по киевским землям, были традиционно враждебны Степи: на половецкую землю опирались, как правило, удельные князья, преследуя свои частные цели. Для Киева половцы были силой, подрывающей идею объединения Руси, и языческим противостоянием христианству. *Быть князем Киевским значило проводить политику пресечения вмешательства половцев во внутреннюю жизнь Руси.*

С другой стороны, половцы были силой, на которую Святослав, как Ольгович, традиционно опирался. Святослав умудрился на определенном этапе и опираться на половцев, и готовить коалицию для будущих враждебных действий против них.

В трудном 1180 г., когда Святославу грозит изгнание из Киева Ростиславичами, претендующими на киевский престол, он принимает помощь Игоря Святославича. А Игорь выступает опять-таки с давними союзниками – половецкими ханами Кончаком и Кобяком. Святослав удерживается в Киеве только благодаря тому, что половцы обессилят Ростиславичей, хотя сами и потерпят поражение. За вмешательство в русские распри Кончак дорого расплатится: он потеряет брата Елтута Атраховича (Отраковича) и будут пленены два его сына.

Утвердившись окончательно в Киеве, Святослав начнет новую политику – противостояния Степи, т.е. политику, которой ждут от него киевляне. В 1184 г. Святослав организует военную экспедицию против половцев. Успех похода должен был укрепить власть киевского князя и оградить Русь от половецкого вмешательства. Но укрепление позиций Святослава в Киеве не входит в планы его союзника – Игоря: поражение Святослава открывает для него в новых условиях самую радужную перспективу в борьбе за лучший удел. Да и усиление вассальной зависимости от Киева не является желанным для Святославичей. Под благовидным предлогом Святославичи уклоняются от походов против половцев.

Однако поход киевского князя, неожиданный для Степи, увенчался успехом. Тогда Игорь спешит и сам воспользоваться благоприятной ситуацией, и с братом Всеволодом и племянником Святославом Ольговичем вторгается в Степь, разбивает половецкий заслон и грабит кочевье.

Б.А. Рыбаков комментирует это событие так: “Не общерусская оборонительная борьба и даже не защита своих собственных рубежей, а лишь желание захватить половецкие юрты с женами, детьми и имуществом толкали князя на этот поход, своего рода репетицию будущего похода 1185 г. И действующие лица в этой репетиции те же самые: Игорь, Буй Тур Всеволод, Святослав Ольгович и княжич Владимир” [136: 211].

Половцы предприняли в 1185 г. ответный поход на Киев. Опять Святослав посылает к Игорю за помощью. И опять Игорь отказывает.

Кончак же, возглавлявший половцев, предполагал, что сват Игорь поймет, насколько выгодно сейчас присоединиться к нему, к Кончаку, и свести счеты со Святославом. Но Игорь выжидает: он знает, что союз с Кончаком, с “поганим”, не простят киевские бояре, церковь и оседлые половцы.

Пока Кончак медлил, ожидая решения Игоря, Святослав неожиданным ударом опрокинул рати Кончака и разгромил его. Опять коварство Игоря не оправдало себя.

Киеву необходимо закрепить успех, достигнутый в борьбе с половцами, и Святослав готовит грандиозную экспедицию в глубь Степи, чтобы навсегда покончить с половецким вмешательством в русские дела. Для успеха операции нужно достигнуть единства русских князей.

Но безумная затея овладела Игорем: предвосхитить новый поход Святослава, самому добить половцев, взяв себе всю славу. Политические результаты успешного похода должны были быть огромны: независимое положение Северской земли, возможность захвата сейчас или в будущем утерянного города Тмуторокани, имеющего для Северской земли экономическое и стратегическое значение (выход к морю и военная база), и, наконец, политические акции в борьбе за киевский престол.

Поражение половцев в 1184 г. от Святослава Киевского, казалось, сулило Игорю легкую победу. Но случилось непредвиденное: Степь сохранила свою мощь. Половцы сумели собрать такие силы, противостоять которым Игорь не мог, несмотря на личную храбрость и мужество русских воинов. Русские потерпели сокрушительное поражение. Последствия Игоревой авантюры были ужасны. Она вызвала ответное нашествие половцев на Русь и разорение многих городов и сел.

“Одержав неслыханную победу, неожиданно открывшую половцам трехсоткилометровую брешь в хорошо налаженной обороне Руси, половецкие ханы стремились как можно скорее использовать свой успех, ворваться в те города, которые остались беззащитными...”[136: 256].

4. “Не лѣпо ли ны бяшетъ братіе начати старыми словесы трудныя повѣстїи...”

Автор “Слова” обращается к самой широкой аудитории – к соотечественникам, в которых он видит единомышленников и друзей, “братіе” (зват.пад.). Это необычно, ибо хотя обращение “братіе” в древнерусской литературе XI–XIII вв. и было общеупотребительным, но к монахам, или духовной пастве, или к родным по крови, или соратникам по оружию.

Обратим внимание, что и в самом “Слове” будет обращение традиционное – к соратникам и воинам: “...и рече Игорь къ дружинѣ своеи: Батіе и дружино!”

Авторское обращение к аудитории способствует созданию атмосферы доверительности. “Братіе” – это товарищи и друзья.

Даже для автора “Задонщины” это была “новация”. Обращаясь к аудитории, он сначала нерешительно поставит “братия и друзи” в один ряд: “Снидемся, братия и друзи, и сынове рускии...”. Но далее уже увереннее: “Лутче бо нам есть, братіе, начати повѣдати...”.

Первые переводчики не придали значения необычности обращения и перевели слово “братіе” интимным “братцы”: “Приятно нам, братцы, начать...”.

Когда в переводах Д.С. Лихачева, Н.К. Гудзия, А.К. Югова и др. дается: “Не пристало ли бы нам братья ...” – это уже факт перевода слова “братіе”, так как современное “братья” не эквивалентно древнерусскому “братіе”.

К утверждению, что слово “братіе” понятно современному читателю, нужно отнестись с некоторой долей скептицизма. Словарь русского языка С.И.Ожегова [207: 56] дает основное значение слова “братия” – “монашеская община монастыря” – с пометой: “устаревшее”. Второе значение дано как разговорное, шутовое: “актерская братия”, “наша братия”. Ср. у В. Даля: “братия” ж.р., собир. – “братство, товарищество, община, общество, соглас, кружок, круг, сословие” [206, т. 1: 124].

Когда в поэтическом переводе мы читаем: “Не пора ли нам, братия...” (Н. Заболоцкий), то адрес обращения для современного читателя остается неуточненным.

Очень удачно в ранних переводах: “Начнем же, о друзи, об Игоре повесть...” (перевод в журнале “Галатея”, 1829, № 20, без указания имени автора.)

“Не славно ли, друзи, воспеть...” (А. Вельтман)

“Или начать нам, друзья...” (Мих. Делярю)

“Начнем, друзи...” (Д. Минаев)

В дословном научном переводе слово “братіе”, вероятно, целесообразнее всего переводить словом “друзья”, так как оно в современном языке может служить доверительным обращением к самой широкой аудитории. В то же время оно достаточно древнее. В Остромировом евангелии XI в.: “Къто от вас имаать друга и идеть к нему... и речеть емуо друже”. И.И. Срезневский считал, что слово “братия” в СПИ следует переводить как “товарищи”, но слово “товарищи” имеет ныне несколько иной логический и эмоциональный оттенки. А.С. Пушкин колебался: как должно быть – “братия” или “друзья”? Иными словами, переводить слово “братіе” или не переводить? Но если переводить, то, по мысли А.С. Пушкина, словом “друзья”.

С.К. Шамбинаго, рассматривая некоторые вопросы композиции “Слова”, пишет: «Произведение начинается с предложения читателям начать печальную повесть об Игоровом походе “старыми словами”, но по “былинам” современности, а не по “замышлениям” вещего Бояна» [180: 187]. То есть, по мнению С.К. Шамбинаго, Автор предлагает передать *новое* в традиционном *старом* стиле.

О. Миллер считал, что Автор “Слова” хотя и стремился держаться истины, но был поэтом и “природа не дала ему переломить себя, да он, хотя и неясно, все-таки и сам сознавал, что этого даже не следует делать, сознавал, потому что собирался начать свою повесть все-таки *старыми словесами*” [105: 365].

Эти, к сожалению, пока общепринятые точки зрения утверждены еще первыми переводами и комментариями. Ср.:

“Приятно нам, братцы, начать древним слогом...” (А.И. Мусин-Пушкин).

“Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоровом, Игоря Святославича?” (Н.К. Гудзий).

Не пора ли нам, братья, начать
О походе Игоровом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?

(Н. Заболоцкий)

Обратим внимание, что такое прочтение возможно только при некотором пренебрежении нормами грамматики.

Александр Сергеевич Пушкин проявил большой интерес к “Слову о полку Игореве”. Он предполагал издать текст “Слова” со своими объяснениями и, может быть, со своим переводом. Сохранился набросок статьи “Песнь о полку Игореве”. В этой статье Пушкин выразил свое несогласие с переводами и толкованием первой фразы “Слова”: «§ 1. Все занимавшиеся толкованием “Слова о полку Игореве” перевели: “Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было бы воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?” Но в древнем славянском языке частица “ли” не всегда дает смысл вопросительный подобно латинскому “ne”, иногда “ли” значит “только”, иногда “бы”, иногда “же”; доньше в сербском языке сохраняет она сии значения. В русском частица “ли” есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное “не”; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и, что, а, аки, уж, уж как* (замечание Тредьяковского).

Замечание 1-е. В русском языке сохранилось одно слово, где “ли” после “не” не имеет силы вопросительной – “неже-ли”. Слово “неже” употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в “Слове о полку Игореве”: “луче жь потяту быти неже полонену быти» [128: 149].

А.С. Пушкин увидел “явное противоречие”, когда в переводах сначала следует: “Не воспеть ли нам об Игоре по-старому”, а далее: “начнем же петь по былинам сего времени” (т.е. по-новому) – а не по замыслению Боянову (т.е. по-старому).

Казалось бы, к высказыванию великого поэта прислушался А.К. Югов: “...частица ли, конечно же, не имеет здесь вопросительного значения, а, напротив, усилительное, т.е. правильно понимал это место Пушкин” [194: 121]. Но вот А.К. Югов дает свой перевод:

А было бы лепо нам, братья,
сказать старинною речью
скорбную повесть
о битве Игоревой,
Игоря Святославича!

И этот перевод принципиально ничем не отличается от переводов, авторы которых утверждают, что “ли” имеет вопросительное значение: хорошо, приятно рассказать старыми словами о походе Игоря (см. выше перевод Г. Шторма).

Но еще в 1805 г. А.С. Шишков по поводу первого перевода А.И. Мусина-Пушкина писал: “...перевод содержит в себе некоторую невероятность чувствований: ибо как может быть приятна необходимость повествовать о разбитии предков наших” [188: 81].

В переводе А.К. Югова не читается вопросительная частица “ли”, но не читается и отрицание “не”, и фраза опять-таки становится утверждением, что начать следовало бы на старинный лад. А.К. Югов ссылается на А.С. Пушкина, но у Пушкина: «Если же признаем, что частица “ли” смысла вопросительного не дает, то выдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную повесть об Игоре Святославиче; начаться же песне по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не

любили упрека в подражании, и неизвестный творец “Слова о полку Игореве” не приминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна» [128: 149]. Мысль Пушкина была Юговым не понята и искажена. Прочтение же А.С. Пушкина безусловно.

“Ли” – действительно могла выполнять функцию усилительной частицы, подчеркивающей наиболее важное в смысловом отношении слово в предложении. Ср.: “Егда ли ты видить гнѣваються, или кличущтя, или клькущася, или нечиста словесы глаголющя... тѣгда разу(м)ѣе (дьявол), яко нѣсть въ души ти, иже ты хранить. Изб. св. 1073 г., 27 об.” [212, вып. 3: 61].

“Не” – имела значения: а) отрицательная частица, придающая следующему за ней слову *отрицательное* или *противительное* значение; б) в предложении с риторическим вопросом указывает на утверждение, а не на отрицание.

Следовательно, если мы утверждаем, что во фразе нет вопросительного значения и нет риторического вопроса (а частица “ли” имеет лишь усилительное значение), то “не” читается, как *отрицание* при слове “лѣпо”.

“Лѣпо” же – “хорошо; бесподобно, красиво, пригоже, прилично, пристойно” [206, т. 2: 278].

“Не лѣпо” – не хорошо, не красиво; неприлично, непристойно, нелепо.

Ср.: “...и не лѣпо ти есть прилипати къ пьянству. Изб. св., 1076 г., 256”. “...а не лѣпо быти граду сему без владыцѣ. Новг. 1 лет., 68 (XIII в.)” [205, вып. 3: 71–72].

Следовательно, непристойно, неприлично начинать это повествование на старьй лад.

Если же мы все-таки примем прочтение “ли” как вопросительной частицы, то должно быть: “Уместно (пристойно, хорошо) ли нам было, друзья, начать старыми словами ратных повестей?” То есть, в этом случае не читается отрицание “не”, читается “ли”, фраза получает вопросительную интонацию. Как видим, это прочтение принципиально не отличается от предложенного в настоящем переводе.

Ср. также в тексте “Слова” (см. поясн. VI.17): “Не тако ли, рече, рѣка Стугна...” Возможно в переводе: “Такова ли... река Стугна?” или же “Не такова... река Стугна”.

Остается добавить, что только С.П. Шевырев придал должное значение конъектуре А.С. Пушкина. Сличая язык “Слова” и Ипатьевской летописи, он пришел к выводу, что, вероятно, Пушкин был прав, не придавая первой фразе вопросительного значения. Но Шевырев полагал, что частица “ли” в издании 1800 г. вообще не является достоверной. Об этом он упомянул в 1843 г. в журнале “Москвитянин” (№ 12), в статье по поводу выхода в свет “Полного собрания русских летописей”. Рассуждения С.П. Шевырева разделили печальную судьбу конъектуры А.С. Пушкина – были забыты.

Итак, обращаясь к аудитории, Автор “Слова” уже в самом начале повествования решает чрезвычайно важный для него вопрос о манере, стиле произведения, предполагая необходимость единства формы и содержания.

Автор утверждает, что форма будет отличной от традиционной: старая форма героических сказаний совершенно неприемлема при рассказе о похо-

де Игоревом. Удивительно, но этой простой и ясно выраженной мысли исследователи “Слова” до сих пор не придали должного значения.

Прямых аналогий выражению “трудныхъ повѣстїи” в древних текстах нет, хотя слово “трудъ” и производные от него встречаются довольно часто. Слово “трудъ” бывало многозначным: “работа”, “трудность”, “подвиг”, “горе”, “недуг”. *В каком значении употреблено слово “трудъ”, можно установить только из контекста.* Многие исследователи приняли при переводе “трудныхъ повѣстїи” значение “печальные”, “прискорбные”, “горестные”. (Так в переводах А.С. Мусина-Пушкина, В.А. Жуковского, А.С. Орлова, Д.С. Лихачева, А.К. Югова, А. Чернова и др.). Но при таком понимании значения слова “трудныхъ” весьма сложно определить, о каких горестных повестях, традиции которых не следует придерживать, идет речь.

Принятое в других переводах (Мих. Делярю, В.И. Стеллецкого и др.) значение “ратный (военный)” позволяет предположить сознательный отход Автора от традиции Бояна, воспевавшего героические подвиги князей-воинов, т.е. от поэтики героических “повестей”. Эта версия находит подтверждение в тексте “Слова”: Автор, полемизируя с Бояном, приводит зачин в манере героических сказаний. Пафос этого зачина – прославление ратного подвига. Но Автор отвергает этот стиль повествования как не отвечающий более сложной творческой задаче.

Определенного комментирования требует слово “повѣстїи”, означавшее в древнерусском языке: рассказ о чем-либо; беседа; рассуждение, ход мыслей; поучение, наставление. «Наиболее употребительный смысл слова “повесть” в древнерусском языке – сказание» [53: 93].

«Дошедшие до нас памятники свидетельствуют, что “повесть” в составе “Слова” – совсем особая форма повествования. ...От повествования летописного или агиографического оно резко отличается прежде всего тем, что никогда, как правило, не ставит себе каких-либо информационных задач: не столько факты интересуют автора, сколько показ своего отношения к ним, не столько внешняя последовательность событий, сколько их внутренний смысл. Отсюда в такой “повести” – заметное ослабление нарративной стихии; читаясь в составе “слова”, она, естественно, подчиняется его общему идейно-художественному замыслу, его общей тональности, проникается элементами ораторской риторики, порою даже совсем теряет свою повествовательную природу, переключаясь на своеобразный монолог “от автора”, посвященный нередко, даже в памятниках церковного торжественного красноречия в эту эпоху, непосредственному обсуждению злободневной общественно-политической проблемы» [212, вып. 4: 96].

Перевод: “Нелепо же нам было, друзья, начать старыми словами героических сказаний”.

5. “...о полку Игоревѣ Игоря Святъславлича. Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню”.

При переводе понятия “полку Игоревѣ” возможны разночтения: “пѣлкъ” – войско, часть войска (боевая единица), поход (т.е. военная экспедиция), битва (сражение). В переводах С. Шамбинаго и В. Ржиги, А.С. Орлова, С. Басова-Верхоянцева, С. Шервинского, Н.К. Гудзия и многих других – “поход”.

А.К. Югов отдает предпочтение “битве”, так как предполагает, что *две битвы* “составляют сердцевину, средоточие всего повествования”. Но и в древнем тексте слово “пълку” в ед.ч., и в переводе самого А.К. Югова “о битве” (ед.ч.!). (У В.А. Жуковского, впрочем, было: “о битвах”; у А. Майкова: “о старинных бранях”.) Но характер повествования убеждает, что для Автора “Слова” не так важно было рассказать о самой битве, как высказать *свое отношение ко всей военной экспедиции и ко всему, что с ней связано*. Из этого будет определяться идея “Слова”: осуждение усобиц и призыв к единению.

Внимание исследователей к этой фразе объясняется тем обстоятельством, что возникает затруднение при объяснении антитезы “былины сего времени” – “замышления Бояна”. “По замышленію” обычно понимается как “по вымыслам”, а “былины” – “действительные события”, т.е. Автор, по мнению исследователей, будет писать (петь) по былям, а не измышлять, как Боян.

В первом поэтическом переводе:

Песнь начать же гласом истины
По былинам того времени,
А не вымыслам Бояновым.

(И.Сиряков)

Современные переводы:

“Но пусть начнется эта песнь по правдивым сказаниям сего времени, а не по замышлению Боянову” (Н.К. Гудзий);

Начаться же той песне
Не по замыслам Бояна –
По делам и былям сегодняшним.

(А. Чернов)

Но у нас нет никаких оснований утверждать, что легендарный певец XI в. Боян сочинял свои “песни”, мало считаясь с реальными фактами, что истории, рассказанные Бояном, не совпадали с былями. Нет оснований утверждать и то, что Боян пел только о событиях, отдаленных от него во времени, о далекой старине. Автор же стремится нарушить эту традицию и петь о событиях, для него современных.

Боян, утверждает “Слово”, пел о *Ярославе* Мудром, *Мстиславе* Храбром и *Романе* Красивом, т.е. о своих современниках. Боян назван в памятнике XV в. “Задонщине” как певец, воспевавший не только князей прошлого: Рюрика – первого князя, Игоря Рюриковича – первого князя Киевского, Владимира Святославича, – но и *Святослава Ярославича*.

Автор “Слова”, в свою очередь, будет рассказывать не только о походе Игоря и о событиях, свидетелем которых он мог быть (поход против волжских болгар, выступление Изяслава против литвы), но и о событиях отдаленных (поход Олега, крамола Всеслава), т.е. петь не по “былям сегодняшним”. Антитеза “былины – замышления Бояна” не может быть сведена только к антитезе “были, реальные события – свободный полет фантазии, вымысел”.

Уже отмечено, что Автор, имея какие-то веские, по его мнению, доводы, не собиравшись следовать традиции и повторять Бояна, с первых слов поэмы он ставит под сомнение стиль военных повестей, имеющих определенные каноны. *Но вопрос, оказывается, касается не только поэтики*

Бояна, но и содержания его песен и оценки действительности. И если Автор столь полемически начинает поэму, то, следовательно, практика придерживаться традиций Бояновых “песен” была общепринятой. Чтобы нарушить ее, отстаивать свои поэтические взгляды и независимую политическую позицию, требовалось мужество и убежденность. Автор не только полемизирует по ряду творческих и политических проблем с Бояном, но и с практикой своего времени. При этом нужно отметить, что к личности и таланту своего предшественника Автор относится с явным уважением и авторитет его признает.

В чем же заключалось противостояние позиций певца XI в.?

О стиле Бояна мы можем составить определенное представление – Автор дает образцы его поэзии. Эти образцы действительно существенно отличаются от изложения самого Автора. Труднее достаточно полно определить политическую позицию Бояна и ее отличие от позиции Автора. Но некоторые выводы возможны. Боян воспел не только Ярослава, но и Мстислава, и Романа.

Мстислав Черниговский знаменит не только тем, что зарезал “поганого” Редеду в единоборстве и подчинил себе племена косоогов, не только тем, что победил хазар, но и тем, что бился в 1024 г. с братом Ярославом при Листвине и обратил его в бегство. Мстислав был первым князем Тмутороканским, создал оплот оппозиции Великому Киеву.

Роман Красивый, внук Ярослава Мудрого, опять-таки князь Тмутороканский, примечателен тем, что первый навел половцев на Русь. Поведет он половцев и еще, повторно, на помощь князю Олегу Святославичу (см. поясн. II.26), своему брату. Потом половцы, помирившись с русскими, убьют Романа Красивого, оставив труп его без погребения.

В конце поэмы Автор сообщит, что Боян пел песнь и Святославу Ярославичу, и в этой песни упоминал Игоря Рюриковича. Но в начале “Слова” Автор назвал только тех князей, что были вовлечены в первые усобицы, и вот им-то, Бояном, и была пропета хвала. Возможно, Боян и осуждал усобицы, но это у него совмещалось с прославлением воинской доблести тех князей (Мстислав, Роман), что поднимали крамолу.

Автор “Слова” все внимание сосредоточит не на героической фигуре воина-князя, не на его ратных подвигах (*Игорь даже не будет показан в бою*), а на причинах поражения и на его следствии.

Гражданским подвигом Автора будет то, что он *укорит всех удельных князей в разобщенности*. На каждого ляжет своя доля ответственности за поражение и за разорение Русской земли. Если кто и достоин славы, по мнению Автора, то это войны, о чем будет сказано в “Слове” дважды.

Итак, “замышленіе” Бояна – это “путь”, “способ”, “план” Бояна. Ср.: “Аште въ грѣсѣхъ въпадѣ къто състарѣеться ни паститися можетъ, ни на жестоцѣ лѣгати ... кыимъ замышлениемъ таковыи спѣси может (трѣлф). Изб. св. 1076 г., об.” [211, вып. 5: 248]. Но “замышленіе” – это и “творческая фантазия”. Ср.: “Писати живописцемъ иконы съ древнихъ образцовъ, как греческие живописцы писали и как писалъ Ондрей Рублевъ ... а отъ своего замышления ни чтожь претворятъ. Заб. ик., 4, 1551 г.” (там же).

“Тѣи пѣсни” – этой песне. “Пѣсни” – дат.пад. ед.ч. “Тѣи” – указательное местоимение дат.пад. ед.ч. “Тѣ” (тот) в древнерусском языке нередко означало указание на только что названный предмет (объект) – “этот”.

“Сего времени” – “этого времени, нынешнего (настоящего, нашего) времени”. Стечение двух указательных местоимений в одной фразе (тъи, сего) делает предпочтительнее в переводе “настоящего времени”.

Перевод: *“О походе Игоревом, Игоря Святославича, начаться же этой песне по подлинным событиям настоящего времени, а не по плану Боянову”.*

6. “...Боянъ бо вѣщїи...”

“Бо” здесь постпозитивный союз придаточного предложения причины. Это определяется логикой прочтения: Автор не только декларирует отказ от метода, способа, плана Бояна, но и дает объяснение причины отказа от метода, способа, плана Бояна.

Вне зависимости от того, какой смысл мы будем придавать образному определению поэтической манеры Бояна (“Боян бо вѣщїи, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизым орломъ подъ облакы...”, см. поясн. I.7), следует принять, что Автор не будет, “растекаясь мыслью по древу”, в поэтическом вдохновении следовать за Бояном.

Переводчики, пренебрегая общим смыслом, видят в “бо” усилительно-выделительную частицу. Так предлагает читать и “Словарь-справочник СПИ” [205], принимая разбивку на предложения Мусина-Пушкина, хотя он сам, вопреки разбивке, перевел “бо” как “ибо”: “...начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым. Ибо когда мудрый Боян хотел прославлять кого, то...”. Ср.:

“...ведь Боян вещий...” (Н.К. Гудзий).

“Если вещий Боян...” (Ив. Новиков).

“...Боян же вещий...” (В.И. Стеллецкий).

Имя Бояна семь раз названо в “Слове о полку Игореве”. Причем, во вступлении (в первой композиционной структуре) – пять раз. Еще два раза назовет Автор имя Бояна в тех случаях, когда будет цитировать фрагменты Бояновых песен в рассказе о князе-крамольнике Всеславе, и в финале.

Трижды Автор демонстрирует стиль Бояна: “Не буря соколы занесе – чрезъ поля широкая галицы стады бежать къ Дону Великому”; “Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божїа не минути!”; “Ольгова коганя хоти! Тяжко – ти головы кромѣ плечю. Зло ти, тѣлу кромѣ головы – Рускои земли без Игоря”.

Стилистическое единство этих фрагментов несомненно. Но, вероятно, первый фрагмент только подражание стилю Бояна. Хотя возможна и иная версия: Автор цитирует подходящие к случаю строки из песен Бояна.

Боян в “Слове” назван “вещим”. В “Задонщине” в списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 (У), он (Боян) – “вещанный боярин”, “горазный гудец”, и пальцы у него “горазные”. В списке ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (И-1)6: “вѣща боинаго горазда гудца” и “горазды своя персты”. В списке ГИМ, собр. Синодальное, № 790 (С): “вещаго горазда гудца”. Таким образом, в тексте “Задонщины” акцентируется, что Боян был *мудрым* боярином и *искусным* музыкантом.

Ср.: “Вещанникъ” – дофос, мудрый: – “Премдрѣи повелѣвает вѣщанникъ. Георг. Ам. 17” [213, т. 1: 502].

На заре исследования “Слова” “вещий” переводилось как “мудрый” (см. выше перевод Мусина-Пушкина). Персты в переводе Мусина-Пушкина названы искусными: “...прикасался искусными своими перстами...”.

Перевод определялся прежде всего логикой прочтения – в СПИ Автор не восхищается пророческим даром Бояна, а говорит только о его мастерстве и мудрости. Отметим, что значение слова “вещий” – “обладающий волшебной силой” – можно подтвердить только по поздним текстам XVI–XVII вв., и то, что в русских говорах и славянских языках фиксируется “мудрый”, “сведущий”. Ср.: у Даля: “вещий – умный, мудрый, смотрок, предусмотрительный” [206, т. 1: 336]. Ср.: болг. – “вещ” – мудрый, опытный; сербохор. – “вешт” – опытный; чеш. – “vesti” – мудрый; польск. – “wieszec” – поэт, пророк, мудрец.

Одним из первых, кто предложил не переводить слово “вещий”, был А.С. Шишков. Он полагал, что «слово “мудрый” неточно характеризует талантливое вещателя, ибо оно может быть применимо ко всякому разумному человеку, живущему во время христианства». Боян же, по мнению А.С. Шишкова, жил во времена идолопоклонства.

Отметим сразу, версия, что Боян – это певец “седой языческой старины”, не имеет под собой никакой основы и противоречит тексту “Слова” и “Задонщины”.

Несмотря на всю вздорность аргументации А.С. Шишкова, его предложение не переводить слово “вещий” было поддержано, так как многим переводчикам показалось, что слово “вещий” придает колорит древности. Возможно, что это и так, но в переводе слово “вещий” несет и то значение, которое оно имеет в *современном* русском языке: “обладающий волшебным даром, кудесник”. Ср.: “вещий” – предвидящий будущее, пророческий» [208: 73].

Впрочем исследователи и комментаторы постарались найти довод в защиту версии, что значение “обладающий волшебной силой” является для слова “вещий” древнейшим. Единственный случай употребления слова “вещий” в древнем тексте, кроме СПИ, найден в “Повести временных лет” под 907 г.: “И прозваша Олга вѣщии...”. Речь идет об успешном походе Олега в Греческую землю. Греки вынуждены были запросить у русских мир и дали Олегу много всякого добра. И вот, собираясь в обратный путь, Олег повелел русским сшить паруса из паволоки. Легко представить себе недоумение и возмущение воинов Олега, когда пришлось выполнять волю князя. Паволока – это очень дорогая ткань, которая в домонгольской Руси играла значительную роль в товарообмене. В договоре Игоря с греками в 945 г. даже стоимость раба соотносилась с количеством кусков паволоки (1 раб = 2 паволокам).

Но опытный воин и мореход Олег опасался, что потрепанные паруса из грубого полотна (“толстины”), под которыми русские шли к греческим берегам, не выдержат штормового ветра. Действительно, та часть флотилии Олега, что шла под парусами из паволок, не пострадала: паволока была не только дорогая, но и прочная ткань. Когда корабли Олега с богатой добычей благополучно прибыли в Киев, его воины “прозваша Олга – вещий, бяхоу бо люди поганы и невѣгласеи”. По мнению исследователей, воины приписали Олегу сверхъестественный дар, знания кудесника, чародея.

Представляется, однако, что речь в летописи идет об ином. Невежественные и грубые воины Олега признали правоту князя и назвали его *мудрым*. До морского похода, когда резали дорогую ткань на паруса, вероятно, эпитеты были совсем иного характера. Мудрость князя противопоставлена невежеству воинов. “Невѣгласеи” означало “невежественные”. Это значение подтверждают многие примеры из летописей и параллели с греческого [213, т. 2: 365]. “Поганы” могло означать не только “нехристианский”, “языческий”, но и “грубый”, “невежда” [212, вып. 4: 103].

Грубые и невежественные воины Олега признали превосходство князя не только за мудрое решение в истории с парусами, но и за военную смекалку: в той же военной экспедиции Олег ошеломил греков, поставив лодки на колеса. Под парусом лодки двинулись к городским укреплениям греков. Не грубые и темные воины смотрели на Олега как на нечто сверхъестественное, а просвещенные греки. С перепугу они приняли Олега за святого Дмитрия, посланного Богом карать.

Мудрый Олег не обладал даром волхва или кудесника. Летопись рассказывает, что за пророчеством он сам обращался к волхвам и кудесникам. *И позволил себе даже усомниться в их способности предвидеть будущее*: “То ти неправо глаголють волъсви, но все то лжа есть...” [124: 29–30].

“Повесть временных лет” приводит назидательную историю, смысл которой может быть определен так: “человек предполагает, а бог располагает”. Мудрый Олег, узнав от волхвов, что конь – его боевой товарищ – будет причиной его смерти, сделал все то, что мог сделать разумный человек, а не маг и волшебник. Но мудрость его оказалась бессильной перед волхованием.

Известные пушкинские строки: “Как ныне собирается вещий Олег” – предполагают значение “мудрый”. При ином значении возникает странная ситуация: один прорицатель – Олег – обращается с просьбой о предсказании к другому прорицателю – вышедшему из леса кудеснику. Ср.:

Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

(А.С. Пушкин. “Пророк”)

Решающим при определении значения слова “вѣщій” в тексте “Слова” является логика прочтения. Предполагает ли сам Автор у Бояна дар пророка, или для него Боян – певец, обладающий высоким искусством?

Уже отмечалось, что Автор на равных полемизирует с Бояном, но, признавая его поэтический дар и авторитет, ставит под сомнение безусловную правильность некоторых его оценок событий прошлого. Напомним, что Автор обратил внимание на то, что Боян воспел не только Ярослава, но и тех, кто противостоял Ярославу и, следовательно, Киеву, кто поднял крамолы и разорял войнами Русскую землю. Боян, утверждал Автор, воспевал князей-изгоев, развязавших усобицы.

Не представляется убедительной версия, что Бояна, жившего в православном Киеве во время Ярослава и Святослава, Автор – человек просвещенный и реалистически мыслящий – считал кудесником и пророком. Нет намек на сверхъестественные возможности Бояна и в “Задонщине”. Миф о чародее-певце Бояне создали еще в XIX в. русские романтики.

То, что современное понимание слова “вещий” сводится только к значению “пророческий” или “обладающий волшебным даром”, определило необходимость его дословного перевода.

Перевод: “Ибо Боян мудрый...”

7. “...то растекашется мыслию по древу, сърымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы”.

Первые комментаторы и переводчики “Слова о полку Игореве” (А.И. Мусин-Пушкин, Д.Н. Дубенский, А.Ф. Малиновский) полагали, что выражение “растекашется мыслию по древу” – столь четкая поэтическая формула, обозначающая в манере средневековой риторики витающую мысль, что недоумения быть не должно.

Очень любопытно замечание А.С. Пушкина: “...поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песню в старину...”. Но А.С. Пушкин почувствовал и несогласованность отвлеченного поэтического образа “растекашется мыслию по древу” со следующим далее конкретно-образным сравнением. Когда Вельтман перевел: “коего (т.е. Бояна) мысли текли в вышину, как соки по дереву”, – Пушкин иронически заметил: “Удивительно!” Он предположил неблагоприятие в тексте – пропуск слова (“славиемъ”).

Боян растекался по древу?
по земле – волком,
под облаками – орлом.

Попыткой восстановить нарушенный параллелизм однородных образов-сравнений явилась и конъектура Е.В. Барсова. Барсов предположил, что у Автора было “мысию-мыслию”, и одно из этих слов показалось при переписке лишним. По поводу того, что же означает диалектное слово “мышь”, возникли разногласия: “белка” [206], “лесная мышь” [52: 13], “соня” [184: 41]. Но Н.В. Шарлемань высказал мнение, что значения “мышь”, “белка” и “соня” равно неуместны в “Слове о полку Игореве”.

Но конъектура Е.В.Барсова нашла свое отражение в переводах:

Вещий Боян,
если кому-нибудь
пропеть замыслил,
то растекался
мыслью-белкой по дереву!
(А.К. Югов)

Своеобразным отголоском этой версии прочтения является опыт реконструкции древней формы слова, означающего “белку”, которая дала диалектную “мышь”. О.Н. Трубачев в результате семасиологического анализа пришел к выводу, что такой формой должна была быть *mystel*, позднее упрощенная в *mysl*. В результате омонимизации *mysl* – “воображение” – вытеснило *mysl* – “белку”.

Таким образом, по версии О.Н. Трубачева, возможно, что в авторском тексте было написание “мыслию по древу”, но означало это – “белкою по древу” [164: 22–27].

Но форма “мышь” в значении “белка” (мышь, соня, векша) в древних текстах отсутствует. Нет в древнерусском языке и слова “мышь”, да и сомнительно, что оно могло означать белку.

Следует учитывать и то, что далее в тексте СПИ будет: “по мыслену древу летая умомъ” (см. поясн. I.21).

“Выражения: (растекаться) мыслию по древу и (скакать) по мыслену древу, не могут быть отделены друг от друга, и потому едва ли представляется необходимость заменить в первой фразе мысль-мысию, т.е. мышью для того, чтобы восстановить воображаемый параллелизм: мыши..., волка и орла. Собственно параллелизма тут нет, выражение: растекаться мыслью по древу (разумеется, опять же мысленному) – общее, которое далее разрабатывается в отдельных конкретных образах” [22: 278].

Выражение “мыслено древо” может быть понимаемо как “древо мыслей” [5, т. III].

Принимая все это во внимание, следует признать перевод “мыслью по древу” правильным. Были предложены толкования этого выражения:

- а) дерево на корню;
- б) “мифическое дерево, которое, по преданиями всех арийских народов, росло в царстве богов...” (А.Н. Майков);
- в) “дерево жизни – жизни человеческого рода” (П.П. Вяземский);
- г) “дерево познания добра и зла” (Д.В. Айналов);
- д) дерево песни (В. Ржига и С. Шамбинаго).

М.П. Чхаидзе, рассматривая выражение “растекашется мыслию по древу”, приходит к выводу, что «исследуемую фразу следует понимать *не как единую метафору* с тремя параллельно расположенными членами (мыслью – по древу, волком – по земле, орлом – под облаками), а как сравнение первого члена, выражающего полет мысли Бояна, с последующими двумя членами, выражающими аналогичные явления в поведении волка и орла. Получается следующий смысл фразы: “Ибо Боян, вещий, если в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслью по древу, точно серый волк по земле, сизый орел под облаками”» [178: 274]. Анализируемый фрагмент М.П. Чхаидзе предполагает читать так: “Ибо Боян вещий, если в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслью по древности (по прошлым историческим событиям Руси), точно серый волк по земле, сизый орел под облаками”. «Надо полагать, что в виду имеется древо как образ, которым Автор обозначил историческое прошлое Руси и даже шире: историю развития древнерусской народности в целом. Говоря терминологией более позднего периода, “древо” здесь означает нечто вроде родословного или генеалогического дерева» (там же).

М.Г. Халанский, Н.А. Мещерский, Н.В. Шарлемань отождествляют “мыслено древо” с реальным предметом – музыкальным инструментом (арфа, гусли, лютня). Но при таком прочтении рождается неправдоподобно вычурный образ: поэт растекается мыслью по лютне (арфе, гуслиям).

В настоящем переводе принято прочтение, при котором предполагается, что речь идет о берестяном письме или о письме по дереву. Письмо по дереву было широко распространено в Древней Руси, о чем свидетельствуют берестяные грамоты, найденные в 1951–1971 гг. в Новгороде экспедицией А.В. Арциховского. Отдельные грамоты найдены при раскопках Смоленска – 1952 г., Пскова – 1958 г., Витебска – 1959 г. Берестяные грамоты относятся к XI–XV вв. У А.И. Соболевского возникла мысль, что, вероятно, и первый список “Слова” был сделан на бересте.

Дерево (доски, полосы бересты) издавна на Руси были дешевым материалом для записей. В.С. Дрочук приводит свидетельство арабского ученого Ибн эль-Недима: “Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабак (Кавказ. – В.Д.) послал его к царю русов: он утверждал, что они имеют письма, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены, не знаю были ли они слова или отдельные буквы” [48: 216]. Надпись на дереве, скопированная в 987 г. арабским ученым, сохранилась, но пока не расшифрована.

“...письменность глубоко внедрилась в русское общество XI–XIII веков. Существовал и дешевый материал для письменности – березовая кора”, – отмечает М.Н. Тихомиров [159: 57–59]. И продолжает: «В свете археологических находок новое объяснение получает известие о распространении в русских городах торговых документов, известных под названием “доски”. В известном рассказе летописи о восстании в Новгороде в 1209 году говорится о досках посадника Дмитра Мирошкинича, которые были отданы князю, но не поясняется, что представляли собой эти доски. Однако в Академическом списке XV века, высокая достоверность которого особо отмечалась А.А. Шахматовым, о досках сказано следующее: “с что ся на дьсках остало в письме, а то все князю”. Таким образом, совершенно ясно, что под досками понимается письменный документ.

В древнерусских памятниках доски точно отождествляются с письменами, писанием. В сборнике XIII в. читаем слова: “...в ты дни написанья дьски сказую”; в другом древнерусском памятнике: “иже обращетя в дьсках написано, ино что книжное и лексикон и к брату написани какому”. Доска упоминается также писателем XII века Кириллом Туровским. В одном его учении встречаем слова, сравнивающие уничтожение досок с изгнанием торгашей из Иерусалимского храма: “да доски, иже и нас купци, разорить”.

Доски являлись общепринятым и очень распространенным документом в Древней Руси, как это показывают статьи Псковской судной грамоты. Новгородские находки позволяют предполагать, что досками могли являться письменные документы, в начале делавшиеся на дощечках, а в более позднее время, возможно, на берестяной коре» [159: 57–58].

Отметим, что и так называемая “Влесова книга” (подлинность которой, правда, ставится под сомнение) представляет собой 35 дощечек с письменами.

Трудно представить, что Боян – музыкант и поэт – сам не записывал своих песен, если жители Новгорода, Пскова, Смоленска могли делать свои немудрые заметки. Записи для себя, вероятнее всего, и делались на недорогом материале – дереве.

Мысль о том, что в “Слове” речь идет о дереве для письма, впервые пришла Е. Классену. Но прочтение Классена было совершенно не замечено. Правда, о нем вспомнил Ив. Новиков, но высказал весьма скептическое отношение: «Если размышления П.П. Вяземского отличаются порой несомненным полетом фантазии, то в этом отношении его, кажется, перещеголял другой упомянутый нами “исследователь” – “доктор философии и магистр изящных наук статский советник” Егор Классен. Его книга, в издании 1854 г., представляет собою, по-видимому, настоящую редкость, потому что она даже не упоминается в обстоятельно составленных справочниках литературы по “Слову о полку Игореве”...»

Ученый автор, приведя цитату из “Слова” – “Боян бо вещей аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу”, спрашивает уже у себя: “Что должно подразумевать под словом – древо? И приходит к выводу, что это есть простое указание на то, что Боян писал еще до изобретения папируса, а потому писал, по тогдашнему обыкновению, на деревянных дощечках...” Вот, оказывается, по какому “древу” Боян растекался мыслью или скакал соловьем! (Егор Классен приводит и этот текст: “Скача славину по мыслену древу”)» [113: 40].

Оставим в стороне замечание о папирусе, но мысль безвестного статского советника представляется более разумной, чем измышления о фантастических райских деревьях добра и зла. Ив. Новиков с иронией пишет о догадке Е. Классена, хотя уже в 1951 г. стали находить письма на дереве. «Вот, оказывается, по какому “древу” Боян “растекался мыслью”», – можно повторить за Ив. Новиковым, но без иронии.

У Автора будет и метафорический образ: “по мыслену древу летая умомъ”. “Древо мыслей” – дерево, на котором есть письма, запись, – так как это поэтическая метафора, расшифровка образа в переводе неуместна.

Боян, искусный поэт и музыкант, излагал свои мысли письмами по мыслену древу (бересте) так же свободно, как свободен бег волка в степи, как свободен полет орла под облаками. (Здесь двучленная формула, она повторяется в “Слове”: “Игорь... влкомъ потече... и полѣте соколомъ”). Так, через метафору, характеризует Автор поэтическую манеру Бояна, полет его воображения (см. поясн. I.6).

Перевод: “...то растекался замыслом по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками...”

8. В издании 1800 г.: “Помняшеть бо рѣчь, пѣрвыхъ временъ усобицѣ”.

В Екатерининской копии и выписках Малиновского: “Помняшеть бо рѣчь, пѣрвыхъ временъ усобицѣ...”

Несмотря на то что текст находится в абсолютно исправном состоянии и совершенно не нуждается в правке, почти все переводчики приняли конъектуру Ф.И. Буслаева–Н.С. Тихонравова – исправление “речь” (рѣчь) на “рече”. Крупнейшие исследователи “Слова” (А.А. Потебня, Ф.Е. Корш, С.К. Шамбинаго, В.Н. Перетц, А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев и др.) были убеждены в правомерности столь радикального исправления текста. Однако полученные после исправления предполагаемой ошибки (переписчика XVIII в.? Мусина-Пушкина?) переводы далеко не представляются убедительными и по логике прочтения, и с точки зрения норм древнерусского языка:

“Вспоминал, говорил, прежних времен усобицы...” (В. Ржиги и С. Шамбинаго)

“Помнил он, говоря, прежних времен усобицы...” (А.С. Орлов)

“Вспоминал он, как говорил, первоначальных времен войны...” (Д.С. Лихачев).

Прежде всего, глагол “помняшеть” (имперфект глагола “помнить”) означает не “поминал”, “вспоминал”, а “помнил”, “держал в памяти”, а фраза “помняшеть бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобицѣ...” находится в тесной логи-

чешской взаимосвязи с предыдущей синтаксической структурой: Боян потому так свободно “растекался мыслью по древу”, что он хорошо знал предмет, о котором писал (пел), потому что помнил (а не припоминал!), держал в памяти события усобных войн.

В слове “речь” (рѣчь) исследователи с непонятной настойчивостью стремятся видеть глагол (аорист 3 л., ед.ч.), что и определяло правку текста. Но еще О. Огоновский совершенно справедливо заметил: “...сей глагол не може тут мати місця, по-за-як при такім способі писання, надлежало-б сі речення почитати висказом самого Бояна” [201: 30].

М.В. Щепкина [192: 75] писала: «Установлено, что в оригинале здесь стояло сокращенное написание 3-го лица единственного числа прошедшего времени “рече” – “ре(ч)”, в смысле позднейшей безличной формы “говорят”. Между тем А.И. Мусин-Пушкин, а судя по переводу, и А.Ф. Малиновский предполагали, что здесь стоит существительное “рѣчь”, хотя и не вполне разбирались в смысле фразы. Но тогда как А.И. Мусин-Пушкин, осмыслив это слово как существительное, соответственно “исправил” его правописание и дал “рѣчь” с буквой “ѣ”, А.Ф. Малиновский оставил подлинное написание без изменений (если не считать добавления мягкого знака) – “речь”. А это позволило впоследствии выяснить подлинное значение сокращения “ре(ч)” как “рече”».

Эти рассуждения – стремление выдать желаемое за действительное. Так, В.М. Щепкина предполагает, что написание “речь” принято в издании 1800 г. по настоянию А.Ф. Малиновского. Но в выписках самого Малиновского стоит: “рѣчь”. (Сравним, В.Н. Перетц считал, что “ѣ в К.оп., може, повстала під пером переписувача к. XVIII в.” [202: 138]). И Мусин-Пушкин, и Малиновский согласно фиксируют “мягкий знак” (речѣ, рѣчѣ), что не позволяет обвинить кого-то в стремлении “исправить” текст. Разночтение “ѣ”–“е” отражает скорее различие в орфографии – в выборе определенной буквы при передаче звука. Во всяком случае, нет никакого основания утверждать, что эти разночтения отражают различное понимание смысловой сущности языковой единицы: “рѣчь” – существительного (со значениями: звук, слово; язык, наречие; вопрос, дело; предмет, вещь; имущество; спор, несогласие); “речь” – глагола (инфинитив – “речи”) в значении “говорить”. Во-первых, в древних текстах нередко нарушение орфографической нормы, и слово “рѣчь” многократно имеет написание: “речь”. Ср.: “Што будеть намь речь съ пискоупомь или съ мастеромь, то ведаемья мы сами”; “И потомь послаша Маноуилоу Ягьочевича съ последнею речью: поиде въ свою оційоу” [213, т. 3: 224–225]. Во-вторых, если предположить, что в древней копии слово “рече” было написано с выносным “ч” (“реч”), то Мусин-Пушкин и соредакторы должны были дать написание “рече”, а не “речь”. Именно так поступают редакторы при прочтении фразы “И рече ему Буи Турь Всеволод...” (в Екатерининской копии – “речь”) и “рече Кончакъ...” (в Екатерининской копии “речь”). Но Мусин-Пушкин и соредакторы дают в первой печати: “речь пѣрвыхъ временъ усобицѣ”. И слово “речь” не отделяется никакими пунктуационными знаками. Следует совершенно свободный перевод: “памятно нам по первым преданиям”. Редакторы не усомнились, что слово “речь” – существительное, и слово “речь” переведено как “предание”. Видеть в орфографии Мусина-Пушкина и соредакторов

более правильную (в сравнении с Екатерининской копией) передачу текста оригинала нет оснований. Так как древний текст читается в копиях без всякой правки и без явного нарушения норм грамматики, то любые “исправления”, как бы правдоподобно они ни выглядели, являются произвольным актом.

Следует отметить, что кроме О. Огоновского свое несогласие с исправлением “рѣчь” на “рече” высказал и Ф.М. Головенченко [31: 268]: “Помняшь бо речь пѣрвыхъ временъ усобицѣ”. “Речь” – сказание, предание. Замена “речь” глагольной формой “рече” – ошибочно. (Ср. у О. Огоновского: “рѣчь” – (укр. речь) – казка.)

Выше уже было отмечено, что осмысление фразы “помняшь бо речь пѣрвыхъ временъ усобицѣ” возможно только с учетом предыдущего: “Начати же ся тѣи пѣсни ... не по замышленію Бояню” + “Боянъ бо ... растѣкашется мыслію по древу...”.

В целом синтаксическая конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение с двумя *последовательными* подчинительными связями. Кроме того, к *первому придаточному предложению*, причины, относится еще одно придаточное предложение – условное: “Аще кому хотяше пѣснь творити”. Последовательное подчинение придаточных предложений в настоящем переводе подчеркнуто прочтением второго постпозитивного союза “бо” как “так как”, а не союзом “ибо” (как в первом придаточном предложении). Смысл: “по той причине начаться песне по подлинным событиям, не по плану Бояна, что Боян был поставлен в процессе своего творчества в определенные условия”.

Уточним, что Боян – певец прошлого, предыдущего столетия (времени Святослава–Ярослава) – знал и помнил о конфликтах прежних междоусобиц (в которые были вовлечены Ярослав, Мстислав, Роман, Святослав Ярославич и Всеслав).

Для обозначения понятия “конфликт” Автор употребил слово “рѣчь” (речь), т.е. “спор”, “свара”. Ср.: “Мітрополитъ или пискоупъ вѣдаетъ межими соудъ, или обида, или котора, или вражда, или задница; еже, будетъ иномоу челоувѣкоу стымъ челоувѣкомъ рѣчь, то обции соудъ. Церк. уст. Влад. (по Син.сп.)”; “Вѣдаете, дѣти, занеже многажды рѣчи имятемъ были промежи двѣма владыками Рязанскимъ и Саранскимъ. Грам. Феоген. м. Черв. Яр. д., 1353 г.” [213, т. 3: 225].

“Пѣрвыхъ” – “пѣрвыи” – первый по порядку; “На первомъ перемирыи на другомъ и на третьемъ. Дог. гр. Дм. Ив. 1372 г.” [213, т. 2: 1766].

“Усобица” – междоусобица, распря. “Усобицѣ” – род. пад. (мягкая разновидность склонения) ед.ч.

Четкая логика изложения, возможность соотнесения с историческими реалиями и с событийным рядом самого “Слова” делают предлагаемое прочтение предпочтительнее тому, при котором слово “речь” понято как глагол и произведена правка текста, а в результате с нарушениями норм древнерусского языка получены переводы весьма неубедительные по смыслу. См., например, перевод Д.С. Лихачева, приведенный выше: неудачно вводится выражение “как говорил”, неточен перевод слов “помняшь” и “усобицѣ”; лишено конкретного смысла сочетание слов “первоначальных времен войн”.

Перевод: “...так как хранил в памяти свару ранней поры междоусобицы”.

9. “Тогда пушашеть ї соколовъ на стадо лебедеи которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу...”

Этот фрагмент представляет собой любопытный случай, когда ложное прочтение текста было узаконено исследователями как бесспорное целыми сериями ложных посылок. Прежде всего, фантастическое понимание текста вызвано нарушением логики повествования. Образная систем:

половцы – соколы
лебеди – струны,

использована Автором в следующей далее отрицательной конструкции, где она “работает” (но Боян же, друзья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, а свои искусные пальцы на живые струны возлагал). В силу инерции мышления эта логическая образная система перенесена и на фразу: “Тогда пушашеть ї соколовъ на стадо лебедеи...”, что определило и необходимость правки древнего текста, потому что заданный смысл ясно угадывался, а некоторые формы слов эту заданность нарушали. Образ терзаемой соколом лебеди, и при этом распевающей песни-хвалы Ярославу, Мстиславу, Роману, не показался читателям и исследователям неуместным: “Тогда пускал десять соколов на стадо лебедей, который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая пела песнь-хвалу старому Ярославу...” (Д.С. Лихачев).

Но чтобы получить этот странный текст, нужно было произвести радикальную правку. Слово “которыи” (так во всех копиях!) исправляется на “которую” или “которыгъ”. Исследователи были убеждены, что имеют дело с местоимением (в первом случае – род.пад. ед.ч. жен. рода, во втором – предполагают, что можно рассматривать как местоимение муж. рода), т.е. “который достигал (какой лебеди), то та прежде...”.

Но если воздержаться от необоснованной радикальной правки, то представляется, что мы имеем здесь два слова – “которы” (сущ. мн.ч. от “котора” (ссора) и союз “и”). Кроме того, необходимо уточнить и значения слов: 1) “дотечаше”. “Дотечи” – в значении “дойти, добежать, долететь” – имело еще и значения “постигнуть”, “добраться до истины”. “Ни умъ челоувѣчьи не дотечеть, ни языкъ извѣстовати тоя красоты не можетъ. Сл. похв. Фомы. 22 (XVI~1453 г.)”; 2) слово “преди” не только означало “прежде всего” или “впереди”, но и “прежде”, “в прошлом”: “Иже бо прѣдъ спѣшивъ. Изб.1073 г.”; 3) “та” – среди значений: “так”, “таким образом”: “Та бжджитъ послѣднии първии и първии послѣднии ... Мо. XX.16. Остр. ев.”

Отметим еще, что слово “стадо” означало “много однородных животных вместе , стадо дикой птицы, стая, станица” [20б, т. 4: 314]. Ср. в “Житии Михаила Тверского”: “...виде вои свои расположен аки птичье стадо...” [5, т. 1: 434].

С уточнением синтаксических границ перевод приобретает (без правки текста!) логическую стройность и завершенность.

Перевод: “Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, распри и достигал. Так в прошлом хвалу пел он старому Ярославу...”

10. “... красному Романови...”

Слово “красный” в значении цвета в XII в. не употреблялось, основное его значение было “прекрасный”, “красивый”. “Красивый” предпочтительнее, так как семантика слова “прекрасный” несколько шире: не только “прекрасный”, но и “очень хороший”, – а Роман Святославич был красив, но не

очень уж благороден в поступках. Иные значения слова “красный” – “праздничный, радующий и благодатный”. Ср. в СПИ: “Свѣтлове тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси”, т.е. тепло и благодатно всем светлое-пресветлое солнце.

Перевод: “...красивому Роману...”

11. “Боянъ же братіе не ꙗ соколовъ на стадо лебедеи пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше...”

Десять соколов, устремляющихся на стаю лебедей, развернутое сравнение игры на струнном музыкальном инструменте с соколиной охотой. Десять пальцев – соколы. Стадо лебедей – струнный ряд. Хотя Н.Ф. Финдейзен и считает, что Боян играл на десятиструнном инструменте [166: 219], но сколько было струн-лебедей, Автор не счел нужным уточнить.

Перевод: “*Боян же, друзья, не десять соколов на стаю лебедей пушал, а свои искусные пальцы на живые струны возлагал...*”

12. “...отъ стараго Владимира...”

Можно с уверенностью утверждать, что речь идет о Владимире I, а не о Мономахе, так как в “Слове о полку Игореве” Владимир с эпитетом “старый” вновь упомянут при явном сопоставлении его времени (годин) с более поздним (см. поясн. V.20, 21).

“От” и “до” отнюдь не означает охвата всех событий истории Русской земли – задачи явно невыполнимой. Но взор Поэта действительно будет обращаться к событиям далекого прошлого. “От” и “до” – период феодальных распрей, усобиц.

Перевод: “...от прежнего Владимира...”

13. “...иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ...”

В этом фрагменте затруднение у переводчиков и комментаторов вызвало слово “истягну”. “Истягнути” отмечено только со значением “вытянуть”. Первые переводы были приблизительны: “Сей, напрягая ум своею крепостью, поостряя свое сердце мужеством...” (Неизвестный автор. 1790-е годы). (Ср. у А.С. Орлова: “...возбудил ум крепостью своею...”)

Дм.Дубенским было высказано предположение, что слово “истягну”, возможно, следует читать как два слова: “и” – союз и глагол “стягну” – “стянул”, “укрепил”, “связал”. Эту конъектуру поддержал Вс. Миллер. В последнее время ее отстаивает Л.А. Дмитриев [45: 285–287]. Он отмечает, что многие переводчики, отстаивая написание “истягну”, переводят и комментируют исходя из значения “стягнути”: “Игорь обуздал (скрепил, перепоясал) свой ум”. Поддерживая прочтение Дубенского–Миллера, Дмитриев приводит пример употребления глагола “стягнути” в рассказе Жития Иоанна и Логгина Яренгских, по редакции Сергея Шалонина, правда, текст поздний – середина XVII в. Однако Дмитриев вынужден отметить убедительность толкования этого фрагмента, предложенного И.Д. Тиуновым. Это толкование отмечает и “Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 2: 167]: “...лезвие стального орудия... кузнец разогревает на огне и отковывает тоньше – оттягивает...

вытягивает, а затем оттачивает на бруске”. Здесь образ из кузнечного дела, и оба глагола “истягнути-поострити”... выступают в профессионально-реалистическом смысле... Перевод: “который своею мощью кузнеца выковал решение и мужеством отточил свое сердце”.

Прочтение И.Д. Тиунова позволяет раскрыть поэтическую образность. Но следует отметить еще раз и сложившуюся традицию нарушения (во всех переводах!) логики повествования и “скрытую” правку текста: в переводах “сердце свое” вместо “своего сердца”. Игорь отточил мысль Автора, т.е. мысль – идея СПИ – это и есть основная идея вступления в поэму.

Перевод: “...который заострил замысел непреклонностью своею и отточил мужеством своего сердца”.

14. “...наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Русскую”.

“Навести” – направить [212, вып. 3: 136].

Южная граница русских поселений совпадала с границей лесостепной полосы, только в районе Днестра, на подходе к Черному морю. Причерноморская степь заселялась тюркскими кочевыми племенами. В начале XI в. в Степи расселяются половцы. Хотя нет оснований говорить о половецкой экспансии на север, но половцы были беспокойными соседями, предпринимавшими набеги на пограничные земли, что вызывало ответные действия русских князей. Сталкивались интересы русских и половцев в Степи и в стремлении русских южных и восточных уделов выйти на торговые пути: к морю у Тмутарокани и к Великому шелковому пути в Азию (в Хорезм и Китай). К концу XI – первой половине XII в. положение усложнилось в связи с развитием феодальных отношений на Руси. Киев медленно, но неуклонно теряет свое влияние, дробятся крупные княжества, усиливаются межкняжеские распри. Борясь между собой за овладение лучшими уделами, русские князья заручаются поддержкой половецких ханов, опираясь на их помощь, “наводят” кочевников на Русь и, в возмещение этой помощи, отдают на разграбление земли своих противников. В стремлении заручиться такой поддержкой русские князья охотно идут на смешанные браки, и родственники-половцы вовлекаются в усобные распри.

Единственным средством прекратить вмешательство половцев в политическую жизнь русских земель было единение княжеств, создание военной коалиции, но именно это и было исторически невозможно. В этих условиях не только обращение за помощью к половцам, но и сепаратные действия против них были пагубны для Руси.

Перевод: “...направил свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую...”

15. “Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты...”

Пословный перевод этого фрагмента, на первый взгляд, не представляет особой трудности. Но уже наличие неуточненного местоимения “отъ него” создает значительную сложность при комментировании и провоцирует разночтения в объяснительных и поэтических переводах. Ср.:

А когда он посмотрел из-под руки
На светлое солнце –
Солнце его полки
Мраком покрыло!

(А.Чернов)

“Тогда (в начале того печального похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (грозное предзнаменование): от него (Игоря) тьмою затмения все его воины покрыты” (Д.С. Лихачев).

У А. Чернова мрак исходит от солнца, и этот мрак покрывает войска, скрывает их от Игоря. С точки зрения поэтической образности невозможно, чтобы Солнце было источником мрака.

По поводу же перевода Д.С. Лихачева уместно привести замечание Г. Карпунина: “Странен и стиль: Игорь взглянул на солнце, увидел творящееся на ... земле. Вдобавок требуется, чтобы сам Игорь находился вне полосы затмения” [64: 163].

Но и предлагаемое самим Г. Карпуниным прочтение: «Тогда Игорь взрел на светлое солнце и увидел (узнал) от него: “тьмою вся своя вои прикрыты», т.е. о том, что войска покрыл мрак, Игорь узнает непосредственно от *солнца*), – в свою очередь не выдерживает проверки грамматикой: “увидел от него” совершенно недопустимо по нормам древнерусского языка, тем более современного; замена же значения “видеть” на “узнал” невозможна, так как глагол “видѣти” в контексте несомненно означает зрительное восприятие: “Игорь възрѣ... и видѣ”.

Описание солнечного затмения (1 мая 1185 г.) в СПИ, как и в Ипатьевской летописи, начинается с того, что Игорь смотрит на небо, после этого следует знамение: “Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ...” – “Игорь же възрѣвъ на небо и видѣ солнце, стояще яко мѣсяць...”. В момент затмения сам Игорь – только зритель. В тексте СПИ: тьма скрывает *от солнца* войско. Знамение сулит гибель воинам (смерть-мрак). После затмения Игорь уже знает о неминуемой гибели своего войска.

Но затмение не воспринимается Игорем как предсказание и его собственной гибели. Объяснение – в средневековой символикe. Князь – это солнце. В самом “Слове” будет: “Черные тучи идут хотят прикрыти 4 солнца”. 4 солнца – четыре князя. Черные тучи – половцы. Возвращение Игоря на Русскую землю символизирует Светлое Солнце на небе. Пленение Игоря и Всеволода – угасание двух солнц.

«...примеры из светской литературы, уподобляющей царя-князя солнцу, в летописи связаны с представлением о смерти князя как заходе солнца (Ипат. лет. под 1179, 1289 г.), а также в житии Александра Невского. Деятельность Владимира Мономаха летописец, сообщая о его смерти, уподобляет солнцу: “...просвети Русскую землю, аки солнце лучи пуцая” (Ипат. лет., 1126 г.). В переводной повести царь и при жизни уподобляется солнцу: повесть об Акире – “Ты, Царю, уподобился солнцу” (стр. 177); в Александрии – “царь царем ... сияя с солнцем” (стр. 43). “Солнце”, “светозарное солнце” – эпитеты Девгения (Девг. Деяние)» [1: 53].

Теперь становится понятна и странная фраза, сорвавшаяся с губ Игоря сразу же после знамения: “Да лучше бы посеченным быть (как мои воины), чем быть плененным (ибо это грозит мне)!”

А между тем все исследователи единодушно утверждают, что эпизод затмения в “Слове” нарушает последовательность изложения начала похода.

Так, Н.К. Гудзий писал: «Если по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям затмение произошло тогда, когда Игорь со своим войском был уже в пути, у Донца, и когда возвращение домой было поступком малооправданным с воинской точки зрения, то в “Слове” затмение наступает в пору, когда Игорь еще только собирается выступить в поход, и когда, следовательно, легко было бы отложить задуманное предприятие до благоприятных знамений» [37: 11–12].

Ошибочное мнение, что Автор дает свою отличную от летописей версию, сложилось под влиянием убеждения, будто только после встречи Игоря с Всеволодом русские выступили в поход.

Некоторые ученые (А.И. Соболевский, В.П. Адрианова-Перетц, Б.А. Рыбаков) пришли к выводу, что первоначально в тексте этого нарушения временной последовательности не было, что речь должна идти только о перепутанных страницах рукописи. Следовательно, разумнее всего восстановить последовательность, переставив фрагменты так: после “наведе своя храбрѣя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую” должно следовать “О Боян, соловію стараго времени! А бы ты сіа плъкы ущекотал...”, потом – встреча с Всеволодом, после чего “тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...”, далее – “Тогда вѣступи Игорь князь въ злат стремень...”.

Противники столь радикальной правки текста, соглашаясь с тем, что затмением последовательность событий в “Слове” нарушается, видят в этом поэтический прием, позволяющий Автору оправдать Игоря. Образ затмения – это символ бедственного положения Русской земли. Игорь потому идет навстречу гибели, чтобы отвести беду от родной земли. Затмение в СПИ не столько конкретно астрономическое явление, сколько развитие библейской в своей основе темы борьбы света и мрака [197: 121].

Самое удивительное в этих рассуждениях то, что именно исследователи-то и нарушают последовательность событий. Встреча Игоря с Всеволодом произошла, по летописям, *после* (!) затмения. *Игорь выступил один*, затмение застало его у Донца, т.е. у половецкой земли. От Донца он пошел к Осколу, где два дня ждал брата. Перестановка фрагментов эту последовательность нарушает.

Правильное прочтение фрагмента “наведе своя храбрѣя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую, тогда Игорь възрѣ на светлое солнце и видѣ...” определяется при осознании коммуникативной общности и нечленности этой структуры.

Прежде всего, все события относятся ко времени сравнительно далекому, т.е. произошли в прошлом. Все глаголы-сказуемые даны в форме аориста, что подчеркивает единство событийного ряда. Глагол “наведе” означает совершившийся акт (Игорь уже привел войска на чужую землю, когда затмение привлекло его внимание). Когда пойдет само повествование о походе, глаголы будут в настоящем времени!

Особое значение имеет слово “тогда”. В древнерусской языке условно-временные значения в конструкциях, близких бессоюзным предложениям времени, были выражены недостаточно четко, но они становятся более определенными, когда вводятся соотносительные слова или словосочетания во второй, примыкающей, части: “...и придоша Киевоу и тогда явиса звѣзда

привелика на западъ испощающа лоучи (Ипат. лет., л. 117 об.); “и хотѣ ѣхати съ Бѣлозерьци на Двѣвичю къ Дѣдославлю и в то время поча изнемогати Иванко Гюргевиць (Ипат. лет., л. 124 об.)” [63: 213].

Текст этого фрагмента не нуждается в “исправлениях” и “улучшениях”, логика изложения безупречна, и нет необходимости оправдывать несуществующие алогизмы поэтическими вольностями Автора. Идея же переставить фрагменты, т.е. изменить композицию “Слова”, представляется просто кощунственной.

Перевод: “...и тогда Игорь глянул на светлое солнце и увидел: от него мраком все свои войска скрыты”.

16. “Братіе и дружино!”

В этом традиционном обращении князя к дружине слово “братіе” переведено как “соратники”. Такое понимание основано на прочтении аналогичных текстов. Ср.: “1185: Игорь же взрѣвъ на небо ... и рече боярамъ своимъ и дружине своей... Братья и дружино тайны божия никто же не вѣсть... Ипат. лет., 638 (XV в.)” [212, вып. 1: 70].

Перевод: “Соратники и дружина!”

17. “...лице жъ бы потяту быти, неже полонену быти...”

“Потяти – стар. По(из)рубить, посечь, по(ис)крошить, изрезать” [213, т. 2: 1309]. “Быѣ сѣча зла и потяша и стяговнина нашего и члъку стяговую строгаша (съ) стяга. Ипат.л., 6680 г.” [213, т. 2: 1309].

У В.А.Жуковского: “Лучше нам быть порубленными, чем дань в плен”.

В поэтических переводах часто: “лучше быть убитыми...”, – что по логике изложения вполне допустимо. Ср.:

Лучше пасть,
Чем в плен попасть!
(А.Чернов)

Но во всех переводах игнорируется *сослагательное наклонение*, что искажает смысл (см. поясн. I.15). Следует: “лучше же бы быть посеченным”. При переводе усилительная частица “же” заменена усилительной частицей “да” (“Да лучше...”, что позволяет в современном тексте сохранить экспрессию).

Перевод: “Да лучше бы быть посеченным, чем пленным быть”.

18–19. “Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго. Хошу бо...”

Большинство переводов стремится лишь передать угадываемый смысл: “Ум князя (мысль) уступил страстному желанию, и охота отвесть великого Дона (дойти с победой до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование. Хочу ведь...” (Д.С. Лихачев). Необходимость поисков принципиально иного прочтения текста этого фрагмента продиктована крайним неблагоприятием существующих переводов с точки зрения грамматики, лексики и логики прочтения:

а) сочетание слов “Спала князю умъ похоти” переводчикам удается прочитать весьма условно и после решительного исправления текста. Су-

ществует несколько вариантов прочтения. Предполагается, что “спала” – 3-е л. ед.ч. аориста глагола “спалати” – “вспыхнуть” (“Спалила князю душу жажда” А.К. Югов). Этот вариант прочтения, предложенный А.К. Юговым и Р. Якобсоном, предполагает исправление “похоти” на “похоть”, так как нет необходимого согласования в числе подлежащего и сказуемого. Формы “спала”, да и самого глагола “спалати” в древних текстах нет;

б) версия прочтения Н.М. Дылевского предусматривает правку “похоти” на “похыти” – “похитил”. “Спала” понято как существительное, означающее “жар”, “лихорадочный огонь”. В древнерусских текстах “спала” не найдено. Предполагаемый смысл: “Жар у князя ум похитил”;

в) в варианте прочтения “Вспало на душу князю желание” (А.Г. Степанов): “спала” – причастие на “л” (3-е л. ед.ч. жен.рода). Глагол “спасти” хорошо известен по летописям, но в предложенном синтаксическом построении необходима правка текста: “похоти” на “похоть”.

Сочетание слов “жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго” явно не представляет собой правильную синтаксическую конструкцию. Буквальный перевод должен дать: “зависть (досада) ему знаменіе застонила изведать Дона великого”.

А.С. Пушкин по поводу этих строк заметил: “Слова запутаны”.

Переводчики вынуждены производить правку текста – изменять позицию слов: “жалость / искусити Дону Великаго / ему знаменіе заступи”. Эта правка текста отражена во всех переводах.

Ср.: “...и охота отведать великого Дона застонила ему знаменіе” (А.С. Орлов).

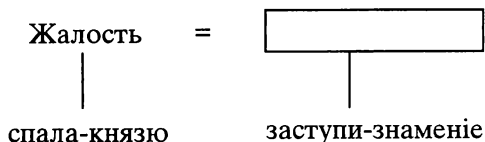
Но и подвергнутый радикальной правке текст читается с определенным произволом по отношению к лексике.

Слово “жалость” имело значения: “жалоба”, “негодование”, “досада”, “печаль”, “горе”, “грусть”; “сострадание”; “ревность”, “зависть”. Ни одно из этих значений в предложенном прочтении не представляется уместным. Значения “охота”, “страстное желание” слово “жалость” не имело. И “Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 2: 69–70], и “Словарь русского языка XI–XVII вв.” [210] подтверждают значение слова “жалость” – “страстное желание” – только примером из самого же “Слова о полку Игореве”, т.е. использована некорректная система доказательств.

Прочтение этого фрагмента возможно без исправления и с соблюдением всех языковых норм. Безусловным представляется: “спала” (“запала”) – причастие на “л”, ед.ч. жен. рода [212, вып. 5: 202–203]. Единственно возможная предикативная связь сказуемого “спала” устанавливается с существительным “жалость” (ед.ч. жен. рода им.пад.). В то же время несомненна предикативная связь “жалость” (ед.ч. им.пад.) – “зступи” (аорист, ед.ч. 3-е лицо). Синтаксическая конструкция “спала князю умъ похоти жалость, ему знаменіе заступи” – сложное бессоюзное предложение. Второе предложение, входящее в состав сложного – неполное, но отсутствующий член восполняется за счет первого предложения. Неполнота второй части бессоюзного предложения является показателем структурного объединения частей (предложений) одним из средств грамматикализации смысловых отношений. В первом сказуемое не случайно выражено причастием на “л”. Причастие на “л” позволяло назвать действие, которое произошло, но результаты

которого продолжают сохраняться. Аорист указывает на завершенность действия.

Схема синтаксической конструкции:

С учетом этой схемы определяется место и значение сочетания слов “умъ похоти”. Одно из значений слова “умъ” – “мысль”, “дума” [213, т. 3: 1211–1212]. “Похоти” – “желание”, “прихоть”, “влечение”; в предложении “похотии” – приложение к слову “умъ”. В памятниках древнерусской письменности приложения обычно широко употреблялись при именах собственных. Приложение при нарицательном существительном – явное свидетельство влияния книжных (церковнославянских) или народных традиций. “Умъ” и “похотии” – согласованы в падеже (родительный) и числе (множественное). Возможно, мы имеем случай довольно редкого в употреблении родительного падежа причины, хотя более вероятно, что это родительный отделительный.

“Жалость” – в значении “страсть” [212, вып. 2: 69] (возможно “ревность”). Одной из побудительных причин похода Игоря была зависть к успехам Святослава Киевского в 1184 г. В СПИ Святослав в “Золотом слове” упрекает Игоря и Всеволода в зависти к его славе, припоминая их похвальбу тем, что они даже прежнюю славу Святослава присвоят себе.

“Заступи” – “загородить”, “заслонить”, “преградить” [212, вып. 2: 109].

Стремление передать смысловую соотносимость причастия и аориста определили и перевод фразы как предложения с деепричастным оборотом.

“Искусити Дону великаго хощу бо, рече” – абсолютно правильное с точки зрения грамматики построение (“Искусити хощу” – составное глагольное сказуемое – начинает следующую структуру).

Перевод: *«Запала князю дум-желаний страсть, ему знамение заслонив. “Так как изведать Дону Великого хочу...”»*

19. “Хощу бо – рече, – копе приломити конец поля Половецкого, съ вами, Русици, хощу, главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону”.

В переводе А.С. Орлова: “...охота отведать Великого Дона (заслонила ему знамение). Хочу я, сказал (он), сломить копьё на границе степи половецкой, с Вами, сыны Русские, хочу (или) сложить свою голову, или напиться шлемом из Дона”.

Конечно же, вне контекста всего фрагмента речь Игоря осмыслена быть не может.

Игорь в походе увидел грозное знамение. Смысл его – гибель войска. Князь ужаснулся тому, что он может оказаться в плену. Но жажда славы сжигает душу. И ему, сорвавшему своим выступлением совместный поход против Степи, вернуться назад посрамленному нельзя. Эту мысль четко выразит Ипатьевская летопись: “Игорь же рече с братьею своею: оже ны будет не бившиися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти. Но како ны бог дасть”.

В СПИ в скупых строках передано смятение Игоря, знающего о грядущей беде, но из честолюбия и средневекового представления о чести готового вести людей на смерть, готового рискнуть своей жизнью. Автор оказался прекрасным психологом. В переводах же Игорь представлен храбрым, но легкомысленным князьком, рассуждающим так: “Либо пан, либо пропал!”. Напряженный драматизм монолога приглушен. А между тем в душе у Игоря происходит борьба. В отчаянии он говорит, что в час испытания не отделяет себя от воинов, что и сам готов погибнуть со своими воинами, но, *может быть*, удастся все же пробиться к Дону.

“Конец поля” означает “дальний его предел”. Во всех случаях при пространственном значении в древнерусских текстах слово “конец” имеет только такой смысл. И все рассуждения исследователей о том, что слово “конец” могло означать ближайшую границу, не имеют опоры в фактическом материале.

Фраза “хочу копіе преломити конец поля Половецкаго” была прокомментирована так: «Зачем ломать князю копьё в самом конце поля половецкого? Чтоб понять это выражение, приведем текст из Лаврентьевской летописи (1151): “Андрѣи ... ѣха напередъ, и съѣхася прежде всѣхъ и изломи копьё свое” – “князь выехал вперед перед фронтом войск и сломал свое копьё”. Зачем ломать копьё перед началом боя? Как же князь будет биться, если бы он сломал свое копьё? Какой смысл в этом? С нашей точки зрения, это нелепость... Это магический заклинательный обряд. Ломая копьё над своей головой (а князь ведь глава всего войска), князь совершает заклинание, смысл которого может быть раскрыт примерно в такой формуле: “вот так, как сломалось это копьё, не причинив мне вреда, пусть сломятся все вражеские копьё”. Так что и здесь мы имеем не поэтический образ, а сохранение древней магической формулы...» [78: 177].

Но ломать копьё, да еще над головой, – процедура весьма затруднительная. А магическая формула заклинания, конечно, плод поэтической фантазии. “Сломить копьё” – это совсем не рыцарское выражение. Еще А.С. Пушкин писал: “Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское – нет: *это значит неудачу*” (курсив наш. – Ю.П.). Действительно, потерять копьё, оружие первого боя, означало лишиться преимущества быть от противника на расстоянии. “И учаль Уруслан съ чудом битися, и копя у них приломились, и изымалися за руки. Ур. Зал., 124 (XVII в.)” [212, вып. 4: 203]. Горе воину остаться без копья, если им вооружен противник. В отрывке из Лаврентьевской летописи, на который ссылается Б.А. Ларин, сказано: “Андрей выехал вперед и съехался (с противником) прежде всех и сломил копьё свое”, т.е. князь бился и потерял копьё, а не произносил магическое заклинание перед терпеливо ожидающими конца этого ритуала врагами.

“Словарь-справочник СПИ” утверждает, что “копіе сломати” – фразеологизм и означает участие в войне, *но все приведенные в справочнике примеры подтверждают только: “военная неудача”*.

Да и в тексте “Слова” смысл выражения “копіе приломити” находит свое разъяснение: “По той причине готов рискнуть своей жизнью (преломить копьё), что овладело мною страстное желание достигнуть Дона”, – заявляет Игорь. Если знамение сулит гибель войску и избежать этого не удастся, *князь готов разделить судьбу русичей, но не может отказаться от риско-*

ванной затеи. Текст “Слова” подтверждает еще раз, что “копье сломить”, как “голову сложить”, означает “быть поверженным”.

Перевод: “*Так как изведать Дону Великого хочу – заявил. – Копье сломить вдали поля половецкого с вами, русские, хочу! Голову свою сложить или испить шлемом из Дона!*”

20. “О Бояне, соловію старого времени!”

“О Боян, соловей старого времени!” (Д.С. Лихачев).

Боян назван соловьем, а в древних текстах этот эпитет был приложим обычно к поэту – автору песен или церковных песнопений. Так, «в Минее служебной по русскому списку 1096 г. известный византийский поэт Феофан, автор церковных песнопений, именуется “соловии-добропѣсныи» [1: 20].

Перевод: “*О Боян, соловей старого времени*”.

21–25. «...скача, славію, по мыслену древу, летая умо^м подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Троканю чресь поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореве того Ольга внуку: “Не буря соколы занесе чресь поля широкая – галицы стады бѣжать къ Дону Великому”; чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче...»

(О Боян) «...скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную этого повествования – “от старого Владимира до нынешнего Игоря”), рища в тропе (языческого старого русского бога) Трояна через поля на горы (иначе говоря – переносясь воображением на огромные расстояния). (Пришлось бы) внуку тому (то есть Бояну – внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь) Игоря (в таких старинных выражениях): “Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону Великому”» (Д.С. Лихачев).

В приведенном переводе (ныне хрестоматийном!) даже наличие вставок в объяснительном переводе Лихачева не помогает проследить за логикой изложения. Недоумение при чтении этого фрагмента возникает более, чем в каком-то ином месте. Почему Автор, утвердив мысль, что не следует, повествуя об Игоровом походе, писать в стиле Бояна, теперь восклицает, что Боян-то и смог бы воспеть Игоря. О каких *походах* (множественное число) идет речь, ведь повествуется только об одном, вполне конкретном событии (походе Игоря в 1185 г.)! По какому дереву должен скакать Боян? Что общего у славы времени Владимира с бесславием Игорева похода, принесшего пленение и гибель русичей, срыв общерусского похода, ослабление линии обороны по Суле и по Роси? Что означает языческая тропа Трояна, идущая по горам и долам? На основании каких данных решено, что “тот внук” и “внук Велеса” одно и то же лицо? Почему в песенном зачине половцы сначала названы “соколами”, а потом оказывается, что они – “галки”?

Для Автора СПИ столь характерна ясная мысль и стремление подчинить частное общему – идее произведения, что позволительно усомниться и в точности прочтения текста, и в правильности его комментирования. Впрочем, комментирование этого фрагмента ограничивается уточнением лексики и соотносением двух образцов зачина. Общий смысл определяется примерно так: Автор обращается к Бояну: “А как бы ты воспел эти походы?”,

или “Уж ты бы воспел эти походы!”, или “А что, если бы ты воспел эти походы?”. Далее Автор, по версии переводчиков, приводит зачин в манере Бояна и противопоставляет ему свой (по другой версии, приводятся два образца песен Бояна). И смысл спора с Бояном, и связь этого фрагмента с предыдущим так и остаются непроясненными (напомним, что перед этим фрагментом Автор рассказывает о драматических событиях). Игорь видит значение, смысл его: воинов Игоря ждет гибель, если князь не откажется от продвижения в глубь половецкой степи. Но Игорь, сжигаемый честолюбием, рискнул бросить вызов судьбе. Напомним еще, что Автор развивает и тему отличия своей творческой и политической позиций от позиции Бояна, впрочем отдавая должное мастерству Бояна. В связи с этим в начале “поэмы” Автором было оговорено, что в “Слове” речь не может идти о прославлении самого похода. Четко и последовательно все это находит свое дальнейшее развитие и в тексте данного фрагмента. После обращения к Бояну, который назван “соловьем старого времени” (то, что это обычный, распространенный в древних текстах эпитет к поэту, оговорено в предыдущем комментарии). Так вот, Автор считает, что певец прошлых лет, по традиции, отдал бы дань героике ратного подвига. Он (Боян), несомненно, воспел бы и поход Игоря, и его самого так же, как ранее воспевал его предков – великих воинов, великих крамольников – Романа, Мстислава – и их походы. Вот почему в тексте “плькы” – мн.ч. (Вот почему Пушкин уловил, что здесь “ирония пробивается сквозь пышную хвалу”). Поход обернулся катастрофой: в чужой земле гонят русских соколов внезапно появившиеся от Поросья в Придонщине половцы-галки. Эту ситуацию Автор передает, пользуясь стилем Бояна, его системой образов и сравнений. Но, хотя эта песня передана “приемами” Бояна, она написана человеком, который познал горечь и позор поражения, и, конечно же, по своему духу не соответствует традициям ратных повестей. И словно предвидя такой упрек, следует риторическое обращение к Бояну: “Неужели этот злополучный поход нужно вот так описывать?” И дан еще один зачин, сохраняющий дух ратных повестей. Уместен ли он? Авторский ответ – в самой постановке вопроса.

Синтаксическое построение рассматриваемого фрагмента характеризуется как цепь причастных оборотов, образующих “предложения-спутники” (определение П.Я. Черных). Это следование традициям старославянского языка: “В том случае, когда возникала необходимость указать на ряд действий или состояний, характеризовавших субъект или выполнявшихся субъектом, спрягаемой глагольной формой обозначалось лишь главное, наиболее существенное в данной ситуации или в данный момент действие (состояние); остальные же действия (состояния) обозначались действительными причастиями” [167: 412].

После обращения Автора к Бояну следует фраза, основной смысл которой: “соловей, песнь пропеть Игорю мог вот так”.

Некоторое затруднение исследователей вызвало наличие двух форм: “славію” и “соловію”. Но, вероятно, следует иметь в виду то, что форма “соловію” чаще всего употребляется в образном и переносном значениях. Так что, судя по всему, в употреблении параллельных форм “славію” и “соловію” следует видеть определенный смысловой и стилистический нюанс. (Совершенно необоснованной является мысль, что “славію” – это испорченное “славою”, т.е. призыв к радикальному исправлению текста.)

Конструкция “...пѣти было пѣсь славію” осложнена цепью причастных оборотов: “скача”, “летая”, “свивая”, “рища” (однородных членов предложения) – это так называемые аппозитивные причастия (действительного залога). Аппозитивные причастия, являясь второстепенными сказуемыми, подчеркивали то, что означенное действие не основное, является средством характеристики. Исследователи синтаксиса древнего языка подчеркивают, что употребление второстепенного сказуемого наиболее часто встречается в повествовательных памятниках как средство стилистической выразительности.

Во фрагменте, который комментируется, эта стилистическая выразительность усиливается еще и метафоричностью. “По мыслену древу” в переводе означает “по замышленному древу (дереву)”. Речь идет о написанном на дереве, о письменах (см. подробнее поясн. I.9). Но так как это метафора, то прямой перевод по значению явно недопустим, ибо отсутствие аналогий в текстах убеждает, что это художественная метафора, а не лексическая (мертвая метафора). То, что значение выражения “по мыслену древу” получило правильное толкование, подтверждает взаимосвязь причастных оборотов.

“Скача соловью по поведанному древу, летая мыслью под облаками, свивая славы вокруг этого времени, устремляясь в тропу Троканю через поля на горы, петь следовало песнь Игорю...”

“Под облакы” – относится ко второму причастному обороту, который со следующим далее “свивая славы, обаполы сего времени” означает степень прославления, восхваления. Ср.: “Ум твой быстро летает и не убежит ему пишомое”. Так переведен греческий оригинал послания Митрополита Никифора Владимиру Мономаху.

Боян славил бы в своих песнях поход Игоря, свивая славы “обаполы сего времени”. Большинство переводчиков прочитало “обаполы” как “оба полы” – обе половины:

“...свивая, соловей, обе половины этого времени...” (А.С. Орлов);

“Свивая славу этого и того времени...” (Г. Штурм).

Эта точка зрения нашла отражение в “Словаре-справочнике СПИ” [212, вып. 4: 126–127]. Но составитель (В.Л. Виноградова) не приводит ни одного примера, когда “оба полы” означало бы “ту и другую половину”. Составителем отдана дань скорее традиции прочтения, чем исторической лексикологии.

Л.А. Булаховский справедливо заметил, что “обаполы” не значит здесь в древнерусском “обе половины”, что затруднило бы понимание *славы* как дополнения к “свивая”, а едва ли не “с обеих сторон” [13: 440].

Слово “обаполы” означало: либо “вокруг”, либо “с обеих сторон”. Значение “вокруг” отмечает В.И. Даль [206, т. 1: 566]. Фиксируется оно и в древних текстах: “Викарии же создаша внутрь стѣны ины, не камены, но обаполы древо, а в сѣрѣдинѣ перстѣ. Флав. Полон. Иерус., 458 (1097 г.)”. “Посреди бо имяше звѣзду всю злату, обаполы же его измарагды, имуща стихи обаполы по шести. Александр., 39 (XV в. ~ XII в.)” [212, вып. 4: 126–127].

Предлагаемые переводчиками прочтения выражения “свивая славы обаполы” (см. выше переводы Д.С. Лихачева, А.С. Орлова, Г. Штурма) не только не точны по лексике, но и по логике прочтения: Автор размышляет, как

Боян повествовал бы о времени совершенно определенном, о невеселом времени, и даже уточняет это (“сего времени”).

Следующий “причастный (деепричастный) оборот” – “рища въ тропу Троканю чресь поля на горы” требует более подробного комментирования (см. поясн. I.22).

Перевод: *«Скача, соловей, по поведанному дереву, летая мыслью под облаками, свивая славы вокруг этого времени. Блуждая в тропе Троканей через поля на горы, петь следовало песнь Игорю, того Олега внуку: “Не буря соколов занесла – через поля широкие воронье стаями несется к Дону Великому”. Уже ли запеть, прославляя, следовало, мудрый Боян: “Богатырей внук!..”»*

22. “Рища въ тропу Трояню чресь поля на горы...”

Так и в архивной копии и в первопечатном тексте.

В переводах было: “тропою Трояна”, “тропою Трояновой”, “тропою Тмутороканской”, “обычаями Бояна”.

Из текста “Слова” становится очевидно, что песня-зачин о походе Игоря была сложена (или могла быть сложена) в скитаниях по горам и долинам (полям) по какой-то проложенной или обозначенной дороге (тропе). (Глагол “рискати” означал обычно быстрое передвижение на конях или передвижение в разных направлениях в поисках чего-либо.) Первые редакторы прочитали название тропы как тропа “Трояна”.

Если так, то о каком Трояне могла идти речь? Подавляющее большинство исследователей и комментаторов постарались обосновать возможность присутствия в тексте “Слова” упоминания о римском императоре Траяне. Траян Марк-Ульний (53–117 гг.), хотя и получил прозвище Лучший и в его честь была воздвигнута в Риме великолепная колонна, был не столь уж велик. Память о нем, однако, на Балканах сохранилась, так как в 101–102 гг. и в 105–107 гг. н.э. им были предприняты две успешные военные экспедиции в Дакию. Его именем назван вал, построенный римскими легионерами еще во II в. до н.э. В Добрудже вал этот и сейчас частично сохраняется и носит название Vălum lui Traian.

В 1877 г. русские войска переходили через Балканы по “Траянову перевалу”, опасной, недоступной без опытных проводников горной тропе. В Румынии существует город, носящий имя Траяна. Опираясь на эти данные, исследователи решили, что “земля Трояна” – это территория древней Дакии.

Не могли не возникнуть недоумения. Почему на Руси в XII в. так хорошо помнили Траяна, что в произведении, к Римской истории не имеющем никакого отношения, весьма некстати четыре раза упоминается этот самый Траян: 1) “Рища въ тропу Трояна”; 2) “Были вѣчи Трояна”; 3) “На землю Трояню”; 4) “На седьмомъ вѣцѣ Трояни”?

Какое отношение имел поход Игоря к Дону и в Тмуторокань к горному перевалу Траяна, к Дакии, земле Траяна?

А.С. Пушкин пишет: «Через Бесарабию проходит ряд курганов, памятники римских укреплений, известный под названием Троянова вала. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о котором четыре раза упоминает “Слово о полку Игореве”, есть не кто иной, как римский император. Но тропа Трояна может ли быть принята за Троянов вал,

когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Шишкова): “Вступил Девою на землю Трояна, на синем море у Дону”. Где же тут Бесарабия?»; «“Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам Дунаиских славян” (Вельтман). Почему же?» [131: 151]. Действительно, почему же?

Все попытки решить ребус с веками Трояна также не увенчались успехом. “На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребіи”. Когда это? Если вести отсчет от Траяна Марка-Ульния, ошибка окажется в 200 лет! (II в. + семь веков = IX в.). Какая логика в соотношении веков Траяна (“Были вѣчи Трояна” – II век) и веков Ярослава (“Минули лѣта Ярославля” – XI век)?

Историей и логикой наличие римского Траяна в тексте “Слова” не оправдывается. Вероятно, только упоминания заслуживает попытка представить “Слово” как сколок с греческих произведений, а упоминание тропы, веков и земли Трояна – как отражение Троянских сказаний [27].

Многими исследователями принята версия, что Троян – славянский языческий бог. Но эта версия возвращает нас опять к имени... римского императора Траяна. Имя бога Трояна встречается в древних текстах только в “Хождении Богородицы по мукам”: “Троиана, Хърса, Велеса, Перуна, но боги обратиша”. Поздний текст XVI в. – “Слово и откровение святых апостолов” – прямо указывает на то, что Троян – это обожествленный римский император Траян: “...еже съгрешают и да разумеють учение отца своего и да быша разумели многии человеци и в прелесть велику не внидут, мняше боги многы: Перуна и Хорса, Дья и Трояна и инии мнози – ибо яко то человеци были суть, старешины: Перунъ в Елинех, а Хорс в Кипре; Троян бяше царь в Риме, а друзии другое” [137: 428].

Скудные сведения о боге Трояне не дают оснований для утверждения, что Траян – обожествленный император – был повсеместно почитаемым в Русской земле богом. Но Д.С. Лихачев как бесспорное утверждает, что Троян был явно русским богом. Основанием для этого Д.С. Лихачев считает то, что в “Слове” “Русская земля могла быть названа землей Трояна только в случае, если Троян был русским божеством” [88: 104]. Этот софизм является единственным аргументом, единственным доводом, если не считать фразы: «Именно в этом же смысле русский народ называется в “Слове” “Дажь-божим внуком”» (там же). Отметим, что Д.С. Лихачев, доказывая, что Троян – языческий бог, приводит цитату из “Слова и откровения...”, но после слов “...Дья и Трояна” цитата обрывается. Выражение “Троянъ бяше царь в Риме” не приводится. Сам факт, что земля Трояна – это Русская земля, устанавливается Д.С. Лихачевым из положения: Троян – бог русских. А то, что Троян – бог русских, из положения: Троянова земля – Русская земля. Получается порочный замкнутый круг.

Любопытной представляется версия Н.С. Тихонравова: лигатура “тр” и буквы “б” и “з” в русской графике часто путаются, и, возможно, “Троян” следует читать как “Боян” (правда, сам Тихонравов заменил слово “Троянъ” на “Боянъ” только в трех случаях, сохранив “землю Трояню”) [161]. Версия Н.С. Тихонравова учитывалась в переводе С.К. Шамбинаго, ее принял А.К. Югов: «Именовать замлю Киевской Руси, землю у Дона как раз естественнее всего “землей Бояна”, а не Трояна (римского, видите ли, императора!). Еще и Пушкина этот Троян весьма раздражал: “Должно ли шутя опровергать такое легкомысленное объяснение?” – писал он» [194: 127].

Но и это прочтение не снимает недоуменных вопросов: что такое “седьмой век Бояна”? Что такое “тропа Бояна”? Очень сомнительно и само прочтение “земля Бояна”.

О. Сулейменовым в книге “Аз и я” выдвинута интересная версия: слово “Троянь” могло возникнуть в результате неверного выведения из-под титла. Исходя из логики прочтения, везде вместо слова “Троянь” должно быть “Тмуторокань”. При обосновании этой конъектуры О. Сулейменов допустил ошибки, на которые совершенно справедливо указали его оппоненты Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов [47]. Но думается, что столь решительно, как это делают авторы статьи, осуждать попытку О.Сулейменова найти новое прочтение не приходится. Стремление “уничтожить Трояна” в тексте “Слова” обнаружил не один Сулейменов. Это стремление определилось мыслью, сформулированной А.С. Орловым так: *“Все известные до сих пор толкования тропы, земли и веков Трояновых не уяснили с необходимостью реальную основу и смысл этих поэтических намеков”* [114: 91].

Сам А.С. Орлов придерживался версии, что Троян – римский император, но вынужден был оговориться: «“Земля Трояна” – значит территория Древней Дакии, завоеванной Траяном; “тропа Трояна” – это или дорога по ущелью Балкан, проложенная Траяном (см. Хроника Феофилакты Симокатты и Феофана), или вал от Дуная и Днестра до Днепра (Römische Wäll Киперта), или проложенная тут дорога, о которой в одном словаре около 1670 года сказано: “Traian – via strata”. Так некоторые исследователи толковали реальную основу выражений “Слова о полку Игореве”, *поясняя далее и поэтический смысл этих выражений – скорее остроумно, вероподобно. Слабее были толкования “веков Трояных”, не говоря уже о “седьмом веке Трояни”*. Но как бы то ни было, гипотеза с римским Трояном и теперь еще не лишилась популярности» [114: 93–94].

Именно неубедительность версии об упоминании имени римского императора побудила исследователей предлагать иные толкования (Н.С. Тихонравов, С.К. Шамбинаго, А.К. Югов, О. Сулейменов).

О.В. Творогов и Л.А. Дмитриев в своей статье пишут: «Едва ли не самое эффектное “открытие” О. Сулейменова – это уничтожение в “Слове” имени Трояна. Оказывается, что вместо слова “Троян” во всех случаях следует читать “Тмуторокань”, написанное под титлом. Но все сказанное легко опровергается фактами» [47: 256–257].

Справедливости ради нужно отметить, что первый, кому пришла в голову эта вздорная, по мнению О.В. Творогова и Л.А. Дмитриева, мысль, был Н. Бицын (Н.М. Павлов), что, возможно, не было даже известно О.Сулейменову. С полным основанием Бицын считал, что *только такое прочтение может соответствовать географическим реалиям: Тмуторокань и у моря, и у Дона*. Н. Бицын предположил, что “Троян” появилось оттого, что *переписчики были не чужды преданиям о Троянской войне и о Трояне*. Эта догадка датируется 1874 г. [10]! У Н. Бицына просто не хватило последовательности отстаивать свою точку зрения и попытаться реализовать ее в переводе.

О. Сулейменов считает, что слово “Тмуторокань” употребляется в СПИ не три раза (“и тебѣ Тьмутороканскый блѣвань”, “дорискаше до куръ Тьмутороканя”, “въ градѣ Тьмутороканѣ”), а семь: четыре раза слово “Тмуторокань” в списке XVI в. было под титлом. Аббревиатура “Трбян” была понята

Мусиным-Пушкиным как “Троян”, что вызвало у него определенные ассоциации. Но это переписчик XVI в. вместо “къ” вписывал “я” – “Трояни” вместо “Трокъни”. По мнению О. Сулейменова, в рукописном исполнении сочетание “къ” и “я” похожи [152: 45,120–121].

Возражения оппонентов Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова:

а) «Слово “Тмуторокань” никогда не писалось под титлом» (оппоненты О. Сулейменова подчеркивают, что написание слов под титлом было только традиционным, круг этих слов весьма ограничен);

б) «...даже допустив это невероятное написание, мы все равно не сможем объяснить, как из Троканю произошло написание Трокъню. Это соответствие нужно О. Сулейменову лишь для того, чтобы еще раз использовать свой вывод о будто имевшемся сходстве написаний “къ” и “я”... и обосновать возможность прочтения Трбкъню как Трояню. Но все в этом пассаже не имеет под собой ни малейших палеографических обоснований» [47: 257].

Однако рациональным в версии О. Сулейменова является то, что он ищет прочтение в круге тех явлений, которые могли волновать Автора “Слова” и его аудиторию, и учитывает логику повествования. Смысл же многократного упоминания римского императора Траяна непонятен. Автор представляется книжником-начетчиком, явно стремившимся весьма нехотая щегольнуть своей эрудицией, так как сомнительно, что русской аудитории XII в. имя Траяна могло что-то сказать, вызвать определенные ассоциации. Тмуторокань же была для русских конкретной реальностью. Это город, который по местоположению отождествлялся с Таманью и в котором, по свидетельству летописца, Мстиславом Владимировичем была заложена церковь Святой Богородицы; и обширная область, в предвизантийскую эпоху входившая в состав Боспорского царства.

Победив хазар, Мстислав Владимирович утвердился в Тмуторокани как удельный князь. В XI в. Тмуторокань – русское княжение, вовлеченное в очень сложные взаимоотношения со Степью и вынужденное жить в тесной дружбе с половцами. В то же время, Тмуторокань – недоступное для Киева убежище князей-изгоев. Здесь искали и находили убежище Роман, Олег и Глеб Святославичи, Борис Вячеславич и, вероятно, Всеслав Полоцкий. В XII в. Тмуторокань была русскими утеряна. Чуть ли не 100 лет Тмуторокань была оплотом для князей, сеявших усобицы и наводивших половцев на Русь.

Этимология слова “Тмуторокань” неясна. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера [214: 65–66] приводит различные точки зрения на происхождение этого слова. Ни одна из них не представляется убедительной.

В.Н. Татищев в “Истории Российской” напоминает, что еще Птоломею был известен город Торокка недалеко от Крыма (он ли Торокун?). Татищев же высказывает мнение, что русские именовали тюркский народ “торками”, произведя наименование его от города Торокка [154: 229]. Замечает он и то, что летописи не всегда последовательны, называя один и тот же народ то торками, то половцами, то берендеями, а Нестор будет называть их и “торкмены”.

М. Фасмер определяет, что слово “торки” – «ранее заимств. Из др.-тюрк. Türk, которое означает “тюрк” и “сила, власть”».

Если возможно, что город торков – Торокань (аналогично городам Шарукань, Астрахань), то “Тьму-торокань” не означает ли “Множества торков

город” (тюркское “хан” – “дом”) – букв.: “Множества торков дом”? “Тьма” – (др.-рус. “бесчисленное множество”) (исследователи предполагают, что калька с тюрк. “туман” – “десять тысяч”). Возможно, что в тюркском произношении слово “Тьмуторокань” звучало как “Туманторокхан” (ср. современное “Тамань”).

“Торки” в др.-рус.: “търки”. Следовательно, возможно: “Торокань” или “Трокань”.

Не было ли “Троканю” (Търоканю) прочтено как “Трояню”? *Сочетание “к” и “а” очень легко принять за йотованное “а” (я), если нечетко написано “к” (нижняя наклонная черта неясно написана)*. На возможность ошибок при прочтении йотованного “а” неоднократно указывала М.В. Щепкина [189].

При прочтении “Троканю” в значении или “Тмуторокань”, или “земля торков” снимаются все недоумения. Это то недостающее звено, которого не хватает версии Павлова (Бицына)–Сулейменова. Это прочтение возможно и с лингвистической, и с исторической, и с логической точек зрения. Оно тем убедительнее, что факт написания “Торокань” есть. В Вологодско-Пермской летописи XVI в. (Библиотека АН СССР 16.8.15): “из Торокани” (с. 319); “в Торокань” (с. 312 об.).

Есть все основания считать, что это было известно и А.И. Мусину-Пушкину. И он колеблется, как следует прочитать: “Троканю” или “Трояню”. Рукопись, в которую входило “Слово”, была взята Мусиным-Пушкиным в Спасо-Ярославском монастыре до 1788 г., так как в этом году настоятель монастыря Иоиль при ревизии вынужден был невозвращенную графом рукопись списать “за ветхостью и согнитием”. Неблаговидный путь приобретения рукописи заставил графа долго скрывать свою находку, а потом давать заведомо ложные справки о месте и времени приобретения.

В 1789 г. умирает бывший архиепископ Иоиль. Новый архиепископ Арсений, близкий друг семьи Мусина-Пушкина, сообщает срочно и *тайнописью* об этом Н.Н. Бантыш-Каменскому (приятелю Мусина-Пушкина, участнику издания “Слова” в 1800 г.). В 1799 г. умирает и сам Арсений.

В 1794 г. Мусин-Пушкин еще не оповещал о своей исключительной находке, хотя слухи о ней уже циркулируют. В этот год выходит труд Мусина-Пушкина “Историческое исследование о местоположении древнего русского Тмутороканского княжения”. Есть один интересный момент, на который обратила внимание исследователь Г.Н. Моисеева [108: 70–71], но не придала ему должного значения. Мусина-Пушкина заинтересовала этимология слова “Тмуторокань”. Несколько отвлекаясь от темы, он размышляет об употреблении “ъ” в древних текстах, и замечает, что “в списках же древних летописей писалось разное, так: “Томутороканъ”, “Тьмуторокань” и “Торокань”.

Г.Н. Моисеева пишет, что рассуждения Мусина-Пушкина по поводу буквы “ъ” не связаны с логикой рассуждения о Тмуторокане в “Слове”, так как «ни в Екатерининской копии, ни в печатном издании 1800 г. в слове Тмуторокань нет буквы “ъ”». Здесь Г.Н. Моисеевой допущена ошибка, так как в Екатерининской копии именно такое необычное написание: “Тьмутороканский блъванъ”. *Рассуждения Мусина-Пушкина об употреблении буквы “ъ” прямо связаны с прочтением слова “Тмуторокань” в тексте “Слова”.*

Интересоваться Тмутороканью начал Мусин-Пушкин, если верить его словам, в 1798 г., т.е. в год, когда “Слово” уже было приобретено.

А где же взял граф написание “Торокань”? В летописях? В каких? Вероятнее же всего, тоже в тексте “Слова”. И он пытается свести воедино “Търоркань” – “Торокань” – “Тьмуторокань”, т.е. понимает слово “Трокань” так же, как О. Сулейменов, – “Тмуторокань”.

Работа Мусина-Пушкина написана в 1794 г., когда он еще пытался сам прочесть “Слово”. В предисловии к первому изданию 1800 г. сообщается, что владелец рукописи “доводил через несколько лет приложенный перевод до желаемой ясности” с помощью “знающих лиц”. В доведенном до “желаемой ясности” тексте уже нет ни “Торокань”, ни “Търоркань”, ни “Трокань”, но есть “Троян”. Не убедили ли Мусина-Пушкина его коллеги (А.Ф. Малиновский, Н.Н. Бантыш-Каменский, Н.М. Карамзин, Н.Н. Болтин), что “к” следует читать как йотованное “а”? Возможно и то, что Мусин-Пушкин в иной древней летописи увидел написание “Торокань”, и возникла у него мысль, что “Търоркань” может являться сокращенным вариантом слова-топонима Тмуторокань.

Был ли Мусин-Пушкин согласен с прочтением “Троянь”? Ответ полемики со “знающими” лицами лежит на комментариях к слову “Троянь” в издании 1800 г.: “Четыре раза упоминается в сей песне о Трояне, т.е. тропа Трояна, вечи Трояни, земля Трояна и седьмой век Троянов: но кто сей Троян, догадаться ни по чему невозможно”.

На возможность же правки в копиях “Тър” на “Тр”, безусловно, указывают странные манипуляции редакторов “Слова” с буквой “ъ”. Очевидно, в некоторых случаях редакторы СПИ позволяли себе уточнять написание слов в тексте. Я разделяю точку зрения О.В. Творогова, что ряд написаний (в том числе пометки перед редуцированными перед плавными) – результат размышлений издателей над текстом рукописи [157: 137–165].

Итак, если во всех случаях “Трояню(ни)” следует читать как “Троканю(ни)”, то *насколько это прояснит смысл повествования? Именно этот фактор теперь и является решающим.*

“Рица въ тропу Троканю” – в ныне существующих переводах (при любых толкованиях) комментаторы вынуждены объяснять как метафору (или ориентировать на землю римского императора Траяна).

«У разных народов Млечный Путь назывался по имени того или иного героя (ср.: Моисеева дорога, Батыева дорога). “Рица в тропу” отвечает на вопрос “куда?” – т.е. через поля – на горы (и выше) – к Млечному Пути, названному по имени (обожествленного) героя – Рюрика – Трояна» (“Слово о полку Игореве”. Комментарий Г. Шторма).

“...путь Бояна – это его поэтика, его приемы, обычаи в песнетворчестве” [194: 128].

«Он (Боян. – Ю.П.) рыщет... не по каким-то конкретным путям, а по путям божественным: ведь Боян – внук бога Велеса, и не потому только, очевидно, что Велес – “покровитель поэзии”, а потому, что сам Боян – “вещий”, то есть кудесник, имеет отношение к богам» [87: 104].

“Тропа Трояна. Проложенная или использованная императором Траяном горная тропа через Балканский хребет, использовавшаяся в VI–VII вв. и, вероятно, служившая одним из главных путей вторжения славян в пределы Византийской империи” [136: 436].

Но речь в “Слове” идет о конкретной дороге, и не в пределы Византийской империи, а в землю торков, к Тмуторокани, к половцам, к Дону. Этот путь идет через горы (возвышенности Донецкого кряжа) и поля (степи полонецкие), и единственно возможное прочтение по логике повествования: тропа Тороканя. В контексте: как в конкретных условиях пел бы Боян о воинах Игоря. Как “пел” он ранее и о чем он “пел”, Автор и слушатели XII в. хорошо знали. *Исходя из этих знаний и представлений о поэтике Бояна, они могли представить и то, как бы он воспел поход Игоря, мчась тропою Тороканской к Дону.*

Остается решить вопрос о веках “Троканьих”: “котою бо бѣше насіліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трокани (Трояни) вѣрже Всеславъ жребіи...”

Так как события, описываемые в “Слове”, происходят на седьмом веке ультрамартовского летоисчисления, то весьма соблазнительно назвать седьмой век “проклятым Тмутороканским веком”. Но временное значение слова “вѣкъ” было на Древней Руси иным: “вѣкъ” означало не сто, а тысячу лет – тысячелетие. “Речеться паки вѣкъ, тысящи летъ вѣкъ единъ. Ио.екз.Богосл., 101 (XII в.)” [212, вып. 1: 96].

Древние тексты недвусмысленно указывают на то, что текущее тысячелетие седьмое и последнее: “От Адама до сего времени минуло естъ вѣковъ б. А седьмого вѣка минуло 644. Тысящъ бо лѣтъ вѣкъ естъ единъ. Кирик. учен., 126 (XVI в. ~ 1136 г.)”; “Глаголють же ся вѣци вѣчнии, яко же и съде сущаго мира седьмъ вѣкъ. Ио. екз. Богосл., 103 (XII в.)” [212, вып. 1].

События Игоряева похода (6693 г.) происходят на седьмом “веке” – седьмого “века” 693-й год. Седьмой не абстрактное число, как думал Н.К. Гудзий, и не “сѣмый”, т.е. “самый” (так читает А.К. Югов), а конкретная историческая реальность.

Мусин-Пушкин предложил читать “на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребіи...”. Что же означает “седьмой век Трояна?”

Б.А. Рыбаков подробно анализирует это выражение. Вывод, к которому он приходит: века Трояни – “три столетия жизни греко-римских областей Причерноморья от походов Траяна 101–106 гг. до нашествия гуннов”; “седьмой век” Трояний – “седьмое столетие после падения “Трояней земли” под натиском гуннов, то есть 1050–1070 годы, что вполне соответствует вокняжению Всеслава в Киеве (1068 г.)” [137: 436].

Но, как уже отмечалось, метрическое понятие “вѣк” было на Древней Руси иное. Мы не имеем ни одного свидетельства, что под веком возможно понимать 100 лет. (Кроме понятия “вѣкъ – 1000 лет”, существовало еще и “вѣкъ – продолжительность жизни любого конкретного лица, либо существа, либо мира”. В этом случае понятие “вѣкъ” уточняется из контекста. Это понятие уже не метрическое, и цифровой отсчет не следовал, это было отвлеченное обозначение продолжительности бытия.)

Далее, если бы русские действительно вели отсчет событий от падения римской власти на дунайских землях, то мы имели бы хотя бы одно тому свидетельство, но его нет.

Крайне неубедительна версия Д.С. Лихачева, что «“века Трояни” – несколько веков русской истории, предшествовавшей времени Ярослава, веков языческих, дохристианских... Всеслав Полоцкий действует напоследок языческих времен» [79: 23–24].

Это прочтение исходит из гипотезы: Троян – языческое божество. Время Трояна – время языческое. Но когда Всеслав “бросил жребий”, шел “век” христианский, Всеслав и в застенок попал, поверив в клятву о мире Ярославичей, подкрепленную крестным целованием. Русь давно уже была крещена.

О. Сулейменов полагает, что если слово “Троян” должно обозначать “Тмуторокань”, то следует читать: “века Тмуторокани”. Прежде всего не века, а тысячелетия. По какой причине целое тысячелетие названо Тмутороканским? Убедительного ответа нет. Не было веков ни Трояновых, ни Бояновых, ни Тмутороканских, ни Тороканских. Вообще в памятниках нет к слову “вѣкъ” подобных эпитетов. Не только нет традиции употребления, но и прецедента.

Фрагмент, где упомянут седьмой век, читается так: “с раздором ведь явилось насилие от земли половецкой на седьмом тысячелетии” (речь идет о событиях 1181 г., т.е. 6693 г.). Слово же “Трокани” (в традиционном прочтении: Трояни) относится к следующей фразе: “Трокани врѣже Всеславъ жребии...” (подробнее см. поясн. V.9,11). Выражение “века Трояни (Бояни) (Тмутороканские)” считывается переводчиками дважды. Второй раз – рассказ об Олеге Тмутороканском: “Были века Трояновы, прошли лета Ярославовы...” (А.С. Орлов). Но если в Екатерининской копии и в тексте издания 1800 года: “были вѣчи Трояни”, то в выписках Карамзина: “были сѣчи...”. Карамзин решительно настаивал на том, что редакторы “Слова” ошибочно читали первую букву в слове “сѣчи”. Первые переводчики перевели: “Прошли съезды Трояновы...”. Что это означает? Вече языческого бога Трояна? Римского императора? Если Трояна заменить поэтом Бояном – бессмыслица. В.А. Жуковский предпочел поверить Карамзину: слово “вѣчи” – непрочитанное “сѣчи”, и перевел: “Были сечи Трояновы”.

В настоящее время утвердилась точка зрения, что “вѣчи Трояни” – это века Трояна (Траяна), так как в тексте предполагалось и прочтение: “на седьмомъ вѣцѣ Трояни”. Прочтение пытались обосновать палеографически, орфографически или объяснить простой опиской (конечно же, переписчика). И утвердить мысль, что “вѣчи” – испорченное “вѣци”. Но написания “вѣчи” вместо “вѣци” в памятниках нет, а есть “вѣцы” в значении “вѣчи”: в первой Новгородской летописи дано по выговору – “створи вѣцѣ” (6738 г.), “ставь вѣце у святой Софѣи”, “...убиша Дворяниньца посадника на вѣцѣ” и т.п.

Таким образом, прочтение “были вѣчи Тр...ни” как “века Трояни” невозможно без радикальной правки: “вѣчи” на “вѣци”.

Вывод с логической стороны прочтения “сечи”, “тропа”, “жребий”, “земля” Троканские – безупречны.

Перевод: “Блуждая в тропе Троканей через поля на горы...”

23. “Пѣти было пѣсь Игореве, того Ольга внуку”.

Утвердилось мнение, что слово “Олга” (в тексте первого печатного издания) внесено редакторами для уточнения смысла, т.е. предполагается, что в рукописи слово “Олга” отсутствовало. Основанием для этого заключения послужило то, что слово “Олга” поставлено издателями в скобки: “Пѣти было пѣсь Игореве, того (Олга) внуку”. Было привлечено свидетельство Н.М. Карамзина: «Касательно же поставленного в скобках слова “Олга”, то это учинено для большей ясности речи».

Однако изъятие слова “Олга” из текста представляется операцией, искажающей смысл всего фрагмента. Прежде всего, свидетельства Н.М. Карамзина, строго говоря, нет. Это профессор Московского университета Р.Ф. Тимковский вспомнил, что Карамзин якобы объяснил К. Калайдовичу причины постановки Мусиным-Пушкиным слова “Олга” в скобки. В выражении: “Учинено для большей ясности речи” – ясности как раз и нет. Что учинено? Постановка слова в скобки? Или внесение самого слова в текст?

М.В. Щепкина резонно заметила, что «если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов “того внуку”, то А.Ф. Малиновский при его педантично-точной системе передачи текста удовольствовался бы примечанием: обычно так и даются в первом издании исторические комментарии... Следовательно, вставка “Олга” сделана не издателями, а взята при пояснении из самого оригинала, причем, всего вероятнее, она стояла на поле. О том, что слово “Олга” относится не к позднему времени, свидетельствует способ написания его...» [191: 73–74].

Если слово “Олга” появилось только в период работы редакции над текстом при подготовке его к печати, то как объяснить появление слова “Олга” в архивных копиях?

Но главное, *текст с пропуском слова “Олга” (Ольга) теряет всякий смысл*. И переводчики вынуждены вставлять уточняющее слово, чтобы снять возникающие при переводе и грамматические, и логические затруднения. Сочетание “внуку Олега” было отвергнуто по той причине, что Олег (Святославич) еще в тексте, по мнению исследователей, не назван, о нем будет идти речь только при описании его крамольных походов.

Вс. Миллер, Е.В. Барсов, Н.К. Гудзий понимали под “внуком” “Троянова внука”: “Петь бы песнь Игорю, того (Трояна) внуку, так...” Почему князь-христианина исследователи называли потомком языческого бога Трояна, остается загадкой.

Более последователен Д.С. Лихачев: “Пришлось бы внуку тому (т.е. внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь) Игоря...”. Но Д.С. Лихачев позволил себе, во-первых, правку (“тому” вместо “того”), во-вторых, изменить позицию слов. Кроме того, мало вероятно, что Автор сначала назовет певца “Велесов внук” и только позднее объяснит, что это Боян (ср. выше причины, по которым был отвергнут Олег).

А.С. Орлов отстаивает прочтение: “внуку Бояна”. «“Того внуку” мы понимаем как “потомку Бояна”, т.е. позднему поэту» [114: 34].

Все эти крайне необудительные прочтения возникли только по той причине, что изъятие было слово “Олга” (Ольга).

Игорь Святославич – внук Олега. *И Олег Святославич уже был назван в “Слове” в первых строках*. К этим строкам и отсылает Автор, когда указывает: “того”. Еще одно косвенное доказательство: “Игореве, того...” – уточнение, необходимое потому, что в походе Игоря был и этот “Олег” – Олег Игоревич. “Тот” имело смысловой оттенок: “предыдущий”. Ср. у Дала: “дальний, по месту или времени” [206, т. 4: 422].

“Игореви” – дат.пад. ед.ч.; “п’сь” – вин.пад. ед.ч.; “того” – род.пад. ед.ч. Текст переводится без всяких правок в полном соответствии с грамматикой.

Перевод: “...петь следовало песнь Игорю, того Олега внуку...”

24. “Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая – галицы стады бѣжать къ Дону Великому”.

Д.С. Лихачев: “Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону Великому”.

В.А. Жуковский: “Галки стадами бегут к Дону Великому...”

С. Шервинский: “Галочки стаи бегут к Дону великому...”

“Галицы” упомянуты в тексте еще дважды: “Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупіа себе дѣляче, а галицы свою речь говоряхуть, хотятъ полетѣти на уедіе”; “Тогда врани не граахуть, галицы помлѣкоша...”. Кроме того, в тексте “Слова” будет: “щекот славіи успе, говор галичь убуди”.

“Галичь” поясняется так: “принадлежащий, свойственный галкам” [212, вып. 1: 155].

И.И. Срезневский дает значение слова “галица” – “галка, monedula. Monedula – видовое название галки” [213, т. 1: 509].

Упоминание в “Слове” галок как презренных птиц, питающихся падалью и трупами и “сопровождающих русских воинов в дальних походах” (так в комментариях), вызывает недоумение. Куда большее недоумение следует предположить у средневековой аудитории, позволив себе Автор презрительное отношение к галкам, говоря о которых естествоиспытатели не забывают подчеркнуть, что это “веселая, живая, ловкая и умная птица, способная оживить ту местность, в которой водится” [11: 78]. Люди, живущие в тесном общении с природой, не могли не знать того, что “по характеру питания галка сходна с грачом” [53, т. 5: 588], т.е. галка питается *насекомыми*. Удивление вызывает и то, что галки преследуют русских воинов в то время, когда у них появляются на свет птенцы и они обычно от гнезда не отлетают. После вылета птенцов (т.е. в разных широтах с конца мая по начало июня) галки кочуют *выводками* и только к концу лета сбиваются в сотенные стаи с другими *вороновыми* и ведут кочевой образ жизни (там же). Иными словами, в период, когда происходят события, описанные в “Слове” (см. поясн. II.1), галки в стаи вообще не собираются. Кроме того, галки держатся вблизи поселения человека, а вне культурного ландшафта живут в лесах, горах и по обрывам рек. В степной полосе галки обычно не живут.

Абсолютно ничего не объясняет и поэтический образ стаи галок: “Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону Великому” (Д.С. Лихачев).

Смысл антитезы остался неясен. Соколы (русские) не являются активным началом – их несет буря. Но и пугливые галки (половцы) бегут к Дону. При таком прочтении невольно возникает сомнение: а правильно ли понимать под галками половцев?

Это сомнение и привело О. Сулейменова к иной трактовке: Игорева воины – не соколы, а галки, устремившиеся к Дону [152: 105]. По мнению О. Сулейменова, поэтический меч, врученный Автором Бояну, «широко и свободно сечет “своих”». Но и в этом случае сравнение храбрых русичей с пугливыми галками вызывает удивление.

В стремлении снять антитезу “галки”–“соколы” было высказано предположение, что перед словом “галицы” выпало отрицание “не”. При таком варианте получается нейтральный зачин:

То не буря соколов несет
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!

(Н.К. Заболоцкий)

Но возникает новое недоумение: не галки и не соколы – а кто же? О ком идет речь?

Решительно нарушил традицию прочтения А.К. Югов:

Не буря соколов занесла
Через поля широкие –
Галицкое войско несется
К Дону великому”.

“Галицы” у Югова – галичане. Правда, когда далее будет: “галицы свою рѣчь говоряхуть, хотяъ полетѣти на уедіе”, то “галки” опять станут галками. Но притяжательное прилагательное от “Галич” (название города), вопреки Югову, – не “галичиѣ”, а “галичкы(и)”. Ср. в “Слове”: “Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ”. Да и нет сведений о присутствии галицких полков в войнстве Игоря.

Явно Автор имел в виду не умную и веселую галку, а вороновых вообще. Даль дает старинное собир. “галочье”, как “галки” и вообще “воронье”. Ср. аналогично “гальѣ” [206, т. 1: 342].

Сбившихся в стаю вороновых уже не различали, а давали общее название: “воронье”, “вороны”, “гайворонье”, “чернь”, “галки”, “галочье”, “гальѣ”.

Речь, конечно, идет не о том, что следует “реабилитировать” галку, а о раскрытии смысла символики и поэтических образов “Слова”. В настоящем фрагменте половцы – “галки”, т.е. “воронье”. И это в понятной народной символике. Но антитеза не “соколы” – “воронье”, а “буря” – “воронье”: русских гонит не буря, а стаи воронья (орды половцев), *что слетаются через поля широкие к Дону*.

Перевод: “Не буря соколов занесла – через поля широкие воронье стаями несется к Дону Великому”.

25. “...чи ли въспѣти было въщеи Бояне, Велесовъ внуче”.

Так в Екатерининской копии; в издании 1800 г.: “Велесовъ”; в копии А.Ф. Малиновского: “Велесовъ”; в Шукинской копии: “Велесовъ”.

В объяснительном переводе Д.С. Лихачева: “Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещей Боян, внук (бога) Велеса...”. В комментарии: “Велес, или Волос (“скотский бог”) несколько раз упоминается в летописи. Идолы Велесу-Волосу стояли в X веке в Киеве на Подоле, в Ростове, по преданию, в Новгороде и др. По-видимому, Велес-Волос считался также покровителем певцов-поэтов, пастушеским богом и богом поэзии одновременно” [145: 187].

“Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 1: 96–97], принимая написание “Велесовъ”, дает: «Велесовъ,-а,о – притяжательное прилагательное к “Велес”. “Велес” – славянский языческий бог, покровитель стад».

Заключение о том, что слово “велес” – имя собственное, сделали первые переводчики на основе единственного текста, в котором оно встречается, –

“Хождения богородицы по мукам”: “Забыша бога и вѣроваша, юже ны бѣ тварь бог на работу створилъ, то то (так!) они все боги прозваша: сълнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады... Троиана, Хърса, Велеса, Перуна, на боги обратиша. Хожд. богород. по мукам. Лож. и отр. Кн. 119 (XII–XIII вв.)” (там же).

Еще первые переводчики отождествляли слово “велес” с именем бога Волоса – покровителя скота и пастухов. Отождествляли, не имея никакого научного обоснования. Волос же несколько раз упомянут в летописях с уточнением, что это “скотский бог” [212, вып. 1: 97]. Это сближение представляется крайне неубедительным. Текста, где на месте бога Волоса стояла бы дуплетная форма Велес, нет. По мнению крупнейшего ученого М. Фасмера, с позиции этимологии сближение слова “велес” с именем языческого божества “Волос” невозможно. По логике прочтения совершенно необъяснимо, почему, если Велес – это Волос, Боян оказывается потомком “скотского” бога. Никаких свидетельств того, что Волос (подобно Пану) был покровителем певцов-поэтов, нет. Это поэтический домысел ученых.

Весьма сомнительным “комплиментом”, по понятиям XII в., представляется и утверждение, что поэт, живущий в православном Киеве в XI в. имеет какое-то отношение к поверженному в X в. “поганьскому” скотскому богу. Летописи Древней Руси упоминают имена языческих богов только в тех случаях, когда речь шла об отпадении от “истинной” веры, или о тех временах, когда Русь еще не была крещена. Ни Автора, ни Бояна нельзя заподозрить и в тайных симпатиях к язычеству, в отклонении от православия. Автор выкажет традиционное для его времени отношение к язычеству (см. поясн. II.31). В приведенной же Бояновой присказке (Ни хитру, ни горазду...) будет ясно звучать христианский мотив божьего суда.

Очень любопытен эпизод в истории изучения “Слова”: М. Халанский в труде “Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса” [169: 17] обращается к образу Бояна. Объясняя эпитет “велесовъ”, автор работы ссылается на А.Н. Афанасьева, полагавшего, что первоначально “велес” было не более как одним из эпитетов Перуна. “Велес” означало, вероятно, “оплодотворяющий” (от корня “варс”, в санскрите – “варшан”). Впоследствии значение слова забыто, оно обособилось и принято за имя отдельного божества, которое под влиянием книжно-церковных византийских представлений о святом Власии – покровителе стада – отождествлялось с ним по функциям. В этом пассаже рациональной представляется мысль, что “велесъ” – не более чем эпитет. Но вероятнее, что этот эпитет относится к имени “Хорс”.

В “Хождении богородицы по мукам” повествуется, что Трояна, Перуна и Хорса (“Велеса” пока опустим) обратили в богов. Обоожествление Траяна объяснить возможно, о Перуне есть свидетельства, есть скудные сведения о Хорсе. Он будет упомянут в “Слове”: “Великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше”. Хорс (Хръс, Хърсъ) имел право на постоянный эпитет “великий” – это бог Солнца (см. поясн. V.17). Этот эпитет и присутствует в тексте “Хождения богородицы по мукам”: “...они все боги прозваша:... Трояна, Хърса велеса, Перуна на бога обратиша”, т.е. *не было бога Велеса, а был Хорс Великий*.

М. Фасмер считал, что “велес” – морфологическое образование типа “bêles” от “bêlъ” – белый, т.е. оно родственно ст.-слав. “велии” – большой, великий [214, т. 1: 287].

Приводит (правда, с сомнением) значение слова “велес – великий” и В. Даль [206, т. 1: 717]. В древнерусском языке существовало огромное количество производных и сложных слов с корнем “-вел-”. Во всех случаях “вел-” означает “великий” или “большой”: “велегласно” “велелѣпие”, “велемудрый”, “велерѣчивый”, “велеслава”, “велехвала”, “велии”, “велииство” и т.п. Было в древнерусском языке и слово “веле”, употребляемое с междометием “о” в восклицательных выражениях. Оно словно бы возводило в степень слово “великий”: “О веле великое несмышление”; “О веле великое нещѣлимое оужесточение”. Супр.р. 250 [213, т. 1: 233].

Любопытно бытование слова “велес” в топонимике. Исследователи (Я.Ф. Головацкий, Е.В. Барсов) отмечают: село Velesovo, река Велеса – приток Зап. Двины, Велесово ребро – возвышенность в Ярославской губернии. Особый интерес вызывает “Велесово ребро”. Это большая гряда, а “ребро” и означает “гребень”: “Велесово ребро” – “Большой гребень”.

А. Афанасьев приводит словацкую колядку, в которой речь идет о великанах-богатырях:

Пасли овцы велесы
При бетламском салаше...

Возможно, и в “Слове” “Велесовъ” следует считать существительным (к слову, весьма сомнительно, что в тексте “Слова” было написание “велесовъ” – притяжательное прилагательное: в выписках Малиновского и Екатерининской копии – “велесовъ”), т.е. несогласованное определение к слову “внуче” дано во мн.ч. род.пад. и следует переводить “великих потомок”.

В Житии Авраама Ростовского была найдена фраза со словом “велес”: “что ради скорби близ страстного идола велеса” [119: 221]. Вероятное прочтение: “... вблизи этого идола большого (великого)”.

Есть и еще одно возможное упоминание слова “Велесь”. В. Скуратов и Н. Николаев в статье “Таинственная летопись” [141] пишут о дощечках с таинственными знаками, письменами: «В начале этого века в старинном имени под Орлом была найдена рассыпавшаяся связка ветхих дощечек, испещренных неизвестными письменами. Позднее они оказались в Брюсселе. Их переписывали и пытались расшифровать. Во время фашистской оккупации Бельгии дощечки исчезли.

Первые публикации о “дощечках” стали появляться с США в 1954 г. Тогда же им дали имя “Велесова книга” на том основании, что в текстах не раз упоминается имя Велеса – бога скота» (? – Ю.П.).

Загадочная “Велесова книга” – березовые дощечки с “греческо-готскими” буквами – предмет спора ученых: что это – древнейший памятник русской культуры или ловкая мистификация? Но, не касаясь вопроса подлинности книги на дереве, нужно отметить, что и она не дает основания для утверждения: велес – скотский бог. Пример: “Влес книгу сїу птщемо бгу нашому кіе бо есте прїбезїца сила” – написано на девятой дощечке “Велесовой книги”. В переводе: “Великую книгу эту создали богу нашему...” Если же принять прочтение: Велес (скотский бог) – смысл фразы ускользает: “Велес – скотский бог создает (возвещает) богу нашему (кому Дажь-богу?)...”.

Теперь прочтению слова “велесовъ” предстоит главная проверка – логикой изложения. Во вступлении Автор дает два варианта начала рассказа о походе. В первом: показана невозможность излагать подлинные события в

образной системе Бояна. Во втором: дан зачин в традиции Бояна – прославление героики войн (это подчеркнуто “маршевым” ритмом, праздничностью самой картины, упоминанием славы, гремящей в Киеве). Второй вариант кажется Автору сомнительным и неуместным (а с этого сомнения и началось “Слово”!). “Неужели, – восклицает Автор, – ты, Боян, по традиции, начал бы воспевать Игоря”. (“Чили” – “разве”. Это значение И.И. Срезневский подтверждает калькой с греческого в примере: “Чили не всего ли погубление. Златоустр. сл. 45” [213, т. 3: 1516]. Ср.: “А чи диво ся, братіе, старому помолодити” в “Слове о полку Игореве”).

Для Бояна, воспевавшего прежних князей рода Святославичей, Игорь – потомок этих великих – внук великого и крамольного князя Олега. Обращает на себя внимание: Автор уже в третий раз подчеркивает, что Игорь – внук Олега. Явно не было необходимости увеличивать древнерусское многобожие богом Велесом. Непредубежденный читатель может судить, как появление неведомого бога Велеса затемнило логику изложения. В свое время Н. Павлов (Бицын) писал: “Всякое мало-мальски темное и для кабинетно-учебной критики непонятное место... они стараются объяснить мифами и странной мифологией, то есть объяснить одно неизвестное другим, еще более неизвестным” [10: 763].

Исходя из логики прочтения, представляется возможным видеть в слове “Велесь” (такое написание сохранено в Екатерининской копии) не притяжательное прилагательное, а существительное множественного числа родительного падежа, функционально использованное как несогласованное определение. Этимологические изыскания при всей скудности материала дают основания видеть в слове “велесь” эпитет “большой”, “богатырский”.

Перевод: «Ужели запеть, прославляя, следовало, мудрый Боян: “Богатырей внук!”»

26. “Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Киевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ – стоять стязи въ Путивлѣ”.

“(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничной рекою) Сулою, (а) слава (победы уже) звенит в Киеве...” (Д.С. Лихачев).

Сула – пограничная река. За ней начинается земля половецкая. Перейти через Сулу – вторгнуться в землю половецкую.

“Кони ржут за Сулою – звенит слава в Киеве!” – фраза не описательная. Это расшифровка, как очень точно заметил О. Сулейменов, стратегии и тактики Игоря: “Если кони (Игоря. – Ю.П.) пойдут за Сулу, то победа его эхом отзовется в сердцах держателей престола – киевской знати, политическая программа которой Игорю известна” [152: 108].

Следующее предложение аналогично по построению:

“... трубы трубят въ Новѣградѣ – стоять стязи въ Путивлѣ...”

Кони за Сулою – слава в Киеве. Трубы в Новгороде – дружины в Путивле.

Инициатор похода – Игорь. Если Всеволод во всем полагался на брата, то тем более – старший сын Игоря – князь Путивльский. Следует призыв из Новгорода, и в Путивле приведены в боевую готовность войска.

“Стоять стязи въ Путивлѣ” следует читать: “стоят полки (дружины) в Путивле”. Так понимал это и И.И. Срезневский. Употребление слова “стяг”

в значении “полк”, “строй”, “войско” подтверждается многочисленными примерами из древних текстов. Ср.: “Видевъ Олегъ яко поиде стягъ Володимеръ и нача заходити в тыл его, и убоися и побѣже Олегъ. Пов.врем.л., 6604 (по Ип.сп.)”; “Позрѣвъ же самъ и сѣмь и види стягъ Васильковъ стоящи в добрѣ борющъ и Оугры гонящоу. Ипат.лет., 6739 г.” [213, т. 3].

Перевод: “Кони ржут за Сулою – звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде – стоят дружины в Путивле”.

Вторая композиционная структура

1. Вторая композиционная структура четко определяется от слов “Игорь жеде любимого брата...” до слов “Никнет трава от жалости...” и состоит из нескольких “песен”:

1) Встреча братьев у Оскола 6 мая 1185 г. и вторжение в степь половцев-кюу. Ночная гроза.

2) Рассвет в чужой степи 10 мая 1185 г.

3) Пятница, 10 мая 1185 г. Набег на половецкое кочевье.

4) Тревожная ночь в степи с 10 на 11 мая 1185 г.

5) Встреча с половецкими полчищами суббота, 11 мая 1185 г.

6) Всеволод в бою.

7) Воспоминания о первых усобицах.

8) Сражение 12 мая 1185 г., воскресенье.

9) Последняя битва, поражение русских 13 мая 1185 г.

Восемь песен из девяти повествуют о неудачном походе Игоря. Изложение этих событий летописями и свидетельство “Слова” дают довольно полное представление о разразившейся трагедии.

23 апреля, во вторник, Игорь Святославич выступил в поход из Новгорода. “Слово” определит цель и направление похода: “А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону!”. Кроме многократного упоминания Дона, как цели похода, будет названа Тмуторокань. Ипатьевская летопись о цели похода умалчивает. В Лаврентьевской будет: “...поидемъ на нихъ (т.е. на половцев) за Донъ и до конца изобъемъ ихъ... идем от нихъ на Луку моря, где же не ходили дѣды наши”. Лаврентьевская летопись, не очень благосклонная к Игорю, не забыла отметить, что братьев Святославичей сжигало честолюбие: “мы есмы ци не князя же? Таки же себе хвалы добудемъ”. Тему честолюбия братьев повторит “Слово”.

По Ипатьевской летописи, в походе должны были принять участие: брат Игоря – Всеволод; Святослав Ольгович – племянник Игоря; сын Владимир Ярослав Черниговский от похода уклонился, но отпустил “Ольстина Олексича Прохорова внука, с коуи черниговскими”. “Слово” утверждает, что в поход Игорь рискнул взять и одиннадцатилетнего сына Олега. Лаврентьевская летопись подтверждает участие в походе Олега: Игорь идет в поход “съ двѣма сынома”. Владимирский летописец сообщает: “Игорь съ двѣма сынома из Новгорода Сѣверского”. Причины, по которым Ипатьевская летопись не упомянула Олега, объяснимы: он не представлял воинской силы, а в Ипатьевской летописи дано перечисление только князей, возглавлявших рати.

По Ипатьевской летописи, продвигались войска к рубежу Русской земли медленно. Кони еще были тучны после вольного выпаса, да и сбор войска

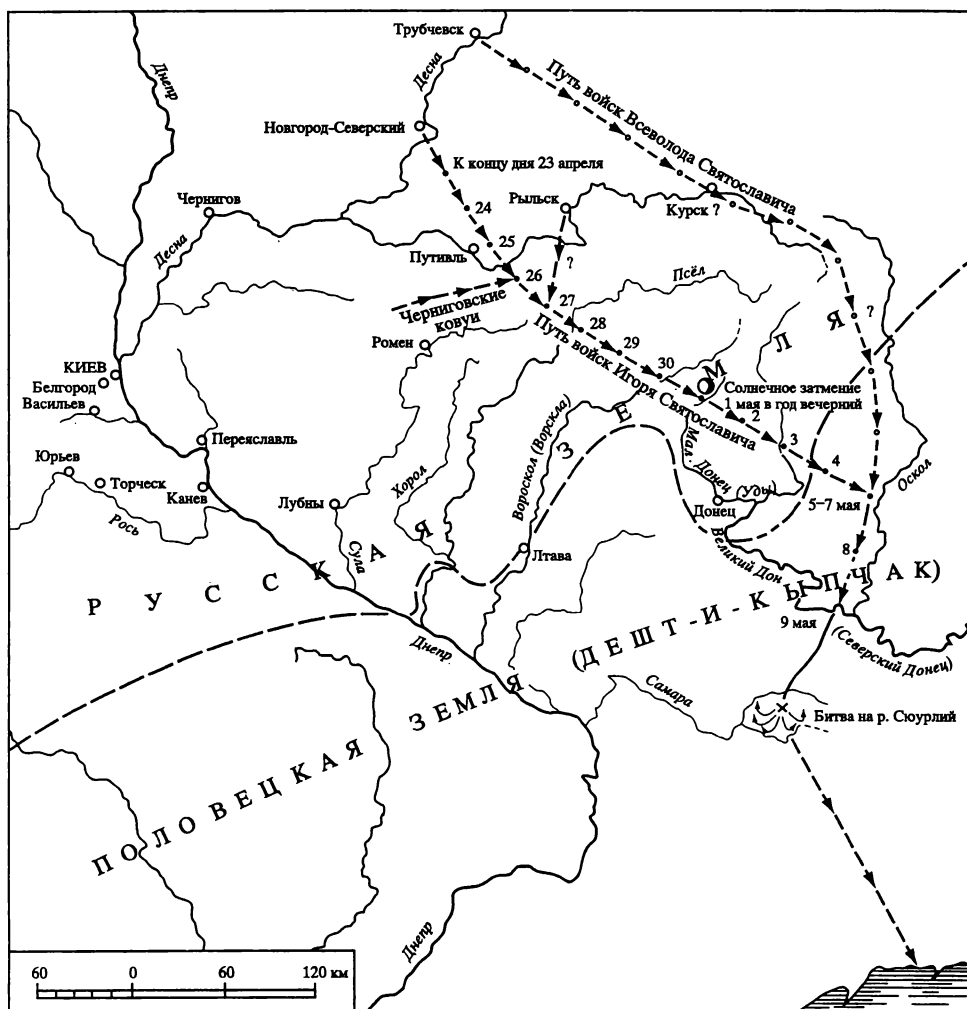
происходил в пути, так как рати из Путивля, из Чернигова и из Рыльска присоединялись во время продвижения Игоря к Донцу, к которому войска подходят 1 мая. *И здесь, на подходе к Донцу, вечером грозное знамение остановило русских.* “Игорь же взрѣвъ на небо, и видѣ Солнце стояще яко мѣсяць...” (Ипат. лет.). Но Игорь посчитал возвращение трусостью. Он обратился к войскам с речью, убеждая идти в глубь половецких степей. Русичи перебрели Донец. Так как дело было к вечеру, то следует, что здесь, на берегу Донца, была сделана стоянка. Таким образом, Донец Игорь перешел на девятый день похода – 1 мая, в среду, проделав путь примерно в 390 км. Уточним, когда летопись говорит о медленном продвижении, то следует предполагать, что речь идет о первом участке пути – до р. Псѣл. К этому времени дружины соединились, и Игорь должен был от р. Псѣл ускорить марш – поспешить на соединение с дружиной Всеволода. Вероятно, до р. Псѣл Игорь передвигался примерно со скоростью 35 км в день (5 дней), а от р. Псѣл до Донца – по 55 км в день (4 дня). Расчетные нормы в 55 км несколько больше нормы “обычной” езды (50 км), но не достигают норм “ускоренной” езды (65–85 км в день).

От Донца Игорь движется к Осколу. Путь этот не превышал 90 км. Для однодневного перехода это много. Следует предположить, что к Осколу Игорь пришел 3 мая, в пятницу (за два дня). Всеволода у Оскола не оказалось, и Игорь “прииде ко Осколу, и жда два дни брата”, т.е. субботу и воскресенье.

Встреча произошла 5 мая. Всеволод, кроме своей немногочисленной дружины, привел, как утверждает “Слово”, для подкрепления экспедиции ополчение из курян. Игорь и Всеволод полны решимости продолжить поход, и 6 мая, в понедельник, дружины начали движение к Дону. Нужно было вновь переправляться через Донец уже на юге, у Сальницы. Путь от Оскола, где произошла встреча братьев, до переправы через Донец на юге не намного превышает путь, пройденный от Донца до Оскола (см. карту), но на него будет затрачено 3 дня (6, 7, 8 мая) (в четверг, т.е. 9 мая, за Донцом началась погоня за уходившими половцами). Дата 9 мая как день перехода через Сев. Донец принята почти всеми исследователями. Может возникнуть недоумение: почему на переход от Донца до Оскола потребовалось полных три дня? Ответ мы находим только в “Слове”: ночью на этом отрезке пути войско остановила страшная гроза (“нощь стонуци ему грозою...”), а в черноземной полосе после сильного дождя передвижение весьма затруднительно.

Именно на этом отрезке пути движение русских войск было замечено половцами, и по степи, опережая Игоря, разнеслась весть о русском вторжении: «Кричат телеги в полночь: “Сообщи, лебеди распугыны! Игорь к Дону рать ведет...”».

Если 7–8 мая половцы узнали о движении русских, то уже 7–8 мая к Кончаку мчался гонец. О том, что половцы обнаружили русские дружины, Игорь узнал либо вечером 8-го, либо утром 9-го, когда вернулась разведка: «Ту же к нимъ и строжеви приѣхаша, иже бяхутъ послалѣ языка ловить. И рекоша приѣхавше: “видихомся с ратными, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдете борзо, или възворотимся домовъ, яко не наше есть время”». Игорю вновь пришлось решать судьбу похода, *и вновь он решил продолжить движение в глубину половецкой степи, хотя фактор внезапности был утерян.*

Путь войск Игоря с 23 апреля по 10 мая 1185 г. (Вариант Б. А. Рыбакова)

На рассвете 9-го числа (в четверг) войска уже на правом берегу Донца и начинают движение на юго-восток. Цель движения – догнать убегающих половцев, так как возникла угроза, что они сумеют собрать по степи значительные силы для отпора. Продвижение русских дружин на юго-восток будет весь четверг и ночь с четверга на пятницу. Пройдено, следовательно, могло быть 120–135 км.

При определении маршрута чрезвычайно важным является, что русские весь четверг и ночь на пятницу преследовали половцев. Переправившись через Донец, русские не могли быть пассивны, не могли медлить и ожидать. Когда были получены сведения об уходящих половцах, оставалось одно – преследовать. Впрочем, можно было вернуться, но Игорь эту мысль отверг.

Так как коней нужно было поить, то становится очевидным, что и движение половцев, уходящих от русских, и движение русских войск может ид-

ти только параллельно реке. С юго-востока к Донцу течет Кривой Торец. Следует предположить, что вдоль этой речки и происходит движение половцев и русских.

Естественно, что после форсированного марша войска были измотаны, требовался привал, хотя бы кратковременный. Перед рассветом войска остановились.

Восход 10 мая наступает в 4 часа 29 мин. – светает около четырех часов. Только в третьем часу ночи Игорь мог дать короткий отдых войскам.

Итак, к рассвету пятницы русские настигли половцев, пройдя по прямой свыше трети пути до Дона или до Таганрогского залива, куда намечает маршрут Лаврентьевская летопись. Исследователей “Слова” смущают совпадающие направления движения и русских, и половцев, которые дает “Слово”: **“Игорь къ Дону вои ведеть!”**; **“А половцы неготовыми дорогами побѣгоша к Дону Великому”**; **“Гзакъ бежить сърымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣд править к Дону Великому”**. Но Автор очень точно фиксирует сложившуюся ситуацию. К Дону (в глубину половецких степей) убегают половцы от Игоря, Игорь, преследуя половцев, стремится к Дону. Но к Дону от Приднестровья уже движется Кончак на встречу с Игорем. Охотник (Игорь) стал дичью и еще не догадывается об этом.

Утром рано русские обнаружили преследуемых половцев. Произошла скоротечная схватка. Но половцы стремительно отступили за реку. Автор летописи назовет ее Сюурлий. Автор “Слова” – Каяла (то же повторит автор “Задонщины”: **“Тъ бо на рекъ на Каялѣ одолѣша род Афѣтов”**). *Река на юг от верховий Торца с отклонением на восток – Кальмиус.*

Половцы переправились через реку и обстреляли дружины Игоря. Преследуя половцев, русские также переправились через Кальмиус, замостив топкие берега трофеями: **“Покрывалами, и накидками, и кафтанами на меху начали настил мостить по болотам и грязным местам”**. Святослав, Владимир и Ольстин бросились преследовать врага. В полдень они настигли половцев и взяли большой полон. Игорь же и Всеволод продвигались медленно. Вечером вернулись князья, преследовавшие половцев. Они принесли тревожную весть: степь скрывает многие половецкие силы. Нужно было немедленно уходить в ночь, прорываться к Донцу. Но после ночного марша и преследования половцев кони обессилели. У князей и бояр, вероятно, были подменные кони, но черные люди явно имели по одной лошади. **«...И рече Святослав Ольгович строем своим: “далече есмя гонил по Половцехъ, а кони мои не могут. Аже ми будеть нынѣ поѣхати, то только будеть на дорозѣ остати”** (Ипат. лет.). Было принято решение: заночевать, дать отдых коням и выступить утром. Но утром, рассказывает Ипатьевская летопись, **“начаша выступати полци Половецкии, аки борове. Изумѣшася князи Рускии, кому и х которому поѣхати, бысть бо их бесчисленное множество”**. Вот когда истинное положение открылось Игорю во всей своей беспощадности: на Роси были собраны огромные орды, и они двинулись к Каяле, а на встречу с ними – орды от Дона и моря. В “Слове”: **“По Роси поля скрывают войска... половцы идут от Дона и от Моря, и со всех земель”**.

В субботу происходит генеральное сражение – день великого грома. Место сражения в “Слове” указано точно: **“На Каяле, у Дона Великого”**.

Совершенно очевидно, что обратное движение русских должно было быть к Изюмскому перевозу, к Сальнице, т.е. по направлению к Торцу. Об-

ратная переправа русских через Каялу-Кальмиус поставила дружины Игоря в чрезвычайно невыгодное положение. Были очень большие потери: "...и мнози ранени и мертвии бывша в полкахъ Руских..." (Ипатьевская летопись). Это было уже проигранное сражение.

Вечером измученные сражением полки пытаются оторваться от половцев. Но сражения вспыхивают и ночью: "наставши же ноци суботнии, и подоша бьются" (Ипатьевская летопись). "Слово о полку Игореве" расходится с Ипатьевской летописью в определении продолжительности сражения. По Ипатьевской летописи, разгром Игоря произошел в воскресенье, т.е. сражение шло два дня. "Слово" утверждает, что в воскресенье сражение шло с утра до вечера и только на третий день к полудню "пали стяги Игоря". Таким образом, *"Слово" подтверждает версию Лаврентьевской летописи (и Владимирского летописца) о том, что сражение шло три дня.* Навероятно, чтобы Автор, не допустив ни единой ошибки, мог неточно дать продолжительность сражения.

Нельзя пройти мимо любопытной ситуации: о том, что битва окончилась в воскресенье, мы узнаём не из основного повествования Ипатьевской летописи, а из чужеродного поэтического фрагмента, введенного в текст летописи редактором. Поэтическая вставка старается убедить читателя, что Игорь на поле брани осознал свои грехи и покаялся. Покаянный монолог Игоря соединяет с основным текстом не очень искусно написанная связка: "И тако во день воскресенья наведе на ны господь гнѣвъ свои...". В этой же связке уточняется, что это происходит "на рѣцѣ на Каяле", хотя перед связкой было сказано, что события происходят у озера. *Если опустить нелепую связку, то по тексту Ипатьевской летописи мы вообще не можем судить, когда же закончилась битва Игоря с половцами.*

Редактору Ипатьевской летописи казалось назидательным, что именно в день святого воскресенья произошло "воскресение" Игоря, его духовное прозрение. Автору Лаврентьевской летописи было не до этих тонкостей. Автор же "Слова" следовал былям.

Итак, у озера на водоразделе Торец–Кальмиус рано утром половцы навязали Игорю сражение. Но, увидев, что битва проиграна, ковуи бежали. Это уже разгром. Игорь, раненный еще в битве на Каяле, пытался повернуть бегущие полки, но не сумел. Сражение шло вокруг озера. У многих уже пали лошади – бились пеши. Половцы сумели преградить путь к Торцу – не пустили русских "к воде". Здесь был пленен Игорь, он так и не пробился к Всеволоду. В понедельник сражение у озера закончилось. Часть русских войск вновь повернула обратно к Каяле-Кальмиусу, но это уже было бегство в попытке затеряться в степи. Попытка безнадежная. Русских воинов ждала гибель у Азовского моря: "...а прочии в морѣ истопиша", – скажет о них летопись. Это было великое торжество половцев. "...прекрасные девы запели на берегу синего моря" и "необычайная гордость возбудила чужие племена".

Одержав победу, половцы ринулись на Русь. Половецкие вежи продвинулись к Тору. Воины под предводительством Кончака направились к Переславлю. Гзак двинулся к Путивлю. Игорь остался с кочевьем у Тора.

Работы, посвященные географии Игорева похода, многочисленны, и в настоящей статье не представляется возможным дать анализ даже наиболее интересных. Но следует отметить ряд моментов, которые в этих работах не учтены, что привело к выводам, вызывающим серьезные возражения.

А. Исследователи, как правило, не учитывают при определении маршрута движения войск Игоря после переправы через Донец на юге создавшуюся ситуацию и тактическую цель, которую ставил перед собой Игорь. А эти факторы подчеркнуты в Ипатьевской летописи. Простейший расчет показывает, что переправа через Донец могла быть либо вечером 8 мая, либо рано утром 9-го. Вернее всего, Игорь предпочел заночевать на левом берегу Донца: река была естественной преградой при внезапном нападении. Но еще до переправы у Сольницы (Сольница – левый приток Донца) Игорь от разведчиков узнал о том, что он обнаружен, что степь полна вооруженных людей. Фактор внезапности был утерян. Это главное СОБЫТИЕ, определившее характер дальнейших действий. Следовало либо возвратиться, либо преследовать уходящих половцев: “да или поѣдете борозо, или возвратимся...”. Дальнейшие действия определяются как погоня. Ставится задача разбить половцев до соединения их в большое войско. Надежда на успех сохранялась: половцы были отягощены повозками, передвигались медленнее. Все это определило путь, пройденный Игорем (расстояние), и маршрут. Так как решение преследовать половцев было принято еще до переправы через Донец, то, следовательно, *9 мая день и ночь шло преследование врага*. Предположить, что весь день Игорь простоял в бездействии, значит заподозрить всех князей – участников похода в неумении решать элементарные тактические задачи. Исследователи же, не принимая во внимание ситуацию, заставляют Игоря тратить столь драгоценное время. Например, М.Ф. Гетманец утверждает, что Игорь бездействовал весь день 9 мая, чтобы “под покровом ночи как можно более продвинуться к оборонительному рубежу противника и затем днем развернуть наступление на охраняемые им позиции” [29: 314].

Все в этом пассаже вызывает недоумение. Дело в том, что никакого “оборонительного рубежа” не было, равно как и охраняемых “позиций”. Половецкие же городки у Донца останутся в стороне – Игорь явно не собирался их брать.

Далее М.Ф. Гетманец пишет: “Дружина шла всю ночь, с одной-двумя кратковременными остановками для отдыха, а перед рассветом в верховьях Каменки сделали большой привал, напоили и накормили коней, позавтракали, надели доспехи и, приняв боевой походный порядок, выступили по направлению Сюурлия, до которого оставалось еще 18 км. Войска двигались неторопливо, выставив со всех сторон усиленные дозоры, были готовы в любой момент перестроиться для боя. Передвижение русской рати в обширной степи не прошло незамеченным” [29: 314–315]. Вероятно, нет необходимости комментировать эту идиллическую картину с завтракающими (буквально в пределе прямой видимости, без кольчужек и шлемов) беспечными воинами.

Б.А. Рыбаков определил бросок войска за уходящим противником в 60 км, предполагая, что ночью Игорь ехал со скоростью 5 км в час, чтобы тише звучал конский топот. *Но главным фактором была не скрытность, а скорость движения*, ибо Игорь знал, что обнаружен. Погоня длилась с рассвета 9 мая и почти до утра 10 мая, т.е. речь идет о движении в течение суток. Как далеко могли продвинуться русские от Донца? Прочитую Б.А. Рыбакова: «Владимир Мономах с гордостью рассказывал детям, что “из Чернигова до Кыева нестишь ездих ко отцю днем есм переездил до вечерни”. Расстояние от Чернигова до Киева равно 139 км по прямой, и оно

покрывалось за день до 4 часов вечера (начало вечерни), т.е. за 12–14 часов езды» [137: 220]. Таким образом, за 16–18 часов Игорь мог преодолеть 120–130 км. Ехать действительно пришлось “борзо”. (Для сравнения: В.Г. Федоров приводит сообщение газеты “Красная звезда” – 1946. 4 авг. № 183, – в котором говорится о передвижении стрелковой части в условиях труднопроходимой местности со всей матчастью за 19 часов на 80 км.)

Совершенно очевидно, что пройденное расстояние исчисляется для конных воинов, ибо преследовать уходящих на лошадях половцев в пешем строю бессмысленно. Следовательно, вопрос: пешими или конными были воины Игоря? – не имеет смысла. Упоминание о пеших воинах, которых не пожелал бросить Игорь, относится к тому периоду сражения, когда у простых людей падают кони, а подменных у них не было. Движение и половцев, и русских могло быть только по маршруту близ постоянного источника воды (иначе лошади были бы загнаны), т.е. не удаляясь от рек.

Б. Очень четко “Слово” (не расходясь с летописями) определяет направление похода к Дону: “А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони. Да позрим синего Дону!”. Игорь еще раз подтвердит цель похода: “Испити шеломомъ Дону”. Всего в “Слове” для уточнения места действия Дон назван 15 раз.

Попытка перенести события в иной географический район кажется необоснованной, но...

«Хотя в “Слове” двенадцать раз (15 раз. – Ю.П.) упоминается о Доне или о великом и тихом (7. – Ю.П.) Доне, мы, несмотря на то, что автор “Слова” дает вообще точные определения, все-таки вынуждены признать, что не можем считать “Слово” таким произведением, в котором географические сведения о месте действия даются без всякой поэтической окраски» [165].

Б.А. Рыбаков разделяет эту точку зрения и подкрепляет ее еще одним аргументом: «Татищев обратил внимание на расхождение нашей и древней географической терминологии. “Здесь, хотя во всех манускриптах написано на реке Дону, – писал он о битве 24 марта 1111 г., – но обстоятельства доказывают, что то – Донец Северный, который Доном на многих местах именован... Сия же ошибка, что Донец Доном назвали, есть древняя» [136: 230].

По мысли Б.А. Рыбакова, Сев.Донец – это и есть Дон, а под Донцом следует понимать р. Уды. При переходе через р. Уды Игорь, считал Б.А. Рыбаков, и наблюдал 1 мая 1185 г. солнечное затмение. Все остальные расчеты маршрута основаны на этом. А место битвы отнесено в бассейн р. Днепра, на речку Самару, в 80 км от Сальницы (точнее, на речушку Гнилушку).

Если принять вариант Б.А. Рыбаков, то невозможно решить возникающие противоречия:

а) многократно Автор “Слова” говорит о том, что Игорь стремится к Дону. Но вот он достигает Дона (Сев. Донца), а весь строй поэмы, сам текст не дают нам понять, что цель достигнута;

б) идут с моря черные тучи, Автор в предчувствии беды: идти дождю стрелами с **Дона Великого**. Стрелы будут нести “потомки Стрибога” – ветры. Создается явное представление того, что Дон, как и море, впереди, так как стрелы летят от моря навстречу Игорю, все еще стремившемуся к Дону;

в) Игорь во время похода перешел через нынешний Сев.Донец, т.е., по версии Б.А. Рыбакова, через Дон. Но Автор пишет, что Дон-то зовет князей. И это воспринимается так, что русские не достигли Дона;

г) Игорь в мыслях поля меряет от Дона до Донца. По географии, предложенной Б.А. Рыбаковым, это расстояние от Сев. Донца до р. Уды. Но мы совершенно точно знаем, что Игорь был на р. Торец, за Донцом. *Во время погони он загонит в скачке коня и еще пешком будет добираться до Донца.*

Явно, Автор “Слова” назвал Донцом Сев.Донец, а Дон – Доном Великим. Да и в Лаврентьевской летописи: русские князья, разбив половцев в первом сражении (т.е. уже за Сев. Донцом), похваляются, что **пойдут за Дон**. И здесь не предполагается, что Сев. Донец – это Дон.

В “Повести временных лет” действительно несколько раз названы некоторые города как лежащие на Дону, хотя точно известно, что они находятся на Сев.Донце. Это дало основание В.Н. Татищеву выдвинуть версию, что во всех случаях “Дон” следует понимать как название Сев. Донца. А Д.И. Иловайский утверждал, что многочисленные “Доны” и “Дунай” – по той причине, что это были не собственные названия, а нарицательные, – реки вообще [60: 402].

Следует подчеркнуть правильную точку зрения К.В. Кудряшова, что «самое выражение “Дон”, “с Дона” применяется иногда летописцем как общее географическое обозначение для всей области Дона за Сев.Донцом, для всего поля половецкого» [76: 117]. Русские называли (так и ныне) “Доном” и область Дона, и реку Дон. Безусловно, Дон в “Слове” – географическая реалья.

Таким образом, нет оснований пересматривать направление маршрута Игоря. Наиболее вероятным местом первого сражения, учитывая пройденное расстояние, направление, рельеф, водные ресурсы, близость упоминаемого моря, является р. Кальмиус. Ее совершенно точно назвал Кудряшов в 1937 г., но позднее он под влиянием критических высказываний откажется от своей версии. Критика была такого порядка: р. Кальмиус (т.е. Каяла) лежит слишком далеко от реки... Сюурлий, у которой, по Ипатьевской летописи, происходит битва с половцами. Под “Сюурлий” имелось в виду либо место слияния р. Орели с Орелькой (Аристов), либо слияние Казенного и Сухого Торца около Славянска. Определение места Сюурлий было произведено на основе этимологических изысканий: «Сюурлий – “слияние рек, разлив рек”». Но, вероятно, прав Б.А. Рыбаков, утверждая, что название реки «связано с тюркским словом “süjür” – мошкара, следовательно, мы должны видеть в ней... “комариную реку”» [136: 233].

Автор “Слова” не приведет тюркского названия реки, а назовет ее “рекой проклятий”. Что Каяла не является географическим названием, подтверждается тем, что речка Канина, где произошло сражение с половцами, наведенными Олегом и Борисом, в “Слове” названа Каялой (см. поясн. II.30). “Каяла” встречается только в поэтических текстах (“Слово”, вставка в Ипатьевской летописи, “Задонщина”), и во всех случаях она река гибели, слез, проклятий. Исследователей смутило то, что в Ипатьевской летописи есть и река Каяла, и река Сюурлий. Следовательно, рассуждали они, битва началась у реки Сюурлий, а закончилась у Каялы. Но Каяла названа только в связке, соединяющей поэтическую вставку – монолог Игоря – с основным текстом летописи. Летописец же употребил географическое название реки – Сюурлий. Соседство в одном тексте поэтического, образного имени реки и географического названия и создало путаницу. Битва же русских с половцами закончится не у “Каялы”, а у озера: “Всеволод же толма

бывшися, яко и оружия в руки его не доста; И бяхоу бо ся идуще вкруг при езере” (Ипатьевская летопись). Но именно у Каялы (Сюурлия, Кальмиуса) решается судьба всей экспедиции.

2. “Игорь ждет мила брата Всеволода”.

“(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход)” (Д.С. Лихачев).

Повествование о походе Игоря начинается с момента соединения русских ратей у Оскола. Это первый эпизод второй композиционной структуры. Летопись свидетельствует: “...перебреле Донѣць и тако прииде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода тотъ бяше шелъ инѣм путем ис Курьска”.

Рассматривать: “...стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода” – как одно предложение нельзя (в качестве примера бессоюзного предложения приведены они в книге А.Н. Стеценко “Исторический синтаксис русского языка” [150: 28]). “...стоять стязи въ Путивлѣ” находится в структурно-смысловом единстве с предыдущим: “трубы трубятъ в Новѣградѣ” (см. поясн. I.26).

Игорь ждал брата не в Новгороде, а у Оскола. Предложенное А.Н. Стеценко прочтение нарушает логику повествования.

Перевод: “Игорь ждет любимого брата Всеволода”.

3. “И рече ему буй туръ Всеволодь...”

А.И. Мусин-Пушкин перевел: “Богатырь же Всеволод вещает к нему...”

В современных переводах наметились две тенденции: а) не переводить “буй туръ”; б) понимать “буй туръ” как “буйный тур”.

Ср.: “И сказал ему буйный тур Всеволодь...” (А.С. Орлов);

И сказал ему

Буй-Тур Всеволодь...

(А.К. Югов)

А. Мазон считал, что само существование в “Слове” “буй туръ” и “яръ туръ” – аргумент в пользу версии мистификации Мусиным-Пушкиным доверчивых читателей. «Эпитет, присвоенный Всеволоду, – вроде индейского прозвища. Он является, вероятно, одним из наиболее странных изобретений автора “Слова”...и нужно признать, что “буй тур” и “яр тур” – нововведение, звучащее фальшиво» [200: 66–67].

О. Сулейменов предположил, что “буй туръ” – тюркизм и должен означать: “высокородный господин”. Наличие в тексте “Слова” обращения “яръ туръ” ставит по сомнению эту версию. Но фантазия О.Сулейменова находит выход: «переписчику не понравилась постоянное употребление композиции “буй туре” и он решается разнообразить, обогатить “бедную” на эпитеты авторскую речь. Эпитет “буй” в дальнейшем тексте “Слова” произвольно заменяется переписчиком на другой, созданный им по аналогии – яр...» [152: 53].

Но все слова, входящие в сочетание “буй туръ” и “яр туръ”, известны древнерусскому языку, переводимы, необходимости искать в других языках нет. «В характеристике Романа Галицкого (Ипат. лет., 1201 г.) сравнение его по признаку храбрости с туром: “Храбор бо бе яко тур”, в Шестедневе: “буй муж” (л. 27 об.); “яр муж” (Пчела, стр. 185)» [1: 36]. Даль дает: “Буй воевода, храбрый” [206, т. 1: 138]. Ср.: “И поиде съ Москвы на Коломну, и слыша

тамо буюго варвара, нечестивого царя Крымского. Каз. лет. 110 (XVII в. ~ XVI в.)” [212, вып. 1: 75].

“Буи” имело значение: сильный, дерзкий, буйный, *неистовый*, свирепый, глупый. Предпочтительнее – “неистовый”. Когда в битве Всеволод будет свиреп и яростен, Автор употребит эпитет с иным эмоциональным оттенком – “яръ”.

“Туръ” – очень крупное животное (высота в холке 170–180 см, вес 800 кг), истреблено более 300 лет тому назад. В XII в. туры водились в Черниговской земле, где охотился Мономах. “Туры обладали диким и злым нравом, не боялись человека и были очень агрессивны. В русском фольклоре и летописях они служат символом не только мощи, но и храбрости...” [107: 380].

Принятый многими переводчиками эпитет “буйный” к туру дает эмоциональный оттенок, несколько снижающий образ Всеволода. Ср.: “буйный тур Всеволод” (Д.С. Лихачев). Если “буйный” по отношению к Всеволоду в устах Автора еще допустимо, то совершенно невозможно такое обращение к Рюрику, соправителю Святослава, или к одному из самых популярных князей XII в. – Роману. В тексте “Слова” будет: “А ты буи Рюриче”, “а ты буи Романе”. В настоящем переводе везде: “неистовый тур”. “Неистовый” – слово заимствовано из ст.-слав., образовано от “истовый” – “верный”, “истинный”. В то же время: “неукротимый”, “безудержный”, “необычайно сильный в проявлении чего-нибудь”. Эпитет “буи тур” вполне мог быть приложим к Всеволоду Святославичу, храброму и могучему воину. По черепу Всеволода Святославича из гробницы Благовещенской церкви Чернигова М.М. Герасимовым была произведена скульптурно-портретная реконструкция. На нас смотрит лицо человека вспыльчивого и своевольного. Всеволод был могуч и высок ростом. Во время похода ему было 26 лет. Он был девятью годами моложе Игоря и во всем полагался на старшего брата, более опытного, хитрого и честолюбивого. Всеволод был посажен на княжение в Курске и Трубчевске. Лесостепные земли Курска часто подвергались нападениям половцев, но укрепленные города успешно противостояли набегам благодаря мужеству и выносливости курян, что отметил Автор “Слова”.

Перевод: “И сказал ему неистовый тур Всеволод...”

4. “...сѣдлай, брате, свои бързыи конони, а мои готови, осѣдлани у Курьска напреди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети...”

“Седлай, брат, своих борзых коней, а мои ведь готовые, оседланы у Курска впереди: а мои ведь куряне известные воины...” (А.С. Орлов).

“(Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне – опытные воины...” (Д.С. Лихачев).

Существующие переводы искажают смысл фразы. Речь идет не о том, что кони были “готовы” у Всеволода много раньше, чем Игорь выступил в поход (инициатором похода был Игорь, он прежде и “оседлал коней”); и не о том, что его, Всеволода, воины “впереди у Курска”. Курск был в стороне от движения войск из Северской земли. А так как встреча происходила у Оскола, то Курск был вообще далеко в тылу.

Фраза имеет смысл только как утверждение права Всеволода быть в авангарде. Это подкрепляется и тем, что далее он расхваливает своих воинов-курян. За право быть “наперед” происходили споры. Так, в походе Игоря в 1184 г. “еще до встречи с половцами произошла ссора двух князей, в какой-то мере отразившая соперничество двух соправителей. Владимир Переяславский, посланный Рюриком, требовал себе места в авангарде, места, выгодного тем, что передовые части первыми захватили добычу в покинутых воинами кибитках и юртах”. «Во время следующего похода Владимир Глебович, ущемленный Игорем в своих правах, обратился к Святославу с мотивированной просьбой: “Испросился бяше у Святослава, рек: моя волость пуста от половець – пусти мя, отче Святославе, наперед со сторожа!”» [136: 204].

Следовательно, встретившись у Оскола с братом, Всеволод сразу выговаривает право своим воинам быть в авангарде: “мои кони будут впереди!” – “а мои ти, готови, осѣдлани у Курьска, – наперед!”

Однако уточнение лексики (уточнение значения слова “наперед” само по себе очень важно) не спасает прочтение этого фрагмента от серьезных претензий в бессмысленности содержания.

По “Слову”, “буй-тур” Всеволод предстает перед нами как курский князь (“мои ти куряни свѣдоми кѣмети”). Однако исторический князь Всеволод Святославич княжил в Трубчевске (“брата Всеволода из Трубечка”). Сдвиг в представлениях Автора “Слова” мог произойти от переосмысления того, что по летописи князь из Трубчевска шел на встречу с Игорем у Оскола через Курск (инемь путем ис Курьска; ср. в “Слове”: “Комони... осѣдлани у Курьска”). О принадлежности Курска к владениям Всеволода у нас никаких сведений нет. Д.С. Лихачев считает, «сообщение об этом “Слова” очень вероятно. Прежде всего отметим, что нет сведений о том, что Курск принадлежал другому князю. Известно, однако, что Курск входил в число владений ближайших родственников Всеволода – отца и брата». А.А. Зимин возражает: “То, что этот город принадлежал отцу Всеволода и его брату Олегу, еще не означает, что его следует связывать с самим буй-туром. Сила аргумента *ad silentium*, как правило, ничтожна. Факт же тот, что в 1185 г. Всеволод был трубчевским, а не курским князем” [59: 53].

Несмотря на то что статья А.А. Зимина была явно дискуссионной и имела очень большой резонанс, его оппоненты не нашли достаточно весомых аргументов, опираясь на “традиционное” понимание и прочтение текста. И Зимин, и его оппоненты не учли следующие моменты:

А. “Кѣмети” употреблено в “Слове” единственный раз и только по отношению к воинам, пришедшим к Всеволодом. Сбор “кметей” был, как видно, не так прост: Всеволод задержался на два дня и Игорю пришлось его ждать. Кто же такие “кѣмети”? Западнославянские и южнославянские словари определяют два значения слова “кѣметь”: “земледелец” (некоторые словацкие справочники дают определение “фермер”, т.е. свободный земледелец) и “воин”, но не дружинник.

А.С. Орлов, ссылаясь на Корша, дает такой комментарий: «...“кѣметие” (им. пад. мн.ч.). Слово “кѣметь” производят от греч.-визант. *χομητής*, заимствованного с латинского *comes* (-itis). В “Девгениевом деянии”, переведенном по-русски веке в XII, в “Повести временных лет” под 1075 г., в южн. и сев. Летописи XII в. и в “Поучении” Мономаха XI–XII вв. “кмети”, “кметье”

имеют значение: воины (напр., “силнии кмети” “Девгениева деяния”). Среди половецких пленных Мономах перечисляет “кметий молодыхъ”; полагаем, что название “кметей” применимо именно к “молодцам” – воинам (ср. паробци, отраци). В.Ф. Миллер приписывает слову “кмети” в древнерусском употреблении такое же “почетное” значение, какое имело позднейшее, тоже иноземное, слово “лыцарь” у запорожских казаков. У южных и западных славян “кметь” имеет несколько значений: земледелец, слуга, старшина» [114: 95–96].

Итак, “къмети” – это свободные земледельцы, мелкие феодалы, вовлекаемые в феодальные войны князьями в качестве вспомогательной военной силы.

Б. Значение слова “ти” не только как указательной и усилительной частицы – “то”, “же” (это значение использовано переводчиками), но и как союза “и” (последнее значение в процентном отношении в древних текстах даже преимущественное. Напр.: “Проповѣсться се еванглие црѣства по всей вселенѣи... ти тѣгда придетъ коньчина Мо ХХIV, 4. Юр. ев. п. 1119 г.» Многочисленные примеры см. хотя бы в “Материалах...” И. Срезневского [213, т. 2, стб. 956–957]. В большинстве случаев значение “ти” – союз – подтверждено калькой с греческого).

Теперь, после уточнения лексики с учетом исторических реалий, можно произвести членение текста на синтаксические структуры. Текст в исправлениях и уточнениях не нуждается и не вызывает претензий, аналогичных тем, которые были высказаны А.А. Зиминим.

Перевод: *“Седлай, брат, своих быстрых коней, но мои и собранные, оседланные у Курска, – во главе! А мои и куряне, опытные ополченцы...”*

5. “...подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни...”

Среди значений слова “повивать” Даль дает: “принять младенца” [206, т. 3: 143]. Ср.: “Не можем, зане члѣвци есмі, повити въ гресѣхъ” [213, т. 2: 999]. «Ср. Гринченко (Сл. укр. Мови): Повивати, пови́ти – переносно: “родить”. И пришла година і я тя повила, грудьми годувала, до серця тулила» [205, вып. 4: 97].

“Взлелеивать, взлелеять, возлелеивать что, кого; воспитывать вскармливать, холить, нянчить, пестовать, ухаживать, кормить и растить, говор. о человеке, животном и растении” [206, т. 1: 107]. «Старший, сохранившийся пример глагола “лелеяти” без приставки в списке XII в. (б. Румянц., № 363, л. 418) “Повести о царе Давиде и сыне его Соломоне”: “...даша сына своего Соломона хранить и лелеяти доброму своему слуге Ичкалу» [1: 38].

Перевод: *“...под трубами рождены, под шлемами вынянчены...”*

6. “Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуци ему грозою птицъ убуди; свистъ звѣринъ въста, зби дивъ, кличь...”

“Солнце ему тьмою путь заграждало: ночь, стоная ему грозою, пробудила птиц; свист звериный поднялся; Див кричит...” (А.С. Орлов).

Во всех существующих переводах, полученных после радикальных и плохо обоснованных с палеографической точки зрения правок древнего текста, вызывает недоумение странное выражение: “свист звериный”. Только в немногих переводах авторы не рискнули зверей заставить свистеть.

У Мусина-Пушкина: “Грозная, восставшая ночью буря пробуждает птиц; ревут звери стадами”.

У А.К. Югова:

...и ночь,
ропща на него грозою,
птиц прибила!..
Взбились половцы!
Свищут свистом звериным...

Для обоснования возможности прочтения “свист звериный” комментаторам пришлось приложить немало усилий. Доказывается, например, что весьма эффективно может свистеть “в коготь” медведь. Лошади, услышав свист медведя, падают замертво. Более осторожные исследователи предполагают, что свист был поднят в ночную грозу грызунами: сусликами и сурками. В объяснительном переводе Д.С. Лихачева: “...(зловещий) свист звериный встал (свист степных сусликов): взбился див (божество восточных народов)...”

Суслики действительно могут посвистывать. Но в “Слове” речь идет о ночной грозе. Суслики и сурки – пугливые зверьки, активные только днем. В ночную бурю они явно не могли поднять устрашающий свист.

Н.В. Шарлемань почувствовал неубедительность ночного свиста сусликов с точки зрения естествознания и постарался снять недоумение читателя, пояснив, что они (суслики и байбаки) засвистели уже после грозы, с восходом солнца: “Утро после грозы 2 мая войско встретило где-то в местах, густо заселенных байбаками и сусликами. Перепуганные появлением всадников, зверьки резко засвистели, “свистъ звѣринъ вѣста”, означая, что ночь кончилась и наступило утро (свист байбаков и сусликов происходит только после восхода солнца...” [182: 213].

Прежде всего, грозы ранее 5–6 мая быть не могло, так как из текста же “Слова” следует (а иных источников нет), что гроза была после встречи братьев, но до ночной погони за половцами (см. поясн. II.1).

Кроме того, Н.В. Шарлемань упускает из виду, что в “Слове” речь идет именно о ночной грозе, которая и переполошила птиц и зверей: “нощь, стонуци ... грозою...”. Передвигаться в ночную грозу по бездорожью безрассудно, и мысль о том, что появление всадников переположило байбаков и сусликов, представляется несостоятельной. Да и не соответствует буйство сусликов грандиозности происходящего, а посвист грызунов “зловещим” никак уж не может быть.

Весьма решительно против “свиста звериного” восстал О. Сулейменов. Он совершенно справедливо предположил, что текст нуждается и в ревизии словоделения Мусина-Пушкина, и в уточнении лексики, и в уточнении синтаксиса самого фрагмента [152: 28–31].

Необходимость уточнения лексики вызывается прежде всего наличием в тексте издания 1800 г. загадочного выражения “въ стазби”. Проверить правильность текста по Екатерининской копии нельзя, так как в Екатерининской копии опущен значительный кусок текста: “убуди свистъ звѣринъ в стазби”. Нет сомнения, что первые редакторы допустили при снятии копии ошибку (либо перенесли ошибку копии XVI в.). Но какую? Любая радикальная правка представляется неубедительной.

Усилия исследователей при прочтении фрагмента были направлены на расшифровку таинственного “стазби” – слова, которое не подтверждалось

древнерусским словарем. Приведем конъектуры, получившие наибольшее признание.

Е.В. Барсов предположил, что в тексте был надстрочный знак, на него не обратили внимания копиисты. С надстрочным знаком следует читать: “Нощь стонуци ему грозою птичь убуди. Свисть звѣринъ въ ста”зби”, т.е. “Ночь, бушуя, страхом птиц разбудила. Вой звериный в стаи согнал”.

Уточняя конъектуру Е.В. Барсова, С.К. Шамбинаго предложил чтение: “свисть звѣринъ в стаи зби”, т.е. “свист звериный в стаи сбил”.

Ф.Е. Корш предположил, что в подлиннике было: “свистъ? зверии въ стаи зби”.

В.Н. Щепкина вместо “въ стазби” читает “вста” и “зри”, причем “зри” было на полях рукописи, как знак внимания. Так же объяснял Н.С. Тихонравов; это прочтение поддерживал А.С. Орлов. При этой конъектуре в переводе слово “зри” опускалось. В.А. Яковлев предложил исправить “зби” на “збися”. И хотя эта правка совершенно необоснованна палеографически, она ныне принята большинством ученых. Это находит свое отражение не только в переводах, но и в “Словаре-справочнике СПИ” [212, вып. 3: 112].

“Збитися” (збися Дивъ) понято как “подняться, забраться наверх”. Но в таком значении слово “збитися” в памятниках древнерусской литературы не зафиксировано. Глагол “збитися” имел значения: 1) столкнуться, сразиться в бою; 2) сойтись, собраться; 3) сорваться, порвать пути.

Оригинально прочтение О. Сулейменова. Он соотнес два фрагмента:

Солнцу ему тъмою путь заступаше	Дльго ночь мрѣкнетъ
Нощь стонуци ему грозою	Заря свѣт запала
1) <u>Птичь</u> убуди <u>свисть</u>	мѣгла поля покрыла
2) <u>Звѣринъ</u> въста <u>зби</u>	3) <u>щекот</u> <u>славіи</u> успе
Дивъ кличетъ врѣху древа	4) <u>Говор</u> <u>галичь</u> убуди

- О. Сулейменов пишет: «Общие структурные черты конструкции 1, 2, 3, 4: 1) определение перед сказуемым (птичь убуди – звѣринъ въста – славіи успе – галичь убуди); 2) сказуемое выражается глаголом прошедшего времени (убуди – въста – успе – убуди); 3) определение – краткой формой прилагательного (птичь – зверинъ – славіи – галичь).

Схематически строки 1 и 2 соответствуют друг другу так же полно, как 3 соответствует 4.

Таким образом, я пришел к выводу, что “птичь” – краткая форма прилагательного, а не существительное, как полагают. При этом грамматическом прочтении устраняется вычурное, совершенно необычное для славянской литературы выражение “свист звериный”. И возникает более точное и традиционное – птичий свист» [152: 30].

«Неясное написание “зби” стоит на месте подлежащего и, скорее всего, относится к именам существительным. И означает по семантической схеме – название звука, издаваемого зверем, или движения.

Птичий пробудился свист,
Звериные восстали зби.

В древнерусском языке есть похожее слово – “зыбь” – беспокойство, смятение. В современном – “зыбь” – колебание. Корень распространен в украинском, старославянском, словацком, сербском (в формах -зиб-, -зъб-, -зеб-, -зайб-).

Это одно из возможных направлений поиска.

“Зби” может быть воплощением уже известного нам и переписчику палеографического или речевого нюанса (зыби-з’би)” [152: 31].

В статье Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова «“Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова» [47: 254] была подвергнута критике конъектура О. Сулейменова. Аргументы оппонентов:

а) глагольная форма “убуди” (аорист) может означать “разбудить, пробудить, но не “пробудиться”;

б) слово “зби” (по О. Сулейменову – существительное) не только неизвестно древнерусскому языку, но вообще не могло бы существовать, ибо нет существительных, которые оканчивались бы на “и”;

в) «оговорка О. Сулейменова, что написание “зби” может быть воплощением уже неизвестного нам и переписчику палеографического или речевого нюанса (стр. 31), не изменит совершенной неправдоподобности такой конъектуры».

Отметим, что кроме допущенных О. Сулейменовым неточностей и сам метод доказательства, названный им структурным, небезупречен. Соотносимые фразы взяты без учета всего контекста. Структура синтаксических конструкций не уточнена. Причем сам автор подчеркнул, что соотнесение фраз шло прежде “этимологических исследований”, что обусловило определенную заданность перевода. Кажущаяся убедительность сравнения привела к следующим неверным выводам:

– во всех случаях перед сказуемым должно стоять определение;

– определения должны быть выражены краткой формой прилагательного (птичь – зверинь – славий – галичь).

Но синтаксический анализ и уточнение лексики дают несколько иную картину. В первом фрагменте “звѣринь вѣста зби” не представляется целостной речевой конструкцией, так как явно нарушены структурные, грамматические связи слов, что не позволяет утверждать безусловность определенного смысла. Тот же смысл, который вкладывает О. Сулейменов в предлагаемое грамматическое оформление, предполагает нарушение норм древнерусского языка. Так, если утверждать, что “вста” – аорист, “зби” – существительное, означающее волнение, то оказывается, что нет предполагаемой предикативной связи: “зби” (зыби?) – мн.ч.; “вста” – 3-е лицо ед.ч. аориста. Если же подлежащее “ночь”, то и тогда невозможно прочтение “подняла звериные волнения ночь”; “звѣринь” – ед.ч.; “зби” мн.ч.; кроме того, глагол “вста” – непереходный (“ночь встала”). Существительное же “зыбь” означало “зыбкое, топкое место”, но не волнение, как утверждает О. Сулейменов. (“Волнение”, “беспокойство” в древнерусском языке – “зыбежь”). Во втором фрагменте прочтение “Говор галочий пробудился” без радикальной правки невозможно: “убудити” – переходный глагол, отсутствует прямое дополнение. Но, несомненно, О. Сулейменов прав, когда утверждает, что сочетание “свист звериний” не свойственно славянской лексике.

“Ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди свисть” читается без особого затруднения: форма “нощь” подтверждается многочисленными примерами;

“стонущи” – действительное причастие настоящего времени; “убуди” аорист, 3-е лицо ед.ч. глагола “убудити” (разбудить, пробудить): “грозою” – твор. пад. ед.ч. в контексте: “буря с громом и молнией”. Слово “птичь” известно по переводной литературе и обычно употреблялось в тех случаях, когда птица была неизвестного вида.

Текст “свистъ звѣринъ въ ста зби” в новом словоделении: “свистъ звѣри нѣ въ ста зби”. Можно уверенно утверждать, что ошибка допущена при копировании буквы “ѣ” в слове “нѣ”. Копиисты прочитали “ѣ” как “ѣ”. Еще Тихонравов установил, что в рукописи “Слова о полку Игореве наблюдалось сходство в написании “ѣ” и “ѣ”. Неоднократно подчеркивала, что правка ѣ на ѣ не является радикальной, и М.В. Щепкина.

«Нѣ» – частица, показывающая неопределенность; при числительных употреблялась для обозначения круглого счета или неизвестного числа, подобно нынешнему “с”» [213, т. 2: 483]. Ср.: “Кораблиць нѣ до пятишьды обрътѣвъся”; “По чередам избъено не съ С”; “Придоша Емь на водь ратью, нѣ въ тысящи”; “Не в рѣ дружинѣ”.

“Ста” (им. пад. – “сто”, “съто”) – следует предположить, что здесь вин. пад. мн.ч. Вероятно правильнее было бы перевести: “...зверей сотни согнал”. Но, возможно, форма “ста” появилась в поздней копии XVI в. (когда слово “сто” уже тяготело к единой форме в косвенных падежах), и тогда это местный падеж. Во всяком случае *текст правке не подлежит*. “Звери” – *существительное*, по типу склонения относится к группе слов муж. рода на “ѣ”; здесь мн.ч. вин. пад. – род. пад.

“Зби” – аорист, 3-е лицо ед.ч. “Збити” – согнать или собрать.

Перевод: “Солнце ему тьмою путь преграждало; ночь, стеною ему грозою, птиц пробудила свист. Зверей до сотни согнал див...”

7–8. “...дивъ, врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ...”

Слово “Дивъ(ь)” употреблено в “Слове” дважды. Второй раз: “уже врѣжеса Дивъ на землю – се бог отъ с кыя”, т.е. утверждается, что Див – некий языческий бог, что подтверждает памятник XIV в.: Дивъ назван среди объектов поклонения славян-язычников. “И славянскыя языкъ (кланяется) виламъ, и Мокошы, Дивъ, Перуну упираемъ, и берегынямъ, и Переплуту, и верьтятся пьютъ ему въ розѣхъ. Пам. др. церк. учит. лит. III, 233 (XIV в.)” [212, вып. 2: 29].

Так как конкретного образа Дива(ы) нет ни в древнерусской литературе, ни в фольклоре, многие переводчики стали отождествлять образ Дива(ы) с определенным живым существом – птицей (филином, удоном, вороном и т.п.). Некоторые исследователи искали параллели в мифологии других народов. Див представляется злым духом, дьяволом, призраком и т.п. Этимологические поиски подвели переводчиков и исследователей к попытке объяснить значение слова “Див” через сближение со словами “дивитися” и “дивый” – “дикий”. Так определилось три версии прочтения: 1) “Дивъ” – мифическое существо (птица); 2) “Дивъ” – дикий, т.е. половец; 3) “Дивъ” – смотрящий дозорец. В соответствии с версиями даны переводы:

1) “...кричит филин на вершине дерева, чтобы слышали голос его в земле неизвестной...” (А.И. Мусин-Пушкин);

...заржал деший в лесу,
Крикнул от вершины дубов...
(Д. Минаев)

“И сова завывает под сенью древесных ветвей...”
(Н. Гербель)

Высоко поднявшись по дереву,
черный Див закликал, подавая
весть на всю неизвестную землю...
(А.Н. Майков)

2) Взбились половцы!
Свищут свистом звериным,
Кличут с вершин деревьев, сзывают дикие
Землю неизвестную...
(А.К. Югов)

Злой вещун кличет с верху дерева,
Велит стеречься
Неведомых чужеземцев...
(Н.М. Павлов (Бицын))

Н.М. Павлов (Бицын) считал, что “див” – от “дивитися” – это дозорец, караульщик, сидящий на дереве и высматривающий врага. Он извещает об опасности [117: 14–16].

Особняком стоит прочтение Ив. Новикова: «Див русским не враждебен. Его клич “земле неизвестной” скорее подобие кличу Святослава Игоревича: “Иду на вы!”. Заслышав клич Дива, половцы, подобно распуганным лебедям, кинулись назад к Дону Великому.

Див не сидит на дереве, встретившемся Игорю на пути. Он сопровождает Игоря в его походе. Отсюда и предположение, что он не на дереве, а на “древке” знамени, что он изображение.

В первопечатном тексте: “Игорь к Дону вои ведет: уже бо беды его пасет птиц; подобию...”. Это слово “подобию”, никак не связанное с последующими словами: “вльщи грозу въсрожать” и произвольно оторванное точкой с запятой от предшествующего ему слова “птиц”, вызвало большое недоумение и, в конце концов, уступило свое место другому выражению – “по дубию”: так возник образ враждебных русским загадочных птиц, рассеявшихся по дубам. Предыдущая догадка, что Див есть изображение на знамени, помогла увидеть и здесь птицеподобное изображение, оберегающее русских воинов от бед.

Кто же этот птицеподобный Див? Каково самое значение этого слова? Значение его, по нашему мнению, верно понято автором “Задонщины”: это – именно Диво, нечто чудесное. Это друг и союзник русских. Это человек с крыльями. Это птицеподобное изображение крылатого “архистратига небесных сил”, вождя небесного воинства – архангела Михаила [112: 550].

Хотя, по мнению многих ученых, например [177: 88], славяне употребляли вместо слова “бог” какое-то иное, вероятнее всего “Див”, но несомненно и то, что уже в христианский период оно, это слово со значением “бог”, было вытеснено из общего употребления. Сохранилось только “диво морское” – бог моря, “диво лесное” – бог леса. Теряя свое значение,

слово “диво” переосмысливается: “чудо (чудище) морское”, “чудо (чудище) лесное”. О божестве “диве” упоминают только тексты, обличающие языческую ересь. Учитывая все это, весьма сомнительна версия, что Автор мог рискнуть назвать архангела “дивом”. Нет в религиозной литературе и весьма двусмысленного по отношению к св. Михаилу эпитета “птицеподобный”.

Но версия, согласно которой Див – некий покровитель русских, и в последнее время находит сторонников. Так Г. Карпунин [64], не упоминая имя Ив. Новикова, но воспользовавшись его аргументацией, убеждает читателя, что див – это устрашающее половцев изображение, но не на знамени (так у Новикова), а на верху скипетра. “...див пасет (оберегает) войско Игоря”.

Не враждебен русским и “Див” в интерпретации О. Сулейменова. Свое понимание значения слова “дивъ” он основывает на прочтении фрагмента, в котором вновь говорится о “диве”. О. Сулейменов читает этот фрагмент так: “уже вържеса дивъ на землю (се бог отский)”, т.е. “это бог отцов”. Иными словами: “Дивъ” – старое название русского бога (см. поясн. III.21).

О. Сулейменовым при прочтении был допущен ряд ошибок (см. поясн. III.21), но он совершенно правильно считал выражение “се бог” – “это бог”, “вот бог”. Уточненное прочтение фрагмента, где второй раз упомянут Див, дает нечто неожиданное: “Див – это бог с шеста”. Но это выражение уясняется при соотнесении его с фрагментом первой композиционной структуры, в которой впервые упомянут Див: “Дивъ кличетъ врѣху древа”. “Дерево” могло означать и дерево на корню, и изделие из дерева, и бревно, брус, столб, шест. Изначальное значение существительного “дерево” – “то, что выдирается или обдирается”.

Дважды упомянут Див в некоей взаимосвязи со столбом. Этот столб будет упомянут и еще раз и даже назван: Тмуроканским “бълваномъ” – Тмуроканским столбом (столпом, чурбаном) (см. поясн. II.8).

Вопрос о функциональной сущности Дива является принципиальным, так как играет важную роль при уяснении мировоззрения Автора и определении идеи “Слова”. Див явно враждебен русским, так как это он свистом согнал зверье, которое будет вести себя враждебно именно по отношению к русским: волки – угрожать, орлы – звать на кровавую трапезу, лисицы – лаять на красные щиты (как известно, красные щиты были у русичей). Если Див и был в древности языческим богом, которому поклонялись славяне, то теперь это нечто враждебное русским воинам.

Див в “Слове” не только согнал зверье, но и “кличетъ” и “велит послушати”. Это понимается обычно как повеление слушать, внимать: “див (божество восточных народов) кличет на вершине дерева (предупреждая о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле неизвестной...” (Д.С. Лихачев). Но “послушати” – не только “прислушаться”, “слушать”, но и “исполнять приказания, требования” “послушание” – повиновение, покорность, подчинение, смирение [206, т. 3: 335].

“Материалы...” И.И. Срезневского дают больше всего примеров на “повиноваться”. Например: “Кто сея грамоты не послушаеть, не буди Божья милости на немъ. Рамм. Митр. Кипр. Псков., 1303 г.”; “Яко Бъ, запрети вѣтромъ (и) морю, послушаша его. Илар. Зак. Благ. сборник, 1414 г.”;

“Стбслава же и Рюрикъ, послушавша его возвратишася. Ип.л., 6691 г.” [213, т. 2: 1240].

А.С. Пушкин в тексте перевода “Слова” подчеркнул “велит послушать” в знак несогласия с существующими переводами, в которых это место понималось как призыв услышать сигнал тревоги, поданный Дивом. Можно предполагать, что если бы работа Пушкина над “Словом” продолжалась, он, несомненно, дал бы иное прочтение, отличное от принятого. Но этим иным прочтением могла быть только замена значения глагола “послушать” в русском тексте на “повиноваться”, “подчиниться”.

Сочетание “велит послушать” дает очень экспрессивное – “велит подчиниться (повиноваться)”. *Кто должен подчиниться и кому?*

В русском тексте слово “незнаемъ” переведено как “неизвестной”, “неведомой” или вообще не переводится. Ср.: “земле неизвестной” (Д.С. Лихачев; [145]); “земле неведомой” (Д.С. Лихачев; [88]).

“Незнаемъ” понято как определение к слову “земли”. Под “землей” же понимается некая географическая реалья. После слова “земля” следуют, по мнению исследователей и переводчиков, однородные члены, конкретизирующие содержание понятия, выражаемого обобщающим словом: “Влзъ, и Поморію, и Посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебъ, Тмутороканьскіи блъванъ”.

Во-первых, нельзя не обратить внимания на то, что географические реалии поставлены в один ряд с неким чужеземным кумиром, это делает весьма сомнительным утверждение, что слово “земли” является обобщающим, так как между ним и однородным членом – “болван” не устанавливается пояснительная связь. Во-вторых, определение “незнаемъ” к слову “земли” при условии, что слово “земли” является обобщающим, равно должно относиться и ко всем однородным членам.

«Но русские не могли не знать Корсуня, Сурожа и, тем более, Посулья, и Поморья, и Волги, которые в “Слове” также фигурируют как земли неизвестные» [92: 286]. В.В. Мавродин предлагает читать: “земля далекая”, “земля утраченная”. Но Посулье – не далекая земля, а большинство этих земель в XII в. и ранее не были русскими.

Даль дает пояснение к слову “чужой” – “не свой, сторонний // неизвестный, неизвестный //” [206, т. 4: 613]. Ср.: “А гради плѣнени суть, и села опустѣша от языка незнаема, от языка немилостива. Патер. Печ. (Абр.) 93 (XV в. ~ XIII в.)” [212, вып. 3: 159].

“Трещатъ копіа харалужныя въ поле незнаемъ среди земли Половецкыи”, т.е. в чужом поле половецком. “...храбрая дружина рыкаютъ, акы тури, ранены саблями калеными на поле незнаемъ”, т.е. чужом, половецком, поле.

Так как слово “земля” не является обобщающим, то явно не имеет значения “страна”. Див страшит эту “землю”, что вторглась (ранее она названа “русская земля”, т.е. значение слова “земля” определяется в контексте всей композиционной структуры как неизвестная). Слово “земля” означало не вообще “войско”, а военную силу какой-то земли, народа. Отметим, что в третьей композиционной структуре (когда уже определилось, что русские потерпели поражение) будет: “вържеса Див на землю”. Вновь из контекста “земля” определяется как военная сила русского народа (см. поясн. IV.12).

Итак, Див требует, чтобы чужое войско стало послушно союзу названных земель. Перечислены почти все языческие земли, охватывающие Русь с юга и востока. То, что Див враждебен к русичам, проявляется со всей определенностью.

Многочратно упоминается мифическое существо “Див” в списках “Задонщины”, причем в ряде случаев повторяются ситуации “Слова”. Очевидно, что “Диво” – это то же самое, что и “Див” в “Слове”.

Когда запели птицы жалостливые песни, ибо полегли русские в битве, грозно кличет Диво – “А уж Диво кличетъ под саблями татарскими”. В комментариях и переводах “Задонщины” Диво представляется обычно как нечто враждебное. Но что означает “кличетъ под саблями татарскими”? И.А. Новиков считает, что, как и в “Слове”, “Див – это изображение птицеподобного архангела Михаила”: «Ясно теперь, что... “Диво” (“Див”) не какой-либо таинственный враг русских и уж конечно, не татарин: это зарубили татары русское знамя с изображением “Дива»» [112: 551].

Предлог “под” с твор. пад. означал не только то, что один предмет находится ниже другого, но и употреблялся для обозначения защиты, охраны чего-(кого-)либо. Диво под защитой татарских сабель, оно вместе с ними (татарами), а не с русскими. Ср.: “1097: И ста Давидъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою подступиша к граду под вежами. Пов. врем. лет, 180 (1377 г.~ XII в.)” [212, вып. 4: 112].

Когда “Русь великая одолѣша Мамаю на полѣ Куликовѣ”, кликнуло Диво, «велит послушати рожным “землям”, т.е. требует подчиниться грозным “землям”. А когда будет полная победа и когда “земля татарская, бедами тугою покрывшася”, на Русь придет веселье», то о Диве будет сказано, что оно “веръжено ... на землю” – брошено на землю.

В “Задонщине” (список ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086 (К-Б)) есть еще одно упоминание “Дива”: “И мы, господине, поидемъ за быстрюю рѣку Донъ, укупимъ землям Диво...”, т.е. добудем, приобретем Диво. Таким образом, еще в начале похода на Дон была цель воздать по заслугам злокозненному Диву, тому Диву, которому в “Слове” девушки-половчанки пропели хвалу на берегу Дона у моря: “уже вѣржеса Дивъ на землю – се бог’ отъ кыя красныя дѣвы вѣспѣша на брѣзѣ синему морю...”

В “Задонщине” отсутствуют все языческие старые боги, кроме Дива. Почему? Золотоордынцы в массе своей были магометанами. Татары не поклонялись ни Хорсу, ни Стрибогу, ни Диву. Давно не поклонялись языческим богам и русские. Уже во время написания “Слова” языческие боги были прокляты. Летопись о языческих богах Владимира презрительно сообщает: “Поганьские боги, паче же бѣсы, Перуна, и Хѣроса и ины многы...” [213, т. 3: 1425]. Иные – это и Дажьбог, потомками которого вот уже без малого 200 лет называют исследователи русичей. Иные – это и Дивъ – “поганьский бог”, что и утверждает “Слово”.

Если в “Слове” Див пребывает по праву, коль речь идет о половцах-язычниках, то в “Задонщине” – это анахронизм, и присутствие его в тексте имеет объяснение только литературное, а не историческое. Н.К. Гудзий: «При всей своей зависимости от “Слова” “Задонщина” все же не следует за “Словом” там, где в нем выступают языческие реминисценции. Ни разу в ней не упоминаются языческие божества, а из мифических существ, присутствующих в “Слове”, фигурирует лишь один “Див”, к тому же, как это

явствует из такой, например, фразы: “А уже Диво кличет под саблями татарскими”, он перенесен в “Задонщину” чисто механически, без попытки уяснения его морфологической природы, как механически, без понимания, перенесены сюда и некоторые другие выражения “Слова о полку Игореве”, вроде слова “харалужный” в сочетании “берега харалужные» [38: 226]. Н.К. Гудзий ошибается в главном: внимательно (отнюдь не механически!) вчитываясь в текст “Слова”, автор “Задонщины” не мог не почувствовать, что Автору “Слова” присущ исторический оптимизм. Однако автору “Задонщины” будет хорошо известно, что для Автора “Слова” еще скрыто: Киевская Русь так и не уйдет от половецкой угрозы до того страшного часа, когда придется половцам и русским отражать на Калке общего врага – полчища монголо-татар. В 1237 г. орды Батые обрушатся на Русь. А к 1240 г. покорение русских земель хиновой будет завершено. Но после торжества русского оружия на Куликовом поле можно было говорить об исторической справедливости, о сбывшихся надеждах Автора “Слова”. Особый смысл приобретало упоминание злокозненного Дива в “Задонщине”. *Архаичный Див – это своего рода реминисценция из “Слова”. Но в “Слове о полку Игореве” Див торжествовал – в “Задонщине” он повержен. Автор “Задонщины” не только потому следовал “Слову”, что это был для него совершенный образец, но и потому, что противопоставлял радость победы русских на Куликовом поле и горечь поражения на Каяле.*

Автор “Слова” говорит, что единение русских князей – главное условие победы над врагом, и создатель “Задонщины” подчеркивает: “...съехались для отпора врагу все князья русские”. Автор “Слова” вспоминает Владимира Святого как истинного радетеля за землю Русскую; и Дмитрий, и его брат как прямые продолжатели его дела названы в “Задонщине” внуками Владимира Киевского. Здесь автор “Задонщины” следует Автору “Слова”.

Но центром единения названа Москва, а не Киев, – это уже противостояние Автору “Слова”, которому виделся Киев оплотом Русской земли. Пусть автору “Задонщины” недостает творческой самостоятельности и широты взглядов Автора “Слова”, но внимательное чтение “Слова”, стремление осмыслить образец – налицо. И наличие Дива в “Задонщине” – свидетельство раздумий над текстом “Слова”. *И осознается Див в традиции “Слова” как языческое, чуждое, враждебное.*

Перевод: “...сзывает с веру столба. Велит покорность проявить войску чужому Волге, и Поморью, и Посулью, и Сурожи, и Корсуню, и тебе...”

8. “...и тебе Тмутороканьскыи блъванъ”.

“...и тебе, Тмутороканский идол” (Д.С. Лихачев).

Слово “болван” Даль комментирует так: “отрубок бревна, чурбан, баклуша, баклан. Истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог...” [206, т. 1: 109].

В значении “чурбан”, “истукан”, “столп” фиксирует в древнерусском языке слово “болван” и “Словарь русского языка XI–XVII вв.” [210, вып. 1: 277]). Аналогично у Срезневского и Фасмера.

Большинство исследователей поддержали мысль П. Каппена и П. Савельева, что Тмутороканский болван – это одна из статуй, воздвигнутых за

300 с лишним лет до н.э. Комоссарией, женой боспорского царя Перисада. Была высказана мысль, что именно об этой статуе рассказано в “Искандер-Наме” поэтом XII в. Низами, который узнал о ней от первой жены – половчанки.

Это толкование было поставлено под сомнение Д.В. Айналовым. Д.В. Айналов, анализируя тексты, где встречается слово “блѣвань”, приходит к выводу, что это может быть межевой столб. Так, в венгерской грамоте короля Коломана 1108 г. “балваном” назван “столб, ограничивающий границу монастырской земли”.

Упоминание некоего столба в “Слове” отмечается еще дважды: “с верьху” столба сзывает Див зверей, угрожает русскому войску и, когда опять будет упомянут Див, то последует уточнение, что это тот бог, с шеста (столба). “Тот”, следовательно, “уже упомянутый”.

Вероятнее всего, Тмутороканский чурбан (столп) – это тотем, установленный у границ Тмутороканских земель и являющийся межевым знаком.

Перевод: “...и тебе, Тмутороканский деревянный идол”.

9. “А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ телѣгы полунощи, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть. Птиць подобію; волци грозу въсрожать по яругам...”

“А Половцы непроторенными дорогами бежали к Дону великому; кричат телеги (их) в полночь, скажешь – лебеди распуганные. Игорь к Дону воинов ведет.

Уже ведь беды его стережет птица по дубам, волки по оврагам (воем) возбуждают ужас” (А.С. Орлов).

Непрочтение этого фрагмента – результат скверно обоснованной правки древнего текста, игнорирования географических и исторических реалий и логики прочтения при членении текста на синтаксические структуры.

Этот и аналогичные переводы были получены после того, как исследователи: а) постарались обосновать необходимость правки в древнем тексте слова “подобію” (так в Екатерининской копии, так и в тексте издания 1800 г.!) на “по дубію”; б) убедили, что слово “птиць” – собирательное существительное им. пад. мн.ч. Наличие такой формы слова и употребление его в “Слове о полку Игореве” доказывается якобы присутствием такой формы в нем (большинство переводчиков принимает еще и правку Дубенского: “роспущени” на “распужени”).

Страстным противником исправления слова “подобію” на “по дубію” выступил А.К. Югов. «Я против переделки слова “подобію” на “по дубію”, так как, дескать, по дубам. Не было ни малейшего основания такому произволу. Осмысление “подобію” не должно затруднять: это означает по естеству своему...» [194: 140].

Не принимал исправление “подобію” на “по дубію” и Ив. Новиков.

Уточним границы синтаксических структур и, что особенно важно, взаимоотношение между ними.

I структура: “А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому”.

II структура: “крычатъ телѣгы полунощи рци лебеди роспущени” – определяется легко. “Рци, лебеди роспущени”: “рци” – скажи, сообщи – 2 лицо ед.ч. повел. наклонение. Хотя переводчики и благосклонно отнеслись к правке Дубенского (“роспущени” на “распужени”, но «можно отстаивать и чтение первого издания – “роспущени”: в Ипатьевской летописи есть такое выражение – “а они не смѣша ся на них распустити” (а они не смели их преследовать). В этом случае перевод разбираемого текста такой: кричат в полночь телеги, как преследуемые лебеди» [43]. Ср.: «Моимъ именемъ и вашею рукою распуженъ будетъ князь Дмитрей (в др. сп. “распущенъ”). Мам. поб. 8» [213, т. 3: 82]. Глагол “крычатъ” сигнализирует о возможности введения в повествование прямой речи.

III структура: “Игорь къ Дону вои ведеть, уже бо бѣды его пасеть!” – реализует эту возможность. Вне связи этих двух структур фраза “Игорь к Дону вои ведеть...” несколько чужеродна. Половцы бегут от русских дружин в глубь степей, к Дону, разнося тревожную весть: “Игорь вторгся в степь, несет беды половцам Дона!”

“Пасты” – одно из основных старинных значений слова “готовить”, “припасать”. Даль: “припасать, готовить, держать в запасе...” [206, т. 3: 23]. Слово “пасты” в древнерусских текстах (обычно религиозных) встречается в значении “хранить”, “охранять” (паству); в бытовых текстах – “присматривать за скотом”.

Но в “Задонщине”, во многом повторяющей “Слово”, читаем: “поганыи Мамаи пришил на Рускую землю и воеводы своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати под облакы лѣтят...”. Автор “Задонщины” пытается творчески освоить поэтику “Слова”. В “Слове” Игорь вторгся в половецкую степь, идет к Дону, готовит ему (Дону) беды. Половцы бегут испуганные, как прыскают от волков птицы. Но русичей в “Задонщине” нельзя уподобить испуганным птицам. И автор “Задонщины” дает, уже исходя из иной ситуации: “А уже беды их (татар. – Ю.П.) пасет птица крылатая, под облака летит” (а уже бѣды их пасоша птицы крылати под облак лѣтят). Потом он уточнит, что птица эта (соколы и ястребы), готовящая беды Мамаю, летит “ис камяна града Москвы” (см. “Задонщина”, список собр. Ундольского).

Автор “Задонщины” верно понял значение глагола “пасет” – “готовить”, “припасать”. Но уже у переписчиков возникло недоумение: в каком смысле понимать глагол “пасет”? Означает ли это кормление птиц? Ср. в списке Кирилло-Белозерского монастыря: “Птицы небесныя пасущеса то под сине облако”. Остальные списки избегаются от непонятного по своему значению в контексте слова: “Вжо победы их пашутся, а птицы под облакы летают...” (список собр. Синодального); “А уже беды их пловуше птице их крылати под облакы летают” (список собр. Музейского).

Правильно догадался о значении глагола “пасет” В.В. Капнист: “Но уже его бедствие пищу готовит птицам”. В.В. Капниста подвела интонация, предложенная Мусиным-Пушкиным. “Беда”, с легкой руки Мусина-Пушкина, стала субъектом, производящим действие. У В.А. Жуковского: “Уже беда его птиц скликает”. Но сам Мусин-Пушкин перевел: “Уже птицы беду ему предрекают”. Свободный перевод первых издателей спровоцировал оправдание формы “птиць” как тождественной “птичь”. И как только исследо-

ватели убедили себя в правильности этого предложения, птицы в переводах стали обживать существовавшие в степях дубравы: “Птица перед ним по дубам от беды хоронится” (А.Г. Степанов). “И уже беду стерегут птицы по дубравам” (В.И. Стеллецкий).

Почему птица охраняет беды Игоря, понять затруднительно. Это прочтение было предложено еще в начале прошлого века М.Делярю, но он не прокомментировал свой перевод.

Еще одно замечание: при прочтении этого места следует учитывать наличие фигуры параллельного ряда:

Игорь ведет вои
(Игорь) пасеть бѣды.

IV структура: “птиць подобію волци грозу въсрожать по яругам”.

Здесь находит дальнейшее развитие тема злокозненного Дива. Выше сказано о том, что Див согнал своим свистом сотни зверей. Теперь по воле Дива угрожают русичам волки (орлы и лисицы). К сожалению, этот момент не был учтен при переводе и комментировании.

Хотя “Словарь-справочник СПИ” и декларирует, что он предназначен «для исследователей “Слова” и для тех его переводчиков, которые одновременно с переводом ведут исследовательскую работу по истолкованию текста...» [212, вып. 1: 3], но в некоторых случаях он явно отражает стремление к нормативности. Так, “Словарь-справочник СПИ” совершенно не приводит слово “подобіе”, хотя это слово согласно дают издания 1800 г. и Екатерининская копия. Кроме того, есть переводы, авторы которых не согласны с правкой Дубенского. И нет никакой уверенности, что, исправляя “подобію” на “по дубію”, правится ошибка переписчика, а не искажается текст Автора.

Исправленный текст переводится так:

“Уже беда его гонит птиц по дубам” (С. Шамбинаго и В. Ржига).

“Уже, ведь, беды его стережет птица по дубам” (А.С. Орлов).

Не очень вразумительная фраза была воспринята как поэтическая метафора. И возражение натуралистов, что в половецкой степи и в XII в. дубрав не было (в СПИ степь названа безводной), во внимание не было принято. Была, правда, предложена еще одна конъектура В.П. Владимировым – “исправлять” это место так: “Уже бо бѣды его пасуть птицы подь облакы”. Правка настолько радикальная, что здесь уже не до палеографических обоснований. (Эту конъектуру поддержал Б.А. Ларин [78: 169].)

Представляется, однако, возможным прочтение без радикальной правки, точнее, вообще без исправления текста. Слово “подобіе” достаточно часто встречается в древних текстах в тех случаях, когда требуется указать на соответствие: “Изобразити подобие Хвѣ написаниемъ вапнымъ. Пат. Печ. сл. I” [213, т. 2: 1039]; “Иде вода въ Волховъ вверхъ... и иде днеи ѿ, а на десятии возвратиса паки и поиде по своему подобію. Соф. вр. 1525 г.” [213, т. 2: 358].

Ср. у Даля “подобно”: «церк. как, так, таким же родом, образом, способом, побытом, схоже с чем. “Подобіе” – сходство, согласие, одновидность, схожесть» [213, т. 3: 191].

“Подобію” – беспредложный дат. пад.; “птиць подобіе” – в чем-то похожий на птиц по облику, по поведению.

Не подвергнув сомнению разбивку текста на синтаксические структуры Мусина-Пушкина, переводчики предложили ряд прочтений сочетания слов “вльци грозу въсрожать по яругам”. Отличаясь одно от другого только в понимании уникального слова “въсрожать”, переводы утверждают, что грозу, т.е. метеорологическое явление, волки в оврагах ворожат, выкликают, творят, поднимают и т.п. [212, вып. 1: 149, 179].

Ср. у Ив. Новикова:

Волки по оврагам
Выкликают грозу.

“Гроза” здесь в значении “метеорологическое явление”.

Между третьей и четвертой структурами определилась тесная синтаксическая связь: Игорь всполошил половцев – “Игорь къ Дону вои ведеть”, а во второй структуре: “крычатъ тѣлѣгы полунощи рци лебеди роспущени” – ужас, вызванный вторжением в половецкую степь Игоря, сравнивается с тем переполохом, который поднимают волки по яругам – “птиць подобію волци грозу въсрожать по яругам”. “По яругам” – обстоятельство места, которое несет совершенно определенную информацию, весьма любопытную для любого натуралиста. Значение слова “яруга” отмечают многие исследователи: крутой берег, овраг, склон [104: 180–191]. Волки селятся обычно недалеко от водоемов по яругам, так как они потребляют очень много воды. Во время непогоды, ливня волчьи логова оказываются залитыми, и волки становятся бездомными бродягами, пугая спящих птиц.

В отношении глагола “въсрожать”: при любом толковании этого уникального слова (“поднимают”, “ерошат”, “ярятся”) перевод по смыслу существенно не изменяется.

Перевод: *«А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону Великому. Кричат телеги в полночь: “Сообщи, лебеди распуганы! Игорь к Дону рать ведет, уже ведь беды ему готовит!” Птиц точно так волки в грозу взъерошивают по оврагам».*

10. “О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!”

“Шеломянь” – значительная возвышенность; наиболее убедительно – гряда холмов. Ср.: “Холмецъ есть мал, от востока и запада шеломянемъ сдержимъ. Собр. Кир. Белоз. XV в., 25” [213, т. 3: 1425].

Слово “земля” было многозначным: “поверхность суши”; “почва”, “местность”, “страна”; “военная сила”, “рать”; “народ страны”. История перевода “Слова” дала три варианта прочтения фразы “О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!”:

- а) “О Русская рать!
Уже ты за курганом!” (С. Басов-Верхоянцев);
- б) “О, русское племя!
Уже за рубеж ступило ты” (Г. Шторм);
- в) “О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!” (Д.С. Лихачев).

Выбор варианта прочтения обычно определялся либо логикой прочтения, либо с чисто эстетических позиций. Конечно же, наибольшее признание получило прочтение, в котором под “Русской землей” предполагается понимать Русь: это и поэтично, и дает представление о патриотических чув-

ствах Автора, и недвусмысленно указывает на то, что сам Автор “Слова” был участником похода (это подсказывает ракурс изображения).

Однако, как ни симпатично это прочтение современному читателю, едва ли оно передает смысл, который вкладывал в него Автор. В переводах, следующих этому варианту прочтения, Автор элегически вздыхает о скрывшейся за холмами Родине. Есть и еще намек на то, что войска перешли рубеж Русской земли. Комментаторы подробно развивают эту мысль и даже указывают, какой именно холм имел в виду Автор. Но вот что не принято во внимание: *традиция древнерусской литературы*. Не учитывается и то, что речь идет о военной экспедиции.

В подавляющем большинстве случаев примеры, взятые из древнерусских текстов, в которых встречаются слова “шеломя” или “гора”, связаны с ратными делами или тактикой боя. “Облизахутся на на^с акы волци стояще (половцы) и от перевоза из горъ. Поуч. Влад. Мон.” [213, т. 1: 551]; “Князь Мстиславъ же рече: гора намъ не поможетъ (т.е. расположение войска на горе?), ни гора нась побѣдитъ; но зряща на креста честнаго и на правду, поидемъ къ нимъ. Троицк. л., 6724 г.” [213, т.1: 1551]. “Наворопници же, перешедше Хоролъ, взидоша на шеломя, глядюще, кдѣ оузрять ѣ; Кончакъ же стоялъ оу лоузѣ, его же, ѣдоуще по шеломени омиоуша. Ип. л., 6693 г.” [213, т. 3: 1587].

Возвышенная местность представляла собой значительное преимущество: возможность обзора и более выгодную, чем у противника, позицию при атаке. “Выступаша Татарская сила на шеломе и поидоша съ шеломяни. Пов. о Кулик. б. (Никон. л. 6889 г.)” [213, т. 3: 1587]. “Симъ же бяше полкамъ нѣльзѣ битися с ими, тѣсноты ради, зане бяху болота пришли, но оли на под горы; тѣм же взидоша Рустии полцы на горы. Ип. л. 6652 г.” [213, т. 1: 552]. Прекрасно использовал господствующие высоты в Карпатах Ярослав Осмомысл, преграждая путь венграм.

В погоне за половцами, мчась через поля на горы, Игорева рать минула гряды холмов Донецкого кряжа и вышла на степной простор. Случись сейчас превосходящее численностью половецкое войско, и уже трудно было бы уйти. Именно так и произойдет. Половцы окружат русских в голой, ровной степи. И тогда Автор вновь вспомнит, что русская рать уже не на шеломяне: “О Руская земле! Уже не шеломянем еси”. Автор это воскликнет непосредственно пред боем. *Перевод этой фразы возможен, только если под “Русской землей” понимать “русское войско”*.

“Шеломянем” – творительный беспредложный падеж, указывающий на место, на которое распространяется глагольное действие: “Уже не на шеломяне ты находишься”. В большинстве переводов второе обращение к “Русской земле” подвергнуто правке: “за” вместо “не”, т.е. второе обращение полностью, по мнению переводчиков, должно повторить первое.

В некоторых переводах обошлось без правки “не” на “за”, но вместо ожидаемого предлога “на” по аналогии восстановлен предлог “за”:

О Русская земля,

уже не за шеломянем еси!

(А.К. Югов)

Смысл этой фразы остается загадкой.

Холмы (гряды холмов), о которых идет речь, это, конечно, не порубежный холм (курган). Ибо о том, что холмистая местность осталась позади, Автор

нята во внимание непреходимость глагола “западати”; перевод “заря уронила свет” невозможен. По мнению Д.С. Лихачева, в этом эпизоде дана последовательная смена картин: вечер – ночь – утро. При переводе принята правка “убуди” на “убудися”.

Л.А. Дмитриев пишет: «О какой заре тут идет речь? Решить этот вопрос окончательно невозможно, так как оба толкования достаточно убедительно аргументированы. За то, что тут идет речь о заре вечерней, говорит следующая фраза: “Русичи великие поля чрълеными щиты прегородиша”, – очевидно, реальная картина расположения войск на отдых в поле. Воинские щиты были очень большой величины, и их было так много, что, поставленные в ряд со стороны возможного нападения врага, они образовывали стену для защиты от стрел» [43: 251].

Вывод, к которому приходит ученый, равно правильно может быть переведен в нескольких взаимоисключающих вариантах. Но все приведенные варианты прочтения неубедительны, так как игнорируется логика повествования, фрагмент считывается изолированно, без учета предыдущих событий, и вместо эпизода, рассказывающего о тревожном ожидании рассвета перед боем, предлагается поэтическая вставная картина. В предыдущем же эпизоде рассказывалось о смятении половцев: “Игорь к Дону войско ведет!” Время действия уточнено: полночь. Непосредственно за этим: “Дльго ночь мръкнетъ...” Продолжается описание событий ночи – от полуночи до рассвета (на рассвете схватка с половцами).

Сама ситуация (короткий отдых перед боем) исключает возможность для многотысячной рати устраивать заслон из щитов. И прямо уже противоречит: “забылись дремой жаждущие чести, а князю славы!” – логике повествования. В “Слове”: “Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи сѣбе чти, а князю славы”. Искать чести и славы, перегородив поля щитами, можно только в бою, а не в забвении сна. Не забудем, что щиты *красные*. Если бы речь шла о мраке ночи, Автор не позволил бы себе говорить о цвете.

“Ночь мръкнет” означает “долгое состояние темноты”, “борения мрака со светом”. “Меркнуть” (от глагола мъркати) известно в диалектах и восходит к mŕkti. Диалектное “меркоть” – сумрак, полумрак [206, т. 2: 321]; близко – “сумерки”. Если бы речь шла о наступлении вечернего сумрака, было бы: “день мръкнетъ”. После “Дльго ночь мръкнетъ” следует уточнение, раскрывающее содержание предыдущей структуры: так и не запылала в небе заря, пал на поля туман.

«“Зоря-свѣтъ” синонімічні слова, вжиті як “путь-дорога”, “рід-плім’я” в нар. традиції, або в.-сл. – “вѣтръ-сѣверъ”» [202: 180]. Ср.: “Ой, уставай мій миленький, вже на дворі світ-зоря. Гринченко. Сл. укр. мови, IV, 108” [212, вып. 2: 104].

“Запала” – причастие на “л”. “Западати” – скрываться [212, вып. 2: 104].

Приходится отметить, что ранее переводы в некоторых случаях были более правильными. Незвестный автор XVIII в.: “Ночь мраком покрывается, зари светлой не видать еще”; Я. Пожарский: “Долго ночь продолжается, светом заря не является”; Н. Грамматин: “Долго ночь темнеет, светлая заря пропала”; Д.Н. Дубенский: “Долго ночь мерцает, заря с светом пропала”.

Какими аргументами и как исследователи утверждали мнение, что в этом эпизоде речь идет не об ожидании рассвета, а о заре вечерней, дает

представление фрагмент из статьи М.В. Щепкиной: «Первоначально это место поэмы как будто не возбуждало никаких сомнений. Исчерпывающий комментарий дает ему Максимович. Он не разделяет слов “заря-свет” и устанавливает по контексту, о каком времени суток идет речь; “Тут певец изобразил грозную ночь (с четверга на пятницу), в продолжение которой Игорь сделал большой переход ... скрипом половецких телег означена полночь. После полуночи у певца выражена нетерпеливость... Игорева войска, что долго тянется эта ночь и не скоро появляется заря нового дня” (Собр. соч. М.А. Максимовича, т. III. Киев. Замечания на стихотворный перевод Гербеля, 1855, стр. 567). Ф.И. Буслаев разъясняет отдельные выражения этого отрывка: “мркнет – мръкнетъ, меркнет. Заря-свет: свет приложение к зарю; как путь-дорога, род-племя и т.п.; запала: сличи в народной песне запала дорога, т.е. пропала” (Ф.И. Буслаев. Хрестоматия. М., 1861).

Таким образом, Максимович и Буслаев еще в середине XIX в. достаточно убедительно разъяснили смысл этих слов: весенняя ночь долго смеркается. Наконец запала (“за край земли”) вечерняя заря (?!– Ю.П.). Надо заметить, что переписчики рукописей ошибались обычно в тех словах, которые были им непонятны. Выражение “заря-свет запала” было так же ясно в XII, XVI и XVIII вв., как и в XX в. Между тем мы находим в переводах или произвольное разделение слов “свет-заря”, или ошибочное мнение, что здесь говорится об утренней заре; или и то и другое» [189:192–193].

Остается отметить, что правка “убуди” на “убудися” не вызвана необходимостью – форма глагола “убуди” (аорист, 3-е лицо ед.ч.) правильная. Предикативная связь: «говоръ – “убуди”». “Говор” означало: крик, шум, гомон, переговоры, брань» [212, вып. 1: 161].

Глагол “убудити” – переходный. Он требует обязательного наличия объекта, на который переходит действие. Единственным словом в предложении, на которое возможно направить действие – “галичь”. Это является веским аргументом того, что слово “галичь” в контексте является существительным, а не прилагательным. Совершенно справедливо и А.А. Потехня [126: 33], и Л.А. Булаховский [14: 121] под словом “галичь” предположили собирательное существительное. Этимологически слово “галичь” связано с праславянским “gal” – “черный”. У Даля [206, т. 1: 347] находим: “Гальё или галочье, ср. собир. галки: ино вообще воронье, гайвороньё, чернь”; “Галь собир. астрх. галье, галочье; так более зовут стаи галок, ворон, грачей вообще; воронье, чернь”.

Уточнение значения слова “галичь” позволяет избавиться от произвольной правки текста, принятой ныне всеми переводчиками: “говор галичь убудися”.

Перевод: “Долго ночь темнела. Заря-свет пропала. Туман поля покрыл. Щелканье соловьиное уснуло. Гомон воронье разбудил: русские огромные поля красными щитами перегородили...”

12. В первопечатном тексте 1800 г.: “Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганяя плъкы Половецкыя...”

“На заре в пятницу разбили они Половецкие нечестивые полки” (А.И. Мусин-Пушкин).

В настоящем переводе “поганяя” переведено как “языческие”. И.И. Срезневский дает основное толкование слова “поганый” – “язычник”:

“Она же разумѣвши ре^а ко царю: азъ погана есмь, да аще мя хоцещи крѣти, то крѣт(и) мя самъ. Пов. врем. л. 6463 г. (по Ип. сп.)”; “Володимеръ же, поганъ еще, оубивы Ярополка, поять его жену непраздну суццю, от имя же родися сии окаяныи Стѣполкъ. Іак. Бор. Гл. [213, т. 2: 1011]. Архаичное значение слова “поганый” приводит Даль: “нечистый по вере, языческий, относящийся до идолства, до почитания кумиров, нехристианский, некрещеный, бусурманский, иноверческий” [206, т. 3: 153].

Слово “поганый” не всегда употреблялось как эпитет (в его расширительном толковании: прилагательное, определяющее существительное). Многочисленны случаи употребления слова “поганый” как существительного. В самом “Слове”: “А поганіи со всехъ странъ прихождаху съ побѣдами...”. Кроме значения “язычник” (и “иноверец”) слово “поганый” имело еще и значение “невежественный”, “грубый”. Это тем более побуждает уточнить его в тексте “Слова о полку Игореве”. Отметим, что “Словарь-справочник СПИ” дает и значение слова “поганый” – “языческий” [212, вып. 4: 103].

Когда Карл Маркс читал “Слово”, он пользовался переводом на французский язык древнерусского памятника, сделанным Эйхгоффом. Эйхгоффу слово “поганый” приходилось переводить. И К.Маркс отметил противостояние в поэме христианского и языческого: “Вся песнь носит христианский и героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно” [99, т. 22: 122].

Неисторично не учитывать, что Киевская Русь – христианское средневековье. Для русских XII в. половцы и литва – язычники; и боги, им покровительствующие, – языческие.

Перевод слова “поганый” для читателя XX в. необходим: в XII в. это слово еще не имело того эмоционального оттенка, который оно вобрало в себя уже в более позднее время. Если слово “поганый” не переведено, то при чтении мы невольно вкладываем в него основное современное значение – “гадкий”, “пакостный”, “мерзкий”, “скверный” и т.д.

Перевод: “Спозаранку в пятницу смяли языческие полки половецкие”.

13. “...и рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя...”

Перевод А.И. Мусина-Пушкина: “...и, рассыпавшись, как стрелы по полю, увезли красных половецких девиц...”

Слово “поле” имело два значения: а) поле или луг; б) степь. В настоящем переводе во всех случаях, когда слово “поле” имело определение или было в форме множественного числа, переводится как “поле”; в тех случаях, когда слово “поле” не имело определения или было употреблено в форме единственного числа, переводится как “степь”: “поле половецкое”, “поля туман покрыл”, но “рассыпавшись стрелами по степи”, “дремлет в степи”.

Преследование поскакавших в степь половцев вели только молодые князья. Владимирский летописец сообщает о том, что русичи “множество полона взяша, жены и дети”.

«В выборе слова *помчаша* автор “Слова” проявил обычную для него точность выражения. В языке XI–XII вв. ряд слов того же корня применялся в тех случаях, когда речь шла о похищении именно девушек: в Ус-

таве церковном Владимира “умычка” – похищение девушек до замужества – отмечается в ряду проступков, караемых церковным судом. В Уставе церковном Ярослава вместо “умычка” читаем “умыкание”; глаголы “умыкати”, “умыкивати” употребляются в том же значении – “похитить, увести девушку-невесту” в Повести временных лет. В сходном значении в летописи есть глагол той же основы, но с приставкой “при” – “примчати”: “Примчаша к ним половцина дикого, емъше у Переяславля” (Ипат. лет., 1149). Свободно обращаясь нередко с приставками для уточнения смысла глагола, автор “Слова” и в данном случае удачно заменил приставку “у”, показывающую итог действия, приставкой “по”, которая помогает представить действие – русские еще везут похищенных девушек» [1: 49].

“Красные” имело значение “прекрасные”.

“Дѣвки” – девушки, невесты, девственницы; презрительного оттенка слово не имело ни в деловом, ни в книжном языке.

Мнение, что перевод сочетания “красные дѣвки” (как прекрасные девушки) уничтожает фольклорную основу “Слова”, очень спорно, ибо слово “красныи” не обязательно фольклору присуще (как и слово “дѣвки”). “Красный” (в значении “красивый”) было в XII в. книжным словом: “Отъврати очи свои отъ жены красъны, не гляди чюжея доброты. Изб. Св., 1076 г.” [212, вып. 3: 20]. Фольклорные образцы, в которых встречается слово “красный”, мы имеем с XVII в., т.е. когда это слово уже употреблялось при цветовом обозначении. В фольклорных же примерах оно сохраняет свое первоначальное значение качества. Это, вероятно, и дает основание некоторым исследователям видеть в эпитете “красный” фольклорное начало.

“Красные дѣвки Половецкыя” были красивы, русские охотно брали их в жены. О красоте половецких девушек свидетельствует Низами в “Искандер-наме” в главе “Искандер прибывает в кыпчакскую степь”.

Перевод: “И, рассыпавшись стрелами по степи, умыкнули прекрасных девушек половецких...”

14. “Дремлетъ в полѣ Олгово хороброе гнѣздо; далече залѣтъло; не было нѣ обидѣ порождено...”

В тексте первого печатного издания: “небылонъ”; в Екатерининской копии: “не было нѣ”. Во всех переводах учтена правка “нѣ” на “онѣ” – предполагается гаплография: “былоонѣ”. Если принять правку “нѣ” на “онѣ”, обнаруживается несогласование слова “гнѣздо” (ср. род) и личного местоимения (муж. род), которое переводчики предпочитают не замечать. Ср. перевод Д.С. Лихачева: “(И вот) дремлет в поле храбрый выводок Ольговичей! Далекое залетел! Не был он в обиду порожден...” Возможно, “нѣ” – отрицание – дано при “не былъ” в усилительном значении (“же”) [213, т. 2: 478].

“Гнѣздо” – здесь “род”, “племя”; ср.: “Инъгвардѣ и Всеволодѣ, все три Мстиславича не худа гнѣзда шестокрилци!”. В таком значении слово “гнѣздо” повторит “Задонщина”. “Гнѣздо” Олегово «заставил заночевать в поле полон, захваченный ими; кони были утомлены погоней, пленники отягощали обоз. Если бы Игорь приказал бросить добычу, отобрать пригодных

коней и все же ехать “через ночь”, то не было бы ни трагедии на Каяле, ни воспевшей ее поэмы» [136: 249].

Перевод: *“Дремлет в степи Олегов храбрый род. Далеко залетел...
Не был же на поругание рожден...”*

15. “Гзакъ бѣжитъ сѣрым волкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому”.

Перевод этого фрагмента затруднен фразеологизмом “слѣдъ править”. А.К. Югов считает, что “слѣдъ править” значит “следовать за кем-либо”, при этом ссылается на И.И. Срезневского и переводит:

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему вслед мчится
К Дону Великому.

По-иному переводит это место Д.С. Лихачев: “Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (указывает следом своего войска путь) к Дону Великому (навстречу Игорю)”. Спор о том, кто скачет первым, имеет давнюю традицию. Ссылка на И.И. Срезневского мало помогает, так как он колебался и дал два разных понимания этого выражения: а) направлять; б) следовать за кем-нибудь [213, т. 2: 440].

В.Ф. Миллер, утверждая, что слово “след” употреблялось и без предлога, само являясь предлогом, дал перевод: “Кончак ему во след направляется или держит путь к Дону Великому”. Точку зрения В.Ф. Миллера разделял А.С. Орлов, хотя и вынужден был отметить, что в аналогичных примерах “следъ” управляет обычно родительным падежом, а не дательным (“следъ него текетъ”).

Представляется более убедительным: Кончак указывает путь Гзаку. В.П. Адрианова-Перетц [1: 53] дает пример: в Повести о разорении Рязани Острафей “поиде в путь... чудотворец ему путь правяше”. Пример убедителен: не Острафей управляет чудотворцем, а чудотворец направляет Острафея.

Существуют разночтения и при объяснении, куда держат путь ханы: к Дону – на встречу с ратью Игоря – или прочь от русских – к Дону? А.С. Орлов понимал это в смысле, что ханы трусливо убегают к Дону от Игоря. А так как, по версии Орлова, первым бежит Гзак, то следует: “будучи первым в бою, Кончак оказался последним в отступлении”. Это делает некоторую честь Кончаку, но речь идет о другом: о ночном продвижении скрытых от взоров Игоря полчищ кочевников. Кончак и Гзак спешат от Днепра *на встречу с ратью Игоря* – к Дону. Слово “бѣжитъ” целесообразнее перевести как “мчится”, “спешит”.

Перевод: *“Гзак мчится серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону Великому”.*

16. “О Руская земле. Уже за шеломянемъ еси”.

См. поясн. II.10.

Перевод: *“О русская рать, ты уже за грядою холмов!”*

17. “Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрелами...”

“Уже ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами...” (А.И. Мусин-Пушкин).

Стрибог был в числе поверженных богов русских, но, по всей видимости, он (как и Хорс) являлся объектом поклонения не только славян-язычников.

«Имя славянского Стрибога, которого считали богом ветра, атмосферных явлений и открытых пространств, имеет корень “стри”, означающий на санскрите “простирать”, “распространять”, “расширять”. От этого же корня с приставкой “пра” образуется в санскрите и слово “прастар” (в переводе на русский яз. “простор”») [40: 59].

По недостатку фактического материала затруднительно определить функции Стрибога. Одни считают их аналогичными Эолу (Ф.Е. Корш), другие полагают, что Стрибог – бог войны, а ветры Стрибога – ветры войны. Но несомненно, что в “Слове” это нечто враждебное, языческое.

Перевод: “Вот ветры, Стрибога внуки, веют с моря стрелами”.

18. “...земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи. Глаголют: половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ...”

Мусин-Пушкин перевел весьма приблизительно: “...топот по земле раздается, вода в реках мутится, пыль столбом в поле поднимается, знамена шумят, идут половцы от Дона, и от моря, и со всех сторон...”

В переводе А.С. Орлова: “Земля гудит, реки мутно текут, прах поля покрывает, стяги говорят. – Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон...”. (У Н.К. Гудзия: “...пыль поля покрывает...”) Говорящие знамена (стяги) привели в восторг скептиков, утверждавших, что “Слово” – весьма неумелая фальсификация.

Прочтение, предложенное А.К. Юговым, – попытка избавиться от “говорящих знамен”:

Не бором ли темным

Степь накрылась?!

И заговорила рать:

Половцы идут!..

“Стязи” переведено А.К. Юговым как “рать”, кроме того, им выражено сомнение, что “пороси” обозначает “пыль”, “прах”. По мнению А.К. Югова, пыли в степи не могло быть: «...какая же могла быть “пыль” хотя бы и от большого половецкого войска, если битва произошла в девственной безмерной степи, неезженной и нехоженной, в южнорусских “прериях” – вспомним хотя бы описание этих степей у Гоголя!» [194: 143]. Этот аргумент, впрочем, едва ли может быть принят во внимание. По версии А.К. Югова: “порось” означает “поросль”. Половцы покрывают степь, словно вырастая из земли.

Не убеждают и иные версии: форма “порось” – мн.ч. от “порох” – пыль, прах [49: 62–63]; и “пороси” означает “росы” (там же); “пары” – у А.С. Шишкова: «“пороси” (пары, исходящие от убитых тел) поля покрывают» [188]. Слова “пороси” нет не только в древнерусских текстах, оно неизвестно и в говорах. Утверждение, что “пороси” одного происхождения с малороссийским “пороша”, не имеет убедительного научного обоснования. Л.А. Булаховский, отстаивая прочтение “пороси” – “прахи” (“пыли”), вынужден был признать необычность такого формоупотребления. Без малого 200 лет отстаивается право на существование слова “порось”, никогда в русском языке не бытовавшего, ибо здесь явное прочтения слова-топонима Рось (река, пограничная с половецкой степью, правый приток Днепра) и предлога “по”. Ср. в “Слове”: “по Росі и по Сули гради подѣлиша”. Река Рось названа не случайно. Здесь находился Кончак, у которого под началом были собраны орды *приднепровских, донских и поморских половцев*. Когда гонцы сообщали-

ли ему о вторжении русских в Степь, он все свои войска повернул на юго-восток. Автор уже поведал о спешащем к Дону Кончаке. И вот, все поля у Поросья покрыты войнами, гремит земля, помутнели реки (от войск, а не от бури, как это поясняется в комментариях!). Об этом-то и дошла весть до русичей.

После глагола, означающего речение, идет прямая речь. Смысл сообщения не в том, что половцы окружают Игоря со всех *сторон*, как это дано во всех переводах, а в том, что *идут орды от всех племен (земель)*. Слово “страна” обычно и употреблялось в этом значении. Акт речения передан через глагол “глаголати”. Этот глагол встречается в древних текстах многократно и всегда означает *речение*, речевой акт человека: “говорить”, “наговаривать”, “называть”, “вопрошать”, “восклицать” и т.п. В переводах же “говорящими” оказываются флаги, стяги. Правда, сторонники “стязи глаголють” нашли пример: “Знаменьє глаголеть стяг, им же знаменуют воеводы победу” (“Слово Григория Богослова” по списку XIV в.). Но этот пример приводится вне контекста. Приведенный в контексте, он явно не может служить аргументом в пользу сторонников прочтения “стязи глаголють” как “стяги говорят”. “От того пророка заиму прещенья и жида глаголаемая гласи да будутъ гонящии вы, единѣмъ гласомъ побѣгнеть тысяща, и пяти ради гласъ побѣгнуть мнози, дондеже останетея на горѣ, яко знаменьє на холмѣ, знаменьє глаголеть стягъ, им же знаменають воеводы побѣду. Гр. Бог., 1232 (XIV в.)” [212, вып. 5: 145] – “... пока не останетесь на горе, как знамя на холме; знамя, – говорит, – стяг, которым отмечают воеводы победу”. Предикативная связь не “глаголеть” – “стяг”, а “стяг” – “знаменьє”. При этом “знаменьє” означает “знамя”. Ср.: “Видѣние Вавилона, иже видѣ Исаия, сынѣ Амосовѣ. На горѣ равнѣ въздвигнете (сѣмету), възнесѣте гласъ себѣ, и не боитеся. Библ. Генн., Ис. XIII, 1–2 (1499 г.)” [212, вып. 2: 141].

Таким образом, основанная на ошибочном словоделении, версия о сигнализирующих, переговаривающихся или шумящих на ветру знаменах, при всей своей поэтической красивости, ошибочна и не находит подтверждения ни в лексике, ни в традиции древнерусской литературы.

Перевод: “*Земля гудит, реки мутно текут – по Роси поля скрывают войска. Переговариваются половцы – идут от Дона, и от моря, и со всех земель!*”

19. Екатерининская копия: “...Руския полки отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша...” (В тексте издания 1800 г.: “отступиша”).

В переводе А.К. Мусина-Пушкина: “... войско Русское подалось назад...”

Глагол “отступить” – отойти, отступить – хорошо известен по древним текстам: “968: И отступиша печенѣзи от града, а не бяше лъзѣ коня напоити: на лыбеди печенѣзи. Пов. врем. лет 48 (1377 ~ нач. XII в.)” [212, вып. 4: 50]. Однако в современных переводах дается “улучшенный” вариант этой фразы, отражающий исправление: “отступиша” на “оступиша” – “...и со всех сторон русские полки обступили” (С. Шамбинаго и В. Ржига).

Но правка М. Максимовича, Д. Дубенского, Н. Тихонравова, А. Потёбни, О. Огановского, Вс. Миллера и многих других нарушает напряженный строй авторской речи: русские отступили – половцы атакуют (кликом поля прегородили, русские стали в обороне (оградились щитами)).

Правка была спровоцирована неточным прочтением предыдущего фрагмента (см. поясн. II.18). Так как предполагалось, что в предыдущем фрагменте сообщалось об идущих со всех сторон (направлений) половцах, то и естественно было ожидать далее, что Автор даст картину окружения русских со всех сторон: половцы русские полки “оступиша”. Но Автор, как видим, рисует несколько иную картину.

Перевод: “Русские полки отступили. Дети бесовы кликом поля перегородили...”

20. “...стоиши наборони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шело-мы мечи харалужными”.

“... стоишь ты в (самом) бою, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными” (А.С. Орлов).

В переводах было: “...ты стоишь на стороже...” (А.И. Мусин-Пушкин); “...ты мужественно бьешься” (Н.К. Гудзий); “... стоишь на обороне...” (С. Шамбинаго и В. Ржига); “...стоишь ты в (самом) переди...” (Д.С. Лихачев).

Прочтение “стоишь в обороне” полностью соответствует реальным событиям: войско Игоря отходит, Всеволод же вынужден был “борониться”, сдерживать половцев, окружавших русские рати (ср.: “...честно и грозно боронилъ отчину свою отъ сильных князей и отъ татаръ. Ник. л., X, 228 (XVI в.)” [212, вып. 1: 63]).

“Харалужные” обычно переводят как булатные: “...гремишь о шело-мы мечами булатными...” (Д.С. Лихачев). Этимология слова неясна. Несмотря на общепринятость прочтения “харалужный” – “булатный”, достаточных обоснований такого прочтения нет. Б.А. Рыбаков заметил, что булат на Руси в XII в. еще не применялся.

О. Сулейменовым была выдвинута версия, что “харалужные” мечи – “караляжные” мечи (от слова “каролюс” – король), иными словами, мечи, привезенные из западных стран. Но исследования археологов не дают оснований для подобного предположения. Сомнительна и этимология (караляжные – харалужные).

“Харалужный” в тексте “Слова” встречается неоднократно: “копiа харалужный”, “ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузъ скована, а въ буети закалена”, “молотять чепи харалужными”. Интересно, что “Повесть о Мамаевом побоище” и “Задонщина” тоже дают определение “харалужные” (оно часто соседствует с определением “булатные”): “...грянуша копия харалужныя, мечи булатныя”; “...треснуша копия харалужныя... гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя”, “береги (!) харалужныя”. Явно “булатные” и “харалужные” не одно и то же.

Если принять значение “харалуг” – “булат”, то вызывает затруднение перевод фразы “ваю храбрая сердца въ жестоцем харалузъ скована, а в буети закалена”. “Харалуг”, должно быть, нечто близкое к “буети”: а) сердца въ харалузъ скована; б) сердца въ буети закалена. Кроме того, «если бы сердца действительно были выкованы из булата, то, надо думать, в подлиннике не был бы употреблен предлог “в”, а сказано было бы как-нибудь по-другому» [132: 181].

И еще: на Немиге молотят не обычными – ратаевыми – цепами, а *харалужными*. И здесь структура не позволяет определенно поставить “булат-

ные”, так как нет желанного противопоставления: молотба идет не мирными орудиями труда, а боевым оружием. Сомнителен и эпитет “стальной”, “булатный” к копью.

В указанной статье [132] В. Ржига сопоставляет слово “харалугъ” с узбекским “хараба” – разрушение – и (узбекским же) “хараблик” – гибель. “Харалужные мечи” – мечи, несущие гибель, переводит В.Ф. Ржига.

Вероятно, прав А.К. Югов, что напрасно забыто объяснение, данное еще на заре изучения “Слова” В.Г. Анастасевичем, утверждавшим, что в монгольском и калмыкском языках слово “харал” обозначает “брань”, “войну”, “бой”. Следовательно, “харалужный” – боевой, бранный. Это значение и принято во всех случаях перевода слова “харалужный” (в том числе и во фразе: “ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузъ скована...” – “...ваши храбрые сердца в жестоких битвах выкованы...”, так как подстановка слова “харалужный” – “бранный”, “боевой” во всех случаях не разрушает логику повествования, чего нельзя сказать, подставляя значение “булатный”.

Перевод: “Стоишь в обороне, осыпашь воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами боевыми”.

21. “...поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя...”

“Поскепаны” – “пощеплены”.

Русские и половецкие шлемы редко были цельными, обычно они составлялись из вертикальных полос, склепанных накладными пластинкам. Половецкие шлемы часто были деревянными с металлической оковкой. Они под ударами мечей расщеплялись [74: 27].

Авары исчезли сравнительно рано. Вероятнее всего, здесь речь идет не о шлемах, изготовленных аварами, а о шлемах по аварскому образцу. Написание “оварьскыя” передает более древнюю форму, чем засвидетельствованная более поздняя “аварская”.

Перевод: “Пощеплены саблями закаленными шлемы аварские...”

22. “Кая раны, дорога братіе, забывь чти и живота...”

При переводе этого фрагмента определилось два варианта прочтения:

А. Предполагается что “кая” должно обозначать “какая”, слово “раны” должно быть исправлено на “рана”, “дорога” – определение к слову “рана”, а обращением является только слово “братіе”. “Какая из ран дорога тому, кто, братие, забыл честь и достоинство...” (Д.С. Лихачев).

Это прочтение принято в большинстве переводов и имеет давнюю традицию. Так, у Мусина-Пушкина было: “Какими, братцы, ранами подорожит он, забыв почести и веселую жизнь...” У В.А. Жуковского:

А какою раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях...

Однако этот вариант прочтения не может быть признан убедительным. Что должно обозначать: “какая из ран ему дорога”? “Дорогой” – это близкий сердцу, вызывающий чувство глубокой привязанности, любви, нежности. У Даля: “дорогой” – “ценный, многоценный, сравнительно много стоящий; нужный, полезный, уважаемый; любимый, любезный, высокоценимый” [206, т. 1: 474]. Эпитет “дорогая” применительно к ране, нанесенной рубящим или

колющим оружием средневековья, – странен. И чтобы получить эту загадочную фразу, нужно произвести радикальное исправление текста.

Б. А.И. Соболевский не согласился с правкой текста и настаивал, что “кая” – аорист от “каяти”, что “раны” – вин.пад. или род.пад. мн. ч.; что “дорога братіе” – обращение. В переводе: “Всеволод презрел раны”. В.П. Адрианова-Перетц предложила “кая” считать причастием. В переводе: “Презирая раны, забыв раны”. Прочтение Соболевского–Адриановой-Перетц хорошо уже тем, что избавляет от очередной правки текста. В настоящем переводе эта конъектура принята за основу.

Но в уточнении нуждается перевод слова “каяти”. Глагол “каяти” употреблен в “Слове” еще раз: “Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ”.

Первые переводчики (Мусин-Пушкин, Шишков, Язвицкий и др.), исходя из общего смысла, переводили “каяти” в смысле “порицать”, “осуждать”: “Воспевают славу Святославу и осуждают Игоря...” (Мусин-Пушкин); “В честь Святослава поют, корят Игоря-князя...” (Мих. Делярю).

Это прочтение повторится во многих переводах:

“...корят князя Игоря...” (В.И. Стеллецкий); “укоряют князя Игоря...” (Д.С. Лихачев); “...поносят князя Игоря...” (А.К. Югов); “...отважного князя клянуг...” (Н.А. Заболоцкий).

Но еще в 1810 г. Я. Пожарский в комментариях к своему переводу высказал мнение, что “кают князя Игоря” означает не “осуждают” или “проклинают”, а “жалеют”. Такое прочтение Я. Пожарский обосновал параллелями, например, в польском языке (*kaiać*). Это прочтение перечеркнуло антитезу: Игоря осуждают – Святослава воспевают. Версия была принята, ибо она отвечала наметившейся тенденции дать такую конъектуру, которая позволила бы снять авторское обличение князя Игоря или, во всяком случае, смягчить его. Действительно, как совместить проклятье в адрес Игоря, которое, в конце концов, произносят не немцы и греки, а Автор, с выводами исследователей, в которых Игорь предстает радетелем за землю Русскую, самоотверженным, честным и бескорыстным. Осуждать Игоря если и можно, то оплакивая. Так определилось компромиссное прочтение: “каяти” – “осуждать, жалея”.

Е.В. Барсов постарался обосновать прочтение “каяти” как “оплакивать”, “соболезновать”: «В пергаментном прологе Новгородского письма: “бѣсящегося вся кают” (Тихонрав. 57) никак нельзя думать, что *кают* значит здесь “бранят”: несчастного всюду и всегда жалеют... Слово *окаянный* в древних памятниках также не означало “проклятый, осужденный”, но значило несчастный, достойный сожаления... Сообразно такому значению в древнейших переводных памятниках глаголов *каяти* и *окаяти*, выражение “Слова” “кают князя Игоря” следует принимать в значении: считая его несчастным, жалости достойным» [5, т. 3: 352–353]. На работу Е.В. Барсова обычно ссылаются, отстаивая прочтение “жалеют князя Игоря”.

Но Е.В. Барсов дал произвольное толкование древнего текста, вырвав фразу из контекста (!): “Пьяньство естъ злобѣ мати, а добродѣтели супротивленье: крѣпкаго бо страшлива покажетъ, а цѣламудраго – блудника; правды на свѣсть, смыслъ отемлетъ, яко же вода супротивна естъ огню, тако и безмѣрное питье, бѣсящегося вси кають. Прол., 1383 г., 1278 об.” [212, вып. 2: 180].

Совершенно очевидно, что здесь бескомпромиссное осуждение пьянства. Глагол “каяти” явно дан в значении “проклинать”, “осуждать”, а не “жалеть”. Но версия прочтения Е.В. Барсова получила широкое признание: ее поддерживает А.А. Потебня, отстаивает В.П. Адрианова-Перетц. Новых обоснований не приводится. Главным аргументом является фраза “бѣящегося все кають”, которая берется, как и у Барсова, вне контекста. В опубликованной статье «Глагол “каяти” и река Каяла в “Слове о полку Игореве»» [44] Л.А. Дмитриев пытается отстоять прочтение глагола “каяти” как “жалеть”, хотя и с оттенком осуждения.

Но основное значение глагола “каяти” было “осуждать”, реже – более определено – “проклинать”. Оттенок же сочувствия при значении “осуждать” возникает в возвратной форме: “И сдмишьди обратитѣся къ тебѣ, гл҃ю: каюся, отъпоусти емоу. Лук. XVII, 4 Остр. ев.”; “Множьствоу радоватисю ан҃гль о чл҃вче единомъ кающемъся. Мин. 1096 г. (сент.) 34” [213, т. 2: 1202].

Л.А. Дмитриев утверждает, что в нецерковных текстах в слове “каяти” оттенок осуждения приглушен, что особенно четко проявляется в фольклорных текстах. Это утверждение представляется неверным.

Даль дает пояснение к глаголу “каять”: “порицать или осуждать, корить и увещевать; заставляя каяться”. И приводит примеры: “Много кающих(ся), да мало воротящих(ся)”; “Старого не бьют, мертвого не кают”; “Не наше дело попа каяти, на то есть другой поп”; “Поп попа кает, а сам мигает” [206, т. 2: 101]. Это же значение осуждения отмечает в русских говорах С.И. Котков [68].

В подтверждение своей версии Л.А. Дмитриев приводит примеры из древних текстов, в которых есть производные от глагола “каяти”. Но и в производных словах основное значение было осуждение. “Окаяньный” имело значение “жалкий”, но чаще означало “проклятый”: “Слыши, Арию, безглавный звѣри нечистыи душе, окаяньныи человѣче, новыи Каине, вторыи Юдо. Кир.тур. 78”; “Хотяше бо оканьгѣи всю страну погубити и владѣти единъ. Нестер. Бор. Гл. 12”; “Окааньгѣи диюволъ. Новг. I л. 6726 г.” [213, т. 2: 639]. “Окаянствие” означало проклятье (там же).

Таким образом, *ставитъ под сомнение значение слова “каяти” как “осуждать”, “проклинать” с историко-семантической стороны не приходится.*

Значение глагола “каяти” во фрагменте “Ту Немци и Венедици...” как “осуждают”, “проклинают”, “ругают” предпочтительнее. Фраза эта произносится в гриднице Святослава иноверцами, прославляющими великого князя, когда в Киев приходит известие о трагедии у Каялы.

Трудно согласиться с версией Е.В. Барсова, А.А. Потебни, Л.А. Дмитриева, что Игоря, погубившего все новгород-северское войско, рассыпавшего по степи половецкой у Каялы “русского золота”, сделавшего вдовами тысячи русских женщин, оплакивают и жалеют. Да и кто? Немцы, моравы, венецианцы и греки. Невероятно!

В “Слове” прямое противопоставление, которым нельзя пренебречь, противопоставление как художественное средство, многократно используемое Автором: *Святослава, “великого” князя, радевшего о всей Руси, – славят; Игоря, стремившегося к личной славе, – проклинают, осуждают.*

Прочтение выражения “кая раны” как “жалей, осуждает раны” – бессмыслица. Возможно только “проклиная раны”.

Таким образом, текст читается без исправления.

Перевод: “Проклиная раны, дорогие друзья, забыл почести и богатство...”

23. “... и града Чернигова отня злата стола...”

“...(забыл) и город Чернигов золотой престол отцовский” (А.С. Орлов).

Черниговского престола добивался Олег – дед Всеволода и Игоря (см. поясн. П.26). Святославу Ольговичу удалось хитростью овладеть городом Черниговом. В 1157 г. Святослав “официально” стал великим князем черниговским, здесь он и умер в 1164 г. Престол в Чернигове должен был занять кто-то из его юных сыновей. По старшинству первым претендентом был старший сын Святослава – Олег Святославич, владевший небольшой волостью в Курске. Но на черниговский престол зарится племянник усопшего Святослава Ольговича – Святослав Всеволодович. Святослав Всеволодович вынудит Олега передать ему Чернигов. «Олега, Игоря и Всеволода “Буй-Тура” – он выгнал из Чернигова, поставил в вассальную зависимость от себя» [136: 131]. В 1185 г. Олега Святославича уже не будет в живых. А на престоле в Чернигове будет сидеть Ярослав – родной брат Святослава Всеволодовича. Святослав Всеволодович не вернул любимый Чернигов сыновьям Святослава Ольговича. Ясно, что Игорь не испытывал добрых чувств к Святославу. Судя по некоторым поступкам, честолюбивый Игорь мечтал об изгнании Святослава из Киева. Во всяком случае, дружных братьев Игоря и Всеволода всегда сжигало страстное желание – вернуть отеческий престол в Чернигове.

Перевод: “...и города Чернигова отеческий золотой престол...”

24. “...красныя Глѣбовны, свычай и обычай?”

“...красавицы Глебовны, привязанность и нрав?!” (А.С. Орлов).

Значение слова “обычай” довольно точно может быть установлено по древнерусским текстам. В Изборнике Святослава 1073: “...жена Йова не помяну бывѣшая првее к нему любѣве и обычая”; “...всякъ обычай добронравень имѣяшеть. Ип.л. 6683 г.”; “Поляне бо своихъ оцъ обычай имуть кротокъ и тихъ. Пов. врем. л. введ.” [213, т. 2: 574].

Совершенно очевидно, что во всех примерах слово “обычай” имеет значение “нрав”, “характер”. Это значение сохраняется и сейчас в говорах: “Не гляди на лицо, а гляди на обычай”; “Не пѣ абычаю ана мне была” [72]. Ср.: “Обычай бычий, а ум телячий”, т.е. есть “нрав упрямый, а...” (Рост. обл.).

“Свычай” – Срезневский приводит пример: “Не съвокупятися с ними ни в дружбе, ни в любви, ни в съвычай” [213, т. 3: 669]. Можно предположить, что речь здесь идет о дружбе, любви, привязанности (привычках?).

В.А. Козырев приводит пример, когда слово “свычай” в говорах имеет значения: привязанность молодых людей: “Хорошо было свыкатца – Тошно-горько раставаться”; “Свычай да обычай – промеж своих людей”; привычки, обычай: “А тунгузы ... те так и оставили свое наречие, свычья и обычья”. В.А. Козырев отмечает, что слово “свычай” отмечено в говорах прежде всего в значении “общепринятый, установившийся, традиционный поря-

док”. Это положение подкрепляется ссылкой на Даля (обычай, обык) и Рогосторгуева (обычай) [72: 100].

Жена Всеволода, красавица Ольга Глебовна, вероятно, дочь Глеба Юрьевича. Он в 1169 г. был утверждён на престол в Киеве братом Андреем Боголюбским. Этому активно помогали половцы, так как видели в Глебе Юрьевиче “своика”: мать князя Глеба была половецкой княжной. Помогал Андрею Боголюбскому и Игорь Святославич; когда Глеба Юрьевича Мстислав Волынский, при поддержке киевских бояр, недовольных союзом с половцами, свергнет, то Глеб утвердится в Киеве с помощью Кончака. Церковь и бояре, не одолев Глеба на поле боя, отравили князя. Если речь действительно идет о его дочери, то Владимир Глебович Переяславский – ее брат. О брате Глебовны – Владимире см. поясн. III.31.

Перевод: “...прекрасной Глебовны привычки и нрав”.

25. “Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были полци Олеговы...”

“Были века Трояновы, пришли лета Ярославовы; были походы Олеговы...” (А.С. Орлов).

В выписках Н.М. Карамзина стоит: “сѣчи”. Профессор Московского университета Р.Ф. Тимковский утверждал: Карамзин заверял Калайдовича, что в тексте древней рукописи стояло не “вѣчи”, а “сѣчи”. По существу, это единственная серьезная претензия к первопечатному тексту Н.М. Карамзина. Вполне вероятно, что нечеткое написание “с” и “в” в литерях XVI в. могло вызвать разночтение.

О том, что тождество “вѣчи = вѣци” более чем сомнительно, уже говорилось в пояснении I.22. (Там же см. пояснение к слову “Тороканский”). Ср.: “Ставъ вѣцемъ у святѣи Софѣи. Новг. I. Л. 6929 г. (по Арх. сп.)” [213, т. 1: 500].

Явно в тексте фрагмента речь идет не о созыве веча, а о сечах, побоищах с половцами (торками). Троканские сечи связаны с нашествием половцев и с побоищами в самой Тмуторокани. Тмуторокань неоднократно переходила из рук в руки князей-изгоев, стремившихся укрепиться в далеком княжестве. Утверждение нового князя сопровождалось массовым истреблением неугодных ему людей. “В год 6591. Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани и захватил Давида и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И перебил хазар, причастных к убийству брата его, и умышлявших против него самого, а Давида и Володаря отпустил”, – так рассказывает об одном из подобных эпизодов “Повесть временных лет”. С Тмутороканью связаны многие кровавые страницы русского средневековья, поэтому выражение “сѣчи Тороканы” – многозначительно.

“Сѣча” – избиение, побоище: “Тои нощи, поидоша на сѣцю... и бысѣ сечи злѣ и до свѣта победиша Стѣпѣлка. Новг. I л. 6524 г.”; “И тако (съ) ступившимся обѣима полкома и бысть зла сѣца, яко же и не бывала такова Литовской землѣ с Тотары. Новг. I л. 6907 г. (по Арх. сп.)” [213, т. 3: 903–904].

“Сѣчь” – истребление, убиение: “Прѣдани будутъ сѣчю и плѣненію. Iез. XV 8 толк. (Упыр. 187)” [213, т. 3: 905].

“Сѣчь” и “сѣча” имели и более общее значение: жестокая битва.

“Лѣта Ярославля” – период жизни Ярослава.

“Лета” (лѣто) – годы жизни человека: “Жена добля веселить мужа своего, и лѣта его испълнить миромъ. Изб. св. 1076 г., 181”; “Мюринъ

множество преблагыи господь приведе къ себе въ царство свое. Въ лѣта благочестиваго цесаря Костянтина доидохъ на приморие, и сѣдяще нѣко-еи братии, глаголющемъ о мюрѣхъ. Ж. Нифонта, 301 (1219 г.)” [205, вып. 3: 58].

Ярослав, о котором идет речь, – Ярослав Владимирович (время его княжения 1019–1054 гг.). Он утвердился на престоле в результате жестокой борьбы Владимировичей за великое княжение. Остальные претенденты на киевский престол были устранены: Борис и Глеб умерщвлены по приказу Святополка, а сам Святополк, изгнанный из Киева Ярославом, пытался вернуться на престол с помощью печенегов, но был разбит и погиб в неизвестности. В руках Ярослава сосредоточилась вся власть над русскими землями, кроме Полоцка, где княжил Изяслав – сын Владимира I от полоцкой княжны. Независимый Полоцк стал постоянной оппозицией Ярославу. Внук Изяслава – Всеслав Полоцкий, противостоявший Ярославичам, станет одним из “героев” “Слова”. Ярослав, прозванный Мудрым, утвердил высокое международное значение Киевской Руси, расширил границы Киевского государства. На севере и юге Ярослав создавал укрепления, а успешными боевыми действиями отгеснил кочевые племена на юге от русских границ. При Ярославе уже укрепилась православная церковь. По смерти Ярослава наступило проклятое время усобиц – кровавых распрей князей. С этим периодом и связаны походы Олега Святославича.

В других переводах:

“Прошли съезды Трояновы, протекли лета Ярослава, миновались брани Олеговы...” (А.И. Мусин-Пушкин)

Были сечи Трояновы,
Миновались лета Ярославовы,
Были походы Святославича...

(В.А. Жуковский)

Были сечи Троянские,
Миновали годы Ярославовы;
Были походы Олеговы...

(Ив. Новиков)

“Были века (бога) Трояна (века языческие), (затем) минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей – Ярославичей); были (и) походы Олеговы...” (Д.С. Лихачев).

Фраза “Были сѣчи Трокани – минули лѣта Ярославля” – экспозиционная. Со слов “Были походы Олеговы...” (“Были плѣцы Олговы”) начинается рассказ об усобице XI в., затеянной дедом Игоря после смерти Ярослава.

Не имеет смысла вставка Д.С. Лихачева в объяснительном переводе: “(затем) минули годы Ярославовы”. Не “затем”, а *потому что* (или *когда*) минули годы жизни Ярослава, настали времена усобиц. Д.С. Лихачев полагает, что здесь дана периодика:

- 1) время Троянское – языческое, до Ярослава;
- 2) время Ярослава;
- 3) время усобных войн Олега.

Но христианство пришло на Русь задолго до Ярослава. Разъяснение Д.С. Лихачева, что периодизация здесь “не логическая, а поэтическая”, – попытка прикрыть алогизм неудачного перевода.

Перевод: “Были побоища Трокани. Минуло время жизни Ярослава – были походы Олеговы...”

26. “...Олга Святъславлича”.

Олег Святославич – князь Тмутороканский, хотя определить, какой же земли князем является Олег Святославич, затруднительно. Летописи фиксируют: 1073 г. – князь Ростовский; 1076 г. – князь Владимирский; 1078 г. – князь Тмутороканский; 1078 г. – в заключении (Царьград – Родос); 1083 г. – Тмуторокань; 1094 г. – на очень короткий срок захватил Чернигов; 1094 г. – вновь захватил Чернигов, изгнан в 1096 г., пытался захватить Смоленск у брата Давида, но смоляне его не пустили; захватил Муром, а потом ростовские земли, был изгнан. На Любечском съезде получил землю вятичей. 1096 г. – предположительно, Муромская область и Тмуторокань. Из Мурома его выгонит Мстислав Владимирович. Под 1113 г. В.Н. Татищев отмечает, что Олег владел Тмутороканской землей и, вероятно, Муромом.

Любечский съезд подтвердил права Святославичей на Черниговскую землю (но не право самого Олега на отчину – Чернигов). Следует отметить, что отец Олега – Святослав Ярославич – на отчину (город Чернигов) выменял Переяславскую и Муромо-Рязанскую земли. В Густынской летописи говорится, что Олег в 1097 г. получил Чернигов, но здесь явная ошибка: в 1097 г. Давид проходит по источникам как черниговский князь (В.Н. Татищев утверждает, что Давид получил отчину в держание еще в 1096 г.). И умрет Давид в 1123 г. на Черниговском княжении [129: 100–102].

“Плъцы Олговы”, принесшие горе и разорение Русской земле, начались с обиды, которую нанесли Олегу, деду Игоря, Ярославичи, отказав ему в праве на Чернигов. Олег ушел в Тмуторокань. Как князь Тмутороканский, он пользовался большим авторитетом у половцев. Со своим двоюродным братом Борисом Вячеславичем Олег повел половецкие дружины на Всеволода Ярославича, владевшего Черниговом. На р. Сожице Олег разгромил Всеволода и отдал захваченные земли на половецкое разграбление. Поражение Всеволода привело к созданию коалиции четырех князей: Изяслава Ярославича, сына его – Ярослава, Всеволода с сыном Владимиром Мономахом. Олег испугался объединенных сил и пытался отговорить Бориса Вячеславича от решающей битвы. Князь Борис, из гордости и тщеславия, решил принять бой и был убит на Нежатиной ниве, у ручья Канин, близ Чернигова, в 1078 г. Это событие будет отражено в “Слове”. Следующий 1079 г. будет еще более неудачным для Олега Святославича. Он вовлечет половцев в новый конфликт с русскими и поведет их вместе с братом Романом на Русь. Но половцы помирятся с русскими. Роман будет убит ими, а Олег выдан Византии и заключен на два года на о-ве Родос.

Но Олег не утихомирится и, по возвращении в Тмуторокань, начнет длительные и опустошительные войны, наводя половцев на Русь. В княжеских раздорах гибли и русичи, и половцы. Разорались кочевья. Пылали русские города и села. Пленных русских угоняли в Степь, а половцев – в рабство к русским.

Следует обратить внимание на то, что Автора совершенно не интересует вопрос, кто же прав в феодальной тяжбе Ярославичей с Олегом. События рассматриваются совсем в ином ракурсе. Позиция Автора в оценке деяний мятежного князя близка народной: Олег со своими тмутороканскими союзниками, противопоставив себя Киеву, разоряет Русскую землю – народгоремыка расплачивается при сведении князьями счетов между собой. Не случайно в драматический момент побоища на Каяле вклинивается рассказ об Олеге. Кровавая трагедия 1185 г. имеет объективную причину. Это не отсутствие военного таланта у князя Игоря, хотя он допустил и стратегические, и тактические просчеты, это не недостаток храбрости его дружины – причина в том, что Игорь из-за давней распри со Святославом предпринял сепаратные действия и противопоставил себя Киеву. Расплачиваться же вновь, как и при Олеге, пришлось народу. В походах Олега, утверждает Автор, не пало так много русских сынов, как в сражении на Каяле – реке Половецкой. Не случайно в повествовании об усобицах прошлого названа Каяла. Это не Половецкая река, но тоже река проклятий – ручей Канин. На этой речушке среди убитых оказался не только Борис Вячеславич, которого, как и Игоря, сжигало честолюбие, но и князь Изяслав Киевский: всех виноватых перед русской землей за феодальные распри ждет суд Божий. И не половцы – главное зло, а усобицы и раздоры. Они создавали возможность для Половецкой агрессии. А князья готовы даже пойти на союз с половцами. Так, Олег Святославич женится на Половчанке и, благодаря Половецкой помощи, захватывает Чернигов. Игорь, внук его, ищет могущественного союзника в усобице 1180–1181 гг. и сватает своего сына – подростка за дочь Кончака. В это время русский князь и Половецкий хан были друзья и “сваты”.

Описание битвы у Каялы заканчивается многозначительными словами: “Ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую”. Это не только традиционное сравнение битвы с кровавым пиром, но еще и полный многозначительности намек на сложные ханско-княжеские взаимоотношения. (После Каялы Игорь останется жив благодаря Кончаку: “сват” сначала заступился, а потом выменял князя.)

27. В издании 1800 г.: “Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тмутороканъ. Тоже звонъ слыша давыни великыи Ярославъ, сынъ Всеволожь а Владиміръ...”; в Екатерининской копии разночтения: “Тмутороканъ”, “то же”, “Всеволожь”, но обе копии согласно фиксируют: “Ярославъ”, “Всеволожь(ъ)”, “а” перед “Владиміръ”.

Существует четыре варианта прочтения.

А. “Звон” в Тмуторокани слышит Ярослав Всеволодович. Уши затыкает Владимир. То, что звон поднят Олегом, устанавливается из предыдущего фрагмента. В переводе Мусина-Пушкина: “Он (Олег Святославич. – Ю.П.) ступает в золотое стремя в городе Тмуторокани; звон побед его слышал старый великий Ярослав сын Всеволодов, но Владимир затыкал себе уши...” (в примечании: “Князь Ярослав, сын князя Всеволода Ольговича, с 1174 по 1200 год княжеством Черниговским обладавший”).

Это прочтение предполагает всего одну правку “тоже” на “той же”, которая, впрочем, в самом переводе не отражена. Логика прочтения крайне неубедительна: Ярослав Всеволодович не был “старый”, и Автор не имел никаких оснований величать его “великим”. Да и “звук победы” Олега Свя-

тославича Ярослав никак не мог услышать. Весь этот пассаж не имеет никакого смысла.

Б. Вступает он (Олег. – Ю.П.) в злат-стремень в городе Тмуторокани.

Звон же тот слышит давний великий Ярослав,
А Владимир сын Всеволодов всякое утро
Затыкал себе уши в Чернигове.

(В.И. Стеллецкий)

Звон слышит *Ярослав Мудрый*. Владимир Всеволодович Мономах себе уши затыкает в Чернигове. С логической стороны теперь несколько благополучнее. Это достигнуто исправлением “тоже” на “той же” и изменением позиции союза “а”. Крайне неблагоприятен текст с точки зрения истории. Если “звон” поднят Олегом Святославичем, то Ярослав Мудрый не мог его слышать, ибо он умер за 24 года до крамол Олега.

В. Ступает в злат стремень (Олег. – Ю.П.)

в городе Тмуторокани,
а звон тот слышал
и давний великий Ярославич –
Всеволод,

Владимир же

всякое утро...

(А.К. Югов)

“Звон” Олегова мятежа слышит *Всеволод Ярославич*. С исторической точки зрения перевод вполне возможен. В этом случае переводчики прекрасно знали, чего они хотят достигнуть, и текст “исправляется” теперь особенно решительно: “тоже” на “той же”; “Ярослав” на “Ярославль”; “Всеволожь” на “Всеволодъ”; изменяется позиция союза “а”.

Но сомнения все равно остаются. Вызывает недоумение то, что при одном подлежащем (Олег) даны глаголы-сказуемые в разных временных формах: “коваше”, “сеяше” (имперфект), но “ступает” (настоящее время). Это можно было бы объяснить стремлением Автора дать временную последовательность событий, но в конкретном случае такое объяснение невозможно. Не спасает положение вариант, при котором “ступает въ златъ стремень в градъ Тмутороканъ” понимается как односоставное предложение, входящее в сложное: Ярослав “слыша” – в прошедшем времени, а “ступает” (все тот же Олег) – в настоящем времени, т.е. услышал Ярослав звон прежде, чем он возник. Эти временные нюансы имели в древнерусском языке большое значение. Сомнительным представляется и значение “давний” как “старый” по отношению к лицу. В древних текстах “давний” означает *что-либо* бывшее уже давно (или установленное давно): “...давныхъ лѣтъ”, “давний обычай”, “давняя тяжа” и т.п. Применительно к Ярославу должно было быть “старый”. Но отнесение эпитета “давний” к слову “звон” бессмысливает фразу, ибо в рассматриваемых прочтениях Ярослав тотчас же реагирует на “звон”.

Г. Конъектура М.В. Щепкиной: “Тот же звон слышал Ярослав внук Всеволожь сын, Владимир”. Речь идет об одном человеке – Владимире Всеволодовиче. М.В. Щепкиной правильно прочтен союз “а”. Но в предлагаемом прочтении предполагаются исправления слов “Ярославль”, “тоже”. Кроме

того, М.В. Щепкина не могла найти пример, когда *Nomen*, *Cognomen*, *Preapomen* были бы инверсированы, да еще при наличии объяснительного союза “а”. Остаются в силе и все замечания о неожиданном употреблении глагола “ступаетъ” в форме настоящего времени.

Возможен вариант прочтения и без правки текста. Внутривидовую связь всех лексических единиц можно представить так:

(“Сынъ Всеволожъ” является подлежащим уже в следующем предложении.) Такое построение сложного бессоюзного предложения знакомо древнерусскому языку. “В городе Тмуторокани тоже звон услышал еще давний (Ярослав)” занимает постпозицию по отношению к “вступает в золотое стремя (Ярослав)”, так как имеет значение причины. А в древнерусском языке пояснительные и причинные конструкции имели именно постпозицию. Фиксированный порядок выражал смысловые отношения: поясняющее следует за поясняемым. Употребление глагола “ступаетъ” в настоящем времени имеет при этом большой смысл. Ярослав вступает в стремя после того, как услышал “звон”. “Звон” был в предшествующем порядке событий. Чтобы все события не сместились в представлении слушателя в настоящее, Автор уточняет: “звонъ” этот “давныи”, и употребляет форму аориста: “слыша” (в переводе – ради эквивалентности – деепричастие “услышав”). Текст содержит многозначительный намек на события 1024 г. Не случайно назван Ярослав Мудрый в рассказе о прошлых усобицах. Олег – первый мятежник. Еще ранее Мстислав, воспетый Бояном, развязал крамолу против Киева. И крамола эта была посерьезнее Олеговой. Ярослав первый услышал звон в Тмуторокани.

В 1023 г. Мстислав Владимирович Тмутороканский объединил под свои стяги хазар и кософов и начал воевать с Ярославом. В 1024 г. он пошел в большой поход и оказался у стен Киева. И был бы Мстислав Тмутороканский киевским князем, но народ отказался его принять. Сам Ярослав был тогда в Новгороде. Мстислав захватил Чернигов и представлял столь серьезную опасность и столь большую силу, что Ярославу для борьбы с родным братом пришлось посылать за море к варягам. Витязь Якун с варягами и Ярослав с новгородцами отправились изгонять Мстислава Храброго с его тмутороканским войнством. Но Мстислав разобьет Ярослава в ночной битве. Ярослав и Якун спаслись бегством. Поражение оказалось столь сокрушительным, что Ярослав вынужден был поделить Русь по Днепру – левая сторона была отдана Мстиславу. Только после заключения мира рискнул великий Ярослав вернуться в Киев. Это было уже в 1026 г. При жизни Мстислава Ярослав Мудрый не “бысть самовластець Русьтеи земли”: он стал им уже после смерти Мстислава, в 1036 г. Вот что имел в виду Автор, упоминая

о Ярославе и тмутороканском звоне. И это упоминание имело для него особое значение, ибо он обличал не Олега, не Бориса, не какого-либо конкретного князя, а саму традицию усобиц.

Поистине великий муж – Ярослав Владимирович – умер в лето 6562 г. Летописи донесли его завещание: “Се аз отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣите в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; да еще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ, и покорить вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете самі и погубите землю отецъ своихъ, и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ: пребывайте но мирно, послушающе брат брата”. Ярослав уже мог угадывать грозящие бедствия от княжеских крамол. Он услышал “звон” в Тмуторокани задолго до крамол Олега.

Перевод: “Вступает в золотое стремя, в городе Тмуторокане тоже звон услышав давний, великий Ярослав. Сын Всеволодов – Владимир...”

28. В тексте издания 1800 г.: “...сынъ Всеволожь а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ”.

“...а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также противник раздоров) каждое утро уши (себе) закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько не выносил этого звона)” (Д.С. Лихачев).

«...так лаконично пояснил автор, что Владимир Мономах не хотел верить звону готовившейся против Чернигова “крамолы” Олега Святославиича, – комментирует этот фрагмент В.П. Адрианова-Перетц. – Параллель к выражению *уши закладаше* имеем в “Истории” Иосифа Флавия: Иосиф увещевает иудеев, а они “заградише уши отчаянием” (стр. 309), воины римские “гневом затвориша уши” (стр. 417)» [1: 63].

Но еще в XIX в. было предложено другое толкование (версия С.П. Корблева): “Владимир уши закладывал у ворот”.

Слушал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота.

(А. Майков)

«Владимир Мономах в усобице 1078 г. отбивает взятый Олегом город Чернигов. Самого Олега в Чернигове не было, он собирал подкрепление в Тмуторокани. В Чернигове остался гарнизон, который город защищать не смог и скрылся во внутреннем крыле. Мономах взял Чернигов, но в центре города оказались тмутороканцы. Владимир Мономах опасался нападения Олега и не только ночью, но и днем держал ворота на запоре, закладывая “уши” ворот, то есть крепил их бревнами, пропущенными в скобы, в проушины» [136: 70–71].

Большинство современных переводов отражают конъектуру, при которой “сынъ Всеволодь, а Владиміръ” исправлено на “а сынъ Всеволожь Владиміръ”, т.е. изменена позиция союза “а”, который понят как обособительный. Столь радикальная правка текста не представляется убедительной, хотя в данном случае мы имеем редкий пример, когда исправление не искажает смысл фрагмента.

Союз “а” – общеславянский. Многообразие функций указывает на его древность. В древнерусском языке союз “а” имел основные значения: “и”, “а”, “же” [215, вып. 1]. И.И. Срезневский указывает на объяснительное и усиленное значение союза “а” во вставочных предложениях: “Буди ти молитва а на всяк днь рано и вечеръ. Ги помилуи. XIII в.” [213, т. 1: 2] – “...что на каждый день...”, “...которая на каждый день...”, “...и при том на каждый день...”.

Еще более интересен пример употребления союза “а” во вставочном уточнении (приложении): “Ходиль есми тамо, во княжение руськое великого князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Владимирича Киевского” (Святополк Изяславич был действительно внуком Ярослава, см. схему “Генеалогические связи русских князей...”). Этот пример был привлечен при обосновании прочтения данного фрагмента прекрасным знатоком древнерусских текстов М.В. Щепкиной, и понимался М.В. Щепкиной союз “а” – как объяснительный. Она полагала, что переводить его в данной конструкции даже не обязательно [190: 20]. Вероятно, подобное употребление союза “а” было ограничено, но представляется, что он достаточно древний и отражает местоименную основу союза “а”. В подобной ситуации он будет употреблен в “Слове” еще раз, и это является лучшим подтверждением правильности прочтения, так как именно такое понимание роли и значения союза “а” дает единственную возможность прочесть без радикальной правки фрагмент, который считался нечитаемым и возможность прочтения которого исключалась: “Рекъ Боянъ исходы Святъславля пѣсъ, твор’ц, а стараго времени Ярославля” – “Сказал Боян заключение для Святославовой песни, поэт старого времени Ярослава” (что, который – старого времени Ярослава). Причем, если даже предположить, что в этом случае “а” = “же”, то смысл прочтения не изменяется: “Сказал Боян заключения для Святославовой песни, поэт же старого времени Ярослава” (“...так как он – поэт старого времени...”). Главное остается: “...твор’ц, а старого времени...”. Даже если мы будем предполагать здесь союз “а” в значениях “заметим”, “притом”, то: “...поэт, притом старого времени...”. Смысловые оттенки всех вариантов столь незначительны, что не влияют на логику изложения. Не влияет на логику изложения и вариант опущения союза “а”, предложенный М.В. Щепкиной. Все это в равной степени относится и к фрагменту, рассказывающему о “Тмутороканском звоне”.

Вполне вероятно, что близко по значению и употребление союза “а” в Ермолинской летописи: “1399: Того же лѣта подписана на Москвѣ церковь архааггель Михаилъ, а мастер Фофан Гречинъ. Ерм. лет. 137 (XV–XVI вв.)” [212, вып. 2: 30] – “...который мастер (что мастер, мастер же)”. Возможно и в Рогожском летописце: “1339: Того же лѣта на Русь прииде изъ Орды Иванъ, а в свою отчину пожалованъ богом и царемъ. Рог. лет. 52 (XV в.)” – (...который пожалован, что пожалован, пожалован же...). Правда, “Словарь-справочник СПИ” предполагает здесь иные значения: в первом случае “а” имеет значение “и при этом”; во втором – значение причинного союза. Но и в этих случаях союз “а” имеет объяснительные функции.

Почему, написав “сынъ Всеволожъ”, автор уточнил: “а Владимір”?

У Всеволода Ярославича было два сына. В момент, о котором идет речь (1078 г.), были живы оба. Но младшему, Ростиславу, было всего 8 лет.

Перевод: “Сын Всеволодов – Владимир каждое утро скобы ворот закладывал в Чернигове”.

29. В издании 1800 г.: “Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Олгову...”

Во всех переводах следующие далее слова “храбра и млада князя” отнесены к этой же синтаксической структуре. При этом возникает затруднение: относится ли “храбра и млада князя” как приложение к имени Борис или уточняет “за обиду Олгову”. В свое время А.К. Югов не без успеха отстаивал первую версию прочтения. Как большинство исследователей, А.К. Югов был убежден, что Борис Вячеславич – племянник Ярославичей. “Борис Вячеславич – внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича” [86: 296].

Олег вел себя не очень уж мужественно на Нежатиной Ниве, и эпитет “храбрый” к нему, по мнению А.К. Югова, явно неприменим. Кроме того, Олег в эти годы был уже немолод (А.К. Югов не уточняет, правда, на основании каких данных сделан этот вывод; дело в том, что год рождения Олега неизвестен: умер в 1116 г., упомянут впервые в 1076 г.). Таким образом, логика прочтения как будто бы подтверждает вариант прочтения Югова, хотя и возникает труднообъяснимая инверсия.

Версию прочтения, при которой эпитеты “молодой и храбрый” относятся к Олегу Святославичу (уложила за обиду Олегову, храброго и молодого князя), позднее стал отстаивать Б.И. Яценко [196: 296–305]. По его мнению, упомянутый в тексте Борис является не внуком Ярослава, племянником Ярославичей, а двоюродным братом Ярославичей. У Владимира Святого, деда Ярославичей, было среди шести жен две – “чехини”, от которых родились три сына. Летописи сбивчиво сообщают их имена. Особенно затруднительно определить имя одного из сыновей. Б.И. Яценко приходит к выводу, что имя это – Вячеслав, так как В.Н. Татищев, который, возможно, пользовался не дошедшими до нас источниками, сообщает, что Владимир посадил в Чернигове сына Вячеслава от “чехини” [154: 55, 63]. А так как Борис Вячеславич зарился на престол в Чернигове, то следует вывод, что он сын Вячеслава Владимировича и претендовал на отчий стол. Обосновать же право Бориса Вячеславича, внука Ярослава, на черниговский престол, по мнению исследователей, затруднительно. Если принять версию, что Борис – внук чехини и Владимира, то возраст его, по определению Б.И. Яценко, – 40–45 лет. Следовательно, делает вывод исследователь, эпитет “молодой” к Борису неприменим. А эпитет “храбрый” может быть отнесен только к имени Олег (Святославич), к которому Автор “Слова” испытывал явную симпатию. В поэме, утверждает Б.И. Яценко, нет осуждения Олеговых усобиц, на Олега не падает вина за разорение Руси (ср. поясн. II.27). Уسوبные войны, по версии Б.И. Яценко, развязаны Борисом, и только на него Автор возлагает всю ответственность. Но выводы Б.И. Яценко приходят в явное противоречие с текстом “Слова” и историческими данными летописей.

А. *“Повесть временных лет” определяет действия Бориса и Олега как преступное совместное деяние: “Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняше оболѣвше, а землѣ Русьскоѣи много зла створиша, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове изищеть богъ от руку еѣо, и отвѣтъ дати има, за погубленья души хрестьяньскы”* [124: 132].

А под 1078 г. *“Повесть временных лет” утверждает, что Ярославичи Изяслав и Всеволод – дядья и Олега, и Бориса: Олег, испугавшись объеди-*

нения сил Ярославичей, советует Борису идти с повинной “къ стрыема своима”.

В основу своих рассуждений Б.И. Яценко положил сведения, извлеченные из “Истории Российской” В.Н. Татищева о вокняжении в Чернигове Вячеслава, но отверг утверждение его же о том, что Вячеслав Владимирович, сын “чехини”, умер в 1024 г. (Эта дата значительно состарила бы Бориса Вячеславича – героя “Слова”.) Сам же Татищев считал, что в сражении 1087 г. погиб Борис Святославич. Но, как отметил А.М. Рапов [129: 103], в роду Святославичей до монгольского периода Борисов не было.

Рассматривая эпизоды, рассказывающие о крамолах Олега и Бориса, изолированно от всего повествования, Б.И. Яценко не учитывает общий замысел Автора, т.е. идею “Слова”. Этот просчет приводит исследователя к неверному заключению: «...автор “Слова” выдвигает Олега на первый план как наиболее представительного борца за отчину» (т.е. Чернигов. – Ю.П.) [196: 304]. Текст “Слова” не дает оснований для подобных выводов: Автор “Слова” обеспокоен не ущемлением прав Олега Ярославичами, а разорением Русской земли, крамолами Олега.

Эпитеты же “храбрый и молодой” ни к Борису, ни к Олегу Святославичу не относятся (см. поясн. II.30).

Б. Борис Вячеславич принял смерть на “зеленом покрывале” Канина, т.е. на зеленом лугу ручья Канина “постла” смерть Бориса. Канин-ручей – около Чернигова. Это маленькая речка упомянута в летописи под 1152 г.: “И задумавше еси поидоша къ Чернигову и перешедше Сновь, и ста у Гуричева близ города, перешедши Канин”.

В переводе А.И. Мусина-Пушкина: “Бориса же Вячеславича слава на суд привела, он положен на конскую попону зеленую за обиду молодого и храброго князя Олега”. (Так же понимал это место и В.А. Жуковский.)

В переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги: “Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела, и на ковыль зеленую погребальный покров постелила за обиду Олегову, храброго и молодого князя”. В этом переводе отражена точка зрения, что вместо “на Канину” следует читать “на ковылу”, т.е. текст нуждается в правке. Сторонники правки ссылаются при этом на пример “Задонщины”: “а чаду твоему Иякову лежати на зеленѣ траве...”. Но автор “Задонщины” не слепо следовал за “Словом”. Не мог он, повторяя бездумно за “Словом”, уложить Якова с Борисом у Канины.

В. “...слава на судъ приведе...” – в современных переводах обычно: “похвальба на суд привела”. Слово “слава” имело не только значение “слава”, “прославление”, но и “похвальба” [212, вып. 5: 158].

Первый, кто дал правильное значение слова “слава” в данном контексте, был А.С. Пушкин. В переводе В.А. Жуковского он вместо слова “слава” (“на суд слава привела”) написал “хвала”, а слово “суд” подчеркнул. Ср. в Ипатьевской летописи: “...первое убиша Бориса сына Вячеславля похвалявшегося велми” [124: 133].

“Слова: кончина, суд и судьба, употребляющиеся в языке для обозначения смерти, имели в старину такое, а не иное знаменование: конъ (позд. – чинъ) = отрезанный предел, кончина – отрезанная нить жизни, судъ же и судьба – развязка, разрешение: позднее эти термины получают уже более отвлеченный смысл” [75: 197]. Ср.: “Прислалъ ко мнѣ мужъ свой грамоту,

река: Ладимъся и омѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. Поуч. Вл. Мом., 164 (1377 г. ~ нач. XII в.)» [212, вып. 5: 249].

В нашем переводе принято прочтение М.В. Щепкиной и А.К. Югова: глагол “постлати” означает “уложить насмерть”:

“Церковнославянский язык применяет этот глагол именно в таком смысле, прямо-таки в качестве военного термина, когда речь идет об убитых в сражении, да еще не об одном человеке, а о *тысячах*. Во второй книге Маккавейской (гл. 15, стих 27) старославянский текст гласит: “Постлаше не меньши пяти тысяч”.

А вот еще старославянский текст, где опять-таки глагол “постла” дан в значении *убивать* в сражении, оружием: “И вся живущии во всем приделе израильстем, постилаете я (их) по путям их”. Переведено: “И все живущие во всем пределе израильском, преследуя их, *поражайте* их на пути”» [194: 136].

Перевод: *“Бориса же Вячеславича похвальба на смерть привела и на Канины зеленое покрывало уложила. Из-за вражды Олеговой...”*

30. “...храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святополкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходцы ко святѣи Софїи къ Киеву” (в копиях: “повелѣя”; в выписках Карамзина “по велѣя”).

“...храброго и молодого князя. С той же Каялы Святополкъ укачал отца своего между венгерскими иноходцами ко Святой Софии к Киеву” (А.С. Орлов).

В свое время В.В. Капнист писал: “Сие место в подлиннике весьма испорчено переписчиками. Вся речь... не представляет даже грамматической связи. При невозможности извлечь из оной какое-либо ясное понятие остается место только догадкам” (Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2, С. 132).

Так как слово “повелѣя” представлялось переводчикам явной опиской, то было предложено несколько конъектур, позволивших получить читаемый текст. Так конъектура Я. Пожарского предполагает радикальную правку “повелѣя” на “повелѣ яти”. Фрагмент получил такое истолкование: речь идет о гибели Изяслава Ярославича в сражении при Нежатиной Ниве, упомянутый Святополкъ – сын Изяслава.

Но возникает недоумение: а) Святополкъ не был взят отцом в поход, в походе был старший брат Святополка – Ярополкъ. Иными словами, не Святополкъ, а Ярополкъ сопровождал отца, что подтверждают летописи; б) не мог младший Святополкъ “повелеть” Ярополку; в) непонятен смысл упоминания венгерских иноходцев, которых у русских было немного, ценились они столь дорого, что в походе быть не могли. Все эти замечания относятся к конъектуре А.А. Потебни: “полелѣя отца своего”, что понимается как “укачивая, доставить отца своего”. Палеографическое обоснование исправления “повелѣя” на “полелѣя” затруднительно. Обычно, отстаивая эту версию прочтения, ссылаются на наличие в тексте “Слова” однокоренных слов “възлелѣи”, “лелѣючи”, “лелѣял”.

Текст в переводах, отражающих варианты прочтения Потебни и Пожарского, получает соответствие с историческими фактами только после еще одной радикальной правки: замены имени “Святополкъ” на “Ярополкъ”.

Можно было бы еще предположить, что речь идет не о битве на Нежатиной Ниве, а о сражении с Туграканом в 1096 г. – версия П.Г. Буткова

[19: 45], которой придерживается О. Сулейменов. Тугракан был убит в бою, и Святополк похоронил врага своего с почетом, так как хан был тестем русского князя. Но едва ли Автор посчитал бы уместным употребить слово “отец” (Святополка), имея в виду убитого половецкого хана. Кроме того, в “Слове” сказано о захоронении убитого в Софии киевской, а труп хана был погребен “на могилѣ межи путем, грядущимъ на Берестовое и другимъ идущемъ на монастырь”.

Конъектура А.А. Потевни показалась столь бесспорной, что слово “повелѣ” (инфинитив – “повелѣти”) в “Словаре-справочнике СПИ” даже не приводится, а между тем не только слово “повелѣ” – правильная форма аориста (2, 3 лицо ед.ч.) глагола “повелѣти”, но и возможно прочтение слова “повелѣ” как существительного в значении “приказание”, “приказ”, “повеление” (“наказ”, “завет”). Ср.: “Не по повелѣ и мѣрѣ. Феод. Студ. Ост. 38” [213, т. 2: 996]. Кроме того, И.И. Срезневский [213, т. 2: 995] приводит примеры «непонятной формы глагола “повелѣти” – “повелѣя”. (Среди них и “... Святоплѣкъ повелѣя отца своего...”). Но в приведенных текстах следует читать (как в тексте “Слова”): “повелѣ я”.

Вполне вероятно, что “повелѣ” упрощенная форма “по повелѣ”, возможен местный падеж без предлога или же случай гаплографии – утеря “по”.

Нет необходимости и исправлять “я” на “яти”: “я” – аорист (2, 3 лицо ед.ч.) глагола “яти” – “взять”, “доставить”, “дойти”, “схватить”, “привести»» [213, т. 3: 1669–1671].

Таким образом, в тексте фрагмента все слова представлены словарем древнерусского языка, текст в исправлении не нуждается. И вопрос сводится уже к уточнению синтаксиса этого фрагмента. Прежде всего уточнения требуют границы синтаксических структур. “Храбра и млада князя” ошибочно отнесено всеми переводчиками к предыдущей структуре. Возникшая в этой фразе инверсия так и не позволила переводчикам доказательно отнести “храбра и млада” к определенному лицу (Олегу или Борису).

Храбрый и молодой князь, погибший в усобной войне, к которому Святополк имел прямое отношение, был сын *Мстислав, князь Волынский* (приблизительно 25 лет от роду, год рождения точно не установлен). В этой фразе намек на один из кровопролитных эпизодов усобицы 1097–1099 гг., когда в тяжбу русских князей были вовлечены венгры, поляки, половцы. Сын Святополка Мстислав был убит стрелой на крепостной стене при защите Владимира-Волынского. Маленькая речка Луга, на которой стоит Владимир, стала рекой проклятий – “Каялой”. О гибели Мстислава горожане оповестили Святополка: “Вот сын твой убит...”. Автор “Слова” утверждает, что Святополк захоронил сына в Софии киевской. По свидетельству Новгородской I летописи, в Софии киевской был погребен отец Святополка, Изяслав. Так как именно Мстислав добился военного союза с венграми, понятно и упоминание венгерских иноходцев. Святополк взял Мстислава по “повелѣ отца своего”, т.е. по завещанию, по заповеди. В тексте: “повелѣ я отца своего”. По современным языковым нормам нарушен порядок слов. Следовало бы: “повелѣ отца своего я”. Но отрыв определения от определяемого слова (дистанционное расположение определения) в древних текстах было явлением довольно обычным (в тексте категория притяжательности выражена посредством родительного принадлежности), так как существительное, озна-

чающее лицо (“отец”), которому принадлежит предмет, имеет при себе определение (“своего”).

Перевод: “...храброго и молодого князя с такой же “Каялы” Святополк взял – по завету отца своего – между венгерскими иноходцами к святой Софии к Киеву”.

31. “Тогда при Олѣ Гореславлич и сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука; въ княжи* крамолах вѣщи чelовѣко* скратишась”.

“Тогда, при Олеге Гориславиче, заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские” (Д.С. Лихачев).

Когда первые переводчики после словоделения сплошного текста рукописи “Слова” получили сочетание “Олѣ гориславлич”, что было ими понято как имя и отчество какого-то князя, то свое недоумение выразили краткой репликой: “неизвестен”. Однако с поправкой (Олег – имя, Гориславич – прозвище) прочтение Мусина–Пушкина и его соредаторов утвердилось и так многократно повторено не только исследователями “Слова”, но и историками, что ныне сама попытка поставить под сомнение уместность этого эпитета по отношению к князю, разорившему весь Юг Руси, кажется крамолой. Более того, нет-нет и появляются работы, в которых авторы стремятся вопреки летописям, т.е. свидетельствам современников, представить его поборником справедливости. При этом забывают уточнить: какую же высокую цель ставил князь-крамольник? Чьим разорением достигалась эта цель?

Автор утверждает, что Олег Святославич предстал разорителем Русской земли, а в переводах к имени Олега добавлен эпитет “горемыка”. Простое сопоставление имени Олега с именами тех, кто в летописях назван “гориславом”, вызывает недоумение. “1232: Придоша ис Чернигова Борисъ Нъгочевиць, тысячкии, Михаилъ с братом, и Водовикович Петре... они же вгониша въ Плесковъ и яша Вячеслава Горислаллица, и бивъши его, оковаша. Новг. I л. (Комис.), 280–281 (XV в.)”; “1240: И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша нѣмци Изборьскъ; и воидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я нѣмци. Ту же убиша Гаврила Горислаллица воеводу. Новг. I л., 77 (XIV в.)”; “1228: Потомъ отьца ея (Рогнеды) уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава. Лавр. л. 300 (1377 г.)” [212, вып. 1: 169].

Исходя из контекстов, легко сделать вывод, что во всех случаях речь идет о людях с трагической, “горькой” судьбой. Ср.: «“Кому Переславль, а мне Гореславль”. Посл. Дан. Заточ., 61 (XVII в. ~ XIII в.)» (там же). Ср. у В.И. Даля: “Горемилый – о ком, любя его, соболезуем”. Даль дает синонимический ряд: “горегляд, горемыка, горехват, горехлест – бедовик, не выходящий из горя, которого беда и нужда преследуют по пятам” [206, т. 1: 379].

Нужно отметить, что в истории перевода “Слова” были попытки избавиться от эпитета “Гориславич” по отношению к Олегу Святославичу. Крупнейший исследователь “Слова” Е.В. Барсов в фундаментальном исследовании [5, т. 2] дал такое прочтение: “Тогда при Олеге, горе похваляясь...” Еще больший интерес представляет прочтение О. Гонсиоровского. Статья О. Гонсиоровского [33: 251–288] едва ли ныне представляет научный инте-

рес, но обращает на себя внимание перевод: “Гориславичи сѣяшется и растяшеть” – “умножалось число несчастных”. К поискам Е.В. Барсова и О. Гонсиоровского исследователя, к сожалению, отнеслись без должного внимания.

Определяя границы синтаксических структур, Мусин-Пушкин и соредакторы не особенно обременяли себя анализом полученных синтаксических конструкций. Свободный перевод скрывал и алогизм полученного после разбивки текста, и явное нарушение языковых форм. Что, например, означает в дословном переводе фраза: “...при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами...” (Д.С. Лихачев)? Что засевалось и что прорастало? Кем засевалось?

Вся конструкция в целом не может быть представлена безличным предложением, так как “растяшеть” (имперфект, 3-е лицо ед.ч.) не является глаголом в собственно безличном употреблении. В данной конструкции необходимо наличие подлежащего.

Ср.: “Садь присноцвьтыи посѣкаемь растеть, яко умьрыи ожити начинаютъ. Мин. нояб. 285 (1097 г.)” [212, вып. 5: 20]. Л.А. Булаховским найден пример из “Истории Иосифа Флавия”, Волоколамская библия, № 651: “растяшеть же у него умъ с тѣломъ”.

Попытка принципиально иного прочтения была предпринята А.К. Юговым, который рассматривал глаголы “сѣяшется”, “растяшеть” и “погибашеть” как однородные сказуемые. Была поставлена под сомнение и лексика этого фрагмента: “сѣяшется”, по мнению Югова, следует перевести как “разоряется”, “губится”, а “растяшеть” (“ростяшеть”) – “рассекать”, “раздирать”. Предполагая, что “ся” относится равно и к глаголу “растяшеть”, и к глаголу “сѣяшется”, А.К. Югов дает такой перевод:

Тогда
при Олеге Гориславиче,
разоряла, раздирала усобица,
погубляла добро земледельца.

Обратим внимание, что А.К. Югову пришлось ввести в текст субъект: “усобица”. Очень сомнительной является возможность перевода “сѣяшется” как “разоряется”. В таком значении в древних текстах глагол “сѣятися” не встречается. Сомнительно считать “растяшеть” в тексте фрагмента возвратным глаголом на том основании, что перед словом “растяшеть” стоит “сѣяшется” – возвратный глагол, образованный от невозвратного. Глагол “погибашеть” (вопреки А.К. Югову) не может быть понят как переходный. Выражение “Дажь-Божа внука” А.К. Югов перевел для убедительности как “земледельца”. Подразумевается, что это – *русский* пахарь.

Еще первые переводчики решили, что русичи – прямые потомки Дажьбога. А так как Дажьбог – солнечный бог, то сознание, будто наши предки вели свою генеалогию от солнца, не могло не импонировать. Почти за 200 лет изучения “Слова” только в 1975 г. О. Сулейменов усомнился: так ли это? Считали ли русичи в XII в. себя потомками языческого Дажьбога?

Уже в X в. языческие идолы Перуна, Хорса, Стрибога и многие другие были преданы анафеме. Не могло, конечно, быть сделано исключение и для Дажьбога. Только благодаря *христианской летописи, осуждающей язычество, мы узнали о Дажьбоге.*

В начале XII в. летописец сделал запись: “980: И нача княжити Володимеръ в Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремного: Перуну деревяна... Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Пов. врем. л. 56 (1377 г.~ нач. XII в.)” [212, вып. 2: 10–11]. В Хронике Иоанна Малалы в югославянском переводе сказано: “По умертвию же Феостовѣ, его же Сворога наречеть, и царствова египтяномъ сын его Солнце именовъ, его же наречуть Дажьбогъ”. Далее следует рассказ о наказании Дажьбогом некой египтянки за блуд. “И бысть чисто по всеи земли Египетьстѣи, и блажити и начаша, яко же Омиръ творецъ о нѣмъ, акы Дажьбог рече, обличи Афродиту блудящу съ Ариемъ, и Афродиту нарече похоть блудную от Солнца царя обличену.... По умертвию же Дажьбожи сыны Сворогова царствова Египтяном и потом же царствова Сирь”.

Во всех случаях, когда встречаются малопонятные имена чужих верований, переводчики соотносят их с именами языческих богов, известных славянам. Так, Гефест (в тексте “Феост”) поясняется именем Сворога, Гелиос (в тексте “Солнце”) поясняется именем Дажьбога.

Во “Влесовой книге” написанной предположительно до X в. (если только это не ловкая мистификация), упоминается имя Дажьбога: некий Бугомир обращается с просьбой к богам, “а Дажь-бог услыша молбу ту” и помог Бугомиру.

Вот и все сведения о божестве языческого прошлого. На основе этих скудных данных можно только утверждать: а) Дажьбог – языческий бог; вероятно, ему поклонялись русские до принятия христианства, по принятии христианства – поверженный бог; б) представление о Дажьбоге связано с образом Солнца (с Солнцем связывается и имя языческого бога Хорса, он будет назван в тексте “Слова”).

Совершенно очевидно, что к почитаемым в далеком прошлом, а ныне преданным проклятию языческим богам Автор не мог относиться избирательно: почтительно к Диву и Дажьбогу и враждебно к Хорсу и Стрибогу или наоборот. Следовательно, отношение Автора к Дажьбогу определяется отношением его к языческому многобожию вообще и тем, какие функции возложены на имена богов в “Слове”: поэтические это образы или символы?

Отношение Автора к Диву и Стрибогу определилось достаточно четко: это боги, враждебные русичам. А Дажьбог будет упомянут в “Слове” еще раз, когда русские потерпят поражение от половцев: “Въстала обида в силах Дажь Божа внука”. Обида, вставшая в “силах Дажь Божа внука” “на Дону у моря”, торжествует, что настали добычливые времена, что русский князь, вторгшийся в степь, сгинул. Текст недвусмысленно дает понять, что потомки Дажьбога не русские, а половцы. Конечно, не следует делать вывод, что половцы чтили именно Дажьбога. Речь идет о другом: половцы – язычники, поклоняющиеся идолам, как некогда поклонялись им на Руси.

Отношение Автора “Слова” к языческому началу определилось мировоззрением XII в. Уместно напомнить, что одной из главных причин, вызвавших сомнение в подлинности “Слова”, было недоумение, что Автор – человек XII в. – не только во множестве ввел в свою поэму языческие, “поганскіи” имена богов, но еще и отдал им дань, назвав (так во всех переводах!) певца XI в. Бояна прямым потомком языческого бога Велеса (было решено, что речь идет о “скотском бже Волосе”), а христиан-русичей – потомками языческого Дажьбога.

В 1901 г. парижский славист Луи Леже в своей книге “Славянская мифология” [198] и позднее в “Истории русской литературы” [199] усомнился в подлинности “Слова”, так как увидел недопустимое предпочтение языческих элементов перед христианскими. Этот аргумент в большей или меньшей степени будут поддерживать все скептики. Их оппоненты будут с необыкновенным энтузиазмом доказывать, что симпатия к язычеству в “Слове” “отражала реальные верования людей своей эпохи” [139: 323].

Ученые выдвинули версию, что в XII в. “в результате сложного взаимодействия поверхностно усвоенного православия с остатками язычества появилось... двоеверие” [139: 324]. Исследователей не смутило даже то, что письменные источники совершенно не отражают это явление.

В 1846 г. К.С. Аксаков в своей диссертации “Ломоносов и история русской литературы и русского народа” отвел несколько страниц “Слову о полку Игореве”. “Слову” он отказал в народности и в самобытности. Одной из причин не очень уж лестной оценки поэмы было отсутствие в ней христианско-религиозного элемента. А это, по мнению К.С. Аксакова, не соответствует мировоззрению русского народа. Действительно, если сравнить “Слово” с другими памятниками древнерусской литературы, то нерелигиозность Автора бросается в глаза.

Обратим внимание, “религиозное” и “народное” у Аксакова – явления взаимосвязанные. Как ни кажется на первый взгляд неожиданной мысль, что Автор “Слова” должен был уже в силу своей народности отдать дань христианству, она имеет под собой определенный фундамент.

В 989 г. Русь приняла православие. Началось поголовное и насильственное крещение народа. Но православие пришло к восточным славянам значительно ранее. В послании Константинопольского патриарха Фотия 866 г. говорится: “Не только онный народ (болгары) переменили древнее нечестие на веру во Христа, но и народ, часто многими упоминаемый и прославляемый, я говорю о русах, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымея о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. Теперь они сами переменили нечестивое языческое суеверие на чистую непорочную христианскую веру и ведут себя в отношении нас почтительно и дружески, тогда как незадолго перед тем беспокоили нас своими разбоями...” [35: 477]. «...в договоре Игоря 944 г. прямо говорится о той Руси, которая уже приняла христианство – она на договоре клялась по христианскому обычаю. (“Мы же елико нас крестилися есм...”), а те, которые не крестились, клялись на оружиях богами Перуном и Волосом» (там же). Таким образом, христианство на Русь пришло, если вести счет от написания “Слова”, минимум, за 300 лет до того.

Акт официального принятия христианства имел для Руси большое значение (политическое, культурное, экономическое). Он способствовал связям с христианской Европой, широкому распространению письменности, но главное, церковь быстро становилась политической силой, которая была заинтересована в сильной княжеской власти и по этой причине поддерживала идею единения страны. Политическая и религиозно-идеологическая платформа церкви была такова, что она (церковь) стала сторонником непримиримой борьбы с половцами-язычниками. До Ига оплотом церкви был Киев, и церковь была заинтересована в сильной власти киевского князя и оказалась при усобных конфликтах врагом тех, кто входил в союз со Степью.

Часто князья, достигшие престола в Киеве с помощью союзников-половцев, были вынуждены под давлением бояр и церкви изменять своим прежним союзникам. Так поступил и один из героев “Слова” – Святослав Киевский.

Церковь утверждалась далеко не одной проповедью. Язычество же имело на Русской земле свои народные традиции, было в силу этого более понятно простому люду, чем пришедшее из Византии православие. Насильственное крещение вызвало волнения. И после принятия христианства и уничтожения кумиров жрецы еще в XI в. находят убежище в лесах и приют в селах. В лесной глуши крещеные селяне продолжают верить в русалок, домовых и поверженных богов. Князья с дружинами вылавливают язычников-кудесников, наказывают поклоняющихся идолам. Случаются народные бунты против жестоких и непопулярных князей. И коль княжеская власть освящена церковью и связана с ней, то волнения, вызванные социальными и политическими причинами, приобретают характер выступления против христианства, предстают рецидивом язычества. XI век – время ожесточенного искоренения язычества и активного противодействия простого люда засилью церкви.

Картина существенно меняется в XII в. И дело здесь не только во времени: прошло 200 лет со дня официального принятия христианства на Руси. (Отголоски языческого еще долго будут жить в памяти народа. Языческое будет жить и в суевериях, и как фактор эстетического сознания.) Дело не только в усилении влияния церкви на все сферы жизни и в бескомпромиссной борьбе с рецидивами язычества. Было и иное – половецкие набеги.

Половцы “нависли” угрозой над Югом Русской земли еще в XI в. Внезапные набеги уничтожали труд крестьян-горемык. Жители сел и городов угоняются в рабство, гибнут культурные ценности. Раздоры русских князей не только не способствовали организации отпора врагу, но и вели к порочной традиции – использовать кочевников в усобных войнах. Опыт учит народ, что половцы и усобица – явления взаимосвязанные. Взоры народа обращаются с надеждой к Киеву, где великий князь – по доброй воле или вынужденно – в союзе с церковью отстаивает позицию недопущения вмешательства половцев-язычников во внутренние дела Русской земли. Противостояние набегам половцев-язычников связывается с Киевом и церковью. Утопизм Автора, когда он ратует за единение вокруг Киева, вспоминая более могущественную Русь при Владимире, питается народными представлениями и памятью народной о лучших временах. Народной и утопической является мысль, что князья, забыв свои распри, встанут на защиту христианской земли, объединившись вокруг Киева.

В конкретной исторической ситуации воспевание языческих богов, дань язычеству могли восприниматься не только церковью, но и Киевом – всем княжеским окружением и вообще привилегированным обществом – как ересь, и весьма сомнительно, что все это могло найти понимание у народа. Ставил ли перед собой Автор цель бросить вызов официальной идеологии? Судя по всему – нет. “Слово” обращено не только к друзьям, “к братие”, но и к конкретным князьям. Уже одно это несовместимо с пропагандой имени языческих богов, да еще и тех из них, которые были явно забыты. Автор проявляет в “Слове” определенные симпатии к идее единения русских земель вокруг Киева. Но именно Киев был оплотом церкви.

А то, что Автор показал полное равнодушие к собственно религиозным проблемам, совсем не означает, что он язычник явный или сокрытый “двоеверец”. Это только свидетельствует о том, что он не имел никакого отношения к духовенству и ему свойственно было реалистическое мышление, но мыслил он категориями своего времени. Русский народ – *христиане* – противостоит натиску разных иноверческих племен. Киев – символ единения Руси, но Киев – и оплот церкви. Язычники юга (половцы) и севера (литва и др.) – враги не в силу иноверия, а потому что приходят с мечом и огнем. Все, относящееся к язычеству, – враждебно. Автор действительно ввел в поэму имена языческих, поверженных богов (*Див, Хорс, Дажь-Бог, Стрибог*), но во всех случаях они, в полном соответствии с мировоззрением века, даны как олицетворение враждебного. К языческому богу обращаются с хвалой только половчанки. В земле языческого Хорса ищет приют преследуемый крамольник Всеслав. Но имена языческих богов функциональны только как поэтические символы. Обратим внимание: кроме Дива, языческие божества даже не персонифицированы. Невозможно согласиться с бытующим мнением, что несчастья Игоря, “как в античном эпосе, объясняются вмешательством богов – Див – Обида” [137: 406], невозможно хотя бы потому, что в “Слове” ясно определены *иные* причины.

Языческие боги не определяют поступки людей и ход событий, не определяется исход событий и силами природы. Но не выявилось и убежденности Автора, что воля Бога единого может повлиять на события. Так, одна из главных тем “Слова” – половецкие набеги – воспринимается как следствие определенных условий, возникших при княжеских усобицах: “князя *сами* на себя крамолу ковали, а язычники *сами* приходят с войнами”.

Летопись же прямо оценивает половецкое нашествие как наказание, посланное Богом за грехи: “Наводит ведь бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и только пережив это горе, жители ее вспоминают о боге: на междоусобную же войну соблазняет людей дьявол” ([124]; перевод Д.С. Лихачева).

Конечно, Аксаков имел основание сомневаться в глубине религиозных чувств Автора, но вот для сомнений Луи Леже нет никаких оснований. Его претензии могут быть адресованы только к переводчикам и комментаторам.

В “Слове” нет предпочтения языческого элемента. Имена языческих богов суть знаки. Таким знаком-символом является и имя Дажьбога.

О. Сулейменов – единственный исследователь, предположивший, что Дажьбожьи потомки – половцы, – пишет: «...по мысли книжника, если египтяне поклонялись некогда Дажь-богу, то половцы имеют в корнях отношение к оному. Способствовать этой догадке могло и официальное мусульманское название южнорусских степей “Дашти-кипчака” (т.е. страна кипчаков). И половцы, и русские не понимали слова “Дашти”. Книжники отнесли его с именем египетского бога Дажь и увидели близость. Таким образом, жители Дашти-кипчака могли превратиться в потомков Дажь-бога» [152: 117–118].

Подвергая ревизии традиционное понимание “внуки Дажь-бога”, О. Сулейменов не усомнился в разбивке Мусина-Пушкина, и полученный им перевод нарушил логику повествования: “Погибает жизнь половцев в княжьих крамолах”.

В эпизоде, рассказывающем о горе Русской земли, о русских пахарях, что уже не покрикивают в поле, эта фраза представляется чужеродной. Тем более что в “Слове” половцы возглашают, что “пробудила добычливые времена усобица” (см. поясн. III.4).

Представляется более правильной такая синтаксическая разбивка при уточненном словоделении: “Тогда, при Олзѣ, гориславич и сѣяшется, и растяшеть усобицами, и погыбашеть. Жизнь Дажь Божа внука в княжихъ крамолах. Вѣщи человеком скратишась”.

“Гориславич” – бедовик, горемыка; “прославившийся горем, своими бедами”. “Жизнь” – богатство, достояние [212, вып. 2: 84]. Глагол “сѣяти” – “засевать” – в древнерусских текстах встречается часто. Обычно и употребление слова в переносном значении: “Еже бо сѣять человекъ, то же пожьнетъ; яко сѣя и въ тѣло свое, от плѣти пожьнетъ тѣлю, сѣяи же въ духъ, отъ духа пожьнетъ жизнь вѣчную. Изб. св. 1073 г. (Бод.)”; “Слышим же дивную человекъскую вещь изыскану бывшу вами, яко протязаете мужеского полу, нудьма творити. И бываетъ еже вами человекъкъ и мужъ родився, ни сѣя, акы мужъ, ни рождая, акы жена, живеть же точию еже бѣ на укоризну. Александр. 127 (XI в. ~ XII в.)” [212; вып. 5: 132].

“Сеятися” – кроме значения “быть засеянным” имело значение “зарождаться”, “рождаться”. Зарождение новой жизни воспринималось как некое таинство от бога – рождение плоти и дух. “Се же и нынѣ творить бог кожды нас зижеть во чревѣ, како же зижеть, никто же вѣсть, како сѣмся и зижимся, дѣла же зданию его никто же не постигнетъ. Зат. сотр. 5–6 (XII в.)”; “Яко же рече божественый Аонъ (так!) и великий Павелъ: сѣеться смъртенъ, встаеть бесмъртенъ, сѣеться в немощи – встаеть въ силѣ. Палея. толк. 17 (1406 г. ~ XIII в.)” [212, вып. 5: 133]. “Да увѣщають тя святый апостоль глаголя: сѣется тѣло душевное, вѣстаеть тѣло духовное. Скриж. IV, 21 (1656 г.)”. Ср. в русском языке: “Бог не родит, не возьмешь ни семенем, ни племенем” [206, т. 3: 378].

Рождение новой жизни имеет исток – семя. Ср: “Ноеви ковчег порученъ бысть, ковчегъ и мира вътограаго сѣмена. Гр. Наз. XI в. 86” [213, т. 3: 894]. Порожденные от одного истока – “сѣмя”: “Языци от сѣмени Авраамия. Жит. Конст. Фил. 376” (там же: 895). А рождение человеческой жизни и рождение пашней злаков часто сближается в образной речи: “Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣють, ни в житницы собирают, но сами ся рожаютъ. Сл. Дан. Заточ.” (там же: 907).

Когда Автор говорит о горемыке, страдающем от усобиц, он прежде всего имеет в виду “ратаеве”. Отсюда и употребление глагола “сѣятися” вместо “родится” и вся триада: “сѣяшется”, “растяшеть” и “погыбашеть” – верно показанная А.К. Юговым однородными членами предложения.

Отметим, что общий смысл фразы был правильно уловлен О. Гонсиоровским.

Достаточно древние примеры подтверждают значение глагола “расти” как “мужать”, “вырастать”, “взрослеть”: “Отрочья же растѣаше и крѣпляшесь духъмъ, наплѣняясь прѣмудрости, и благодать боžia бѣ на немъ. Остр. ев. 256 (1056–1057 гг.)” [212, вып. 5: 21].

“Усобицам” – дательный беспредложный падеж (мн.ч.).

Второе предложение: “Жизнь Дажь Божа внука въ княжихъ крамолахъ” – распространенное номинативное (безглагольное) предложение.

(В самом “Слове” есть односоставное предложение такого типа: “Туга и тоска сыну Глебову”.) Смысл фразы: “Язычникам обогащение от княжеских крамол”.

В Псковском Апостоле 1307 г. была найдена приписка: “Сего же лѣт быѥ бои на руськой земли. Михаилъ с Юрьемъ о княженъе Новгородьской; при сихъ князѣхъ сѣяшется и растяше оусобицам и гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы, и вѣци скоротишася члвкѡмъ”. Автор приписки редактирует заимствованный текст: не “при Олзѣ”, а “при сихъ князѣхъ”, т.е. при Михаиле и Юрии. “Гориславич” – слишком “демократично” – вымарывается, а на его место ставится “жизнь наша”, причем “жизнь” в значении “существование человека”. “Даждь-Божа внука” явно не беспокоит автора приписки, и он опускает это словосочетание. Образуется номинативное предложение: “въ князѣхъ которы”. Фраза приобретает такой вид: “при сихъ князѣхъ сѣяшется и растяше оусобицам и гыняше жизнь наша; въ князѣхъ которы; и вѣци скоротишася члвкѡмъ”.

Анализ текста показывает, что не словосочетание “Даждь божа внука” “Слова” тождественно “жизнь наша” приписки, а “гориславич” – слово, вероятно шокировавшее автора приписки.

Перевод: “Тогда – при Олеге – горемыка и родился, и выросал для междоусобиц, и погибал. Достаток Даждьбожьего потомка – в княжских крамолах. Время жизни людей сократилось”.

32. Очень пластичен переход от рассказа о прошлых усобицах к основным событиям повествования – битве Игоря с половцами. Рассказ о прошлых усобицах заканчивается словами: “То было в те битвы и в те войны...” Потом идет связующее: “...а такой битвы – не слыхано!” И сразу врывается зловещая мелодия боя: “С рассвета до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые...” и т.д.

Композиционный прием – экскурс в прошлое – столь умело использован Автором, что не может быть и речи о якобы перепутанных (по небрежности переписчиков) страницах рукописи. Б.А. Рыбаков (сторонник перемещения отдельных фрагментов “Слова”, что, по его мнению, дает бóльшую стройность изложения) приводит аргументы, долженствующие убедить в необходимости этого акта по отношению ко всему рассказу об Олеге Святославиче: “Самым главным является то, что вставка об Олеге бессмысленна в этом контексте. Ведь поход Игоря не был связан прямо с темой княжеских усобиц”; “Какой смысл был автору, стремившемуся выгородить северских князей, подчеркнуть их рыцарственность, вдруг, посреди описания трагической битвы, начать вспоминать со всеми подробностями старые грехи их крамольного деда, зятя половецких ханов?” [137: 40].

Но, может быть, Автор и не ставил перед собой задачу оправдать Игоря? Автор явно ставил перед собой совершенно иную задачу.

33. **“Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь полкъ заворочаеть...”**

Повествуется об одном из эпизодов последнего дня битвы: на рассвете дрогнули союзные ковуи и побежали. Игорь предпринимает отчаянную и безуспешную попытку повернуть бегущие войска на помощь брату Всеволоду.

Требует оговорки слово “давеча”. Слово явно не книжное. Показательно, что из старорусских памятников его дает Житие Протопопа Аввакума – произведение, содержащее множество просторечий и вульгаризмов: “...говорить: Поди-тко, государь наш батюшко... И я сопротивъ того: Чюдно! Давеча былъ блядинъ сын, а теперь батюшко! Авв. ж., 12 (XVII в)”. [212, вып. 2: 8]. И в других случаях в старорусских памятниках слово “давеча” (давече) употребляется как просторечие в прямой речи (см. там же). Но нет основания видеть здесь позднюю приписку, так как Автор “Слова” неоднократно употребляет не книжные, а народные слова: “смага”, “ширы”, “шерешь”, “карна”, “поскепаны” и др.

Слово “даве”, “давича”, “давичя”, “дави” живет и ныне в говорах русских (отмечает и В.И. Даль в ТСЖВЯ), украинских, славянских. Означает: недавно, только что, вчера, нынче утром. Судя по контексту, в “Слове”: и недавно, и утром. В сочетании с “рано” – “нынче”.

После слов “давеча рано” логически определяется граница предложения, что избавляет от тавтологического нагромождения слов: “давеча, рано, перед зорями...”.

Перевод: “Что мне шумит, что мне звенит нынче? Рано, перед зарей, Игорь полки возвращает...”

34. “Бишася день бишась другьи: третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы”.

В “Слове”, как и в Лаврентьевской летописи (и “Владимирском летописце”), продолжительность сражения – три дня (см. поясн. II.1).

Третья композиционная структура

1. Третья композиционная структура – это скорбное повествование о последствиях Игорева похода и поражения, осмысление и оценка произошедшего.

Очень органичны переходы от повествования о скорби Русской земли к политическим обобщениям, к ведущей мысли, что виной всему – разобщенность удельных князей, “непомога” великому князю. Эта тема находит свое развитие в сне Святослава и его толковании боярами и завершается в “золотом слове”. Эта часть “Слова” буквально пропета на одном дыхании. Она начинается аккордом: “никнет трава от жалости” – и заканчивается трагическим повествованием о падении Римова.

2. “Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, невеселая година вьстала, уже Пустыни силу прикрыла”.

Перевод Д.С. Лихачева: “Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось. Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство – степь) войско прикрыла (трупы убитых покрыла трава)”.

Перевод недостаточно убедителен по логике прочтения, несмотря на объяснительные вставки. “Трупы убитых покрыла трава” – очень поэтично, но для такой расшифровки выражения “Пустыни силу прикрыла” нет ни малейшего основания. Это поэтическое домысливание, основанное на субъек-

тивном восприятии текста. Предполагать же “траву забвения” тем более нет оснований, так как все события происходят в очень короткий срок.

Общее понимание этого места: “Пустыня поглотила русское войско”. Но текст не дает основания для подобного понимания и перевода. “Пустыни” – степь. Иное значение слова “пустыни” предполагала В.П. Адрианова-Перетц: “пустынное место”. Многие ученые без особого на то основания увидели здесь архаичную форму слова “пустыни” – им. пад.

“Сила” – «уже с начала XII века в летописном языке это слово означало “войско”, “воинство»» [1: 70].

“Прикрыла” – это слово уже встречалось в эпизоде солнечного затмения: “вся своя вои прикрыты...”. В переносном значении “прикрыти” означало “сохранить”, “уберечь”: “Святая же Ирина рече: Печеться о мнѣ съхранивый Данила пророка въ ямѣ от лвъ, и 3 отраки въ Вавилонѣ въ пещи прикрывъ, тѣи нынѣ и мя избавить от зьяния змиина. Муч. св. Ирины, 108 (XII в.)” [212, вып. 4: 199].

Перевод: “Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось, потому что уже, друзья, невеселое время настало, уже Степи военную силу уберегла”.

3. “Въстала обида в силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню – всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону; плещучи...”

Во всех переводах обида в образе девы встает в русских войсках: “...возстала обида Дажь-Божевым внукам. Она, вступив девою на землю Троянову, всплескала крыльями лебедиными, на синем море у Дону, купаючись” (А.И. Мусин-Пушкин).

В тексте издания 1800 г., в Екатерининской копии и в выписках А.Ф. Машиновского “Дева” явно мужского рода: причастие “въступилъ” дано в ед.ч. муж. рода. Правка “въступилъ” на “въступила” произведена текстологами. “Дѣва” объяснена А.С. Орловым так: “Дева, девушка с птичьими, чаще всего лебедиными крыльями, которые она может снять на время и снятые (например, при купании) утрачивает” [114: 112].

Протестующие голоса, доказывающие неуместность девичьего купания в самый драматический и скорбный момент повествования, тонут в согласном хоре комментаторов, убеждающих аудиторию (и не без успеха), что Дева-Обида – главная поэтическая прелесть “Слова”. “Название Обида, – утверждал А.Н. Афанасьев, – согласуется с теми собственными именами, которые приданы небесным воинственным девам в преданиях греков и германцев... Распря, Победа и пр.” [3, т. 3: 191].

Ни один из существующих комментариев не дает возможность понять, какова функция Девы-Обиды в тексте СПИ. После правки “въступилъ” на “въступила” Д.С. Лихачев дает перевод: “Встала обида в (этих polegших) войсках Дажьбожьего внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона: плеская...” Уяснение в этом переводе смысла затруднительно даже при наличии объяснительных вставок.

Понятен призыв А.К. Югова «признать неуместной “деву” в сплошь *половецком* тексте: “Дева-Обида” должна исчезнуть...» [194: 150]. Решительно

отвергнул Деву-Обиду О. Сулейменов: "...из-за неверной разбивки родилась еще одна поэтическая красивость – образ девы Обиды, не свойственный славянской мифологии" [152: 110]. И А.К. Юговым и О. Сулейменовым были предложены свои варианты прочтения этого фрагмента.

Вариант А.К. Югова: предлагается читать "дѣвою" как "дивей", что должно означать "дикие"; кроме того, так как трудно предположить, что "дикие" были с лебедиными крыльями, то предлагается принять новую разбивку последующего текста (всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону): "вѣсплескал(ъ) лѣ бедиными крылы". В переводе:

Вторгнулись дикие
на землю Бояна.
Крылами беды
возгремев, –
там,
у Дона
на синем море, торжествуя!

После весьма радикальной правки смысл остается неясен: "дикие" вторглись на Русскую землю, но гремят крыльями "бедиными" (?) на Азовском море. Правда, А.К. Югов утверждает, что Дон и Азовское море – русская земля.

Прочтение О. Сулейменова предполагает следующую синтаксическую разбивку древнего текста: «...“вѣступилъ, дѣ вою на землю Трокъню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море...” (разбивкой “девою” – “де вою” оправдан мужской род глагола “вѣступилъ”, ибо относится глагол не к “обиде”, а к Игорю)» [152: 111]. Весь фрагмент в переводе: «Встала обида в силах Дажь Божих внуков (кипчаков): “Вступил-де войной (Игорь) на землю Тмуроканью”».

Прочтение О. Сулейменова, несомненно, представляет интерес. Особенно заманчивым является возможность не подвергать текст правке. Но в переводе допущен произвол по отношению к лексике: слово “вою” не может быть переведено как “войною”. Кроме того, чтобы принять прочтение Сулейменова, нужно быть, безусловно, уверенным, что слово “дѣ” действительно было в тексте. Но в древнем тексте было “двою”: именно такое написание дано в выписках А.Ф. Малиновского. Малиновский посчитал, что в древнем тексте утеряно титло, и вписывает: “Вѣступил двѣю”. Первыми издателями “двою” было понято как “дѣвою” (“двѣю” с утерянным титлом). При восстановлении написания рукописи (двою) текст читается без правки, и без особого пояснения, и без необходимости согласования глагола “вѣступилъ” с субъектом “дѣва” в роде и числе.

“Двою” означало “вторично”, “дважды”: “А Святая Святыхъ отъ Воскресенія Христова есть вдаль яко двюю дострѣлить муж. Дан. иг. 16” [213, т. 1: 647]. (Могло быть “дѣвою”, как “дѣва”, “дѣва”).

“Вѣступилъ” = причастие на “л”, ед.ч. муж. рода. “Вѣступити” – “напасть”, “вмешаться”, “вторгнуться” [213, т. 1: 425; 212, вып. 1: 146–147].

Вступил на землю Тороканскую второй раз Игорь, второй раз он выступает против своего бывшего союзника и свата Кончака, нанося ему “обиду”.

“Обида” – слово многозначное: это и “оскорбление”, и “поругание”, и “вражда”. В контексте перевода лучше “вражда”.

Логика прочтения находит подтверждение в исторических реалиях. Когда Игорь со сравнительно небольшим войском вторгся в Степь, он полагал, что половцы обессилены успешным походом Святослава, что они не смогут противостоять ему, не смогут организовать отпор. Но Игорь ошибся в своих расчетах. Наступил рассвет второго дня, и “изумѣшася князи рускии, кому и которому поѣхати, бысть бо их (т.е. половцев) бесчисленное множество”. Половцы обложили русские рати “акы борове”. Для русичей было неожиданно, что *Степь сохранила свои войска*. Сохранит Степь свою мощь и после разгрома Игоря, о чем свидетельствует поход Кончака и Гзака на Русь. Случилось так, что против Игоря поднялась вся Степь. “Оказалось, что в бою Игорь столкнулся даже не с одной-двумя ордами, а с объединенными под главенством Кончака полками приднепровских, донских и поморских половцев...” [123: 60].

Таким образом, речь идет не о сказочной Деве-лебеди, а о жажде мщения, возмездия у половцев, о ссоре и вражде. Ср.: “Мітрополіть или пискоупъ вѣдають межи ими соудъ или обида или котора или вражда. Церк. Уст. Влад. (по Син. Сп.)”; “Кланяемъ ты ся, нѣтоу ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ни обида. Новг. 1 л. 6724 г.” [213, т. 2: 504]. Вражда к русским поднимается, встает в войсках язычников-половцев. Вражда возвещает на Дону, что наступили благоприятные времена для набегов на Русь.

Слово “въсплескати” в древнерусском языке означало: взмахивать чем-либо, производить шум руками, предметом. Только “Слово” и “Задонщина” дают примеры, в которых всплескивают лебединые крылья. В переносном значении “въсплескати” означало “разгласить весть”, “возвестить”: “Тъ бо нас дньсь озари къ тържъству свѣтълу въсплескати достоино пѣсньями хвалу трѣсвятую бърьнами устьнами. Стихир, XII в., 47”; “И язъци восплескаша славу имени его, рожество бо его бѣ сице. Палея. толк., 160–161 (1406 г. ~ XIII в.)” [212, вып. 1: 136].

“Въсплескала” требует дополнения: что разгласить? Возвестить о чем? Эта синтаксическая необходимость разрешается через структуру “убуди жирня времена усобица” (см. поясн. III.4). В контексте всплескали, разглашали лебединые крылья вражды весть о том, что вторглись воины на Тороканскую землю и что Русь крамолой князей открыта для грабежа. Почему же у черной вражды-ненависти лебединые крылья? Мне кажется, здесь уместно привести размышления О. Сулейменова.

«Гуси-лебеди – отрицательные образы древнерусского фольклора и письменности. Если русские в поэзии обозначают – соколы, то степняков – гуси и лебеди», – пишет О. Сулейменов и приводит далее примеры из “Задонщины”: “Все, что имеет какое-то отношение к половцам, часто несет в поэме знак лебедя.... Даже телеги половецкие “кричат”... словно “лебеди распуганные”». О. Сулейменов приводит любопытные примеры сохранения и по сей день поэтических образов гуся и лебедя в казахской поэзии как положительных. Образ лебедя остался как один из основных былинных образов степняка [152: 114–117].

“Плескати” в переносном значении – “торжествовать”, “выражать радость”, “радоваться”. Ср.: “И начаша Ефиопи плескати, а бѣлоризьци поблѣдѣша. Прол. сент. XIII в.” [213, т. 2: 962]; “Дивляху же ся паче славя-

ше и плескаху хвалами многими. Ж. Иоанна Злат. ВМЧ, нояб. 13–15, 938 (XVI в.)” [212, вып. 4: 83].

Перевод: *«Поднялась обида-вражда в воинстве Дажьбожьего потомка: “Вторгся повторно на землю Трояню!” Всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона, торжествуя...»*

4. Текст по изданию 1800 г.: “...убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганяя погыбе...”

Этот фрагмент (до слова “погыбе”) представляет собой собственно прямую речь. Это то, что разглашает половецкая вражда на Дону и у Азовского моря. Во всех переводах субъектом, производящим действие, является обида, предстающая в аллегорическом образе Девы. Дева возникает в polegших войсках “Дажь-Божа внука”, потом вступает на “землю Трояню” (по мнению исследователей, Русь) и пробуждает добычливые (жирня) времена. *Так как только что утверждалось, что для русских наступили тяжелые времена, то, следовательно, богатые, “жирные” времена наступили не для них, а для половцев, и обида – вражда половецкая.* Этот логический вывод явно противоречит тому, что утверждают все переводы и комментарии: Дажьбожьий потомки – русские. Переводчики, стремясь избавиться от алогизма, приняли правку Н.Ф. Грамматина: “упуди” вместо “убуди” – “прогнала” вместо “пробудила”: “Встала обида (в этих polegших) войсках Дажьбожьего внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась...” (Д.С. Лихачев).

Смысл, однако, нисколько не проясняется. Как могла вражда-обида возникнуть среди павших воинов, которых, как полагает Д.С. Лихачев, и травы скрыли. И эта вражда-обида, рожденная русскими, в образе Девы явилась на Русскую землю, чтобы вызвать неблагополучие, прогнать времена достатка. Но оказывается, что никуда она не вступала, не являлась и не приходила, так как она, обида, в образе Девы плещется у Азовского моря, в донских водах. Радикальная правка не улучшила понимание смысла. Остаются только спасительные аргументы: это поэтический образ, не несущий смысловой нагрузки; в XII в. не были столь требовательны, нарушение логики повествования было простительно; текст, вероятно, несколько испорчен.

Не меньшее недоумение вызывает вторая фраза: “Усобицы князей против поганых прекратились”:

а) “Усобица” – слово, многократно употребляемое в СПИ в значении княжеских распрей. И нет никакого основания полагать, что здесь оно употреблено в необычном для него значении: “борьба против половцев”. “Материалы...” [213] фиксируют только значение “междоусобица”. Даль дает толкование: «...до взаимной, домашней вражды, драки, до раздора среди народа, в семье. “Мятежи и усобицы погубили Польшу”. “Усобица царства не устроит”. “В усобице брат на брата руку подымает”» [206, т. 4: 513];

б) Как мог Автор утверждать, что борьба князей с половцами прекратилась? Только что были два похода Святослава со многими князьями. Сейчас речь идет о походе Игоря со своим “гнездом”. В 1184 г. резко обострились русско-половецкие отношения. Князья вынуждены были возобновить борьбу

бу с половцами, а переводчики утверждают, что Автор должен был весьма информированной аудитории заявить нечто прямо противоположное.

Ив. Новиковым была предпринята попытка дать иное прочтение:

Между князьями усобица,
нам же поганые –
гибель!

Это прочтение подкупает логической четкостью, но получить этот перевод возможно только после нескольких правок текста. Ив. Новиков переправляет, следуя за Барсовым, “на” в “нам”. Исправляет “погибе” на “погибель”. Кроме того, не совсем ясно, кому принадлежат эти слова. Автору?

О. Сулейменов прочитал фразу “Усобица княземъ на поганья погыбе...” так: «Война князей с половцами – погибель, говорит брат брату: “это – мое, а то – мое же, и начали князья про мелочь говорить – “это – великое”, а тем самым навлекают на себя беду». О. Сулейменов предположил, что Автор словно бы стоит над русско-половецкой распрей. Русские и половцы – братья. Братья, по воле Игоря, вовлечены в усобицы, и наступили времена разрыва: «... “плещучи убуди жирикъ времена” – “поднялись разрыва времена”. Здесь обвиняемая сторона – князья. Они покушаются на чужое под видом защиты своего» [152: 112].

Но характер русско-половецких взаимоотношений не дает оснований нам предполагать такую позицию Автора. Не получает эта точка зрения опоры и в тексте “Слова”. Были русские и половцы “сватами”, часто союзниками, но еще чаще – врагами. Братья враждующие – это русские князья, они действительно были братьями родными и двоюродными, или троюродными, или родственниками.

Правка “жирня” на “жирикъ” – тюркское “разрыв”, казахское (в переносном значении) “раздор” – с палеографической точки зрения невозможна.

Л.А. Булаховский предполагает искажение первоначального текста. Должно быть: “Усобица княземъ на нас поганьѣ погыбе”. Глагол “погыбе” Л.А. Булаховский определяет как производный от “гыбаться” – “двигаться”, “шевелиться”. С этим образованием он сопоставляет параллели в славянских языках [12: 150].

Если Барсов, Новиков, Булаховский предполагают, что “на” не предлог, а местоимение, то В.П. Адрианова-Перетц не сомневается в том, что “на” – предлог в значении “против”, но предполагает, что вместо глагола “погыбе” в древнем тексте должно было быть “погыне”. Вся конструкция в целом ей представляется правильной. Но В.П. Адрианова-Перетц вынуждена отметить, что слово “усобица” употреблено в необычном для него значении. Правку “убуди” на “упуди” она считает убедительной на том основании, что слово “упуди” есть в древнерусском словаре [1: 71].

Но не является ли свидетельством неверного словоделения и синтаксической неупорядоченности тот факт, что относительно убедительные исправления не проясняют смысл текста? Как это ни странно, но, предлагая самые радикальные правки, никто не усомнился в правильности разбивки Мусина-Пушкина. А между тем именно неуточненный синтаксис провоцирует на неверное понимание авторской мысли.

В настоящем переводе фраза “убуди жирня времена усобица князем на поганья” не нуждается в исправлении: слово “усобица” употреблено в его

обычном значении; глагол “убудити” уже встречался в тексте “Слова” – “говоръ галичь убуди” (он означает “пробудить”, разбудить); “жирня” – от “жиръ” – обилие, достаток, добыча (здесь: добычливые времена); “князем” – довольно редкая форма “дательного принадлежности”; “на поганья” здесь – винительный цели, назначения [213, т. 2: 261, 262].

Автор утверждает, что пробудила добычливые времена усобная война князей, что это добычливые времена для половцев. Эта мысль оформлена в прямую речь – это то, что разносит половецкая молва. И это, несомненно, соответствовало исторической действительности. И сам сепаратный поход Игоря – следствие усобной тяжбы, и усобные войны – причина ослабления Руси.

Таким образом, вновь представляется возможность убедиться в умении Автора в поэтической форме четко и ясно изложить свою точку зрения на конкретные политические события его времени.

В этом фрагменте наиболее четко сформулирована основная мысль “Слова”. Здесь четко определился ракурс, под которым рассматривается вся эпопея Игоря похода.

Опираясь же на так называемые “традиционные переводы”, комментаторы вынуждены были констатировать: «Эта фраза иллюстрирует сказанное выше о чисто риторическом характере рассматриваемой части “Слова”. Фактически борьба с половцами не прекратилась после поражения Игоря, а успешный поход Святослава на Кобяка состоялся за два года до этого». А к лексике давать такие “пояснения”: «Видимо, глагол “убудити” в данном контексте следует понимать в переносном значении и переводить: “растревожила” (Дева-Обида. – Ю.П.) времена обилия» [155: 494].

В отношении глагола “погыбе”: это правильная форма аориста глагола “погибнути” (3-е лицо ед.ч.) Именно эта форма в древнерусском языке могла быть использована как повелительное наклонение. “Погибнути” означало “исчезнуть”, “утеряться”, “подвергнуться гибели” и т.п. “Погыбе” – повелительное наклонение от “сгинуть” (3-е лицо ед.ч.). Необходимость использования этой очень экспрессивной формы устанавливается уже в пределах следующего фрагмента (см. поясн. III.5): “погыбе” – “се мое”.

Перевод: “Пробудила добычливые времена усобица князей для язычников!” “Сгинь...”

5. «...погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начаша князи про малое “се великое” – молвити, а сами на себе крамолу ковати, а поганіи съ вѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече заиде соколъ птицъ бья, – къ морю».

А. Обоснование агрессии во все времена одинаково: “это некогда принадлежало мне”. А в условиях земельных держаний и нарушений границ “братних наделов” борьба за возвращение “отних” земель или за лучшие наделы всегда рассматривалось как восстановление якобы поправленных прав на владение. Афористичная фраза “Погыбе то – мое, а то мое же!” вбирает все мотивы и побуждения усобных конфликтов. Это и намек на попрание заповеди Ярослава жить сыновьям в мире и не обижать братьям друг друга. Распря разобщила Ольговичей – Святослава и Игоря. Усобные войны стали традицией: разрешать даже мелкие претензии силой. Об этом фраза:

«...и начали князья про малое “это великое” говорить». Но, возможно, здесь намек и на конкретно-историческое событие, спровоцированное опять-таки сложными взаимоотношениями Игоря и Святослава.

Весной 1184 г. был предпринят совместный поход русских князей в половецкую степь. Поход был не очень успешным. Кроме того, во время похода возникла распря. И спровоцировал несогласие Игорь, отказав Владимиру Глебовичу в праве быть в авангарде, – “очевидно, победили корыстные расчеты на обогащение своего авангарда” [136: 209]. В летнем походе Игорь участия не принимал. Он затеял свой сепаратный поход со своим “гнездом”. Но, как пишет Б.А. Рыбаков, “эта операция не идет ни в какое сравнение с походом Святослава: там войска прошли не менее 400 км и воевали не менее чем с 7000 половцев; здесь же войска Игоря углубились в Степь не более чем на 60–70 км за р. Мерл и разбили небольшой отряд в четыре сотни. Только доброжелательная рука летописца внесла рассказ об Игореваой победе на страницы свода 1190 г. для того, чтобы хоть как-нибудь уравновесить усилия князей” [136: 211–212].

Святослав взял несколько тысяч пленных, и Игорю трудно было *уравнять свою малую славу с великой славой Святослава*. Во имя престижа он в 1185 г. и выступает ранее Святослава. Вся слава должна достаться теперь Игорю и брату. Риск ему кажется невелик: в марте 1185 г. Святослав нанес поражение Кончаку, половцы стянуты к Днепру, рейд в донские степи сулил успех.

Б. “...а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами...” – “побѣда” обозначает “война”, как в XI в. переводили греческое слово “полемон” и латинское “белум”... [1: 71].

В. “О, далеко залетел сокол, избивая птиц, – к морю” (А.С. Орлов). В других переводах – аналогично.

Удивительно, что реализована возможность более точного перевода слова “бья”. Глагол “бити” означал не только “ударять”, “колотить”; “избивать”, “убивать”, “уничтожать”; “вбивать”, “забивать”, “производить ударами звук”, “боем давать сигнал”; “сражаться”, “сбивать”, “строить”, но и “стремительно вытекать”, и “гнать”: “(1224): А половци, аще побѣжатъ къ вамъ, то не примайте ихъ, и бийте ихъ отъ себе, а товаръ ихъ възмите к собѣ. Твер. лет. 340 (1388 г.)”; “...а перевозниковъ бити отъ бѣрега, а суды съчи, и тако без мира по 2 недѣли. Новг. IV лет. 350” [210, вып. 1: 188].

Перевод: «...“Сгинь! – сказал ведь брат брату. – Вот это – мое! А то – мое же!” И начали князья про малое – “Это великое!” – говорить, а сами на себя крамолу ковать, а язычники со всех сторон приходят с войнами на землю Русскую. О, далеко забрался сокол, птиц отгоняя к морю».

6. “А Игорева храброго полку не кресити. За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускыя въсплакашася аркучи...”

Существует несколько версий прочтения.

Версия первая. Речь идет об оплакивании князя Игоря. Карна и Жля – олицетворение скорби и плача.

“По нем (по погибшему полку Игоря) кликнули (заплакали погребальным плачем) Карна и Жля (погребальные боги), поскакали по русской зем-

ле, размыкивая огонь в пламенном роге” (Д.С. Лихачев). При таком прочтении явное несоответствие содержания и поэтических средств его выражения. Это весьма резко подчеркнул А.К. Югов в своем комментарии к переводу “Слова”: «Разве “к лицу” печали и плачу, да еще олицетворенных в образе двух женщин, как считал, например, Барсов, кликнуть, гикнуть и – поскакать на коне, да еще раскидывая “смагу” в “огненном роге”? Прямо как дикие всадники, совсем как... половцы!» [194: 161]. А.К. Югов предлагает вернуться к тому толкованию, которое было предложено еще первыми переводчиками.

Версия вторая:

И, кликнув,
ханы – Карна и Жля –
поскакали по Русской земле,
пламя кидая
в огненном роге.

(А.К. Югов)

Основные возражения: а) отсутствие ханов Карна и Жля в летописях; б) сомнительно, чтобы имена Карна и Жля могли быть половецкими.

Версия третья. Максимович предполагает, что “Карна и Жля” – испорченные имена Кончака и Гзака, т.е. необходима радикальная правка текста.

Версия О. Сулейменова: здесь речь идет о “черном драконе”, по-тюркски “летающий змей” – Кара-Жлан. У него есть рога, они изрыгают огонь. Кара-Жлан, по версии О. Сулейменова, символизирует бесов-половцев. Прочтение предполагает правку текста.

Ни одно из предложенных прочтений не может быть признано удовлетворительным.

“Карна” – тоска по умершему, оплакивание мертвых. Диалектный материал, приводимый В.А. Козыревым [71: 83], подтверждает это: “У меня братец погип, тьк я теперь плачу по нѣм, карна меня гложеть па нѣм”; “Жалею, волнуясь, тамнуюсь – это будеть карна, такая карна меня бярѣть, скучаю, валнуясь, с ума сходим мы, матки”. “Карити” в летописях означает “плакать по мертвому”: “1262: В то же время умре княгини Миндовговая, и поча карити по неи, бяшетъ бо сестра ей за Домонтомъ за Нащанськимъ князье. И посла Миндовгъ до Нальщанъ по свою свестъ, тако река: се сестра твоя мертва, поѣди карить по своей сестрѣ. Онои приѣхавши карить. Миндовгъ же восхотѣ свестъ свою за ся. Ипат. Лет. 859 (XV в.)” [212, вып. 2: 178].

“Жля” – скорбь, терзания. Ср.: “И прѣвращу празднигы ваша въ желу и вся пѣсни ваша въ печаль, и възложу на вся хребытъ и яригъ и на всю главу плѣшь. Кн. Мал. Прор. 61 (XV–XVI вв. ~ 1047 г.)”; “Яко суботъ вашихъ възненавидѣ господъ и преложи празднигы ваша въ желу, яко убьенъ бысть начальникъ вашего безаконья. Патер. Печ. 181 (1406 г. ~ XIII в.)”; “Первое же принесена ему бысть эписстолиа о скончании Фероровѣ, имъ же зѣло велику желу сътвори над ним. Флав. Полон. Иерус., 233 (XVI в. ~ XII в.)” [212, вып. 2: 87–88].

“За ним” – о нем. Ср. у Даля: “...на юге – Я соскучился за вами”.

“Кликну” – 3-е лицо ед.ч. аориста от “кликнуть” – имело значение: издать клич, кликнуть, *возгласить*. В значении “возгласить”: “1231: О нѣм же кликнувшимъ: Вѣрни есмы богу и тобѣ, господину нашему, изииди с божи-

ею помощью. Ипат. Лет. 763 (XV в.); “Законопреступници же архиереи, и фарисеи кликнуша: О, злѣ сътворихомъ, таково свѣдѣтельство на ся сами, о Иисусѣ, приведше! Панд. Антиоха. ВМЧ дек. 24, 2-23-2024 (XVI в. ~ XI в.)” [212, вып. 2: 189].

“Поскочи” значило не только “скакать (на лошади)”, но и “бежать”, “помчаться”, “устремиться”.

“Смага” – И.И. Срезневский дает лишь пример (XVI в.), где “смага” означает “жар”. Но изыскания В.А. Козырева показывают, что слово “смага” в народных говорах отмечено как полисемантическое. Значения: а) сухость, налет, пена на губах; б) изжога, позыв на пищу, недомогание; в) грязь, сажа; г) пыль. «Кроме того, материалы русских народных говоров позволяют установить еще одно значение слова “смага”: смага – “горесть, печаль” (Путивл.); смагу принимать “терпеть нужду, испытывать неприятность” – Жиздр.; смага – “горечь от безысходного горя, нервный спазм в горле”. “Умер у ней сын, и она так надрывалась в слезах, что не передохнет, смага комом в горле встала” – Верхозим. Сарат.; смага – “горе”. “Такую смагу принясла. Зачем мне смага такая в жизни” (Псков. Из рукописных материалов В.П. Храмцевой) ... Таким образом, есть основания полагать, что в “Слове о полку Игореве” существительное смага употреблено в переносном значении “тоска, горечь”. Потому можно предположить такой перевод: “По нему (по погибшему полку Игоря) кликнула карна и жля (олицетворение печали и скорби), поскакали по Русской земле, разбрасывая людям тоску, горе из пламенного рога”» [70: 332–333].

То, что “смага” в говорах означает недомогание, муку, отметили и В.И. Даль [206], и Добровольский (Смоленский областной словарь). Ср.: “Пала на тела смага; потом – горесть, печаль” [168: 234]. “Смагу принимать – терпеть нужду, испытывать неприятности” (Ф.И. Покровский и Б.И. Яценко).

“Мыкать” – мыкать горе, бѣдовать; мыкать ся по свѣту, мыкать; горе не размыкаешь” [206, т. 2: 162].

Выражение “въ пламянѣ розѣ”, по мнению О. Огоновского и Д.В. Айналова, должно означать указание на некий аппарат или снаряд для пускания “живого огня”. Это прочтение ныне принято большинством комментаторов. При обосновании приводится ссылка на тот факт, что уже в 941 г. летописи сообщают об использовании живого огня греками, а в 1184 г. – Кончаком. Однако термина “пламянѣ рога” в летописях нет. Нет и намек, что рог (какого животного?) мог быть использован как факел или даже для хранения чего-либо горячего. Это ставит под сомнение и версию о том, что в данном случае речь идет о “погребальных факелах”.

Слово “рога” имело значения: “вырост из костного вещества на черепе у некоторых животных”. В единичных случаях – “воинская сигнальная труба, сделанная из рога”; “... и въдасть рогы в руке всем... и въструблю рогомь и вси иже со мною въструбите и вы и рогы окрест полка ... и въструбиша в рогы иже в руку их” [18: 126].

И “огнеметы”, и “погребальные факелы” – плод поэтической фантазии исследователей. Если опустить загадочное выражение “пламянѣ розѣ”, текст фрагмента читается довольно легко. Представляется возможным четко определить синтаксические структуры: а) “А Игореве храбраго полку не крѣсити – за нимѣ кликну карна”, т.е. о нем уже возгласил поминальный

плач, его уже (не Игоря, а полк) оплакивает Русь; б) “И жля поскочи по Руской земли” – скорбь устремилась на Русь; в) Вопреки установившейся традиции, текст “Смагу людемъ мычучи” следует отнести к “жены рускія въсплакавшась, аркучи”: “Смагу людемъ мычучи ... жены рускія въсплакавшась, аркучи” – “Муку людямъ размыкивая ... жены русские заплакали причитая”.

Опущенное выражение “пламянѣ розѣ” должно вписываться в структуру, не нарушая логику повествования. Именно это определяет путь поиска.

Во фразе “Смагу людемъ мычучи, пламянѣ розѣ жены рускія...” не реализовано еще одно значение слова “рогъ”. Это не только нарост костного вещества на черепае некоторых животных, сосуд, сделанный из рога животного или подобный ему по форме, не только музыкальный инструмент, не только единица счета рогатых животных или остро торчащий конец чего-либо, но и в переносном значении: сила, мощь, слава, тщеславие и вообще всякое сильное чувство. В этом значении (какой-то пиковой мощности силы) “рог” употребляется в поэтических и религиозных текстах.

“Рожи[и]ся от дѣвы низъложи и сѣвѣты зловѣрныхъ ... съньмище утвѣрди недвижимо яко бога рогъ възнесѣ и вѣроу укрѣпивъ, да вси тя величаемъ. Мин. сент. 022 (1095 г.) И рогъ вышняяго [сѣ] възвышаетъ ся кънзя нашего, на томъ вражиемъ съкрушенѣмъ рогѣмъ, вели[и] еси, господи. Там же, 0121. Языци бо мнози приступятъ къ стѣнамъ его и роги своя сокрушатъ, отходяще со срамомъ. Жит. Андр. Юрод. ВМЧ, окт. 1–3, 210 (XV в. ~ XII в.)”. “Възносте рогъ вси дньсь вѣрнии: кръсть бо възвизаетъ [сѣ] и яко солнце земли луча прострѣлъ есть, и мракъ отворилъ есть на свѣтъ невечернии. Мин. Сент., 0129 (1095 г.). И сѣку от лица его врагы его [и] ненавидящая его побѣжю; истина моя и милость моя с нимъ и въ имя мое възнесеться рогъ его. Хрон. Амарт. 129 (XIII–XIV вв. ~ XI в.)” “Свщении въста рогъ богомудрымъ главѣ всѣмъ кръсть, на немъже грѣшныхъ мыслныхъ сѣтирають ся рози вси. Мин. Сент., 0125 (1095 г.). И сгрѣщающимъ: не възносите рога (χέρως) и не глаголите на бога неправды, яко богъ судии есть. Хрон. Амарт., 120 (XIII–XIV вв. ~ XI в.) [212, вып. 5: 49].

“Въ пламянѣ розѣ” – страстный порыв, сильное чувство.

“Пламянѣ” означает не только “пылающий”, но и, как определение, “сильное душевное волнение, страсть”: “воплемъ пламенемъ имя цесарево възываху ... Флав. Полон. Иерус. 269 (XVI в. ~ нач. XII в.); “...пламени же повелѣнии творьця... Мин. нояб., 326 (1097 г.)” [212, вып. 4: 82]; “... и ложь пламянѣ. Ипат. л. 6743 г.” [213, т. 2: 953]. Ср. в современном: “Пламя любви”, “Пламенное желание добра” и т.п. [206, т. 2: 120]; “...въ пламянѣ розѣ жены рускія въсплакавшись, аркучи” – в душевном смятении, в страстном порыве жены русские восплакали, приговаривая, причитая, – так определяется смысл фразы.

Напрасно иронизировал А.А. Потеня по поводу “воя поминок”, который раздается в некоторых переводах. А.А. Потеня утверждал, что в этом месте говорится о половецком набеге с применением “греческого огня”, а не о скорби русских, оплакивающих воинов, погибших за интересы удельного князя. А.К. Югов, поддерживая эту мысль, высказывает мнение, что плач разрушает героическую поэму. Но Автор “Слова” именно с того и начал, что определил невозможность воспеть поход Игоря языком героической поэмы. Призыв к единению – это осуждение усобиц и сепаратизма. В конкрет-

но-исторических условиях поход Игоря был акцией, наносящей урон интересам русских земель. Он провоцировал нашествие на раздираемую усобицами Русскую землю и был одним из свидетельств столь необходимого для русских земель единения. Автору важно подчеркнуть размеры ущерба, который принесла Руси авантюра Игоря. Главный ущерб – гибель русского воинства, гибель русских людей. Как не стонать плакальщицам и женам, если почти вся рать Игоря была уничтожена в земле половецкой. Скупно и скорбно Ипатьевская летопись сообщает о том, что только 15 человек русских смогли прорваться через половецкие полки – ковуев и еще меньше.

“Въ пламянѣ розѣ” прекрасно вписывается в контекст по логике изложения.

Перевод: “А Игорева храброго войска не воскресить – о нем возгласил обряд поминальный, и скорбь устремилась на Русскую землю. Мúку людям размыкивая, в страстном порыве жены русские заплакали, причитая...”

7. “...а злата и сребра ни мало того потрепати”.

В переводах: “...а золота и серебра не возвратить” (А.И. Мусин-Пушкин); “много утрачено” (В.А. Жуковский); “...совсем не нашивать” (Н.К. Гудзий); “...совсем не держать” (Д.С. Лихачев); “...и подавно не позвяцати” (А.К. Югов).

Золото и серебро даны в значении вообще золотых и серебряных вещей и металла. Следует предполагать, что речь идет о женских украшениях. Так, С. Городинский свидетельствует, что вдовы на Украине не надевают подвесных украшений. В обрядовой песне подвесные украшения называют “трепіток”. Здесь видится смысл выражения “злато и сребро потрепати”. Русские женщины, жены погибших воинов, овдовев, сняли с себя украшения, им уже не “потрепать” золотом и серебром. “Трепати” – теревить, хлопнуть; “трепатися” – колотиться, ударяться.

Перевод: “...а золотом и серебром совсем не побренчать”.

8. Текст по печатному изданию 1800 г.: “А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуе на Русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Ти бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный Великий Кіевський грозою. Бяшетъ притрепеталь своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую...”

Перевод Мусина-Пушкина: “Князья между собой враждовали, а нечестивые, рыская по земле Русской, брали дань по белке со двора. Сии-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволод, возобновили злобу, которую прекратил было отец их, грозный Святослав, Великий Киевский. Он был страшен всем, от сильного воинства и от булатных мечей его все трепетали, наступил он на землю Половецкую...”

Смысл этого фрагмента казался ясен: Игорь и Всеволод вновь разбудили русско-половецкую распрю, которую силой притушил было Святослав. Слово “которую” переводили относительным местоимением (употребленным в функции союзного слова). При тщательном изучении текста выявилось, что он в предложенном Мусиным-Пушкиным членении на синтаксиче-

ские структуры прочитан дословно быть не может, необходима правка текста, в результате: а) исправлено “убуди” на “убудиста” (действие производят Игорь и Всеволод, а глагол “убуди” стоит в копиях в ед.ч.); б) “притрепеталь” исправлено на “притрепалъ” – “потрепал”, “прибил”, так как “притрепетал” означает “боялся”, “опасался”; в) местоимение “которую” – на “котора” (раздор); г) “то” – на “ту”.

Перевод приобрел теперь такой вид: «...а поганые сами, победоносно набегаая на Русскую землю, брали дань по белке с (каждого) двора. Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство пробудили раздорами, а его усыпил было “отец” их Святослав грозный великий Киевский грозою, прибил своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую...» (А.С. Орлов).

Этот и все аналогичные переводы получены в результате акта прямого насилия над текстом, дошедшим до нас в копиях.

А в этом фрагменте нет ошибок в древнем тексте. Текст исправлен. Но перевод его отличается от того, что хотел утвердить (сообщить) Автор.

Прежде всего уточним лексику этого фрагмента. Исправление слова “которую” на “котора” не было продиктовано логической необходимостью. Не было здесь ни формы, не свойственной древнерусскому языку, ни явной грамматической ошибки. «Оба наших источника (т.е. первое издание и Екатерининская копия. – Ю.П.) дают которую то, и эта форма относительного местоимения довольно хорошо соответствует тому, что можно предполагать для южнорусского оригинала “Слова”. Которыи как относительное местоимение известно не только в начале сложного предложения, но и во второй его части (в придаточном, следующем за главным)» [12: 149]. “Которыи” многократно фиксируется в древних текстах (это же относится к усилительной частице “то”).

“Притрепетати” – слово уникальное, в древних текстах его нет. Но есть “трепетати” – непереходный глагол со значением “бояться, трепетать, страшиться, опасаться”: “Народы оубо трепещоуть, видяши тя земьныхъ всѣхъ противныхъ съборьць. Ми. 1097 г. (л. 49)” [213, т. 3: 988]. Смысл фрагмента был обречен на искажение, когда переводчики приняли исправление Н.С. Тихонравова “притрепеталь” на “притрепалъ” (прибил). Некоторые ученые не приняли исправления, предложенного Тихонравовым. Но когда В.И. Стеллецкий переводит: “Устрашил своими могучими полками”, – то явно не принимается во внимание переходность глагола. У Е.В. Барсова было: “Заставил было трепетать своими сильными полками”. Здесь не учтена и переходность глагола, и его форма. Л.А. Булаховский, принимая прочтение “притрепеталь”, вынужден был выразить сомнение в том, что *глагол непереходный употреблен в значении переходного* [12: 153]. Но сомнение так и не подвело исследователя к мысли, что, может быть, в уточнении нуждается разбивка на синтаксические структуры.

“Лжа” – свара: “А въ лъжахъ и въ прекословиихъ силны есмы (в других списках: в сварѣхъ и в котогахъ). Паранесис Ефрема Спирина, 62 об., Барсов, 435” [212, вып. 3: 59].

“Отець” означало “родитель своих детей”. Значение “старший по положению”, “покровитель” определяли только из контекста и всегда оговаривалось: “1151: Се же (Изяслав) нынѣ добивъ Киева, и поклонилъ ми ся, и чьсть

на мнѣ положилъ, и в Киевѣ мя посадилъ, и отьцомъ мя назвалъ, и я его сыном. Ипат. л. 430 (XV в.)” [212, вып. 4: 48].

Но характер взаимоотношений братьев с киевским князем исключает возможность назвать его “отцом”. Иными словами, здесь речь идет о родном отце братьев.

“Наступи” – напал: “1093: И половци, пришедше к валови, поставиша стяги своѣ и налегоса первое на Святополка ... потом наступиша на Володимера, и бысть брань люта. Пов. врем. л. 100 (1377 г. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 3: 147].

“Гроза” – здесь “военная угроза”. Ср.: “Антипатръ же, пришед въ Иерусалимъ призда стѣну иерусалимскую, разореную Помпиемъ. И мятежь людскыи тѣшаше, ово грозою, ово мудрыми словесы. Флав. Полон. Иерус. 184 (XVI в. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 1: 180].

Ясно и четко определяется авторская мысль: князья сами по себе творили зло – половцы сами по себе. *И те и другие разоряли землю, и те и другие вимали дань*. Как ни понимать сочетание “ти” и “бо”, общий смысл прочтения не меняется: “брали дань по беле-то и ведь два Святославича” – так или иначе обвиняются братья Святославичи. Но судя по тому, что глагол “емляху” – аорист 3-е лицо *мн.ч.*, предпочтительнее читать: “те ведь два”.

Не один раз читатель “Слова” сможет убедиться в непримиримом отношении Автора к усобице. Вызывает восхищение независимая и принципиальная позиция поэта по отношению к князьям. Воздавая должное храбрости князя Игоря, он и его обвиняет в поборах. Не забыто и то, что отец их тоже был вовлечен в междоусобную свару. “Уже лжу убуди ... отецъ ихъ” – фраза о сложных взаимоотношениях князей, в которые были вовлечены половцы (предикативная связь “убуди” – “отецъ”). Отец братьев по имени не назван. Далее речь идет уже о великом князе.

В феврале 1164 г. скончался Святослав, отец Игоря и Всеволода. Племянник Святослава Ольговича – Святослав Всеволодович на правах сильнейшего и старшего изгнал братьев Олега, Игоря и Всеволода из Чернигова. А в 1166 г. вспыхнула свара гнезда Олегова. Дело дошло до военного столкновения. “В этой войне Святослав Черниговский не побрезговал даже таким средством, как приглашение половцев, направленных им против двоюродных братьев к Новгород-Северскому. Ростислав Киевский (тесть Олега) содействовал примирению сторон: Олег получил какие-то четыре города. Но усобица не прошла незамеченной: “Се же увидаша половци, оже князи не в любви живутъ, шедше в Порог, начаша пакостити гречником ...” [136: 132]. Святославу удается удержать в повиновении Игоря. *Опасаясь вторжения объединенных сил донских и лукоморских половцев, Святослав предпринял ряд походов, в одном из которых (весной 1184 г.) произошла ссора Святослава с Игорем* (см. поясн. П.5). Игорь вновь выходит из повиновения. Хотя до открытого военного конфликта не доходит, но Игорь не поддерживает военные акции Святослава.

“Святослав ... Киевскыи, грозою бяшетъ притрепеталъ”. Смысл определяется четко: Святослав боялся, опасался военной угрозы с юга. Далее речь будет идти о походе в степи и пленении Кобыяка. Поход Святослава, по мнению Автора, вызывался необходимостью. *Но успех похода Святослава оказался главной “обидой” Игоря, уклонившегося от большого похода. Успех Святослава спровоцировал Игоря на авантюрные сепаратные действия в*

глубине Степи. Зависть была столь велика, что Игорь пренебрег даже значением. Такова безупречная логика авторского повествования. В авторском изложении очень умело использованы формы прошедшего времени для фиксации последовательности событий; “бѣше успилъ”, “а бѣшетъ притрепеталъ”, но “наступи”, “притопта”. Дважды Автор употребил плюсквамперфект, обозначая действие, которое предшествовало другому, тоже уже совершившемуся. В наш перевод за отсутствием аналогичных формовых средств в современном русском языке внесено уточнение средствами лексики: “ранее”, “сначала” и “потом”.

И еще одно замечание: в истории перевода “Слова” на современный язык сложилась традиция переводить “по бѣлѣ” как “по белке” без уточнения, что имеется в виду беличья шкурка, причем зимняя: “Дань собирали по белке со двора” (В.А. Жуковский). Беличья шкурка как размер дани упоминается в “Повести временных лет”: “Козаре имахуть (дань) на Поляне^x... имаху по бѣлѣ и вѣверице тако от дыма. Пов. врем. лет, 6367 г. (по Ип. сп.)” [213, т. 1: 27].

Однако А.К. Югов стал настаивать на пересмотре такого прочтения. При этом он ссылается на авторитет В.И. Даля, исследователя Лавшинского, профессора зоологии Житкова и историка С.М. Соловьева. Все они, утверждает А.К. Югов, понимают “бѣла” как мех зимнего горносталя. А.К. Югов приводит и древние тексты, при знакомстве с которыми возникает сомнение в том, что “бѣла” означает «белка, ибо мех, о котором идет речь, очень уж дорог для того, чтобы его считали беличьим. Так, 25 куниц продано за 3 рубля 25 алтын, а “2 меха бельи хребтовые” имели цену: по рублю 26 алтын 4 деньги – одна, и один рубль 10 алтын – другая». А.К. Югов приходит к выводу, что “бела” или “бель” – мех драгоценный. «Напрасно привыкли “белу” переводить “белкой”: “бела – горносталя»» [194: 162].

Но как быть, когда мы читаем: “Вгуличи учнуть продавать шубы собольи и пупчаты или куньи и бельи и горносталя, и кожа лосиньи и оленьи” (?) (Дополнения к Актам историческим / Собр. и изд. Археограф. ком. 1846–1872. Т. V.) Ср.: “За бѣлку и за горносталя. Уст-Вах. гр. 1552 г.” [213, т. 1: 554].

В русских памятниках уже XII в. встречается слово “горносталя” (горносталя): “Да бо Ростиславъ Стѣславу соболями и горносталями. Ипат. л., ок. 1425–1160 гг.)”

А.К. Югов значительно упростил вопрос о прочтении “бѣла” – “бѣль”, так как здесь два понятия, иногда совпадающие, иногда нет. Югов же смешивает или не различает смысла этих двух близких по значению слов.

“Бѣла” – беличья шкурка, шкурка “векши” (веверицы). Имелась в виду обычно зимняя белая, а точнее серая, шкурка. “Бѣль”, вероятно, имело более общее значение “белого меха”. Ср. в Лаврентьевской летописи под 1068 г.: “кунами и белью”. О том же в Ипатьевской летописи: “кунами и скорою” (скора, означало “мех”, “шкура”). Есть основание полагать, что часто под белью понимали мех зимний, белый, горносталя и ласочки. “Бѣль” несколько раз встречается в летописях XI–XIII вв. в значении “белая пушнина”.

Следует предположить, что в примерах, приведенных А.К. Юговым, речь идет о более дорогом мехе, чем белка, если даже хребтовые шкурки ценились так дорого (хребтовый мех очень прочный, но грубый). Мех белки был недорог, он служил в качестве менового эквивалента. Название “бѣла”

переносилось на монеты. Беличьей шкуркой платили дань и поборы. Плата потом заменялась монетами, соответствующими цене меха, и подчас трудно определить в ином тексте, что имеется в виду: мех белки или монета “бела”.

А.К. Югов говорит, что дань, которую взимали *половцы*, мала, но в тексте “Слова” стоит – “бѣла”, а среди взимающих дань названы и братья Святославичи. Иное прочтение потребует правки текста.

Перевод: “А князья сами на себя крамолу ковали, а язычники сами победно налетали на Русскую землю. Брали дань по беличьей шкуре со двора те и ведь два храбрых Святославича: Игорь и Всеволод! Уже недоверие пробудил, которое ранее-то усыпил, отец их. Святослав Грозный Великий Киевский – военной мощью устрашил: своими сильными полками и боевыми мечами напал на землю половецкую...”

9. “А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныѣ великыѣхъ полковъ Половецкыѣхъ, яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридниці Святѣславли”.

Объяснительный перевод: “А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен), и упал Кобяк в городе Киеве, в Святославовой гриднице (в большой пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму) (Д.С. Лихачев).

Удивление вызывает, что “исторгнутый” у Лукоморья Кобяк *падает в гриднице*, т.е. в пиршественной зале дружины, хотя из летописей известен случай заточения в гриднице (гридница – место, где можно было “пирь творити”). Слово “пасти” означало “потерпеть поражение” или “погибнуть в бою”. Кобяк потерпел поражение, а не шлепнулся на пол гридницы. В *гриднице* же Святослава *поют славу* киевскому князю. Казалось бы, незначительная неточность. Но ошибочное прочтение этого фрагмента дает возможность А.Л. Никитину обвинить Автора в полной историко-географической безграмотности: «...в 1184 г. Кобяк был пленен отнюдь не в “луку моря”, а на месте, нарицаемом Ерель, его же русь зовет – “Угол”, – то есть на устье Орели. Больше того, Святослав Всеволодович не “утишил”, а, наоборот, сам разжигал междоусобицы, активно в них участвуя. Если же наиболее ярким и осязаемым подвигом певец и сторонник этого киевского князя полагал пленение Кобяка (кстати, захваченного в плен не им, а Владимиром Глебовичем Переяславским), то становится совершенно непонятно, почему при наличии тезы (пленение Кобяка) “готские красные девы” в поражении Игоря видят отмщение за поражение Шарукана (антитеза)» [110: 151].

Представляется, однако, что прав Автор, а не А.Л. Никитин.

Поход в 1184 г. был предпринят *по инициативе Святослава* Киевского и Рюрика Ростиславича. В походе приняли участие князья луцкий, городненский, пинский, смоленский, галицкий и переяславский (Владимир Глебович). *Собрать подобную коалицию в период феодальной раздробленности уже было подвигом, которым следовало Святославу гордиться.* В экспансии особенно активно действовал храбрейший из русских князей – Владимир Глебович. Он нанес сильнейший удар по половцам, но разгромить их ему не удалось – половцы ускользнули, и на р. Орели уже сам Владимир был окру-

жен Кобяком. *От разгрома Владимира спас вовремя подоспевший Святослав.* Это определило исход всей кампании 1184 г. Из-за просчета хана Кобяка русским удалось взять и привести в Киев 7000 пленных. Об этих пленных будет упоминание во сне Святослава.

Поражение же Игоря явилось отмщением за самый большой позор половцев в прошлом – разгром Шарукана. Антитеза (Игорь – Шарукан) становится понятной, если вспомнить, что Шарукан – дед Кончака. Готским девам действительно не до половецких бед и радостей, но вот половцам (и их девам) поражение Игоря – “буйство великое”, т.е. веселье, безумство великое. Кончак-то и половцы, несомненно, хранили память о Шарукане (см. поясн. III.18).

А побеждает Святослав Кобяка действительно не у моря, а у Днепра. Но в тексте “Слова” нет упоминания места битвы. В тексте сказано, что Святослав вырвал из половецких полков Кобяка, *который из Лукоморья* (из залива морского). Это, если угодно, как д’Артаньян из Гаскони, как Тартарен из Тараскона. К сожалению, эта простая мысль до сих пор не уяснена ни в одном комментарии, хотя хорошо известно, что Кобяк был из Лукоморья, т.е. приазовских половцев.

Перевод: “...а язычника – Кобяка из Лукоморья – от железных, огромных полков половецких, словно вихрь, вырвал, и пал Кобяк! В городе Киеве, в гриднице Святослава...”

10. “...каютъ Князя Игоря, иже погрузи жирь...”

“Корят князя Игоря, который погрузил обилие (на дно Каялы)...” (А.С. Орлов).

...поносят Игоря:
“Погубил-де жизнью
(в злой день Каялы)...”

(А.К. Югов)

Не то странно, что иноземцы корят, проклинаят, осуждают князя Игоря, а то, что Автор счел нужным упомянуть об этом в своей поэме. Смеяться над поверженным воином только потому, что ему изменило военное счастье, что противник оказался сильнее – безнравственно. Иное дело, если *полководец допустил грубейшую ошибку*, непозволительный просчет, который привел к гибели многотысячное войско. Именно по этой причине Автор и ввел осуждение князя Игоря. Игорь остался в степи, хотя следовало предполагать, что половцы Гзака и Кончака уже были извещены о вторжении русских.

«Победителей заставил заночевать в поле полон, захваченный ими: кони были утомлены погоней, пленники отягощали обоз. Если бы Игорь приказал бросить добычу, отобрать пригодных лошадей и все же ехать “через ночь”, то не было бы ни трагедии на Каяле, ни воспевшей ее поэмы» [136: 249].

Иноземцы “кают” князя Игоря, полководца, которого погубила им же захваченная добыча. И не добычу утопил Игорь в Каяле, а его самого погубило половецкое добро. Значения глагола “погрузить” – “погубить”, “одолеть”, “уничтожить” – фиксирует И.И. Срезневский: “Поучина бжѣтвѣныхъ

исправлени явись в истинуоу, всю вражию погроузивъши въ ней крѣпость. Мин. 1096 г. (окт.) л. 19”; “Твердый законъ нравъ блѣгъ, того бо ничто же прочь превратиги можеть, а закона рѣчьми омоущаютъ погроузиги. Пчел. И. Публ. б. л. 113” [213, т. 2: 1023]. Фиксируется еще одно значение – “допустить погибель”: “Не бо ни Ноя погроузи” (там же). Это значение прямо соответствует смыслу повествования: Игорь – погубитель своего войска.

“Жиръ” обычно переводится в его основном значении: “богатство, достаток, добыча”. Но у А.К. Югова: “Погубил-де жизнью”. В комментариях А.К. Югов приводит определение Е.В. Барсова: “Жиръ значит то же, что и жизнь” [5, т. 3: 269]. Ф.И. Буслаев также был склонен переводить слово “жиръ” как “жизнь”: «...В Новгородской летописи “жировать” употребляется в смысле “жить”: “И не смеяху люди жировать в домех, но в поле живяхуть”» [17: 90]. И.И. Срезневский приводит этот же пример “...и не съмяхоу людье жировати (в подл. Тировати; в др. сп. Жити) в домъхъ нъ по полю живяхоуть. Новг. 1 л. 6702 г.”. Ср.: “Въ злѣ земли всегда жирующе нарицахуся сынове человекчи. Козм. Инд.” [213, т. 1: 875].

Здесь невольно произошла подмена понятий: “жиръ” – “жировать”. “Жиръ” – обилие, достаток, добыча, богатство. “Жировать” – не просто “жить”, а “быть в достатке”, “жить в изобилии, в довольстве”, т.е. речь прежде всего идет о наличии материального достатка. Весьма характерно в этом отношении выражение “жировное житие”, которое приводит “Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 2: 87].

“Иже” могло быть не только формой им.пад. (который), но и вин.пад. (которого: “которого погубила добыча”). “Каяти” – проклинать, корить (подробнее см. поясн. П.22).

Перевод: “...проклинают князя Игоря, который утопил благополучие”.

11. “...во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощѣво”.

“/ Корят князя Игоря, погрузившего богатства / на дно Каялы, реки Половецкой: русского золота насыпали тут. Князь Игорь пересел из седла золотого, да в седло раба” (Н.К. Гудзий).

Весь этот фрагмент – прямая речь иноземцев, осуждающих князя Игоря. Сама прямая речь представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, соотносимую с бессоюзным сложноподчиненным предложением. При чем подчинение выражено слабо и устанавливается в контексте всей композиционной структуры: Игорь покинул княжеское седло, когда насыпал русское золото.

Уже то, что золото названо русским, не позволяет предполагать, что речь идет о материальных ценностях, о добыче. Далее будет сказано, что половчанки будут звенеть “русским золотом” – здесь уже речь пойдет о золотых вещах и монетах. Но ясно, что это не то “золото”, что осталось в глубинах Каялы-реки. И конечно же, не за потерю военных трофеев упрекают иноземцы Игоря.

В “Словаре-справочнике СПИ” цитируется Б.А. Ларин: «...“кают князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя”, далее в текст включена маргинальная глосса: “Рускаго злата насыпаша”, позднейшая и ошибочная, так как Игорева дружина разметала и потоптала на переправе

при отступлении не русское золото, “золото и узорочья половецкие”. Основной текст вполне ясен: “...порицают и бранят Игоря за то, что утопил в Каяле реке половецкую добычу”» [212, вып. 2: 86].

То, что было принято Б.А. Лариным за маргинальную глоссу, является прямой речью: те немцы и венецианцы, греки и моравы, что поют славу в гриднице Святослава, и издеваются над неудачей русского князя Игоря, погубившего свое войско и попавшего в плен.

“Русское золото” было насыпано “во днѣ Каялы”. “Во днѣ” означает: “в глубинах”, “в глубине”. Ср.: “Да въ тои пещерѣ изъ долу есть кладесь, вода бѣла и сладка, да во днѣ кладезя видѣти яко звѣзда въ воде. Хож. Триф. Кор. – 1, 44 (XVII в. ~ 1593–1594 гг.)” [212, вып. 2: 32].

Слово “кощей” встречается в “Слове” дважды (“...то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ” и “Стреляи, господине, Кончака, поганого кощей...”). Один раз встречается производное от него – “кощевъ”: “Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеве”. “Кощеве” – обычно в переводах притяжательное прилагательное к “кощей” – раб, пленник, слуга.

В настоящем переводе учтено прочтение этого слова О. Сулейменовым [152: 145–146]. Сулейменов отмечает, что Мелиоранский и вслед за ним Фасмер неточно определяют смысл слова “кощей” как “раб”, что нарушает логику повествования. При таком прочтении оказывается, что победитель Кончак назван рабом: “Стрѣляи... Кончака, поганого кощей”.

По поводу прочтения О. Сулейменова И.М. Склиар пишет: «Представляется, в частности, хорошо обоснованным замечание О. Сулейменова о том, что термин “кощей, кощий”, который встречается в “Слове о полку Игореве” и вообще довольно широко распространен в древнерусской письменности и устной традиции, происходит не из слова “кошчи” (“напарник” по-казахски), как полагают некоторые авторы, а скорее из сохранившихся в казахском языке (генетически, несомненно, связанном с половецкими наречиями) терминов *кош* (кочевье), *кощци* (кочевник)» [140: 25].

Следует только иметь в виду, что основное значение слова “кощей” было “кочевник”. *Но взятый в плен кочевник становился рабом и по-прежнему назывался “кощей”, т.е. “кощей” – пленник – раб – по происхождению степняк (кочевник)*. Ср.: “1170: Идоша князи 9 дьновъ ис Киева, и бысть вѣсть половцем от кощѣя от Гаврилкова от Иславича, оже идуть на нѣ Русьстии. Ипат.л. 539 (XV в.)” [212, вып. 3: 16].

Перевод: *“В глубинах Каялы, реки половецкой, русского золота понасыпали, тогда Игорь-князь пересел из седла золотого да в седло кочевника!”*

12. “Уньша бо градомъ забрали...”

“Забрали” – ед.ч. “забрало” – то же, что и “забороло”. “Забороло” – не ограда, а стрельницы; “стрельницы деревянные на них крепки защищаючи”. “Стрельница – башня в укреплении” [194: 193].

Перевод: *“Омрачились ведь городов стрельницы крепостные...”*

13. “А Святъславъ мутенъ сон видѣ...”

“Мутный” – неясный, беспокойный, смутный. В переводе: “смутный”. “Смутный” имеет значение и неясного, и беспокойного. Действительно, сон Святослава и тревожен, и требует разъяснения, непонятен.

Перевод: “А Святослав смутный сон увидел...”

13–14. «А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ; въ Кіевѣ на горахъ. “Си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ...”»

В печатном издании 1800 г.: «А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ. “Си ночь съ вечера одѣвахъте мя...”»

Перевод А.С. Орлова: “А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. В эту ночь, с вечера, одевали меня, сказал (он), черным покрывалом на кровати тисовой...”

Словоделение, предложенное первыми переводчиками, легло в основу всех переводов, но так как прочтение текста в соответствии с нормами древнерусского языка оказалось невозможным из-за наличия глагольной формы “одѣвахъте”, текст был подвергнут правке: “одѣвахъте” было исправлено на “одѣвахуть” – имперфект 3-го лица мн.ч. – по аналогии: “чръпахуть” – “сыпахуть” – “одѣвахуть”. Написание “одѣвахъте” было объяснено ошибкой переписчика (переписчиков). Радикальная правка была произведена только на основании логики прочтения, так как убедительного палеографического обоснования нет. Исследователей не смутило, что при ином словоделении (одѣвахъ темя) глагол “одѣвахъ” – правильный аорист 1-го лица ед.ч. Ср.: “Печалью своею, яко ризою, одѣвахъ си сиротство свое. Палея толк. 2; 132 (1477 г. ~ XIII в.)” [205, вып. 4: 22]. Слово “темя” также фиксируется словарем древнерусского языка. В “Материалах...” И.И. Срезневского даны значения слова “тѣмя” (темя): верхняя часть головы; чело, лоб; череп: “Обѣ руки поднимають высоко, да кладуть на темя. Афан. Никит. 337”. “Платъ златъ лежаще на тѣмени его, на немъ же грамотами святыми Божии привѣтъ изобразися. Козм. Инд.” [213, т. 3: 1093–1094]. Таким образом, глагол “одѣвахъ” и глаголы “чръпахуть”, “сыпахуть” не являются однородными членами предложения.

Обратим внимание, что слово “одѣвахъ” рифмуется в тексте с “на горахъ”, что является косвенным свидетельством правильности предлагаемого словоделения. Замечание, что при этом нарушен ряд параллельных глагольных форм, не может быть принято во внимание, так как этот параллельный ряд получен после радикальной правки текста.

Первое предложение этого фрагмента: “А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіеве на горахъ си ночь”. Предложение экспозиционное – уточнены время, место и само действующее лицо. “Видѣ” – аорист; аорист до XIII в. употреблялся для обозначения действия, которое совершилось без повторения и перерыва: “увидел”.

Второе предложение начинает монолог Святослава: “Съ вечера одѣвахъ темя, – рече, – чръною паполомою”. (“На кровати тисовѣ...” – не относится к этому предложению.)

В.П. Адрианова-Перетц справедливо заметила, что “паполому” можно положить под человека или на него, но ее не одевают”. Глагол “одѣвати” имел значение не только “облекать в какую-либо одежду”, но и “покры-

вать”. Это значение реализовано в настоящем переводе: “С вечера покрыл голову, сказал, черным покрывалом”.

“Одѣвахъ” – в переводе: “Я покрыл”, так как аорист (форма глагола прошедшего времени) изменялся по лицам. В современном же языке необходимо соответствующее уточнение.

“На кровати тисовъ” относится к следующей синтаксической структуре. Лежащему на смертном одре Святославу дают пить вино с зельем.

“Кровати тисовъ” – обычно переводится как “кровать тисовая”. Тис – это благородное хвойное дерево. В книгах религиозного содержания русские переводчики называли кедр “тисом”: “Иисус же изыде къ востоку дебри тисове” [213, т. 3: 960]. В переводах с греческого тисом называли сосну. Кедр, сосна, тис отождествлялись, так как имели “негнойную” древесину. Возможен перевод: кедровая, тисовая или сосновая кровать. Отобрано при переводе – “сосновая”. Во сне Святослава речь идет о смертном ложе. Нужные ассоциации у современного читателя вызывает “сосновая кровать” – гроб:

Чугунная ограда,
Сосновая кровать,
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.
Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой...

(А. Ахматова)

Перевод: «А Святослав смутный сон увидел в Киеве на горах в эту ночь. “С вечера покрыл я голову, – сказал, – черным траурным покрывалом. На кровати сосновой...”»

15. “...чръпахуть ми синее вино с трудом смѣшено”.

Слово “чръпати” имело значения: черпать, наливать, угощать вином, давать пить. Ср.: “Питаяя же естъ и черпля вино, всѣмъ вѣрнымъ подавая честное свое тѣло въ оставленіе грѣховъ. Кир. Тур. Посл. Вас. (Калейд. 124)”; “Егда Хсѣъ Бгѣъ намъ любящимъ его чреплеть (дает пить) питье ново. Мин. 1096 г. (сент.) л. 151” [213, т. 3: 1540, 1567]. Ср.: “Черпание” – “питье”. “Готовающей бѣсу трапезу и исплнѣяющей кумиру чръпаніе. Ис. I. XV. II (Упыр.)” [213, т. 3: 1567].

“Синее вино” – обычно не переводится: “черпали мне синее вино, с горем смешанное” (Д.С. Лихачев). Более чем странный эпитет вызывает недоумение. Ничего подобного нет во всей мировой литературе. Естественно возникает вопрос: верно ли переводится слово “синее”? Действительно ли Святослава во сне потчевали вином чернильного цвета?

Ряд ученых считает, что синий цвет вообще не имел в древности словесного выражения. Существует мнение, что в старину синий цвет не различался и не обозначался, что в древности слово “синий” не имело цветоуказующего значения.

Примеры, когда слово “синий” бесспорно обозначало цвет, в древнерусских памятниках раннего периода очень немногочисленны, однако их наличие не позволяет утверждать, что слово “синий” не могло означать синий цвет: “Яко же паки въ друзѣ свойства суть чръвеное и сине и зелено и багъ-

ряно. Изб. Св. 1073, 147”; “Создавъ же подърумие... и в чѣсть Дѣ мъ стухиямъ земли аиру огню и водѣ и нарече овому зелено, оному же бѣло, овому же червлено, оному же сине. Хрон. Г. Амарт., л. 24, б. XI в.” [7: 175].

Кроме синего цвета слово “синий” употреблялось еще для обозначения иссиня-черного. “И се облак синь покры и быс акы мртвъ и къ дну аду сходя. Жит. Вас. Нов. XI в. ~ пр. XIV–XV вв. (I), л. 39 об.” [7: 175]. В житийной литературе многочисленны примеры сравнений “синя яко сажа” (μελαγυες). Жит. Андр. Юр. XI в.” [213, т. 3: 356].

Эту цветовую неопределенность слова “синий” отметили многие ученые.

О. Сулейменов предположил, что среди значений слова “синий” должно быть “сияющий”, “сверкающий”, “блестящий”. Это значение слова “синий” сохраняется и сейчас в некоторых славянских языках. Так как слово “синь(ий)” имеет тот же корень, что и “сиять”, то, следовательно, по мнению О. Сулейменова, в “Слове” следует читать: “сверкающее, игристое вино, с осадком смешанное” [152]. Однако обращение к древним текстам заставляет с сомнением отнестись к прочтению О. Сулейменова.

Сближение в этимологическом плане слова “синий” со словом “сиять” закономерно, но отношение слова “синий” к свету, блеску было иным, чем у слова “сиять”: не “сверкающий”, “блестящий”, а “тусклый”, “темный”, “мутный”, “не сияющий”. “Яко же есть желѣзо сине и студено лежаще, въ огнѣ горѣмо свѣтло будетъ велми тако и человекци. Желѣзо сине мы есмь а огонь есть Святыи Духъ” Ж. Андр. Юр. 80” [7: 177]. В этом примере: железо холодное – “сине”, тусклое, темное; раскаленное – светлое. Многочисленны примеры с выражением “сини очи”, когда нужно указать на мутные глаза пьяниц, глаза, лишенные блеска [7: 177]. Еще в XIV–XVII вв. сохраняется устойчивое выражение “синий лед” в значении “весенний лед”, т.е. тусклый, талый лед [7: 181].

Слово “синий” имело большую группу производных. Причем эти производные слова обозначали силы, причастные к дьявольскому, т.е. черному, мрачному, зловещему: “Рече синии... отвѣщав же свѣтлыи ангель. Жит. Андр. Юр. XII в. в спис. XVI в.” [7: 177]. Производное от слова “синий” – “синьць” (букв. “черный”) обозначало нечто относящееся к дьяволу [213, т. 3: 356, 358].

Таким образом, исходя из семантической возможности словосочетания “синее вино”, можно предположить, что это: а) вино синего цвета, черного цвета, зловещего цвета; б) мутное вино, дьявольское вино.

Правильное прочтение и толкование выражения “синее вино” нерасторжимо с еще более затруднительным определением значения слова “трудъ”.

Слово “трудъ” было многозначно: “труд”, “работа”, “воинский труд”, “подвиг”, “творение”, “забота”, “скорбь”, “горе”, “боль”, “болезнь”, “грех”. В современных переводах обычно слово “трудъ” переводится как “горе”: “...черпали мне синее вино, с горем смешанное” (так у Н.К. Гудзия, А.С. Орлова, В.И. Стеллецкого, Д.С. Лихачева). Но в комментарии А.С. Орлова читаем: «Слово “трудъ” означает здесь болезнь (“водный труд” в Евангелии – водянка): в переносном смысле – яд, отравка» [114: 116].

В предлагаемых переводах вызывает сомнение сочетание отвлеченного понятия “горе” и вещного – “вино”. В древних текстах наблюдаем сочетание

либо отвлеченного понятия с отвлеченным: “обычай сладки с корыстию смешен” [89: 11], либо сочетание конкретного с конкретным же (примеры будут приведены ниже).

Указанные А.С.Орловым значения слова “труд” – яд, отравка, – вероятно, находят подтверждение в примере, на который обратила внимание В.П. Адрианова-Перетц: “под языком его (еретика Ария) труд и болезни” (Рукопись Уварова. 1858 – [1: 59]). Здесь слово “труд” явно употреблено в значении либо “яд”, либо “горечь”. Ср. в польском “trut” – “яд”.

До самого последнего времени в комментариях и исследованиях не объяснялась сама сущность происходящего: зачем, почему черпают вино “синее” Святославу. Объяснение Е. Осетрова: “Как известно, в славянском фольклоре синее вино обозначает печаль...” (?!) [116: 47], не только ничего не объясняет, но и дезориентирует читателя.

Объяснить сущность происходящего – это значит уточнить лексику. В этом плане среди работ последнего времени заслуживает внимания книга Н.Б. Бахилиной “История цветообозначения в русском языке”. Н.Б. Бахилина, исследуя лексику цветообозначения, приходит к мысли: «Может быть... сочетание “синее вино” в “Слове о полку Игореве” ...следует читать как мутное вино, т.е. не чистое, а с чем-то смешанное...» [7: 178].

Заслуживает внимания и предположение А.Л. Никитина, что “синее вино” – винный уксус. Винный уксус, приготовленный из вина, при некоторых условиях может иметь синевато-фиолетовый оттенок. По мнению А.Л. Никитина, в этом фрагменте, заимствованном Автором у Бояна и не очень удачно приложенном к событиям 1185 г., речь идет о хирургической операции, от которой умер Святослав Ярославич [110: 153–157]. Весь фрагмент о сие Святослава получает у А.Л. Никитина совершенно фантастическое толкование, но любопытна сама попытка увидеть реальное явление за поэтическим образом.

Такую же цель перед собой ставит А.Г. Степанов и приходит к выводу, что в эпизоде сна Святослава речь, вероятно, идет о бальзамировании или мумифицировании. Синее вино – антисептический состав: трава тимьяна (чебрец) + водка. Чебрец дал синий цвет хлебному вину [149: 148–150].

Но настой чебреца на хлебном вине не дает желанного результата. А пример из Изборника 1076 г., на который ссылается А.Г. Степанов, для доказательства того, что водка на Руси была известна в XI в., ненадежен. Он утверждает не то, что хлебное вино было известно на Руси в XI–XII вв., а только то, что при обилии хлебном беззаконно вином питаться: “Се бы беззаконие сод(омьмско) яко въ мьножьстве хлебнемь и в обилии виньнемь питахуся” (Изборник 1076 г., 621).

Размышления А.Г. Степанова (как и А. Никитина) – стремление раскрыть реальное явление под поэтической образностью. Совершенно очевидно, что Автор мог позволить себе не называть в данном случае нечто своим настоящим именем, так как был уверен, что речь идет о столь определенном, что достаточно и намек, чтобы быть понятым современниками. Святославу дают пить вино. Но это не то вино, что утоляет жажду и приносит веселье. Вино это смешано с чем-то. И, вероятно, это нечто – не случайный компонент, а обычно применявшийся в аналогичных ситуациях, т.е. в таких условиях, когда хотели, чтобы вино из улады стало средством пытки. Если эти бесспорные положения взять за исходные данные, то древние тек-

сты охотно дают ответ на вопрос: что дали пить Святославу? «Даша емоу пити оцьтъ съ зълъчию смѣшенъ (в др. месте: “съ зълъчию”). Мф. XXVII. 34. Остр. Ев.» [213, т. 1: 1006].

Оцеть – уксус, но часто и виноградное вино, смешанное с уксусом. (Уксус в древности получали исключительно из растительных соков, чаще из виноградного вина.)

Уксус и желчь – вот, что дают пить Святославу. Ср.: “Даша въ язъ мою жолчь и в жажду мою напоиша мя оцта. Кир. Тур. Сл. на Пасх.”; “Вкусивъ оцта и желчи. Илар. Зак. Благ.” [213, т. 1: 887]. “Вкусити оцта и золчи. Илар. Зак. Благ.”; “Зълчи съ оцтомъ напоиша. Кир. Тур.”; “И Сѣа Бѣя на крѣтѣ распенше не покаяшася, грезнѣ бо реч, их грезнѣ золци, грезнѣ бо ярости их; си оубо являеть Моиси с страсти Гѣни им же золци со оцтомъ, вмѣсивше даяхуть Спсѣ вкуси(ти). Пал. XIV в.” [213, т. 1: 1006]; “Оцтомъ напояемъ ... мчнице радовашеся. Тараше. Мин. 1096 г. (окт.)” [213, т. 2: 841].

“Синее вино” – это мог быть и винный уксус, и “оцтяно вино” – вино, смешанное с уксусом: “Даяхоу ему пити оцбяно вино. Мр. XV 23 Мст.св.” [213, т. 2: 841].

“Оцтяно вино” и давалось обычно с “горечью”, с “желчью” (примеры, приведенные выше). Причем “желчь” и “горечь” часто отождествлялись: “Золчь и гроесть. Втз. XXXIX, 17 по сп. XIV в.” [213, т. 1: 1006].

Таким образом, следует реализовать при переводе то значение слова “трудъ”, которое отмечено В.П. Адриановой-Перетц.

Удивительна поэтическая чуткость стихотворцев. В переводах поэтов было:

А вино то с зельем смешано...

(Л.А. Мей)

...Отраву мешали

И тем ядовитым вином угощали

(Н. Гербель)

У Г. Шторма вино “с травой смешано...”; у Н. Заболоцкого – “горькое отравленное зелье”.

Ср. в чешском переводе: “...sine víno s otravou smechane” (Hattalf); в болгарском: “смешано то сось отравѣ” [55].

Нужно отметить, что эпитет (“синее”) к вину подобран Автором необычайно удачно. “Синее” вино – это одновременно и “нечистое” (с уксусом и желчью), и “черное” (не в цветовом значении), “дьявольское”, и “мутное”.

Перевод: “...дали пить нечистое вино, с желчью смешанное”.

16. “...сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тлъковинъ великыи женьчугъ на лоно...”

“Тѣщими тулы” обычно переводится как “пустые колчаны” (“тѣщии” – основное значение “пустой”). Так в настоящем переводе.

О. Сулейменов предположил, что “тулы” не “колчаны”, а половецкие вдовы: «Автор различал написание “тулы” и “тула”. Кто сыплет жемчуг на грудь Святослава и нежит его? Тощие вдовы язычников, т.е. половцев. “Тул” – вдова (общетюркское)» [152: 65].

Прочтение О. Сулейменова предполагает правку текста, так как налицо несогласование – “тулы” и “тѣщими” (исправленный вариант: “Сыпахуть ми

тъщии тулы...”). Отметим, что в текст “Слова” вводится тюркское слово, не встречающееся в древнерусских памятниках, и что слово “тъщими” не имело еще в XII в. значения “худой” (изможденный). (Кроме того, О. Сулейменов допускает ошибку, полагая, что колчан по-древнерусски “тула”, а не “туль”) [213, т. 3: 1036].

“Тълковинъ” – союзник. Ср.: В лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киевъ, поя же множество Варяг, и Славенъ, и Чюдъ, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тивирци, яко суть толковины: ся вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олег...” (Повесть временных лет). Этот текст Д.С. Лихачев переводит так: «Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и родимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “Великая Скифь”. И с этими всеми пошел Олег...» [79: 220]. Перевод слова “тълковины” как “толмачи” нельзя назвать убедительным. Слово “тълковины” вводится придаточным определительным предложением: “яко суть толковины” – “которые есть толковины”. Далее следует: “си вси”. “Толковины”, оказывается, все перечисленные племена, которые греки определяют как некое единство – “Великая Скифь”. Совершенно очевидно, что все племена – это не тысячи толмачей (т.е. переводчиков), а союзники Олега, с помощью которых он добился военных успехов. Любопытно, что Д.С. Лихачев при переводе “Слова” “тълковины” объясняет и переводит как “иноземцы” (так и у Н.К. Гудзия), а не “толмачи”. А.С. Орлов при переводе слово “тълковины” опустил, предполагая искажение слова “тълкование”, которое с полей рукописи ошибочно попало в текст. Это, по мнению А.С. Орлова, маргинальная заметка писца, первоначально она относилась к толкованию сна боярами. А.К. Югов слово “тълковины” не переводит. У С.А. Басова-Верхожанцева: “нечестивцы” (без комментария).

Еще в прошлом веке в реферате слависта В.И. Григоровича [36: 52] сообщалось, что в списках “Азбуковника” имеется слово “толковник” в значении “пособник”. Но В.И. Григорович видел смысл употребления этого слова в СПИ в том, что Автор иронически напомнил: Ольговичи часто призвали себе на помощь половцев.

Заслуживает внимания статья Д.А. Расовского “Тълковины” [130]. Автор статьи пришел к выводу, что в этом фрагменте речь должна идти не о половцах, а о “своих поганых”, которые нашли приют на юге Руси и служили русским князьям.

Таким образом, слово “поганыхъ” в тексте явно лишено эмоционального оттенка и несет информационную нагрузку, уточняя, о каких именно союзниках идет речь. “Поганыхъ” – не только язычники, но и вообще неправославные. Ср. “1204: Се же имена воеводамъ ихъ: 1 Маркосъ от Рима, въ градъ Бърне, идете бе жилъ поганый злый Дедрикъ; а 2-и Кондофъ Офланъдръ. Новг. I лет. 49. XIII в.” [212, вып. 4: 101].

Союзники и советники-иноверцы при киевском князе уже были названы: немцы, венецианцы, чехи, моравы. Это они, певшие славу Святославу, теперь же ему, когда пришла беда, платят черной неблагодарностью – дают

пить оцѣт. Ср.: “Воздающе за манну желчь, за воду же оцеть. Посл. Митр. Иоан. Лит. сп. 1460 г.” [213, т. 2: 841].

Перевод: “Сыпали мне пустыми колчанами языческих иноверцев крупный жемчуг на грудь...”

17. “...и нѣгують мя; уже дѣски безъ кнѣса...”

Еще первые переводчики, исходя только из логики изложения, решили, что “кнѣсь” – князек, матица, верхнее стропило. Примеров, которые подтвердили бы это прочтение, в летописях нет. Нет убедительных примеров и в говорах. Убедительных, так как В.А. Козырев утверждает, что наконец-то (!) удалось обнаружить единичный случай употребления этого слова в брянских говорах: “Крепка нѣ кнесю тикетъ” [71: 91, 92]. Этимология слова “кнѣсь” в значении “матица” так и осталась загадкой. Комментаторы предположили, что по древнему обычаю разрушение верхнего стропила связано с похоронным обрядом. Слово же “дѣски” понято как “кровля”, “крыша”. Из переводов явствует, что у терема Святослава разрушена деревянная кровля, что предвещает несчастье, гибель: “Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дома через разобранную крышу)” (Д.С. Лихачев). Но отметим, что Автор явно указывает и на металлическое покрытие терема и на то, что доски “безъ кнѣса” не “на”, а “в” тереме златоверхом, т.е. внутри терема.

В последнее время было предложено два оригинальных варианта прочтения этого места. Оба варианта отражают сомнения их авторов в правильности “традиционного” прочтения.

«О “досках” существуют специальные исследования, – пишет А. Никитин, – и, хотя все молчаливо согласилось, что Святослав видел на своем тереме крышу (доски) без “князька” (охлупня), что должно указывать на присутствие покойника в доме, прямых аналогий ни этому обряду, ни “кнесу”, от которого и пошел этот “строительный образ” – доски, ни в памятниках литературы, ни в народном быту так и не было найдено. Воспринимали ли это место читатели XIII века так же, как в XX веке его исследователи? Не знаю. Скорее всего нет. И главная тому причина, что в этой фразе недвусмысленно указывается металлическое покрытие княжеского дворца и что пресловутые “доски” находятся внутри терема, в доме, а не на нем. Если же принять “кнес” за сербскую форму слова “князь”, хотя бы потому, что именно в этой части “Слова” встречается особенно много “сербизмов”, на что указывал еще В.Н. Перетц, то решение задачи не вызовет особых затруднений» [110: 153–154].

А. Никитиным предложена конъектура: “Уже дружина осталась без князя в моем тереме златоверхом”. Предполагается, что слово “дѣски” первоначально имело вид – “дѣтѣскы”. Написание “дѣскы” определилось в результате накопления ошибок: непрочтения “ѣ” и утери “т”. “Дѣтѣскы”, утверждает А. Никитин, означало в Древней Руси: “Княжеская дружина”. «Этот случай касается личной, “младшей” княжеской дружины, с которой...князь переходил с одного княжения на другое. В древней Руси эта дружина носила собирательное имя “детскы”, т.е. “младшая”, в отличие от “старшей” дружины, исполнявшей при князе роль совета» [110: 154]. Проч-

тение А.Л. Никитина слабо аргументировано палеографически; не убеждает прочтение “дъскы” как “дружина”.

Второе оригинальное прочтение – О. Сулейменова. В своей книге О. Сулейменов цитирует работу М.П. Алексеева “К сну Святослава”: «То, что Святослав видит во сне исчезновение “кнеса” со своего терема, не только вполне естественно (?!), но и окончательно разъясняет ему смысл всех предшествующих примет: ...”кнеса” нет, доски, которые он скреплял, повисли в воздухе и сомнений не остается: Святославу грозит гибель, смерть...». Далее О. Сулейменов пишет: «Объяснение вполне приемлемое. Смущает то, что форма “дъскы” (т.е. “диски” или “дески”) и “кнес” – необычны для восточнославянских языков» [152: 66].

О. Сулейменов считает, что “кнес” – устная форма западнославянской лексемы “кнез” – господин, князь; слово “дъскы” понимает как “престол”. “Дъскы” без “кнеса”, пишет О. Сулейменов, похоже на идиоматическое выражение – “престол без князя” [152: 66]. Так как в англосаксонском языке слово “диск” означало “стол” и “блюдо”; в древневерхненемецком “тиск” – стол и доска; в тюркском “тахта” – престол и доска, то, по мнению О. Сулейменова, и в древнерусском языке слово “дъскы”, возможно, тоже имело значения: и “стол” (престол), и “доска”.

Конъектуры А. Никитина и О. Сулейменова представляют несомненный интерес, как попытка дать иное толкование вместо очень слабо обоснованного “традиционного” прочтения. Здесь общим является: прочтение слова “кнѣс” как сербской (или старочешской) формы слова “князь”. *Бесспорно, А. Никитин правильно считывает и предлог “в”, как указывающий на место, где происходит или находится что-либо, и требующий после себя местного падежа.*

Но и рассуждения А. Никитина, и О. Сулейменова не разрешают главной загадки – факта существования в “Слове” странного слова “кнѣсь” безотносительно к тому, что оно означает. *Назвать матрицу искаженным сербским словом так же странно, как и употребить его по отношению к русскому князю.* Отсутствие слова “кнес” в говорах исключает версию, что здесь было употреблено не книжное, а народное слово. Исключается и ошибка в словоделении.

Д.С. Лихачев в работе «“Слово о полку Игореве” и культура его времени» [8], в главе «Догадки и фантазии в истолковании текста “Слова о полку Игореве”. (Заблуждения О. Сулейменова)», пишет: «Хорошо истолкованное в литературе о “Слове” место “Уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ” О. Сулейменов переводит так: “престол без князя в моем тереме златоверхом”... Ссылается при этом О. Сулейменов на то, что “формы “дъскы” (то есть “диски” или “дески”) и “кнес” – необычны для восточнославянских языков и ни одним памятником древнерусской письменности не подтверждаются”... Это совершенно неверно: достаточно посмотреть “Словарь-справочник” В.Л. Виноградовой на слово “доска – дъска”, чтобы увидеть, что слово постоянно употребляется в памятниках древнерусской письменности, а “кнес” – князек – постоянен в памятниках фольклора. Именно потому и говорится в “Слове” о “златоверхом” тереме, что речь перед этим как раз идет о его “верхе”, о досках крыши» [88: 323].

Согласиться с утверждением Д.С. Лихачева, что этот фрагмент был хорошо истолкован, конечно, нельзя. И прежде всего по той причине, *что бы-*

тования слова “кнѣсь” в русском языке нет. Доказать, что “кнѣсь” может означать “матица”, никому не удалось. Слово “кнес”, вопреки утверждениям Д.С. Лихачева, не встречается в фольклорных памятниках. Обращение к “Словарю-справочнику” В.Л. Виноградовой на предмет выяснения, что такое “кнѣсь”, не может рассеять сомнения, ибо никаких новых данных в словаре нет. Упоминание же златоверхого терема как раз и опровергает версию о его деревянном покрытии: златоверхой называли кровлю, когда она была обита позолоченной медью. А выносить покойников через крышу терема (см. перевод Д.С. Лихачева) – вообще нечто фантастическое.

Заметим, не может развеять сомнений О. Сулейменова и обращение к “Словарю-справочнику СПИ” в поисках формы “дъскы”. В “Словаре-справочнике СПИ” среди 29 случаев упоминания слова “дъскы” (дски, доски) в примерах из древнерусских текстов нет написания “дски”. Хотя написание “дъскы”, конечно, возможно: “И дворъ его и села пограбиша, а что ся на дъскахъ остала писмѣ, а то все князю. Сузд. л. (по Ак. сп.)” [213, т. 1: 762]. Следует иметь в виду, что в Екатерининской копии дано правильно – “дъскы”. Но в каком значении употреблено слово “дъскы”?

Слово “дъска” (дъска) означало не только доску (деревянную, каменную или металлическую), на поверхности которой можно было написать письмена, но и сами письмена и письменные акты.

“Обрѣтохомъ же на немъ и дъскы написаны тако: оумьрохъ аз. Пат. Син. XI в. 109”; “Подвиже писано акы отъ дъскы дѣвьныя. Гр. Наз. XI в. 84”; “В ты дни написанья дъскы сказаю. Изб. XIII в.”; “Иже обрящется въ доскахъ написаніе какому, развѣ ему же учится стихерамъ или сѣдилнамъ, да отучится три дня. Фед. Студ. Ост. 199” [213, т. 1: 762].

“Нѣговати” означало: “нежить”, “ласкать” и “веселить”, “развлекать” [212, вып. 3: 154–155].

Киевского князя ублажают тем, что “уже дъскы безъ кнѣса”. Ублажают его, как это явствует из контекста, иноверцы-союзники, т.е. чехи и моравы, и немцы, и венецианцы. Ублажают так же недобро, как и утоляют его жажду: «Уже грамоты на “досках” уже не князя».

“Безъ кнѣса” – буквально обозначает “безкняжий”. И.И. Срезневский пишет, что «некоторые из выражений, составленных с предлогом “безъ”, употреблялись вместо прилагательных и наречий иногда и в особенном смысле: без Бога – безбожий: “Зълый онъ и без Бога властелинъ. Сб.1076 г.”». Срезневский приводит многочисленные примеры [213, т. 1: 65].

Для уяснения смысла фразы “Уже дъскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ” необходима следующая информация. Письменные княжеские акты (грамоты) уже в XII в. составлялись по определенному формуляру. Подтверждением подлинности акта (грамоты) и указанием на лицо-составителя являлись обязательные слова: “Се аз князь...” (далее следует имя). “Доски” не только на Руси были письменными актами (грамотами). В Чехии *dsky* именовались документы, хранившиеся в городских учреждениях.

Во сне Святослава ненадежные союзники (чехи, моравы и прочие) злорадствуют: киевский князь уже недееспособен. В стремлении передать чужую речь Автор сохраняет лексико-фразеологические и стилистические особенности ее “кнезь” (кнѣсь) – князь (см. 213, т. 1: 1403); “дъскы” – грамоты на “досках”.

Перевод: «...и развлекают меня. Уже грамоты на “досках” не князя».

При оценке версии прочтения, предложенной М.В. Щепкиной, следует учитывать, что в древних текстах написания “босуви” нет. И.И. Срезневский и М.В. Щепкина предполагают его возможность, исходя из текста “Слова”. А между тем при ином словоделении нет необходимости в радикальной правке текста, отпадает и необходимость предполагать формы слов, не отмеченные в древних текстах.

“Всюнощъ съ вечера бос уви врани” после словоделения читается: “в сю нощъ съ вечера бос уви врани...”. Словоделение “в сю нощъ” вместо принятого “всю нощъ” определяется логикой прочтения: далее будет следовать аорист глагола “увити”, означающий кратковременность действия. Форма “сю” вместо “сию” достаточно часто встречается в древних текстах. “Бос” – бес, нечестивец, демон. “Уви” – окружил, кружил. “Увити” см. “Материалы...” [213, т. 3: 1122].

Не представляется убедительным предложенное в свое время Мусиным-Пушкиным и сохраняемое поныне прочтение “врани възграяху у Плѣньска на болони”. Если “Плѣньск” означает город Преснескъ или Плѣньск, то непонятно, почему в этом городе Галичского княжения «ночью на пустыре, побережных или заливных лугах (болони) каркают вороны (дневные птицы). Что означает эта аллегория? Никто даже не пытается дать вразумительного ответа. Если предполагать, что текст этого фрагмента – набор случайных слов (пусть и находящихся в кажущейся грамматической связи), то возникает сомнение в правильности словоделения. Более осмысленным предстает текст в ином словоделении: “възграяху (у) уплень с кана бо лони”». Весьма вероятно, что в слово “уплѣня” на каком-то этапе переписывания “а” йотованное было считано как “ь” и “с”, что с точки зрения палеографии вполне допустимо, “плѣня” – аорист глагола “упленяти” – “пленять”, “улавливать” [213, т. 3: 1239]. Написание “плѣсьн...” в тексте первого издания явно было “исправлением текста”.

“Кана” – род. пад. ед.ч.; “канъ” – хан. Ср.: “Бысть каномъ. Ил.л., 6748 г.”; “Посла к канови. Никон. Л. 7651 г.” [213, т. 1: 1191]. Слово “ханъ” не отмечено в древних текстах. Впервые употреблено в “Хождении за три моря” Афанасия Никитина по списку XVII в.: “Ханъ же ѣздит на людехъ, а слоновъ у него и коніи много добрыхъ. Афан. Никит. 333” [213, т. 1: 1360]. В сравнительно поздних древнерусских текстах встречается слово “канъ”. Но нет никаких оснований делать вывод, что это тюркское слово было неизвестно русским в XII в., причем в произнесении “кан”. Ср.: “Тугра-кан, Шару-кан”.

“Лони” – слово, хорошо известное в русском языке. В.И. Даль дает значение – “прошлого года”, “в прошлом году”. “В лони годы – встарь, в прошлые годы” [206, т. 2: 266]. Приводит слово “лони” в значении “в прошлом году” и И.И. Срезневский: “Начати от лани. Кор. 2 VIII. 10 Апост. Син. XVI в. № 51 (оп. 1, 336)”; “Косил сильно по два лѣта лони до третьяго году, и пристава... проводилъ. Дел. Суд. О нав. Андр. 1493–1494” [213, т. 2: 8, 40]. В этимологическом словаре М. Фасмера: “лоні – в прошлом году, укр. – лóни, ц.-слав. – лани, др.русское – лоні, болгар – лánі, сербохорв. – лáни, лáни, словен. – lani, чеш. – lopi, словац. – lani, польск. – łoni, в.луж. – łoni”.

Во фрагментах, рассмотренных в связи с уточнением словоделения, введена прямая речь: “упленя кана бо лони” и ранее: “Уже дьски безъ кнѣса”.

Отметим, мысль о том, что текст во сне Святослава содержит прямую речь, приходила и О. Сулейменову, но непонятный текст после “бусуви врани” (“бусурмане”, по Сулейменову) он пытался перевести как иноземную тюркскую речь, которая была искажена переписчиком XVI в. [152: 71]. Решительно исправляя предполагаемые ошибки и реставрируя древнекыпчакские формы слов, О. Сулейменов дает такой перевод (с тюркского): “...знаешь как вернуть разум? Пять железных пут омой... мстливый ты...”. Это, по мнению О. Сулейменова, дают совет тощие басурманские вдовы больному Святославу (см. поясн. III.16). И метод исследования, и результат – перевод О. Сулейменова вызвали справедливую критику.

Несомненно, что образ каркающего воронья метафоричен. Исследователи и комментаторы не придали должного значения высказанной в 1912 г. С.К. Шамбинаго мысли, что в этом эпизоде речь идет не о воронах, а о половцах: “...здесь вороны символизируют половцев, может быть, живших как пленники и понесшихся к Азовскому лукоморью” [179: 18, 35, 62–63]. Впрочем, о том, что следует предполагать под воронами половцев, говорил почти на 100 лет ранее В.В. Капнист: “Мне кажется, что бусовы вороны в сновидении великого князя Святослава означают половцев, которых сочинитель называет черными воронами” (Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 138).

В связи с этим заслуживающей упоминания является версия О. Сулейменова, согласно которой “бусуви врани” – искаженное “басурмане” (бусурмане). К сожалению, эта догадка О. Сулейменова не имеет научного обоснования. Лексические и палеографические доводы крайне неубедительны. По существу, все обоснование свелось к обвинению некоего переписчика, который не понял, что бывшее в тексте слово “бусурамне” означает “бусурмане”, и исказил текст [152: 70–71].

Сравнивая половцев с воронами, Автор и половецкую речь сравнивает с криком воронов. Значение глагола “възгратьи” в древних текстах: “крик ворона”. Но, вероятно, семантика глагола “гратьи” (и производных от него) была несколько шире: “Еще възгряло я, Горе, к иным привязалась... Г. Злоч... 39 (XVII в.)”; “Аще възграещися, яко орель и аще посреди звѣздъ гнѣздо свое сътвориши, то и оттуду ты свергу... Соф. врем. 211 (XVI в.)” [212, вып. 1: 125]. В.И. Даль дает и иные значения, бытующие в говорах: “шумно играть, оглушая криком, хохотать, зубоскалить, шумно насмеяться, шалить, дурить...” [206, т. 1: 391].

Если же повествование действительно идет о горланящих половцах, то следует предположить при глаголе, означающем речение, прямую речь. И в этой прямой речи окончательно должен раскрыться смысл метафорического образа.

Обратим внимание: стремясь сохранить лексико-фразеологические особенности чужой речи, Автор вводит тюркское слово “канъ”. Ранее, при передаче речи чехов и моравов, употреблено не свойственное русской лексике слово “кнѣсъ”. Таким образом, речь здесь идет не о случайном, а о закономерном в поэтике и языке Автора.

Текст в новом прочтении получает глубокий смысл, он находит свое объяснение в исторических реалиях: Святослав видит во сне, что взятые им в 1184 г., т.е. годом раньше, половцы хана Кобыяка, как воронье, потревоженное бесом, хозяйничают в златоверхом княжеском тереме.

В тексте “Бъша дебрь Кисаню, и несошлю къ синему морю” (словоделение Мусина-Пушкина) затруднение при комментировании вызвало загадочное “дебрь Кисанья”. Дебрь Кисанья в географических реалиях не значит. Были предложены многочисленные конъектуры. М.А. Максимович предложил читать: “...была дебрь: кияне же сошли к синему морю”. И.М. Снегирев предложил исправить “Кисаню” на “къ Сани”, т.е. “к реке Сани”. Близких взглядов придерживался Е.В. Барсов: “Полагаем, что в основе этого чтения скрывается часто упоминаемая в летописях Сань, протекавшая в Галицком княжении” [5: 220–221]. Н.В. Шарлемань считал “дебрь Кисаню” искажением дебри “Кияню” – Киянь, протекавший в “недрах Киевской горы” ручей (см. выше перевод Н.В. Шарлеманя).

В. Макушев сделал вывод, что «загадочное слово “кисаню” должно быть разделено на две половины, “ки и саню” – “...бъша дебрьски сани и несоша я къ синему морю» [97: 460]. “Саню” понято как “змея”, “дракон”. “Дебрь ки” исправлено на “дебрьски”; “несошлю” на “несоша(ся) я” (см. переводы Н.К. Гудзия, М.В. Щепкиной).

По мнению переводчиков, “несошлю” – искаженный при переписке глагол, необходима радикальная правка “несоша”.

В большинстве переводов по смыслу высказывания к синему морю несутся те вороны, что каркали на “болони”. Любопытно логическое обоснование подобного прочтения: «Подлежащее – вороны; прямое дополнение – змеи; что могли делать вороны со змеями? “...священные вороны всю ночь с вечера каркали ... били змей и носили их к синему морю” Это объясняет, почему карканье воронов раздавалось всю ночь – они сражались со змеями!» [190: 28].

А.Чернов считает, что понять текст “беша дебрь кисаню и несоша к синему морю” возможно, только соотнеся с предыдущим “уже дьскы безъ кнѣса в моем теремѣ златовръсѣмъ”. Это, по версии А. Чернова, должно означать:

И уже без конька нависли
Надо мною златоверхие кровли!

Бревно с корнем (кнѣсъ), разъясняет А. Чернов, удерживает тес настила крыши. Следовательно, кровля терема находится в аварийном состоянии – Святославу грозит опасность. Уточнение Автора “в тереме златоверхом” явно не смутило переводчика (см. поясн. III.17). Впрочем, слово “терем” в переводе вообще опущено.

Далее следует: «А последняя фраза из сна Святослава “Беше дебрь Кисани и несошася къ синему морю” – “Стояли строевые леса Кисани, и они (а не вороны) понеслись к синему морю”. То есть сначала летел тес, теперь целые леса. Образ почти шекспировский.

Но в летописи сказано: половцы шли “аки борове” – как леса (а не как свиньи). Итак,двигающийся лес – образ, встречающийся в древнерусской литературе. Фантастическая логика сна Святослава такова: леса, которые должны защищать Русь от кочевников (с другой стороны, это русские дружины), срываются и летят к синему морю» [173: 74].

В истории перевода этого фрагмента были более явные курьезы. А.В. Лонгинов предложил конъектуру: “и не сошлю къ синему морю” читать как “несло шлюх к синему морю”.

У Г. Карпунина текст “бѣша дебрь Кисаню и не сошло къ синему морю и ркоша бояре” получает такой перевод: “Бояре, которые были в дебри Кисановой и не сошли к синему морю, сказали...”. “Дебрь Кисанова”, в которой пребывали бояре, по мысли комментатора, означает: “глубокая яма”, в переносном смысле – “Половецкие земли” [64: 175].

Научный интерес представляет прочтение Г.Шторма:

У Пленеска на выгоне
Были смертные сани
И несли их к синему морю.

Опираясь на словоделение, предложенное В. Макушевым (см. выше), Г. Шторм дает такое истолкование: «“Сани” могут означать здесь не только “змей” (Reptiles), но и “ездовые сани”, т.е. телегу, поставленную на два полоза, на две железные змеи».

Смутный сон Святослава (тисовая кровать, черная “паполома”, “вино съ трудомъ”, разрушение терема – упавший с кровли князек и т.д.) – что это, как не приметы смерти? «Сани употреблялись при погребении у всех славянских народов, в Западной Европе (в горных областях Альп, Карпат) и даже в Египте, где мумии были возимы в стоячем положении (Д.Н. Онучин. “Сани, ладя, кони”). Известно, что русских великих князей, царей и цариц относили к месту погребения на снях (“Древняя Рос. Вивлиофика”, ч. XI). У крестьян глухих вологодских уездов до конца XIX века сохранился обычай отвозить покойников на погост в снях и оставлять сани на могиле перевернутыми вверх полозьями» (Труворов А. О снях, употребляемых при погребении // Русская старина. 1887. Ч. I–II). Ср.: “И спрятавшѣ тѣло его Святополка, и возложивша на санѣ” (Ипатьевская летопись. 6621 г.). “На далече пути да на снях сѣди (стоя одною ногою в гробу)”, – говорит в “Поучении” Владимир Мономах.

Что же такое “дебрьский”? “Дебрьский” не только “лесной”, но “шатучий”, “странный” (от “странствовать”) (В. Даль), и “гееннский”: “Како убѣжите от соуда огня дебрьского” (Юрьевское евангелие. XII в.); “повинень есть дѣбри огнѣи” (Панедикты Никона Черногорца. XII в.).

Упоминание погребальных саней в тексте сна убедительно. Но сомнительно видеть в “дебрьски” эпитет к слову “сани”. Прежде всего, необходима правка текста. Во-вторых, нет убедительного основания предполагать, что “дебрьски” означает “гееннский”, “адов” и т.п., тем более “погребальный”. На это указывает А.К. Югов: «Но тщетно я искал в древнерусских и старославянских памятниках “дебрьский” со значением “похоронный” – и ни одного примера» [194: 168]. В приведенном Г. Штормом примере следует читать “дѣбри огнѣи” как “бездна огненная”, что только в совокупности дает: “ад”, “геенна”.

В прочтении Г.Шторма не уточнен субъект (кто же нес смертные сани), не объяснен характер ошибки: написание “саню” вместо “сани”.

Очевидно, текст первоначально имел такой вид:

+

БѢШАДЕБРЬКИСАНЫ [14 знаков]
ИНЕСОШЛЯКЪСИНЕ [14 знаков]
МУМОРЮ.....

В слове “кия” переписчиком было пропущено йотованное “а” (я) и вынесено на поля. Мусиним-Пушкиным принятое за “ю” йотованное “а” было приписано к последнему слову строки (саню), а не на место пропуска. Так получилось: “дебрь ки” и “санюи”. За “ю” было принято йотованное “а” в слове “ошля”, что дало “ошлю”. Указанная ошибка является одной из самых обычных при переписке и считывании текста, на что неоднократно указывала М.В. Щепкина.

Таким образом, текст не является безнадежно испорченным. Все слова в тексте русские, и древность их подтверждается памятниками. Логика изложения безупречна. Нормы грамматики не нарушены. Хотя каждого, кто привык к “традиционному” прочтению не может не поразить несоотнесенность настоящего перевода с существующими: “предстала чащоба леса Кия. Погребальные сани влек осел к синему морю” (Бъша дебрь Кия. Сани нес ошля къ синему морю).

Основное значение слова “дебрь” – лес, бор, чащоба. Под Киевом действительно был бор. “Съдяше Кий на Горѣ, где же ныне увозъ Боричевъ... И створиша градъ во имя брата своего старшѣго, и нарекоша имя ему Киевъ. Беше около града лѣсъ и бор великъ...” (цит. по кн.: [124: 12–13]).

К слову “сани” в древнем тексте эпитет не был необходим: из контекста читатель легко уяснял, что речь идет не о ездовых санях, а о погребальных. В перевод же внесено необходимое уточнение.

“Нес(ъ)” – инфинитив: “нести” – краткое причастие. Возможность употребления формы “несъ” в роли сказуемого подтверждает достаточно древний пример: “Конь же его, язвенъ велми, унес господина своего. Лав. л. 6657 г.” [213, т. 3: 1227].

“Ошля” – “осля” – осел. Шепелявость – смешение “с” и “ш” (ср.: “Обръте челюсть ошлю. Суд. XV в., 15 по сп. XVI в.” [213, т. 2: 851]) – в СПИ не единична. См., например, “шизымъ”. “Осля” могло означать: осленок. Ср. у Даля: “Осляк – дикий осел (кулан), мул (помесь жеребца и ослицы)” [206, т. 2: 695].

Осел был для русских животным экзотическим, более знакомый по религиозным текстам. Так как ослы плохо переносят холод и осеннюю слякоть, то на Руси их не разводили. Но в степях Причерноморья водились куланы и тарпаны – животные, несколько похожие на диких ослов. В ареале приазовских и донских степей тарпан исчез в конце XVIII в. Кулан, которого называют диким ослом, в указанном ареале по самым оптимистическим выводам исчез в XIV в. Куланы обладают диким, а тарпаны даже злобным нравом. Русская аудитория XII в. и, вероятно, сам Автор имели в виду, говоря об осле, кулана и тарпана. Во всяком случае, о повадках ослов судили по их диким сородичам.

Влекомые диким ослом через чащобу погребальные сани с мнимо умершим Святославом – последний аккорд аллегории сна – полное унижение Святослава: не венгерские иноходцы, не к святой Софии, а осел к чужому морю. “Вот что сотворил моей серебряной седине!” – скажет Святослав.

А ночные птицы-вороны, нашествие “лесных змей” и летающие строевые леса – явное недоразумение.

Перевод: «В моем тереме златоверхом в эту ночь с вечера бес спеленал, вороны прокаркали: “Плен из-за хана ведь с прошлого года!” Предстала чащоба леса Кия – погребальные сани влек осел к синему морю».

19. “...два солнца померкоста оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тмою ся поволокоста и в морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тма свѣтъ покрыла: по Руской земли...”

В издании 1800 г.: “Олегъ и Святъславъ тмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тма свѣтъ покрыла...” (см. поясн. III.20).

20. В издании 1800 г.: “...тма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо и в морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови”.

Предложенные первыми переводчиками словоделение и разбивка на синтаксические структуры не позволяют получить осмысленный дословный перевод: «По Русской земле простерлись половцы, как “пардусов гнездо”, и в море погрузили (в тексте “погрузиста” – двойственное число, т.е. вдвоем утопили, уничтожили) и великое “буйство” подал(о, а) (в тексте: “подасть” – ед.ч.) хинове».

Мусин-Пушкин дал свободный перевод: “...свет в тьму превратился; рассыпались половцы по Русской земле, как леопарды из логовища вышедшие; погрузили в бездну силу Русскую и придали Хану их великое буйство”.

К чести первых переводчиков, они увидели главное: гибнут русские, а буйство охватило половцев.

Разбивка, предложенная Мусиным-Пушкиным, ревизии подвергнута не была, зато решительно “исправляется” древний текст и не только уточнением грамматических форм слов, но перестановкой целых предложений. Большинство исследователей приняло конъектуру Корша–Максимовича. Слова “и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови” были изъяты и переставлены в предыдущий фрагмент (см.поясн. III.19), где они, по мнению исследователей, были уместны: “оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови...” – “...оба багряных снопа (лучей) погасли, и с ними два молодых месяца Олег и Святослав, тмою заволочлись и в море погрузились и великую смелость возбудили в Хинове. На реке на Каяле тма свет покрыла: по Руской земле распротерлись половцы... как выводок барсов” (А.С. Орлов). В море погружаются теперь Олег и Святослав.

Олег Игоревич – подросток, он даже не имел еще своей дружины. Молодой Святослав – персона незначительная. О нем историк Б.А. Рыбаков только и мог сказать: “фигура эпизодическая в русской истории XII века, быстро исчезнувшая со страниц летописей”. Но в переводах, полученных после “правки” текста, произошла разительная метаморфоза: не только половцы, но вся Хинова ликует не по случаю разгрома многотысячной рати Игоря и пленения удельных князей, а по той причине, что Олег и Святослав вдвоем (“подасть” текстологи исправили на “подаста” – двойственное число) погрузили оба себя (“ся погрузиста”), неизвестно с какой целью, в море. Эту несуразность уже нельзя приписать невежественному переписчику: она была получена учеными после работы по “исправлению” текста.

Конъектура Корша–Максимовича ныне учтена во всех переводах и даже в вариантах (Р. Якобсон, А.К. Югов и др.), которые предполагают новые исправления и перестановки фраз.

О. Сулейменов не оказался в числе сторонников перестановки фраз в этом фрагменте, предлагаемый им вариант прочтения ограничивается *только* правкой текста.

Так как камнем преткновения явились слова о гибели пардужьего гнезда, т.е. гнезда барсов (леопардов, рысей, гепардов), то О. Сулейменов решительно возразил: “Не было пардусов в оригинале. Они появились позднее, скорее всего под пером П-16 (переписчика XVI в. – Ю.П.)” [152: 74].

Текст, по версии О.Сулейменова, первоначально имел такой вид: “На рѣцѣ а Каялѣ тѣма свѣтъ покрыва: по Руской земли прострошася Половци. Ак пардужи уй въ море погрузиста...”. “Ак пардужи уй” в тюркском эпосе означает “походная ставка” (“белозанавесный шатер”). Автор “Слова” ввел в текст этот половецкий термин, который в XVI в. был уже непонятен, и переписчиком неверно перенесен в копию. А означал он гибель походного шатра, поражение русских. И эта версия предполагает, что текст испорчен так, что радикальная правка допустима. Кроме того, утверждается мысль, что в текст “Слова” многократно введена иноязычная речь (тюркская).

Столь же решительно заявил о том, что в тексте СПИ нет “пардусов”, Г. Карпунин: «Полагая, что *пардуже* – притяжательное прилагательное от пардус, “гепард”, выражение “пардуже гнездо” переводят как “выводок гепардов”. Но этому переводу противоречит грамматика: форма *пардуже* соответствует существительному *пардуг*, тогда как *пардус* соответствовала бы форма *пардуше*. “Пардуг“ (от пар – “огонь”, “свет” и дуг – “жизнь, мощь, сила”) – огонь жизни; название солнца, радуги. Пардуже гнездо – гнездо огня жизни; солнце, радуга. Слово “пардуже” дает ряд смысловых рефлексов. Например, в данном контексте идет речь про два солнца, про два багряных столпа. Но *два, оба* – “пара”. Получается, таким образом, игра слов: *два* солнца, *оба* багряных столпа, *пара* – *дуже гнездо*, – гнездо, образованное спряжением двух душ – к двум солнцам добавятся “молодые месяцы” Олег и Святослав». “Мерцание смысловых значений слова вызывается объективными причинами, лежащими в основе художественной геометрии произведения” [64: 183].

Все в этом пассаже представляется крайне ненадежным. Слово “дуг“ неизвестно по текстам, хотя И.И. Срезневский и допускал возможность его существования [213, т. 1: 741]. Слово “парь” в значении “зной” и “жара” известно только в поздних текстах (XV в., по спискам XVI в.). Сочетание “пардугъ” совершенно неизвестно.

Как читать это “мерцание смысловых значений” в контексте, т.е. как читается этот фрагмент на современном языке, исследователь так и не пояснил. Но совершенно очевидно одно: Г. Карпунин принимает конъектуру Корша–Максимовича, и она (т.е. сама радикальная правка текста) не искажает “геометрию произведения”.

Таким образом, в “традиционных” прочтениях, опирающихся на конъектуру Корша–Максимовича, необходима не только перестановка целых фраз, но и ряд радикальных правок: 1) “пардуже” на “пардуше”; 2) “погрузиста” на “ся погрузиста”; 3) “подасть” на “подаста”.

Альтернативные прочтения (А.И. Мусина-Пушкина, О. Сулейменова, Г. Карпунина) также не исключают радикальной правки древнего текста и дают столь же плохо соотносимые с историческими реалиями и логикой переводы.

А между тем древний текст исправен, необходимо только уточнить разбивку Мусина-Пушкина: “Прострошася половци, аки пард” – это законченное предложение.

“Прострошася” – 3-е лицо ед.ч. аориста, возвр. “простретися” – “устремитися”: “И срѣти ны мнози въ одеждахъ бѣлыхъ, и прострошася к нам. Ж. Нифонта, 374 (1219 г.)” [212, вып. 4: 217].

“Пард” в русском и старославянском равнозначно “пардус”. У Даля: «“Пардъ” м. или “пардус”, стар. зверь кошачьего рода, барс» [206, т. 3: 18].

В слове “пардус” обращает внимание морфема -ус-, что показывает на явное заимствование из латинского. Окончание слова на “-усъ” воспринималось в славянском языке как явление чужеродное. (Любопытно написано: “Кумани пардос есть” [1: 84]. Форму “пардус” сохраняет книжная традиция. “Пард” – форма более говóрная. (В тексте СПИ слово “пард” употреблено в прямой речи!) Пардусами на Руси называли многих зверей кошачьей породы: леопардов, барсов, тигров, гепардов. Наиболее убедительной представляется точка зрения Н.В. Шарлеманя и И.А. Новикова: пардусы в СПИ – гепарды. А.С. Орлов предполагал, что в “Слове” речь идет о барсах. Но барсов на Руси не было. Ареал барсов в СССР ограничен горами Средней Азии и Южной Сибири и ниже 1800 м над уровнем моря не опускается. Барсы не могли быть и привозными, так как очень плохо переносят неволю и быстро гибнут. Гепарды же издавна были приручены и использовались для охоты. “отсюда немецкое название гепарда jagd-leopard – охотничий леопард”. В XV в. у одного армянского князя было 100 дрессированных для охоты гепардов. Огромное количество гепардов было у монгольских ханов. Охота с гепардами известна и на Руси. “Оле́гъ же ѣха напередъ к Гюргеви и да ему пардусъ. Ипат.лет. 6655 г.”; “...да Стбславъ Ростиславу пардусъ и два коня борза. Т.ж. 6668 г.” [213, т. 2: 880].

В древних текстах сравнение с пардусом давало представление о храбрости и стремительности. Тихонравов обратил внимание, что в сербской рукописи XVI в. сказано: “Куманинъ пардосъ есть”, т.е. речь идет о традиции сопоставления половцев с пардусами.

То, что слово “пардъ” в сравнении дано в единственном числе, а не во множественном, объясняется не только возможным согласованием в числе, но и логикой повествования. Дело в том, что гепарды, как и все кошачьи, преследуют добычу в одиночку, либо в паре. Это и в том случае, когда выпускалась свора: каждый зверь устремлялся за своей жертвой. (В нашем переводе, согласно современным нормам, дано множественное число.)

Следующая структура начинается со слова “уже”, которое, повторяясь, создает ритмическое и композиционное единство: “Уже гнѣздо и въ морѣ погрузи ста и великое буиство подастъ Хинови, уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса Дивъ на землю”.

“Ста” – сотни. Числительное “съто” (сто) употреблялось как существительное и склонялось так же, как существительное “село” (в ед.ч., мн.ч.). Сотни воинов тонут в море, т.е. Автор повторяет ту же версию, что и Ипатьевская летопись: часть воинов Игоря прорвались к морю, где и были уничтожены. В.Н. Татищев на основании каких-то иных источников делает некоторые уточнения: “А коуев хотъ и много ушло, но мало спаслось, ибо множество в море потонули” [154, т. 3: 136].

“Погрузи” – аорист, 3-е лицо ед.ч. “Погрузити” – “утопить”, “погубить”, “погрузить” [212, вып. 4: 108].

Согласование “гнѣздо” (собирает. сущ., но ср. род) и “погрузи” (ед.ч.) правильно (ср.: “дремлетъ в полѣ ... гнѣздо”). Для точного уяснения смысла высказывания в нашем переводе: “родовое гнездо”.

“Великое”, “великыи” – необычайный, сильный [212, вып. 1: 99].

“Буиство” – им.пад. ед. ч. – гордость. Ср.: «Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тугою покрыша бо сердце их (татар)... Уже бо по Руской земле простресе веселие и буиство. Вознесся слава руская по всеи земле. “Задонщина”, Унд. 248 (XVII в. – кон. XIV в.)» [212, вып. 1: 76].

“Хинова” – чужие враждебные племена (см. поясн. VI.13).

За все происходящие события: гибель в море “сотен воинов” – ответственность возлагается на русских князей. Это их поступки привели к поражению, и их поражение даровало великую гордость враждебным племенам.

Весь этот фрагмент убедительно точно совпадает с летописной версией: гибнет часть русского войска в море, после чего половцы “взяша гордость велику, и съвокупиша весь языкъ свои на Русскую землю”.

Перевод: “Тьма свет покрыла по Русской земле. Устремились половцы, словно гепарды: уже родовое гнездо в море потопило сотни и великую гордость даровало враждебным племенам”.

21–22. “...уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо Готъскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю...”

“...уже бросился Див на землю. И вот Готские прекрасные девы запели на берегу синего моря...” (А.С. Орлов).

В современных переводах наличествует скрытая правка: “се бо” означает не “и вот”, а “это ведь” или “ибо это”. Точный перевод дал бы нечто невразумительное: “бросился Див на войско – это ведь (ибо это) готские девы запели”. Смысл такого перевода однозначен: “пение дев ужаснуло Дива”. Мусин-Пушкин не случайно опустил при переводе “се бо”: “...уже филин опустился на землю. Раздаются песни Готфских красных девиц...”.

По мысли переводчиков, поражение русских от половцев вызвало радость у готов-христиан, которые, опять-таки по мысли переводчиков, жили на берегу Азовского моря, их девы и запели от радости.

Готы появились в Причерноморье в III в. н.э. В IV в. готы приняли христианство. Господство готов в Причерноморье продолжалось менее двух веков. Уже в 375 г. в степи вторглись гунны, разгромили войско готов, а готский царь Ерманарих покончил жизнь самоубийством. Готы были оттеснены за Дунай. Горсточка готов удержалась в Крыму в горных областях. Остатки готов были в Крыму еще в XVI в. Для Автора “Слова” готы исчезли из степи, минимум, 500 лет назад. Напомним, что в 860 г., по словам летописца, “начала называться Русская земля”. К. Маркс, встретив в “Слове о полку Игореве” упоминание о готах, был удивлен: “Выходит, что Геты, или Готы, праздновали победу тюркских половцев над русскими” [99: 122]. Ф. Энгельс в ответном письме К. Марксу от 7 марта 1856 г. писал: «Историю с готами в “Игоре” я посмотрю, когда получу книгу, но вообще установлено, что много готов осталось в Крыму до десятого и, быть может, даже одиннадцатого века; по крайней мере, в византийских (источниках) они фигурируют

как готы» [99: 129]. Ф. Энгельс зарезервировал за собой право уточнить вопрос о готском присутствии в Крыму. Но окончательного решения, по-видимому, не нашел.

Таким образом, даже для остатков готов время пребывания в Крыму ограничивается X в., т.е. до создания “Слова” остается около 200 лет. Присутствие же готов у Азовского моря после V в. вообще сомнительно. Все это делает существование готских дев в тексте СПИ весьма неправдоподобным.

О. Сулейменовым было предложено иное словоделение: “...уже връже-са дивъ на землю (се бог отъскый). Красныя...”. “Се бог отъскый” понято О. Сулейменовым, как разъяснение, пояснение к слову “дивъ”, а “отъскый” как «древнерусская форма прилагательного “отеческий”, равная форме “отинь” от основы “от” – “отец”» [152: 76].

Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов в статье «”Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова» совершенно справедливо указывают, что «слова “отский” в древнерусском языке не было, а было прилагательное “отнь” (“отень”, но не “отинь”, как у О. Сулейменова)» [47: 251–259]. Не касаясь более этого прочтения совершенно, Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов относят его к тем толкованиям текста, которые “основаны на субъективном, ошибочном восприятии текста, не имеют под собой серьезного научного фундамента” [47: 254].

Но таким же ошибочным, субъективным восприятием текста, “не имеющим под собой серьезного научного фундамента”, является и прочтение “готские девы”.

У русских в XII в. явно отсутствует интерес к исчезнувшему 500 лет назад народу. О южных готах почти совершенно нет сведений в русских летописных источниках. К готам относится, вероятно, только одно упоминание в Изборнике Святослава: “Уакинфъ акы ю чръмьнь есть, обрѣтаеть же ся въ утрънии варъварию сюриисцѣи. Скуфию же ю нарицають ветъсии страну ту всю северскую, иже суть гоффи и давънии. Изб. Св. 1073 г.; 153” [212, вып. 1: 175]. Обратим внимание на написание: “гоффи”. Готами же называли русские германцев, живших на острове Готланд (Балтийское море): “1130: Въ се же лѣто, идуце изаморія съ Готъ, потопаи лодии 7, и сама истопоша и товаръ. Новг. I лет. 22 (XIII в.)”; “1188: Въ то же лѣто рубоша новгородьце варязи на Гьтѣхъ, немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце. Там же, 39” [212, вып. 1: 175].

На чем же основано прочтение “готские девы”? Только на разбивке Мусина-Пушкина. Словоделение О. Сулейменова представляется правильным: “се бог”.

Отметим, что в древних текстах слово “бог” очень часто писалось и не под титулом даже в текстах религиозного содержания: “Аже богъ что разгадаеть о моемъ животѣ. Дух. Ив. Кал. 1327 г. – 1328 г.”; “Заклинаю тя богомъ живѣвшимъ да речеши намъ. Мф. XXVI. 63 Остр. ев.” Могло быть: “Писание Бмѣ дховно. Ю екз Бог. 308”. Но и: “Каяшася оружьемъ своимъ и Перуномъ бмѣ своимъ и Волосою скотымъ бгомъ”. И еще: “Бгѣ буди им’судія. Суд. Гр.”; “Суди им’ Бгѣ въ страшнии днѣхъ втарого пришествия Хва. Там же” [213, т. 1: 138–139]. Возможно и написание слова “богъ” без “ъ” (особенно если учитывать, что список СПИ был сделан в XVI в.): “И собра (Евпатий) мало дружины: тысячу семсот человек, которых бог соблюде – быша не града. Пов. разор. Ряз. 13 (XVI в. ~ 1237 г.)” [212, вып 1: 54].

Таким образом, слово “бог” могло быть в СПИ в любом написании: “бѣгъ”, “богъ”, “бог”. И оснований для претензий с позиции орфографии нет.

“От’ския” (разночтения в копиях – “отъския”, “отскія” – явно отражают поиски Мусиным-Пушкиным и соредакторами приемлемого прочтения) – нерасчлененное указательное местоимение “отъ”, предлог “с” и существительное “кыя”.

Местоимение “отъ” не книжное, а говорное. В московском просторечии довольно долго употреблялось в функции определительного постпозитивного члена: дом – отъ, старик – отъ. П.Я. Черных замечает, что “отъ” восходит к “ъ”+“тъ” (домъ+тъ) [176: 209]. Срезневский приводит пример из Лаврентьевской летописи, где местоимение “отъ” дано как говорное в прямой речи – в размышлении Владимира о праве Святополка на киевский престол: “Есть столъ пре* от оца его былъ. Пов. врем. Л., 6601 г.” [213, т. 2: 772]. В “Слове” “отъ” употреблено тоже в прямой речи бояр. Общеславянское слово “кыи” (ки) означало “шест”, “палка” (в древнерусском, кроме того, “молот”). В близких значениях дает его Даль [206, т. 2: 113].

В этом фрагменте упомянут Див, которому поклонялись прежде и на Руси, но преданный анафеме языческий бог к этому времени столь основательно забыт, что бояре при толковании сна Святослава уточняют: “Это бог тот, с шеста”. “Тот”, так как Див уже фигурировал: нашествие русских встревожило Дива, сидящего на столбе, который потом будет назван презрительно Тмуроканским чурбаном, деревянным идолом; сейчас – бог с шеста.

Перевод: “...уже набросился Див на войско – это бог тот, с шеста. Прекрасные девы запели на берегу синего моря...”

22. “... на брѣзъ синему морю...”

Возможно, что “синее море” – это не море вообще, а Азовское море. Но обоснование можем найти только в материалах XVI–XVII вв. [212, вып. 5: 145].

23. В издании 1800 г.: “...звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія”.

“...звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (антского князя, разбитого готским королем Винитаром), лелеют мечь Шарукану (деду хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом). А мы уже, дружина, без веселья (остались)” (Д.С. Лихачев).

Под “они” подразумеваются готские девы. По какой причине радуются готские девы, понять затруднительно. Что им-то за радость – победа половцев-язычников, которые представляли для готов куда большее зло, чем русские? (Это при условии, что мы допускаем версию о крымских готах) (см. поясн. III.21). Почему христиане-готы чтят память половца Шарукана?

Девы воспевают время “Бусово”. К первому переводу был дан исчерпывающий комментарий: “Кто был Бус, неизвестно”. В.Н. Перетц предположил, что по логике прочтения речь идет только о лице, хорошо знакомом русским: следовательно, Бус – имя половецкого хана. Но почему именем этого неизвестного хана назван какой-то исторический период?

Большинство исследователей приняли исправление “бусово” на “босово”: “время Босово” – период жизни антского князя Бооза. Возникает новая серия вопросов. Говорило ли это имя что-либо русской аудитории? Так как этот Бооз в IV в., т.е. 800 лет (!) тому назад, был побежден готским королем Винитарием, то весьма проблематично, что о нем знали на Руси в 1185–1187 гг. Считали ли себя русичи потомками антов? Почему готские девы называют время побед Винитария именем Бооза, а не именем Винитария?

О том, что девы готские присутствуют в тексте СПИ по недоразумению, сказано в поясн. III.21. В издании 1800 г. была сноска: “По какой связи сия, одержанная половцами победа, могла доставить Готфским девам Русское золото, сообразить не возможно”.

Русское золото попало, конечно же, к половчанкам. Это были трофеи их мужей и братьев – половецких воинов. И прекрасные половецкие у Азовского моря воспевали время “черное”, проклятое для русских. О существовании же в далеком прошлом Бооза девы и не догадывались. А вот о Шарукане половцы не могли не помнить. Дед Кончака – Шарукан потерпел от русских жестокое поражение в 1106 г. Теперь род Шарукана торжествует.

При прочтении этого фрагмента следует учитывать, что *идет поток монологической речи* – объяснения сна боярами. *Оценка событий дается от лица бояр и дружины*. Когда бояре говорят: “бросился Див на землю” – “земля” – это Русская “земля”. Когда упоминают Дива – поясняют, чей это бог, ибо на Руси верят в иного бога. Когда говорят о “времени”, они оценивают его со своей точки зрения: “черное”. Не до Бооза и половецким, и боярам, а вот Шарукан припомниться мог. У Автора следует: когда “они” поют, воспевают время, славят Шарукана, радуются, что отмщена его обида, то мы, бояре и дружина, скорбим. Ясная и четкая антитеза: враги радуются – мы печалимся. *Мы – русские. В антитезе же не может быть: “готы”, а только “половцы”*. Время “бусово” – черное для русских и радостное для половец.

О. Сулейменов объяснил “время бусово” как «время босурманово»: “время бусово – инверсированные части слова “босурмане”. Инверсия произошла по вине переписчика» [152: 76–77]. Несмотря на то что версия О. Сулейменова совершенно неправдоподобна с палеографической точки зрения, конечный результат – перевод – кажется убедительным по логике прочтения: половецкие воспевают время “босурманово”.

Исследователи “Слова” давно уже пытаются реализовать слово “бусый”, хорошо известное в говорах. Фиксирует слово “бусый” и ТСЖВЯ [206, т. 1: 145].

Слово “бусый” многозначно, но во всех случаях обозначает “темный” (темно-голубой, темно-бурый и т.д.) или “черный”. “Бусеть” означает “чернеть”. В тексте XVII в.: “Злато и серебро листовое в тварку и писать удобно: не бусеть и не замѣдѣтъ. Сим. Обих. 205 (XVII в.)” [212, вып. 1: 78].

Ср.: “Котора была медь аравитская, / Никогда она не бусела (чернела, примеч. издателя) и не ржавела... Онеж. Былины Гильф. (1-е изд.), 1169: Сотлиет нонь в ларцах да цветно платьице, / Забусиют жемчуги нонь перебраньи... Барсов. Причит. Сев. кр., I, 123”; “...Побусели жемчуги да перебраньи, / изоржавели колечка золоченыи! Там же, 265” [212, вып. 1: 78].

Таким образом, половчанки, звоня русским золотом, воспевают время черное, мрачное (для русских), а русским вдовам уже золотом не бречать. И здесь явная антитеза! Если принять во внимание то, что “черное”, “темное” обычно соотносили с “бесовским”, “дьявольским”, то время это – “бѣсово”. А ведь еще в 1916 г. С. Козленицкая на основе только смысловой необходимости заменила пресловутых готских дев на половецких, “бусово” время переводила как “бесово”. С. Козленицкая объясняла свои замены художественной и смысловой необходимостью. Прочтение С. Козленицкой, к сожалению, было не обосновано и не принято к сведению другими исследователями [67].

Перевод: “...звоня русским золотом, воспевают время черное, лелеют мечь Шаруканову, а мы уже – дружина – лишены веселья”.

24. “Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово...”

“Золотое слово”, вымолвленное Святославом, начинается обращением к Игорю и Всеволоду – северским князьям. И заканчивается скорбным упоминанием о трагедии г. Римова. Обращение к князьям, следующее далее, уже не входит в “золотое слово”.

“Золотое слово” – это упрек, и жалоба, и признание собственного бессилия изменить ход событий: “...Это ведь створили моей серебряной седине! И уже не вижу власти сильного и богатого многих войск брата моего Ярослава...”; “Но вот несчастье – княжье мне не пособничество. В ничто годы обратились”. Следует обратить внимание на слова: “злато слово со слезами смѣшано”.

Обращение же к князьям будет совершенно иным по стилю. Это ораторское публицистическое обращение. Оно требовательно и призывно: “Великий князь Всеволод! Не в мыслях – тебе бы / прилететь издалека отеческий престол поберечь!” Обращение к Ярославу Осмомыслу заканчивается требованием: “Стреляй, повелитель, Кончака – языческого кочевника...” Ко всем князьям: “...за землю Русскую, за раны Игоревы, неистового Святославича!” Ясно, что эти слова никак не смешаны со слезой.

Перевод: “Тогда великий Святослав неожиданно вымолвил золотое слово...”

25. “...рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себе славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте нечестно бо кровь поганую прольясте”.

“Рано начали вы Половецкую землю мечами в слезы вгонять, а себе славы искать; но бесславно одолели, бесславно ведь кровь поганых пролили” (В. Ржига и С. Шамбинаго).

Хотя словари определяют значение слова “нечестно” как “нечестиво”, “бесчестно”, “позорно”, в переводах “Слова” подбираются синонимы помягче:

И не в честь вы сперва одолели,
и не в честь
кровь поганых пролили!

(А.К. Югов)

“Но без славы для себя одолели, без славы ведь кровь поганую пролили” (А.С. Орлов).

Происходит некоторое переосмысление текста. Автор был определеннее. Ср.: “Твоя немощь и неистовство обличимъ любо и держиши, но въ ничто же, аще ли побѣдимъ тя зѣло срамно и нечѣстно. Гр. бог. 135 об. (XIV в.)” [212, вып. 3: 162].

“Цвѣлити” – заставлять плакать, обижать, терзать, мучить.

Перевод: *“Преждевременно начали половецкую землю мечами терзать, а себе славу искать. Но бесчестно одолели, бесчестно же кровь языческую пролили”.*

26. “Ваю храбрая сердца въ жестоѣмъ харалузѣ скована, а въ буюсти закалена. Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ!”

“Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в отваге закалены. Что сотворили вы моей серебряной седине!” (Н.К. Гудзий).

“Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине?” (Д.С.Лихачев).

Здесь не два, а одно предложение с четкой предикативной связью: “...сердца – створисте”. Смысл фразы: “Ваши ожесточенные сердца оскорбили именно меня, Святослава, мои седины”. Святослав подозревает, что Игорь и Всеволод, молодые воины, презрительно отнеслись к старости князя. Под сомнение ставятся его бойцовые качества. Поход, предпринятый тайно, без участия киевского князя, – оскорбление, а поражение Игоря и Всеволода – удар по Киеву, забота и неприятности Святославу. В словах Святослава не только огорчение, но и досада.

Перевод: *“Ваши храбрые сердца, в жестоком бою выкованные и в ярости битв закаленные, это ведь сотворили моей серебряной седине!”*

27–28. “А уже невиджу власти сильнаго, и богатаго, и много вои брата моего Ярослава, съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольбѣры. Ти бо бесъ щитовъ с засапожники кликомъ полкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу”.

“А уже не вижу сильного, богатого, имеющего много воинов брата моего Ярослава с черниговскими вельможами, с воеводами и с татранами, и с шельбирами, и с топчанами, и с ревугами, и с ольберами: эти ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня прадедовской славой” (Н.К. Гудзий).

Ярослав Всеволодович, князь черниговский, младший брат Святослава, проводил традиционную политику Ольговичей – избегал враждебных действий против половцев. В 1184 г. Ярослав отказался принять участие в походе на половцев. В 1180 г. он оказал помощь Святославу в борьбе за киевский престол. Действовал он тогда в союзе с Игорем. Если Игорь шел на помощь Святославу с войском Кончака и Кобяка, то с Ярославом шли союзные племена степняков. Некоторые рода этих племен будут перечислены в “Слове”: татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы. Отряды союзных степняков были отборным войском.

Великий киевский князь Святослав сожалеет не столько об отсутствии в рядах защитников самого удельного князя черниговского, а об отсутствии союзных племен. Многие осевшие в пределах Черниговского княжества ковуи ушли в поход с Игорем и не вернулись. Это о них речь.

Вероятнее всего, слова Святослава о том, что он не видит власти черниговского князя, имеют тот смысл, что Ярослав хотя сам и уклонился от участия в походе Игоря, но не сумел удержать Ольстина Олексича с ковуями.

Выражение “много вои” все исследователи и переводчики понимают как одно слово – “многовои”. Так дает и “Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 3: 99] с неубедительной ссылкой на Е.В. Барсова.

Но если принять эту конъектуру, необходима правка: “многовои”. Главное же возражение – отсутствие слова “многовои” (многовои) в памятниках XI–XVIII вв. И В.П. Адрианова-Перетц, принимая прочтение “многовои”, вынуждена была отметить: «...“многовои” не встречается в других памятниках» [1: 97]. Выражение же “много вои” известно по памятникам. Ср.: “Аще хощеша видетись со мною, то прииди с малыми вои, а се собралъ много вои, хотя меня проведать, в томъ есмь срамъ. Девг. Д. (Тихон.) 146 (XVIII в. ~ XII–XIII в.)”; “944: Игорь же совокупивъ вои многи, варяги, Русь и поляны, славѣни, и кривичи, и вѣверьцѣ... Пов. врем. лет, 33–34 (1377 г. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 3: 99].

Перевод: “И уже не вижу власти сильного и богатого, и много войск брата моего Ярослава с черниговскими вельможами, с богатырями и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Эти ведь без щитов с засапожными ножами криком полки побеждают, трезвоня о прадедовой славе”.

28. “...бо бесъ щитовъ с засапожники кликомъ полки побѣждаютъ...”

“Засапожники” – ножи, которые носили за голенищами сапог, – были оружием ближнего боя. В ожесточенной схватке, когда противники сходились очень близко, щиты сковывали движения и мешали.

Перевод: “... ведь без щитов, с засапожными ножами криком полки побеждают...”

29. “А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываеъ высоко птицъ възбиваеъ; не дасть гнѣзда своего въ обиду”.

Соколиная охота получила в Европе повсеместное развитие. На Киевской Руси соколиная охота была заведена при Старом Олеге, а при Ярославе Мудром учреждена особая соколиная служба. (Песков В. Ловчие птицы // Комсомольская правда. 1971. 16 окт.; Сулейменов О. Аз и я. С. 41–42; Брэм А.Э. Жизнь животных. Т. II. С. 239).

И в Европе, и на Руси в XII в. прекрасно знали все связанное с соколиной охотой. Автор “Слова” средневековой аудитории едва ли решился бы преподнести сентенцию, что молодым старому стать очень просто, а сокол в период линьки отличается бойцовыми качествами. Ср. у А.С. Орлова: “А разве удивительно, братья, (и) старому помолодеть? Когда сокол (весною) перья меняет, высоко (он) птицъ възбивает, не дает гнезда своего в обиду”.

Линька птиц – “мыть” – болезнь. «Когда птица линяет, она беспомощна Линяющий, теряющий перья сокол не взлетает, не възбивает, не крушит врагов своих, а отсиживается в гнезде... Он беззащитен в этот период. Состояние у него “мутное”. Именно в этом состоянии и изымают ловцы дикого сокола из гнезда. В древней Руси ловцов кречетов называли “помытниками” [152: 40–41].

И.И. Срезневский дает значение “мыть” – название болезни вообще: “О болѣзни а рати грѣхъ ради прииде под Кропы на ратных людех скорбь велия мыть; царь же Борисъ, то услышавъ, и с томъ оскорбися, и присла всякого пития и всякого зелья, кои пригодны къ болѣзнемъ...” [213, т. 2: 221].

Ср. в говорах: “Когда птичка в мытях, у ей панос”; “У каждой птички когда мыть, когда аперение, што куры, то и птицы, уси перебаливают”; “Как станет пяр, так гусенок делъица немущной, што гусенок, што кур нок, у яго гарить, мыть называица, перебаливъеть, птица” [71: 96–97].

Большинство переводчиков, стремясь избавиться от алогизма, выбрали самый легкий путь: дали свободный перевод: “Когда сокол надел оперение взрослой птицы...” (Д.С. Лихачев). Другие приняли толкование А.А. Потебни, согласно которому слово “въ мытѣхъ” следует читать как “въ летахъ”: “Коли сокол в летах бывает...” (Г. Штурм).

Оригинальное решение вопроса предложил О. Сулейменов: “въ мытѣхъ” – написание ошибочное и идет от копиистов, должно быть: “въ мытѣхъ”. Означает “трех мытей”, т.е. хотя цифра “3” дана в кириллице, но счисление следует вести в глаголице.

Как известно, славянские народы пользовались двумя азбуками. Два алфавита существовало и в Древней Руси: кириллица и глаголица. Трудно сказать, какой алфавит древнее, но вычурная и более сложная в написании глаголица на Руси была быстро вытеснена кириллицей. В качестве цифр русичи пользовались буквами – глаголическими и кириллицы. Но принцип счисления был разный. Если в глаголице цифровое значение получали все буквы по порядку, то в кириллице значимыми были лишь буквы, заимствованные из греческого письма. Так, выпадали буквы “б”, “ж” и др. Порядок букв в глаголице и кириллице также был различен. Поэтому значения букв-цифр не совпадали: “в̄” в глаголице – 3, а в кириллице – 2.

О. Сулейменов предполагает, что на Руси могли иногда пользоваться кириллицей, но отсчет вести как в глаголице. Убеждает его в этом то, что в “Повести об Акире” есть почти дуплетная фраза: «Акир же рече ему: “Великий царю Синографу, възвѣрзи на господу печаль свою, тои ты препитает. Когда сокол трѣх мытѣи, тогда не дается выбиться из гнезда своего» [212, вып. 3: 127]. Сокол трех мытей в СПИ – это трижды перелинявший сокол, бойцовая птица, – таков вывод О. Сулейменова.

“Он, вероятно, прав, – замечают оппоненты О. Сулейменова Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов, – но на это уже указывали его предшественники, о чем необходимо было упомянуть” [47: 225]. Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов указывают, кого они имеют в виду, говоря о предшественниках, в сноске к статье: «См. хотя бы статью В.П. Петруся “Сокол в мытѣх”. Ученые записки Кировского педагогического института, вып. 11, 1957 г. Статья цитируется в Словаре-справочнике “Слово о полку Игореве” (вып. 3, стр. 128)» [47: 255].

Здесь явное недоразумение. О том, что такое “мыть”, хорошо известно было всегда, что не помешало существовать переводам, противоречащим логике прочтения.

В.П. Петрусь, объяснив, что такое “мыть”, пришел к выводу, что в тексте “Слова” речь идет явно не о линьке, а о чем-то ином. Обращаемся к “Словарю-справочнику СПИ” [212, вып. 3: 128]: «В.П. Петрусь предлагает “мыть” читать как “мыть” – пошлина, подать, плата, дань». В этом случае “бывать въ

мытэхъ” метафорически может означать: “находиться в экспедиции (походе) для сбора дани”; “собирать дань”, “охотиться”. Следовательно, наше предположение приобретает такой смысл: “Когда сокол берет дань с птиц (т.е. охотится), он бьет их на большой высоте, не давая своего гнезда в обиду”.

Не будем говорить о том, что подобный перевод может быть получен только при полном игнорировании грамматической связи слов в предложении (древнего текста); главное же – в прочтении В.П. Петруся совершенно иной смысл, ср. у О. Сулейменова: “перелинявший трижды сокол – бойцовая птица”.

Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов в той же статье пишут: «...гипотеза о том, что предлог “въ” (в сочетании “соколь въ мытэхъ”) – не понятая кем-то из переписчиков “Слова” цифра, во многом напоминает рассуждения в статье, опубликованной в 1969 году, но также не упомянутой О. Сулейменовым» [47: 255]. Следует ссылка на статью О.В. Творогова “Сокол трех мытей” [156].

Но О.В. Творогов приходит к несколько иному (чем Сулейменов) выводу: «Устойчивое употребление образа “сокол трех мытей” в списках повести об Акире Премудром наталкивает на мысль: не явилось ли доставившее столько хлопот комментаторам выражение “въ мытэхъ” результатом искажения слов “гъ мытей” (где гъ – обозначение цифры 3), которое могло читаться в первоначальном тексте “Слова о полку Игореве”?» [155: 114].

Ср. у Сулейменова: «Мне кажется, что в протографе “Слова” исследуемое место было написано так: “Коли соколь въ мытэхъ бывает, высоко птицъ възбиваетъ, не даст гнезда своего въ обиду». О. Сулейменов не предполагает, что здесь искажение “Г” на “в”, а считывает “В” цифрой “3” в глаголическом счислении.

«Автор, переводя устную поговорку в письмо, применил при передаче числительного “трех” глаголическое правило (аз – 1, буки – 2, веди – 3)» [152: 43–44].

Итак, и О. Сулейменов, и О.В. Творогов приходят к мысли, что выражение “въ мытэхъ” должно читаться как “3” (трех) мытэхъ”. Прочтение О.В. Творогова предполагает радикальную правку. О. Сулейменов же указывает на то, что “в” – цифра “3” в глаголическом счислении. Но остается фактом, что в тексте издания 1800 г. мы имеем начертание “въ”. Предположение О. Сулейменова, что на Руси, возможно, счисление по системе глаголицы могло быть записано в кириллице, не находит подтверждения.

А между тем текст читается без малейшего исправления. Смысл фрагмента: когда приходится защищать свой кров, даже старый молодеет, становится бойцом: ведь даже больной, линяющий сокол защищает свое гнездо. (Как умны были наши предки – и с каким недоверием относимся к ним мы, исправляя прежде, чем поймем!) Ошибка была допущена Мусиным-Пушкиным: он не уяснил характер подчинительной связи двух структур.

Перевод: “А разве чудо, соратники, старому помолодеть, если и сокол в линьке, бывает, высоко птиц отгоняет – не дает гнезда своего в обиду”.

30. “Нъ се зло – княже ми неспособность: наниче ся години обратиша”.

В переводах:

Но вот зло: князья мне – не пособники!
На худое години обратились!

(В.И. Стеллецкий)

“Но вот зло: князья мне непомога. Наизнанку времена перевернулись” (В. Ржига и С. Шамбинаго).

Наиболее точным мне кажется перевод Н.К. Гудзия: “Но вот зло: князья мне не помощь. В пустое время обернулось”.

“Зло” – основное значение: беда, несчастье. Ср.: “Тако же в въ молитвахъ вьсегда молитася о насть, да, не придетъ на ны зьло. Жит. Бор. Глеб. (Сказ. Усп.) 26 (XII в. ~ XI в.)” [212, вып. 2: 137].

“Княже” – эту форму “Словарь-справочник СПИ” определяет как существительное, звательный падеж ед.ч. [212, вып. 2: 191–192]. Но обращение “княже” в тексте невозможно по смыслу. Здесь следует предполагать не существительное, а краткую форму притяжательного прилагательного “княжь”, известную по памятникам уже в XI в. [213, т. 1: 1399]. Такое понимание и принято во многих переводах.

“На ниче” – в (на) ничто; “ниче” – ничто (так понимал это выражение И.И. Срезневский). Ср.: “Ничь же выше показания. Гр. Наз. XI в.” [213, т. 2: 454].

Н.С. Тихонравовым было предложено иное прочтение: “наниче” – наизнанку, наоборот.

Но вот зло: князья мне неспособники.

Изнанкою судьбины обернулись!

(Г.Шторм)

В древних текстах известно слово “наниче” в значении “наоборот”, “наизнанку”, но в этом значении нет написания “наниче”.

Стремясь утвердить прочтение “годы наизнанку”, переводчики обращаются к диалектам. Обширный материал по слову “наничь” собран В.А. Козыревым [71: 97–98]. *Но во всех без исключения примерах речь идет только об изнанке платья.* Изнанка годов (лет) – выражение совершенно необъяснимое ни в отвлеченном понятии, ни в образном. С заключением В.А. Козырева: «Указанные диалектные данные подтверждают толкование слова “наниче” в памятнике...» как “наоборот”, – согласиться невозможно.

“Годиниы” – в контексте перевод слова “годиниы” как “годы” вполне закономерен. Возражения, основанные на предположении, что “годиниы” могли обозначать только время вообще, опровергают примеры из памятников: “Вѣдати, яко жидове по луньому течению чтуть от години до години, день единъ на 10 излише являютъ. Хрон. Амарт. 212 (XII–XIV вв. ~ XI в.)” [205, вып. 1: 164].

Перевод: “Но вот несчастье – князье мне не пособничество. В ничто годы обратились!”

31. “Се у Римъ кричатъ подь саблями половецкыми, а Володимиръ подь ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!”

Римов – город на реке Суле, принявший на себя ответное нашествие половцев. Город разграблен, половцы взяли большой полон.

Владимир, о котором идет речь, – Владимир Глебович, князь Переяславский, сын Глеба Юрьевича. Отважный князь Владимир вышел на встречу превосходящим силам половцев, в битве он находился в авангарде и был тяжело ранен тремя копьями. Эти ранения и будут причиной его ранней смерти.

Для современников упоминание имени Владимира было многозначительным. В усобных войнах князь Игорь пограбил и разорил земли Владимира Глебовича. Владимир Глебович же пострадал и от следствий Игорева похода к Дону – ответного нашествия половцев. В глазах современников именно Игорь был виновником ранней смерти князя Владимира.

“Володиміръ подъ ранами” – следует читать в переводе “изранен”. Это избавляет перевод от смысловой неточности. Ср.: “Вот в Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами” (Н.К. Гудзий); “Вот уже в Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир (князь) под ударами” (А.С. Орлов). Но Владимир не кричит под ранами или ударами, а покрыт ранами, изранен. Точнее у В.И. Стеллецкого: “Вот в Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир покрыт ранами...”

Перевод: “Вот в Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен – печаль и тоска сыну Глебову”.

Четвертая композиционная структура

1. Особое место в композиции “Слова о полку Игореве” занимает обращение к русским князьям – Всеволоду Юрьевичу, Рюрику и Давиду Ростиславичам, Ярославу Владимировичу, Роману, Святославу и Всеволоду Мстиславичам; Всеволоду, Мстиславу, Изяславу и Ингвару Ярославичам (т.е. Мстиславичам и Ярославичам из рода Мстислава Великого) и Игорю Святославичу. Как уже отмечалось, обращение к князьям не входит в “золотое слово” Святослава. Существует иная точка зрения: обращение к князьям произносит Святослав (т.е. оно входит в “золотое слово”), но приверженцы ее игнорируют не только стилистическое различие обращения к князьям и “золотого слова”, но и возникающие несоответствия, которые уже имеют отношение к историческим реалиям.

Так, А.К. Югов указывает на то, что сам характер межкняжеских отношений не мог позволить Святославу прибегнуть к обращению “господине” – “повелитель, господин” – по отношению к удельным князьям. Следует добавить, не мог князь киевский обратиться с титулом “великий князь” к Всеволоду – князю Владимиро-Суздальской земли, а к Ярославу – “Осмомысл”. Князь Всеволод Юрьевич мог претендовать на наследование киевского престола по отцу Юрию Владимировичу Долгорукому, и упрек, что он не хочет “отня стола поблюсти”, приобретает, если его вложить в уста Святослава, неожиданный, двусмысленный подтекст. Не следовало бы Святославу вспоминать о том, что Ярослав не раз отворял ворота Киева. Ведь ворота отворяли военной силой, и то, что удельный князь был в состоянии “отворить” ворота Великого Киева, свидетельствовало об упадке могущества Киевской земли и великокняжеской власти.

Возможно, и к “шестокрильцам” Святославу не следовало обращаться: всего пять лет назад “Мстиславичи” яростно воевали против него.

Четвертая композиционная структура является наиболее важной в поэме для раскрытия идеи произведения. Именно в четвертой композиционной структуре следует прямой призыв к единению усилий в борьбе с врагом. В этом отношении вся поэма служит словно бы аргументом, обосновыва-

ющим необходимость такого призыва. Обращение к князьям – идейный центр поэмы. К сожалению, это в достаточной мере еще не уяснено. Более того, во многих работах утверждается мысль о чужеродности обращения в общей композиции “Слова”. И. Беликов утверждал, что обращение к князьям – простое перечисление общих мест из воинской жизни [9: 295–308].

Обращение к князьям – чисто поэтический прием, считает А.Н. Робинсон и, анализируя обстановку в русских княжествах, приходит к выводу, что Автор “Слова” не мог обратиться с призывом к русским князьям по той причине, что им (князьям) были невыгодны совместные и согласованные действия: «Всякие попытки рассматривать содержание “Слова” без учета этих исторических обстоятельств были бы антиисторическими» [133: 193].

А.Н. Робинсон совершенно не учитывает то обстоятельство, что анализ современниками сущности происходящих явлений часто не отличается объективностью. Антиисторической будет всякая попытка не учитывать это. Нет нужды приводить многочисленные примеры истории, когда, оценивая ситуацию, современники проявляли исторический идеализм. Свойственен он был и Автору и питался глубокими чувствами патриотизма и памятью об иных временах, когда Русь была объединена авторитетом Киева. Впрочем, оценивая обстановку, Автор уже понимает невозможность объединения Руси под единой властью Киева и ограничивается только призывом единения вокруг Киева в совместной борьбе с половцами, т.е. Автор “Слова” прекрасно понимал, что князья русские не воодушевлены идеей прочного союза. Но он-то, Автор, не был выразителем их взглядов, он выражал народную идею. Именно этот фактор полностью исключает А.Н. Робинсон в своих исследованиях.

2. “Великий княже Всеволоде”.

Не случайно призыв к единению начинается с обращения к Всеволоду Юрьевичу. Всеволод Юрьевич, князь Владимиро-Суздальской земли, был в 80-х годах XII в. одним из самых могущественных князей на Руси. Владимиро-Суздальская земля при его княжении достигла наибольшего расцвета. Всеволод распространил свое влияние на Рязанскую и Новгородскую земли и первым из владимирских князей стал именовать себя великим князем. Усиление Владимирского княжества не могло не сказаться отрицательно на значении и роли Киева как центра Русской земли, как оплота и единения.

В свое время дед Всеволода – Владимир Мономах – был великим князем киевским. Длительное время киевского престола добивался отец Всеволода, Юрий Долгорукий. Брат – Глеб Юрьевич в 1169 г. силой утвердился на киевском престоле, но был свергнут Мстиславом, торками и боярами, и вновь утвердился в Киеве с помощью Кончака. Однако уже брат Всеволода – Андрей Боголюбский – предпочитал жить во Владимире и даже стремился, чтобы Владимир-на-Клязьме стал центром притяжения для русских земель. Эту политику по отношению к Киеву и продолжил Всеволод Юрьевич. Как отмечает Автор, у великого князя Всеволода нет желания наследовать престол Мономаха. Это – констатация исторического факта. Поэтому вопрос, с которым переводятся следующие за обращением слова: “не мыслю ти прилетѣти издалеча...”, неуместен. Ср.: “Великий князь Всеволод! Неужели и мыслю тебе не прилететь издалека, отцов золотой престол посторожить?” (А.С. Орлов). В тексте “Слова” в этой фразе нет и признака вопросительной

интонации. О прочтении этого места В.И. Стеллецкий писал: «Полагаю, что здесь мы имеем безличное инфинитивное предложение со значением желательности и дательным падежом “ти” при инфинитиве. При таком понимании текста становится совершенно ясным, надобность в конъектурах отпадает» [148: 300].

Перевод: “Великий князь Всеволод!”

3. “Ты бо можешу Волгу веслы роскропиту...”

“...намек на победоносный поход Всеволода Юрьевича на волжских болгар, описанный в Ипатьевской летописи под 1182 г., в Лаврентьевской – под 1184 г.” [114: 124].

Перевод: “Ты же можешь Волгу веслами разбрызгать...”

4. “...то была бы чага по ногатъ, а кощеи по резанъ”.

“Чага” – рабыня, невольница. Ср.: “Толико взяша полона множество, яко же всимъ рускимъ воемъ наполнится до избылья и колодники, и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты, и конми. Ип. л. 6678 г.” [213, т. 1: 1467].

“Кощеи” – кочевник (см. поясн. III.11).

“Ногата” – денежная единица, одна двадцатая часть гривны.

“Резана” – более мелкая денежная единица; нарубленные, резанные пополам монеты; примерно одна пятидесятая часть гривны. Чтобы не усложнять – в нашем переводе: “монета” и “резаная монета”.

Следует признать, что слово “монета” – прозаизм, который в поэтическом переводе был бы неуместен. Но и “ногата”, и “резана” – слова, известные ныне только узкому кругу специалистов. Обратим внимание, что Д.С. Лихачев в объяснительном переводе вынужден дать: “невольница (половецкая) по ногате (*по мелкой монете*), а раб (половчанин) по резане (*еще более мелкой монете*)”.

Перевод: “...то была бы невольница по монете, а кочевник – по резаной монете”.

5. В издании 1800 г.: “Ты бо можешу по суху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы”.

Перевод Мусина-Пушкина: “Ты можешь на сухом пути живыми шерешерами стрелять через удалых сынов Глебовых”.

Слова “шерешеры” в древнерусских (и во всех древнеславянских) текстах нет. Мусин-Пушкин к первому переводу дал справку: “Неизвестный уже ныне воинский снаряд. Может быть, род пращи, которою каменя метали, или какое-либо огнестрельное орудие...”. Нерешительное предположение Мусина-Пушкина, что “шерешеры” – это “огнеметы”, огнестрельные орудия, однако, утвердилось, хотя этимология слова осталась неясной. В.Ф. Ржига в 1947 г. пишет: «“Шерешеры” прекрасно объяснено Мелиоранским из аналогичного персидского слова *tir-i-čārḫ*» [131: 117]. Но, увы, объяснение Мелиоранского неубедительно: а) чтобы объяснить, как из слова *tir-i-čārḫ* получилось “шерешеры”, потребовалась промежуточная ступень. Для этого были реставрированы “тюркские” формы этого слова. Подтвердить существование в прошлом якобы “реконструированных” форм не удалось; б) слово “*tir-i-čārḫ*” встречается у персидских историков Ала-эт-Дина

Джувейни и Ришид-эт-Дина только при описании походов Чингиз-хана. Сомнительно, что персидская военная терминология XIII в. была известна на Руси в XII в.; в) совершенно непонятно, почему Автор “Слова” употребил слово, неизвестное русской аудитории, да еще и без пояснения, да еще и немислимо искаженное, даже если соотнести его с реконструированной тюркской формой; г) военная лексика представлена в русских летописях чрезвычайно полно, но даже когда в Ипатьевской летописи идет речь о метательном оружии, из которого стреляли “живым огнем”, летописец демонстрирует абсолютное незнание термина “шерешеры”. Возникает естественный вопрос: не родился ли термин “шерешеры” при непрочтении иного слова (или слов)? На ошибочность версии, которая предполагает, что “шерешеры” образованы из греческого $\sigma\alpha\rho\iota\sigma\sigma\alpha$ – “копье”, указал М. Фасмер, отметив, что эта гипотеза не в состоянии объяснить ни появления согласного “ш”, ни вокализма [214, т. 1: 430].

Уточняя лексику этого фрагмента, будем исходить из предположения, что: а) все слова в “Слове” русские, или, точнее, вошедшие как общеупотребительные в русскую речь; б) этот фрагмент “Слова” не представляет собой исключения – рассказывает о реальных событиях, и правильность перевода проверяется соотношением событий поэмы с историческими реалиями.

Обратимся к истории. Всеволод Юрьевич совершил победоносный поход на волжских болгар, описанный в Ипатьевской летописи под 1182 г., в Лаврентьевской – под 1184 г. В походе приняли участие сыновья Глеба Ростиславича Рязанского – Роман, Игорь, Владимир, Всеволод, Святослав. Всеволод Юрьевич осаждал столицу болгар с суши. Но в осаде “великого города” приняла участие и “судовая рать”. Это позволило русским захватить остров на Волге вблизи осажденного “великого города” и устроить засаду. Когда болгары, собрав большие силы из окрестных мест, на сотнях “учан” (лодок) двинулись на помощь осажденным и попытались высадиться на острове, русские встретили врага на берегу стрелами и, преследуя, погнали по реке. Перегруженные лодки болгар опрокидывались, тонули. К острову шло великое множество лодок болгар – словно шуга покрыла реку. Спаслась же из 5000 человек едва ли половина. Речная баталия была событием из ряда вон выходящим, и Автор, коль он вспоминал о подвигах Всеволода, не мог не упомянуть о ней.

Есть старинное название струги, лодки – “ширь” или “ширя”. Даль [206, т. 4: 635] дает примеры: “Ушли в ширяхъ” или “на ширяхъ”; “догнали в шире”.

Если в написании “шерешеры” выделить “ширы”, то останется “шере”. Явно обнаруживается ошибка. На каком-то этапе в копиях было утрачено “ши” – “шереши”. Слово “шерешь”, бытующее и ныне в русских и украинских говорах (варианты: “шерашь”, “шерохъ”, “шаршь”, “шарашь”, “шешешь”), означало: сало, шуга, рябь, комья, куски, мелочь. Употреблялось слово “шерешь” и в переносном значении – “мелкий”: шерешь нагольная – “мелкий люд”.

“Живыми шереши-ширы” представляет собой согласование в творительном падеже и числе. “Ширы” и “шереши” даны в архаичной форме: творительный падеж – окончание “ы” (“и”). Возможность распространения этой формы творительного падежа на существительные не только мужского рода

с основой на “а” отмечалось уже в исследовательской литературе (см. *Марков В.В.* Историческая грамматика русского языка: Именное склонение). Заметим и то, что слово “шерешь” в вариантах было и мужского рода.

Таким образом, загадочные “шерешеры” образовались при непрочтении двух слов: “шерешь” – шуга и “ширы” – лодки. С палеографической точки зрения исправление “шерешеры” на “шерешы” и “ширы” вполне правомерно. М.В. Щепкина отмечает: «*Памятнику свойственны были случаи гаплографии, т.е. пропуск одного или двух рядом стоящих одинаковых написаний.* Полагаю, что так получилось с чтением “стрежаше е гоголемъ” вместо первоначального “стрежаше его гоголемъ» [190, т. 9: 8]. “По суху” – по берегу (сухо – берег). Ср.: “Извлѣкши корабли на соухо и оставивъше вьсе, въ слѣдъ его идоша. Лук. У. 11 Юр. ев. п. 1119 г.” [213, т. 3: 633].

“Удалыми сыны Глѣбовы” – беспредложный творительный падеж. Ср.: “Даниил же идяше полкомъ своимъ” (Ипатьевская летопись).

Текст читается в полном соответствии с фактами. Ср. в переводах:

Ты же можешь по суху
Живыми стрелять
Самострелами –
Удалыми сынами
Глебовыми!

(Ив. Новиков)

“Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать, удалыми сынами Глебовыми” (Н.К. Гудзий).

Ты ведь можешь посуху
Живым огнем стрелять –
Удалыми Рязанскими князьями!
(А.Чернов)

Но есть все основания утверждать, что Автору виделось иное: Волга, вспененная веслами, чернеет от сотней ширей. Ширей так много, словно шуга, шерешь покрыла реку.

Когда Автор писал поэму, удалые сыны Глебовы вышли из повиновения Всеволода Юрьевича и начали усобицу. Но Автор напоминает, что именно Всеволод дал пример успешных совместных действий русских князей против хиновы.

Перевод: “Ты можешь по берегу живой шугой – лодками – стрелять с удалыми сынами Глебовыми”.

6. “Ты буй Рюриче! И Давиде!”

Рюрик и Давид – сыновья Ростислава Мстиславича. Рюрик в период событий, описанных в “Слове”, совместно со Святославом правил Киевской землей. Формально на княжении был Святослав, а Рюрик отсиживался в Белгороде. Договор о совместном правлении был заключен в 1181 г. и закреплен браком сына Святослава и дочери Рюрика. А совсем еще недавно Святослав и Рюрик, вовлеченные в усобицу из-за киевского престола, были злейшими врагами.

В 1173 г. Рюрик сменил на престоле Романа Ростиславича. Роман недостаточно решительно противодействовал проiscaм Андрея Боголюбского.

К Андрею Боголюбскому бояре, церковь и “черные клобуки” были настроены чрезвычайно враждебно из-за его традиционных союзов с половцами. И так нужен был на киевском престоле человек решительный и энергичный, что бояре и церковь посмотрели сквозь пальцы даже на то, что Рюрик был женат на половчанке, т.е. имел сватов в Степи.

Поддерживая Андрея Боголюбского, против Рюрика выступил Святослав, что было довольно закономерно, так как политика союза с половцами для Ольговичей была так же традиционна, как для “гнезда” Юрия Долгорукого. Рюрику придется противостоять могучей коалиции Андрея Боголюбского, половцев, Святослава и присоединившегося к нему Игоря Святославича. Правда, значительного успеха коалиция не добьется, а будущий герой “Слова” – князь Игорь – будет даже разбит наголову одним из Ростиславичей – Мстиславом. Но Рюрик на княжении не удержится. Его сменит Ярослав Луцкий, потом опять Роман Ростиславич. И, наконец, свою корректуру внесут половцы. Они разобьют в 1176 г. Ростиславичей и откроют дорогу к престолу Святославу. Однако Ростиславичи попытаются восстановить свои права и в 1180 г. вновь захватят Киев и изгонят Святослава. На помощь Святославу поспешит из Чернигова родной его брат Ярослав и двоюродный Игорь. Игорь с собой приведет союзников: Кобяка и друга и “свата” Кончака. И опять князь Игорь будет наголову разбит Ростиславичами и будет со “сватом” Кончаком спасаться от пленения. В конце концов, обессиленные противники – Рюрик Ростиславич и Святослав Всеволодович – заключат союз, и в дальнейшем будут действовать согласно.

Почему к имени Рюрика Ростиславича Автор присоединяет эпитет “буи” (неистовый)? Этот эпитет был уже употреблен применительно к вспыльчивому и яростному Всеволоду, будет он употреблен и к заносчивому Игорю Святославичу.

Рюрик был характера непостоянного и вспыльчивого. Беспокойный и деятельный князь был начинателем многих усобных войн. В конфликтах он выступал обычно с той группировкой, которая была враждебна половцам. Но когда писалась поэма, Автор еще не мог знать, предвидеть, что в 1203 г. Рюрик в союзе с половцами подвергнет Киев ужасающему разгрому, после которого тот уже не поднимется. Только орды Батыея смогут затмить геростратову славу Рюрика. Нет, не ошибся Автор, называя Рюрика “неистовым”.

Перевод: “Ты, неистовый Рюрик! И Давид!”

7. “Не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки, тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?”

“Не ваши ли позлащенные шлемы в крови плавали? Не ваша ли дружина рыкает, подобно волам израненным саблями булатными в поле неизвестном?” (А.И. Мусин-Пушкин).

“Не у вас ли золоченые шлемы по крови плавали? Не у вас ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в степи неизвестной?” (Н.К. Гудзий).

При переводе исследователей и переводчиков поставило в затруднение несогласование в сочетании “не ваю ли злачеными шелома”.

“Ваю” – местоимение, 2-е лицо род. пад. двойств. ч.

“Шеломы” – было понято как им.пад. мн.ч.

“Злаченными” – твор. пад. мн.ч.

Было предложено исправить эту фразу, добавив “вои” после слов “не ваю ли”. Этот вариант прочтения отражает перевод Д.С. Лихачева: “Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (на земле Половецкой, не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)?”

Очень близко прочтение А.К. Югова:

Не ваша ли храбрая дружина
по самые золотые шлемы
в крови вражеской шла?!
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, будто туры,
раненные саблями калеными
на поле незнаемом?!

Комментарий этого фрагмента у А.К. Югова представляет немалый интерес: «Утраченное ныне значение “идти” для глагола “плавати” привело к заведомым ошибочным переводам этого места в “Слове”.

В памятнике XIV в.:

“Видев теля и овцю ... плавающе на поли”. Ясно, что теленок и овца по полю шли, а не плавали! В других списках: блудящу, ходящу.

Перевод “Не ваши ль золоченые шлемы в крови плавали” ведет свое начало от Мусин-Пушкинского, точно такого же. Но могут ли тяжелые, стальные шлемы плавать? Метафора? Не слишком ли противоестественная! Но стоит лишь принять второе значение: идти, как все проясняется. И возникает грозная гипербола: по сами золотые шлемы в крови вражьей шли!

В тексте все же предполагается незначительная порча. А именно: “не ваю” = не ваша ли; “злаченными шеломы” – это древний творительный падеж: “не ваши ли... золотыми шлемами... по крови шли...”» [194: 173–174].

При прочтении этого фрагмента учитывалось:

а) конструкция в целом не имеет вопросительной интонации. Частица “ли” дает при отрицании “не” усилительное значение. (Вопрос этот был подробно рассмотрен в поясн. I.4);

б) совершенно прав А.К. Югов – глагол “плаваща” в контексте указывает не на то, что предметы сохранялись на плаву, а на передвижение в пространстве. Ср.: “И быхъ (жена) мѣсто от мѣста прѣходящи, нынѣ же по пустыни сеи плаваю, многажды обрѣтена бывши, часто бьена бывши. Прол. 1383 г., 16” [212, вып. 4: 78];

в) выражение “золочеными шлемами” (злаченными шеломы) может быть применено только к шлемам удельных князей. На это неоднократно указывала В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев и многие другие. Вои одетыми в золоченые шлемы быть не могли. Князья же, которые упомянуты в этом фрагменте, – только Рюрик и Давид. В самом выражении “злаченными шеломы” слова согласованы: твор. пад. мн. ч.; в контексте – творительный беспредложный;

г) “ваю” – местоимение, 2-е лицо род. пад. двойств. число – “вас двоих”. Нет никаких оснований ставить знак равенства: “ваю” = ваши. В первом предложении “ваю” – родительный беспредложный падеж предела. Обычно при обозначении места (лица), которого достигают (не достигают), стоит глагол с приставкой “до” (“Долѣсти двора моего”). Но «изредка подобный родительный падеж употреблялся и после глаголов, не с приставкой “до” – “не добро бо есть преступити предѣла чюжего” (Лавр. лет.)» [118: 76];

д) по логике прочтения, не шлемы плавают в крови. Но и устрашающая гипербола А.К. Югова не может быть принята – она противоречит образной системе “Слова”. По крови шли ногами, шли дружины, побиваемые врагом, но шли не к князьям (к золотым шлемам) Рюрику и Давиду, т.е. не от них ждали помощи.

“Злачеными шеломы” – редкий случай, когда “в функции качественной характеристики предмета через какую-нибудь его внешнюю деталь в древнерусском языке иногда употреблялся беспредложный творительный падеж: Бѣ же Мьстиславѣ дебел (=толст) тѣлом, чриенѣ лицемъ, великими очима, в современном русском языке: Был Мстислав толст телом, румян лицом с большими глазами (Пов. врем. лет); И тут судно наше большее взяли и 4 головы руские а нас отпустили голыми головами (=лишенными всего) за море, в современном русском языке: ...а нас отпустили с голыми головами (Хожд. Афан. Никит.)” [118: 94].

В тексте “Слова”: “к вам двоим с золочеными шлемами, в золоченых шлемах”. В нашем переводе во избежание неясности, так как возникает классический случай, когда знаки препинания бессильны передать синтагматическое членение речи на группы слов, объединенных в смысловом и ритмико-мелодическом отношениях, предложен вариант: “к вам двоим золоченым шлемам”. Хотя возможно: “к вам двоим, которые в золоченых шлемах” или “к вам двоим, что в золоченых шлемах”.

Слово “рыкать” переведено двумя словами за отсутствием эквивалента. “Рыкати” означало не только “рычать”, “реветь”, но и “кричать”, “стонать, призывая”.

В этом фрагменте недвусмысленный намек на неслыханную военную измену Давида в 1185 г., когда он перед лицом половецкой опасности, в дни, когда пал Римов, когда дружины Глеба Переяславского истекали кровью в неравной борьбе, уклонился от помощи. Рюрик же невольно оказался “непособником”, ибо, тщетно прождав брата, промедлил с помощью.

Для справки: “плаваша” – 3-е лицо мн.ч. аориста; означает законченное действие, совершившееся в прошлом. “Кровь” (кръвь) могло означать в конкретном тексте и “кровопролитие”, и “убийство”, и “побоище”.

Перевод: “Не к вам двоим, золоченым шлемам, по побоищу добрели, не вас двоих храбрые бойцы ревом приывают, словно туры, раненные саблями, закаленными в поле чужом!”

8. “Галички Осмомысле Ярославле!”

Ярослав Владимирович – правнук Владимира Ярославича Новгородского, князь экономически и политически возвысившейся Галичской земли. Эпитет галичского князя – “Осмомысл” – кроме “Слова” нигде не встречается. В. Ржига и С. Шамбинаго полагают, что “он возник по аналогии с име-

нем первого римского императора Августа Октавиана, который в древнерусских текстах называется Августом Осмородным”. В этой аналогии В. Ржиги и С. Шамбинаго усматривают указание на цезаризм Ярослава.

Но княжеская власть в процветавшей Галичской земле была весьма ограничена могущественным боярством, с которым Ярослав вел ожесточенную борьбу. В 1172 г. бояре подняли смуту против своего князя и взяли его под стражу. Поводом послужила распря Ярослава со своей женой. Ярослав был обвинен в греховной связи. Во время смуты любимую женщину Ярослава сожгли, сына заточили, близких людей избили. Самого Ярослава принудили жить с княгиней.

Назвав Ярослава “Осомыслом”, Автор показал свое знание исторических реалий и выказал свое знакомство с аскетической литературой средневековья, в которой грешник характеризуется как одержимый восемью мыслями, т.е. восемью грехами. Согрешив в одном, человек уже во власти всех восьми “мыслей” (для справки: [212, вып. 4: 38–39]).

Перевод: “Галичский Грешник, Ярослав!”

9. “...подперъ горы Угорскыи, своими желѣзными полки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облакы, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями”.

В издании 1800 г.: “времены”, “отворяеши”, “Салтани”. В выписках Карамзина: “затвори къ” вместо “затвори въ”, “бремены” вместо “времены”, “отворяеши” вместо “отворяеши”, “Киеву” вместо “Киеву”.

Только в немногих случаях Н.М. Карамзин решительно расходился с Мусиным-Пушкиным и редакцией в прочтении каких-то слов. Наблюдения приводят к выводу, что обычно версия Карамзина оказывалась более правильной (кроме тех случаев, когда он ратовал за исправление “описок”. Так, Н.М. Карамзин считал, что “повелѣя” – ошибочное написание, а по смыслу должно быть: “по сѣчи я” – “после битвы взял”). Прочтение Карамзина “затвори къ” представляется более правильным, равно как и прочтение “бремены”, а не “времены”.

Несмотря на наличие разночтений в копиях, перевод настоящего фрагмента не вызвал больших затруднений. Разбивка на слова и синтаксические структуры, сделанная группой Мусина-Пушкина, была признана правильной и сохранилась и по сей день, затемняя удивительно убедительный текст:

“Подпер ты горы венгерские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота, переметывая тяжести через облака, наводя суд (свой) до Дуная. Грозы твои идут по земле, ты отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцова золотого престола салтанов за странами” (А.С. Орлов).

Прежде всего, если мы стремимся дать дословный перевод на современный русский язык, то все слова, живущие ныне в языке, но утратившие прежнее значение, должны быть переведены. Так: а) слово “подперъ” имело значение “укрепил” (“подъпръ” – укрепление), что более соответствует в контексте при переводе; б) “ворота” имело значение и “прохода” вообще, и, в частности, через теснину: 1268: Се же бѣашеть мѣсто твердо, зане не мощно бысть обити его никуда же, тѣм же нарѣчашуться Ворота тѣснотою своею. Ипат. лет. 866 (XV в.) [212, вып. 1: 133]; в) “Грозы” – слово, явно тре-

бующее перевода. Здесь речь идет не о метеорологическом явлении, а о грозной силе, превосходстве: «1093: И поиде Святополкъ, и Владимиръ, и Ростиславъ к Треполю, и придоша къ Стугнѣ... И глаголаша Владимиръ, яко: “Сдѣ стояче чересь рѣку в грозѣ сей, створимъ миръ с ними (половцами). Пов. врем. лет, 144 (1377 г. ~ XII в.)» [212, вып. 1: 180]).

Далее определим логику повествования. Утверждение, что Ярослав укрепил горы Венгерские, получает дальнейшее развитие (в переводе) в деепричастном обороте: “своими железными полками преградив королю путь”. Утверждение, что прорыв венгров через теснины и ущелья Карпат к устью Дуная невозможен, объясняется военной стратегией воинов Ярослава: на голову врага обрушивались камни, тяжести (“бремены”). Столь же четко и ясно развивается авторская мысль и далее, обращая внимание читателя (слушателя) на наиболее важные события, связанные с Ярославом. Эта предельная ясность и должна определить синтаксис при переводе на современный язык.

Фраза о том, что Ярослав уладил некие распри, после чего его военная мощь распространилась до Дуная, – не риторическая фраза, а упоминание об одной из акций Ярослава. В 1157 г. Ярослав вел упорную борьбу с двоюродным братом Иваном Ростиславичем Берладником, который с помощью половцев безуспешно пытался обосноваться в Подунавье и обособить его от Галицкой земли. Упомянута и еще одна крупная акция Ярослава: “отворяешь Киева ворота”. В 1159 г. Ярослав вместе с Мстиславом Волынским разгромил киевского князя Изяслава Давидовича и прогнал его из Киева.

Еще от Карамзина идет предположение, что фраза “стрѣляеши съ отня злата стола Салтана за землями” намекает на участие (или возможность участия) галичан в третьем крестовом походе против турок. Эту версию окончательно утвердил в 1844 г. Д. Дубенский. Но, хотя эта версия получила широкое признание, считать ее убедительной не приходится. *Третий крестовый поход состоялся в 1189 г.*, т.е. после смерти Ярослава. Летописи о походе сообщают под 1190 г., что царь немецкий со своей землей пошел биться за Гроб Господень. Об участии галичан абсолютно никаких сведений нет. Представляется, больше оснований предполагать, что речь идет о Венгрии. Константин Багрянородный утверждал, что один из сыновей венгерского вождя Ариана носил прозвище Залтана. А.И. Лященко обратил внимание на присутствие слова “салтан” в “Молении Даниила Заточника”: “королязи бо ковари о форозе рытиры, мोगистрове, дуксове, бокшорode и форози тем имеют и милость у поганых солтанов и у королев”. «На Руси долго помнили, что “ковары” и “бокошорode” (название племен венгров и мадьяр) были кочевниками и родичами других инородцев-язычников, которых обыкновенно называли погаными» [91: 412–420].

Сфера политических интересов Ярослава Галицкого определена в “Слове” довольно четко: противостояние венграм. Интересы Галицкой земли и венгров действительно сталкивались и на Карпатах, и на Дунае. Это должно быть учтено при комментировании интересующей нас фразы.

Перевод: “Укрепил горы Венгерские, своими железными полками преградив королю путь. Перекрыл к Дунаю проход, меча тяжести сквозь облака. Распри улаживая, до Дуная военная мощь твоя по землям простирается! Отворяешь Киева ворота. Стреляешь с отеческого золотого престола салтанов в дальних странах!”

10. “А ты, буи Романе, и Мстиславе!”

У В.Н. Татищева: “Сей Роман Мстиславич, внук Изяслава, ростом был хотя и не весьма велик, но широк и надменно силен. Лицем красен; очи черные, нос великий с горбом, власы черны и коротки. Вельми яр был во гневе; косен языком – когда осердился, не мог слово выговорить” [154, т. 3: 174].

Роман – князь Владимиро-Волынской земли – представитель старшей ветви потомков Владимира Мономаха, был действительно “яр” в гневе. Имя его наводило ужас на соседние народы. Захватив земли литовцев, он заставил их корчевать лес. И много лет спустя литовцы поминали: “Роман, Роман, худым живешь. Литвою орешь”. Это объясняет, почему Автор опять применил эпитет “буи” теперь уже к Роману.

Обращение к неистовому Роману, конечно, не случайно. Роман был князем богатейшей Волынской земли. Отличался личным мужеством и талантом государственного деятеля. В конце своего княжения Роман овладел и Киевом, но столицу свою не перенес из Владимира. Романа в западноевропейских сочинениях и документах почтительно будут называть “самодержцем всея Руси” и даже царем и королем. Папа Иннокентий III предлагал короновать Романа на условии признания Рима.

О Мстиславе упоминается в пояснении V.15.

Перевод: “А ты, неистовый Роман! И Мстислав!”

11. “Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти”.

“Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко плаваешь ты на подвиг в отваге, словно сокол, по ветру парящий, готовый птицу, буйный, одолеть!” (С. Шамбинаго и В. Ржига).

“Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть” (Д.С. Лихачев).

Переводы этого фрагмента нельзя признать удовлетворительными. Фрагмент начинается обращением к двум князьям – Роману и Мстиславу. После обращения речь идет и о Романе, и о Мстиславе – “вао умъ” (“вао” – двойств. число; “умъ” – ед. ч.!?). И вдруг в переводах следует неожиданное – речь идет уже не о двух князьях, а о каком-то одном. О каком, неизвестно. Д.С. Лихачев решил, что речь идет о Романе. Причины для предпочтения одного князя другому чисто субъективные – обоснований нет. Этот некто (Роман? Мстислав?) плавает, реет, парит в выси и готов одолеть птицу. В довершение всего, у этого парящего появился и подходящий эпитет “буйный”.

Позволим себе вновь усомниться в синтаксической разбивке текста.

Первая структура. “Храбрая мысль носит васъ!” (т.е. Романа и Мстислава); (“васъ”, а не “вао” было в первопечатном тексте и Екатерининской копии). “Васъ” могло быть уже в копии XVI в.

“Носить” имело значение не только мчать, перемещать, но и увлекать, возносить: “Къ сыну бо своему мольбы носиша. Мин. Сен. 019 (1095 г.)” [212, вып. 3: 173]; “носить” – 3-е лицо ед.ч. наст. время.

Вторая структура. “Умъ! На дѣло высоко плаваеши!”

“Умъ” имело значение: душа, совокупность духовных сил, разум, знание, разумение, мысль, воображение. Последнее значение, исходя из контекста, предпочтительнее. Ср.: “Умъ высоче небесъ. Златоостр. Сл. 23” [213, т. 3: 1212]. (В “Слове” встречалось: “Летая умомъ” (по мысли древу) – “Летая в мыслях...”.) Только в мыслях, в воображении своем Роман и Мстислав устремились на подвиг. Ср.: “Всеволоде! Не мыслию-ти прилетѣти...”

“Дѣло” – подвиг [212, вып. 2: 21].

“Плаваеши” – “плавати” – передвигаться в воздухе, парить: “Тако же и о птицахъ есть видѣти плаваеще сквозѣ воздухъ тацѣмъжде образомъ. Шест. Ио. Екз. 175 об.” [212, вып. 4: 78]. Этот глагол употреблялся и для выражения движения мысли, воображения: “Извѣстыи мудролюбець... аще и на торжище ему ключиться, аще на торгу, аще в горѣ, аще в селѣ, аще паки в народѣ мнозѣ, въ естѣственѣмъ монастырѣ сѣдитъ, собирая умъ и любомудря, яже его достойна мощно бо, в дому сѣдяще лѣнивому внѣду плавати мысльми. Панд. Ник., 144 (XIV в.)” [212, вып. 4: 79].

Пословный перевод структуры: “Мысль, на подвиг высоко летишь!” Очевидно, что слово “умъ” является обращением, но в тексте не употреблена ожидаемая форма звательного падежа – “уме”. Здесь возможно непочтение: вероятнее всего, “е” было выносное (ср. “летая умом”). Выносное “е” было принято за поярок: не случайно Екатеринбургский список дает “умъ”, а первопечатный – “умъ”.

Третья структура. “На дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ, ширяся, хотя птицу въ буиствѣ одолѣти”.

“Въ буести” – “в ярости битвы” – местный падеж ед.ч.

“Ширяся” – “ширяться” – носиться.

“Одолѣти” – не только “победить”, “осилить”, но и “превзойти”: “Побѣжати въ бранех и простымъ многажды пригажеться, умомъ же и мудростью одолѣти одины могутъ, иже добрѣ (думати умѣють. Пчела, 22 (XIV в.~ XIII в.)” [212, вып. 4: 24].

“Буиство” – смелость, дерзость, гордыня, сумасбродство.

Итак, во второй и третьей структурах с соколом сравнивается не некий князь, а полет мысли.

Перевод: “*Храбрый замысел увлекает вас! Мысль! На подвиг высоко летишь, на подвиг в ярости, словно сокол на ветрах, несешься, стремясь птицу в дерзости превзойти*”.

12. В издании 1800 г.: “Суть бо ваю желѣзнии папорзи подѣ шеломи Латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова...”

А.И. Мусин-Пушкин перевел: “У вас латы железные под шлемами латинскими. Потряслись от них земли и многие страны – Хинова...”

В комментарии: папорзи – “часть военного снаряжения”.

Так как загадочного слова “папорзи” в древних текстах нет, то возникла необходимость правки. Ф.И. Буслаев предложил исправить “папорзи” на “паперси”. Это искусственно сконструированное слово должно означать: “наперсная броня”.

В переводах: “Есть у вас железные панцири...” (В.И. Стеллецкий); “Грудь...покрыта кольчатой сеткой!” (А.Н. Майков); “...оплечья железные”

(А.К. Югов). Существует и иная конъектура – А.С. Орлов: “папорзи” следует читать “парупцы” – парни-воины. Радикальная правка плохо обосновывается палеографически (ныне этого прочтения придерживается А. Чернов: “Есть у вас железные молодцы...”).

Последнее время предпочтение отдается конъектуре Ю.М. Лотмана: “папорзи” – это “паворози”. “В” в полууставе могло быть принято за “п”, а “о” утрачено. “Паворозъ” – обычно означало “привязь оружия”. Лотман и сторонники этого прочтения предполагают, что здесь речь идет о ремешках с железными пластинками, удерживающих шлем. Но по логике прочтения неясно, почему могущество волынского князя и его двоюродного брата аргументируется наличием у них столь незначительной детали в экипировке. Недоумение усиливается от следующего далее “тѣми тресну земля”.

Представляется более убедительным прочтение при менее радикальной правке: “напор зѣ” вместо “папорзи”. “Н” при снятии копии на каком-то этапе было принято за “п”, а “зи” первоначально было под титлом: “земли”. Титлование слова “земля” традиционно.

“Напор” – напряжение, порыв, натиск [213, т. 2: 310; 207, т. 2: 449]. Строки этого фрагмента в предлагаемом переводе полностью соответствуют оценке военной мощи волынского князя в Ипатьевской летописи под 1201 г. Весомым фрагментом в пользу прочтения загадочного слова “папорзи” как “напор зи” является воспроизведение его в Щукинском варианте копии: “Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подѣ шеломы...”.

“Тресну” – аорист, 3-е лицо ед. ч. – “ударил” (-о,-а). Ср.: “Яко от грома тресновенъ бысть” [213, т. 3: 1028]; “Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю...”. (В просторечии: “сильно ударить” – “треснуть кулаком по столу”).

“Тресну” является сказуемым при подлежащем “земля” (им. пад. ед. ч.). “Подѣ шеломы” (твор. пад.) – одетые в шлемы. Ср. в СПИ: “под шеломы възлѣлѣяны”, т.е. в шлемах с детства. Четко определяется значение слова “земля” в этом фрагменте как “военная сила”. Своеобразие употребления слова “земля” в СПИ в том, что не всегда дано обычное для летописной традиции уточнение принадлежности. Принадлежность устанавливается контекстуально.

Ср.: «1069: И створиша вѣче (киевляне), и послашеся къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюща: “Мы уже зло створили есми, князя своего прогнаша, а се видеть на ны Ляцьскую землю”. Пов. врем. лет, 115–116 (1377 г. ~ нач. XII в.)» [212, вып. 2: 126].

Перевод: “Ведь у вас двоих мощный натиск военной силы в шлемах латинских. Благодаря им ударила военная сила, и многие народы чужих племен...”

13. В издании 1800 г.: “...и многы страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша подѣ тыи мечи харалужныи”.

“Потряслась от них земля и многие страны Ханские. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы, повергнув свои копья, подклонили свои головы под те мечи булатные...” (А.И. Мусин-Пушкин).

“...и многие страны – Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела и половцы сулицы свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные” (А.С. Орлов).

Были высказаны следующие предположения о значении слова “хинова”: а) это название китайцев (метаморфоза “чин-си-хин”); б) название вообще восточных народов, но не китайцев, так как китайцы не были известны на Руси в XII в.; в) название гуннов; г) название финнов; д) название монголов.

Версия, что “хинова” – китайцы, отпадает, так как русские действительно имели смутное представление о Китае, да и не могли китайцы иметь возможность преклонить свои головы пред русскими мечами. Предположение, что “хины” обозначает “гунны”, неубедительно. Гунны исчезли в Восточной Европе в V в. Утверждение Л.Н. Гумилева, что под “хинами” следует иметь в виду только золотоордынцев, тенденциозно, обусловлено желанием видеть в “Слове” памятник XIII в. Еще меньше оснований под “хиновой” понимать финнов или половцев.

Загадочное слово “хинова” в источниках более ранних, чем “Слово”, не найдено. В “Слове” слово “хинова” уже встречалось в рассказе о гибели войска Игоря: “...и великое буиство подасть хинови”. Первое предположение – речь идет о половцах. Но в “Задонщине” хиновами названы золотоордынцы: “возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликовом”. Мамай назван хинвином, и, наконец: “хиновская поганья татаровая бусормановая”.

Ср.: М. Фасмер [214, т. 4: 238] дает как “языческий”. У В. Даля [206, т. 4: 548]: “хинь” – чужой, чужь (орл., кур., яр.); “хинить” – бранить.

“Хинова” – чужие, враждебные племена, не нашей земли племена. Это могли быть и половцы, и татары, и монголы, и финны, и литва и др. Этимология “хинь” остается неясной.

В тексте следует читать: “и многие народы чужих, враждебных племен...”. Далее идет перечисление, каких именно племен: “литовцы, ятвиги, латыши, половцы”. “Хинова” является обобщающим словом.

Латыши, литовцы, ятвиги, половцы – название не стран, а племен, народов. “Страны” в значении “народы” зафиксировано И.И. Срезневским: “Многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Косогы. Новг. I л., 6732 г.” [213, т. 3: 536].

Перевод: “...и многие народы чужих племен – литовцы, ятвиги, латыши и половцы – метательные копья свои побросали, а головы свои склонили под эти мечи боевые”.

14. “Нъ уже, княже Игорю, утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо небологомъ листвѣ срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго полку не кресити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань”.

В переводе Н.К. Гудзия: “Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило! По Росе и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить. Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, поспели на брань”.

Перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги отличается только последней фразой: “Ольговичи, храбрые князья, готовы к бою”.

Но уже, князь,
Игорю померк солнца свет!
И дерево не добром
листву сронило!
А Игорева храброго полку
не воскресить!

Дон ведь, князья,
к вам кличет –
сзывает князей к победе, –
Ольговичи,
храбрые князья, –
те –
рьяны на бой.

(А.К. Югов)

Н.К. Гудзий, А.К. Югов, С. Шамбинаго и В. Ржига считали, что Автор здесь обращается к князю Роману. Перед этим Автор обращался к Роману и Мстиславу, но потом, “забывая иногда о его союзнике”, обращается только к Роману [1: 98]. Дело, конечно, не в странной рассеянности Автора, а в том, что переводчиками не уточнены границы обращения к князьям Роману и Мстиславу, и в неверном переводе фрагмента, начинающегося словами: “Умъ! На дѣло...” (см. поясн. IV.11).

В переводе Д.С. Лихачева Автор обращается к князю Игорю: «Но уже (но теперь, в противоположность тем победам над половцами), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (половцы между собою). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) “Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!” (Вот) Ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань... (За год до своего похода Игорь и Всеволод не успели принять участия в победоносном походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского; теперь же, захотев одни “испить Дону”, они поспешили лишь к своему поражению)».

Незначительные, не первый взгляд, неточности совершенно искажают логику повествования. Весь этот фрагмент выглядит в переводах чужеродным, прерывающим следующие одно за другим обращения к удельным князьям. Не выявлена и антитеза: храбрые Ольговичи – поименованные князья.

В четвертой композиционной структуре Автор обращается не только к могущественным князьям с призывом о совместном выступлении против половцев, но и к Игорю, указывая ему на последствия его похода. Обращение к Игорю не позволяет этой структуре “выпасть” из общей композиционной стройности, подчиненности каждого фрагмента общей идее. Таким образом, “княже Игорю” в начале фрагмента является обращением. Свет солнца погас не для Игоря, а для Русской земли. *Дерево листву роняет не по Игорю, а по жертвам в городах по Росе и по Суле. Полегшие рати Игоря нужны для отпора врагу, но их не воскресить. И это ставится в укоризну Игорю.* Что его пленение рядом с горем народа, горем целых уделов? Игорю, к сло-

ву, в плену было не так уж плохо: “Игорь Святославич, будучи в плену во всяком довольствии содержан, и никакой ему обиды и досады половцы не делали, токмо крепко стерегли, приставя к нему 15 человек и 5 знатных отцов сыновей, которые давали ему ездить куда хотел и, почитая, его слушали, куда кого посылал. Он же привел к себе попа и несколько одежд для себя и служителей, якоже довольство от запасов и денег для нужд” [154, т. 3: 138].

И напоминанием Игорю о его прошлой клятве звучит: “Дон-то, князь, взывает...”. *Но взывает Дон уже не к князю (он в плену), а к русским князьям.* “Донъ ти, княже, кличетъ” переводят как “Дон тебя, князь, кличет”. Но “ти” здесь явно не местоимение, а усилительная частица, и переводится как “то”, “же”. Ср.: “Володимиръ ти иде на тя. Пов. врем. л. 6488 г. (по Лавр. сп.)” [213, т. 3: 957]. И кличет Дон не на победу, а на войну с половцами. В таком значении слово “побѣда” имело многократное употребление в летописях, например: “Нача съмоуцатися побѣдою. Пат. Си. XI в., 286” [213, т. 2: 990].

То, что смысл и роль этого фрагмента в общей композиции совершенно неяснены, приводит к небрежному переводу последних фраз.

Автор поименно обращается к русским князьям с призывом встать на защиту русских земель. Почти всех он упрекает в неспособности Киеву. Вызов Дона пока приняли только Ольговичи. Абсолютно все исследователи под Ольговичами подразумевают Игоря со своими сыновьями и братом, т.е. Святославичей. Но род Олега не ограничен только Святославичами. Ольговичи – это и Святославичи, и Всеволодовичи.

Братья Игорь и Всеволод – из рода Ольговичей – спешить на битву уже не могут, они в плену, и только что сказано: войска их полегли. На битву поспешили другие *Ольговичи – Святослав и его сыновья.* Именно их усилия, прежде всего, спасли Русь от разорения.

Святослав Киевский действовал весьма энергично, собрал в очень короткий срок войска для отпора полчищам Кончака и Гзака. Не отметить это было бы несправедливо и тенденциозно. Позволить себе это Автор не мог.

Имена Ольговичей, поспешивших на битву, могут быть названы: *Олег и Владимир.* У сыновей Святослава – Олега и Владимира – было всего лишь один-два дня (по подсчетам Б.А.Рыбакова), чтобы добраться до Путивля, преодолев 180 км пути, и вступить в бой. Они действительно поспешили прикрыть беззащитный удел Игоря Святославича. “Сыновья Святослава выполнили свой патриотический долг и спасли какую-то часть Северной земли от сожжения и разорения” [136: 263].

В.Н. Татищев утверждает, что половцы потеряли в Северной земле убитыми две тысячи, а “500 знатных и подлых пленено” [154, т. 3: 138].

Фраза о храбрых князьях, как видим, не проходная.

Перевод: “Но уже, князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву уронило: по Роси и по Суле города захватили, а Игорева храброго войска не воскресить! Дон-то, князь, окликает и призывает князей к битве! Ольговичи – храбрые князья – поспешили на бой”.

15. “...по Роси и по Сули гради подѣлиша...”

По Росе и по Суле города захватили половцы. Однако некоторые исследователи вопреки логике изложения и историческим фактам пытаются, комментируя эту фразу, обвинить ... Мстиславичей. Так, А.К. Югов утверждает, что Мстиславичи, воспользовавшись отсутствием новгород-северского князя, стали делить его волости. См. поясн. V.16.

Глагол “подѣлити” имел значение “поделить между кем-либо”: так, Новгородская первая летопись под 1398 г. сообщает о двинских воеводах, что “съ своими други волости новгородскыи и боярь новгородскых подѣлиша собѣ на чясти” [212, вып. 4: 116]. Города, пленных, трофеи обычно делили (производили подѣль) захватив. Ср.: “Города зажьже, люди же изведе и вдасть я на подѣль, ово братоу си, ово же Лвови. Ип. лет. 6766 г.” [213, т. 2: 1076].

Перевод: “...по Роси и по Суле города захватили...”

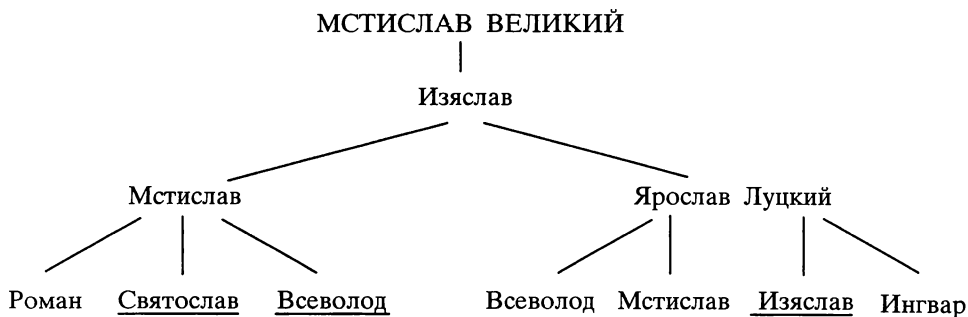
16. “...Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи, не худа гнѣзда шестокрильци! не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите!”

“Ингвар и Всеволод и все трое Мстиславичей, не плохого гнезда ястребы, вы расхитили себе волости не по жребию побед” (А.С. Орлов).

Д.С. Лихачев придерживается версии И.М. Кудрявцева: “трое Мстиславичей” – сыновья Мстислава Изяславича: Роман, Святослав, Всеволод. Но тогда Роман Мстиславич оказывается названным в обращении Автора к русским князьям дважды: он (Роман Мстиславич) уже был упомянут по имени, теперь же о нем говорится глухо, безымянно, хотя это был один из самых популярных деятелей XII в.

Б.А. Рыбаков говорит о возможности предполагать под тремя Мстиславичами и сыновей Мстислава Ростиславича (Давида, Владимира и Мстислава Удалого), но предпочтение отдает гипотезе Кудрявцева–Лихачева.

Представляется, что Автор подразумевает под “тремя Мстиславичами” князей Святослава и Всеволода Мстиславичей и Изяслава Ярославича.

Все названные князья – из рода (племени) Мстислава Великого. Автор и подчеркивает: “не захудалого рода...” (вспомним: и Святославичей Автор называет “Олегов род”).

Уже назвав вместе Романа Мстиславича и Мстислава Ярославича (“А ты, буи Романе! И Мстиславе!”) (см. поясн. IV.10), Автор объединил остальных князей Мстислава рода – детей Мстислава Изяславича и Ярослава Луц-

кого. Для общего обращения к Роману и Мстиславу были основания: Романа и Мстислава долгие годы связывала тесная дружба.

Ингвар и Всеволод названы вместе не случайно: оба помогали Рюрику Киевскому в 1181 г. Назвав Мстиславичами ветвь Изяслава Мстиславича и упомянув четырех князей, Автор не исчерпал *всех* имен – остались еще три Мстиславича: Святослав, Изяслав и Всеволод. Роман, Мстислав, Всеволод, Ингвар и “все, сколько ни есть”, все остальные три – всего 7 князей.

В обращении Автора был призыв и к Ростиславичам – Рюрику и Давиду. Таким образом, почти весь род Мстислава призывается к защите Русской земли. Нет обращения к детям Владимира Мстиславича, но они были враждебны потомкам ветви Изяслава.

Храбрые князья названы “шестокрыльцами”. “Шестокрыльцы” – обычное определение серафимов – огненных, пламенных ангелов (др.-евр.) с *охранительными функциями*. В юнацких песнях болгар и сербов встречается эпитет “шестокрылец”, прилагаемый к имени богатыря Релье [52: 191].

“В 1948 г. Марк Шефтель ... указал, что в... греческом языке, как и в новогреческом, слились названия репит, изображающих шестикрылых серафимов, с именем сокола. В переносном смысле такой сокол обозначает человека, отличающегося быстрыми движениями и большой энергией” [1: 96].

Выражению “не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите” многие толкователи стараются придать такой смысл: “разве вы не войной приобрели себе уделы?” Ср.:

Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
(Н. Заболоцкий)

“Не победными ли жребиями себе волости вы расхитили?” (В. Ржига и С.Шамбинаго)

“Не благодаря ли военному счастью вы себе волости добыли?” (Н.К. Гудзий)

“Побѣдными жребіи” следует читать как “военными жребиями”. Значение слова “побѣда” – “война” зафиксировано и в “Материалах...” И.И.Срезневского. Ср.: “побѣдище” – место битвы, рати, сражения; “побѣдится” – сражаться: “Начаховѣ другѣ с другѣмъ побѣдится. Пад. Син., XI в. 83” [213, т. 2: 991].

См. в “Слове”: “...а погані сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю...”

Фраза “не побѣдными жребіи собѣ власти расхитите” вызвала разночтение из-за того, что толкователи усомнились, законным ли путем получили волынские князья себе волости. Веских оснований для такого подозрения нет, хотя и пытались найти.

Ср. у А.К. Югова:

Ингвар и Всеволод,
и все три Мстиславича!
А будто не худа гнезда шестокрыльцы! –
Не Игоря ли злым жребием

Себе волости расхитили –
По Росе и по Суле
Города поделили?!
На то ль
Ваши золоченые шлемы
И копыа ляшские, и
Щиты?!

А.К. Югов переместил фразу “по Росі и по Сули гради подѣлиша” из обращения к Игорю Святославичу в обращение к “Мстиславичам” и ввел вопросительную частицу “ли”. В результате получен текст, обвиняющий Мстиславичей в грабеже и узурпаторстве. Но Автор “Слова” обвиняет Мстиславичей не в посягательстве на чужое, а в отсутствии единства и в равнодушии к бедам других уделов Русской земли.

Перевод: “Ингар и Всеволод и все три Мстиславича, не захудалого рода пламенные ангелы! Не военными жребиями себе уделы захватили”.

17. “Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича! Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю...”

Этот фрагмент по молчаливому уговору обычно не относят к “темным” местам, так как при переводе его не возникает затруднений. Но комментаторов это место обычно ставит в тупик. Дело в том, что р. Сула находится на значительном расстоянии от Переяславля, она не могла нести свои серебряные струи к Переяславлю. “Город стоял в некотором отдалении от Днепра, на реке *Трубеже*” [160: 309]. В “Слове” же Автор призывает князей к защите русских земель от половцев, ибо Сула уже не служит преградой: “уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю”.

Тревога Автора о судьбе Переяславля понятна. Переяславль – последний рубеж, прикрывающий путь к Киеву от Посулья. Путь к Киеву после поражения Игоря перекрыл один Глеб Переяславский. Благодаря героической обороне Переяславля русским князьям удастся перекрыть переправу на левом берегу Днепра у Треполя. Угроза, нависшая над Киевом, заставила князя киевского обратиться с призывом: “Се половци у мене, а помозити ми!”. События решались у Переяславля. Нужно было совершить спешное движение объединенных русских сил на помощь Переяславлю. Святославу (хотя и с опозданием) это удалось. Половцы уstraшили русских и отошли от Переяславля.

Понятно, почему названа р. Сула: за рекой была земля, контролируемая половцами. Странно только утверждение Автора, что р. Сула могла нести воды к Переяславлю.

Д.С. Лихачевым сделана попытка снять явное противоречие: “Уже ведь (пограничная река) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для Переяславля-Южного защитой от нападения половцев)...”. Д.С. Лихачев пишет: «Отметим, что Переяславль Русский (Южный стоит не на Суле, а на Трубеже). Следовательно, переводить это место следует не “къ граду Переяславлю...”, а для града Переяславля» [79: 448].

Конъектура недостаточно убедительная. Почему вместе с Сулой назван Переяславль? Уместнее было бы назвать Римов. Даже Путивль и Рильск лежат ближе к Суле.

В последнее время А.Л. Никитин сделал далеко идущие выводы о том, что Автор “Слова” весьма приблизительно представлял себе географию русских земель. Он, утверждает А.Л. Никитин, “имел весьма смутное представление о географии южных русских земель” [110].

Но эта версия опровергается всем комплексом приведенных в “Слове” географических фактов и сведений. Кроме того, неожиданно оказывается, что Переяславль был загадкой и для авторов, составителей и переписчиков “Повести временных лет”.

Под 907 г. в “Повести временных лет” сообщается, что в Переяславль, подвластный Олегу, посажен князь, зависимый от Киева. Однако под 992 г. рассказывается об основании на берегу р. Трубежа Владимиром Святым Переяславля в память о победе в единоборстве русского отрока с богатырем-печенегом. Это несоответствие объяснялось тем, что Нестор создал, по-видимому, версию об основании Переяславля на основе устного сказания и юноше-кожемяке. Редакторы труда Нестора позднее, имея тексты договоров из княжеских архивов, дополнили летопись, внесли более точные сведения.

Но возникает вопрос: почему при редактировании не был изъят первоначальный текст о Переяславле (992 г.), опровергаемый новой записью, внесенной под 907 г. Недоумение вызвали и археологические изыскания. Они показали, что город на Трубеже возник не ранее X в. Создается впечатление, что речь идет словно бы о двух Переяславлях. Обратим внимание на оговорки авторов.

“Повесть временных лет”: “И се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сули; Володимеръ же поиде противу имъ и стрете я на Трубежи на бродѣ где нынѣ Переяславль”.

В “Слове о полку Игореве”: “Уже бо Сула не течеть къ... Переяславлю”.

Тексты и в “Повести временных лет”, и в “Слове о полку Игореве” построены так, что можно предположить в прошлом иное местонахождение Переяславля – прежде р. Сула текла к Переяславлю, а ныне уже не течет, или иначе: Переяславль ныне стоит на р. Трубеже, а прежде стоял на Суле.

А.М. Рапов [129: 136] высказывает предположение, что, возможно, “старый” Переяславль был уничтожен печенегами. Тогда становится понятным, почему археологи датируют основание Переяславля концом X в. Мысль о том, что летописная запись 992 г. отражает факт переноса города на новое место, что до этого существовал иной Переяславль, еще ранее была высказана М.Н.Тихомировым [160: 308].

Перевод: “Загородите Стени путь своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, неистового Святославича, ибо уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю”.

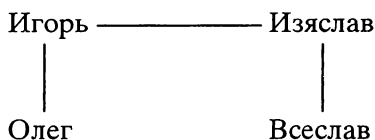
Пятая композиционная структура

1. Границы пятой композиционной структуры определяются четко. Она отличается и от предыдущей, четвертой, структуры, полной ораторского, публицистического пафоса, и от рассказа о победе князя Игоря, составляющего шестую структуру, которую будут отличать живость изложения и глубокий лиризм. Переход от четвертой структуры к пятой очень плавный и рассчитан на возникающие у читателя ассоциации: Сула – Двина; Игорь – Изяслав.

Рассказ об Изяславе Васильковиче – это о событиях 1181 г., т.е. Изяслав – современник Игоря Святославича. Рассказ же о Всеславе, составляющий второй эпизод этой структуры, – экскурс в прошлое, знакомый уже, повторяющийся прием Автора: от событий Игорева похода шел экскурс в прошлое – к усобицам и крамолам Олега. И совсем не то главное, что Автор рассказывает еще об одном событии и событие это касается усобных войн, а то, почему Автор, рассказывая об Игоревой эпопее, вводит эпизоды, казалось бы к ней не имеющие отношения. Возникает вопрос: почему после обращения к русским князьям сразу же следует трагическая история Изяслава?

Убеждая князей стать совместно на защиту Русской земли, Автор приводит последний аргумент – пример, имеющий, по его мнению, безусловную силу доказательства. По этой причине история Изяслава должна была касаться событий, хорошо известных аудитории XII в., т.е. Изяслав должен быть причастен к очень большим политическим акциям. Есть и еще один важный момент, который нужно учесть при анализе. Вторая “песня” (эпизод) касается личности Всеслава – прадеда Изяслава.

Ср.:

По мысли Автора, и гибель Изяслава, и разгром Игоря – явления одного порядка. Они в одном хронологическом ряду. Связывая события Юга и Севера, Автор поднимается к большим политическим обобщениям. Поход Игоря становится далеко не частным случаем. Если не прийти к этой мысли, возникает недоумение: почему поход удельного князя вызвал потребность Великого Художника создать скорбную повесть?

Связав все события в единую цепь, Автор показывает начало усобных смут. Игорь и Изяслав расплачиваются за целое столетие усобных войн, и, что самое страшное, расплачивается за это Русская земля. “Деды” Игоря и Изяслава – Олег и Всеслав – посеяли усобицы. Теперь всходы дали плоды. Главными виновниками названы: Олег и Всеслав. Хотя, строго говоря, список князей, посеявших крамолу, должен быть куда обширнее. Но фигуры Олега и Всеслава наиболее одиозны.

Это из-за Олега и Всеслава стонет Русская земля, вспоминая Владимира I и его время, время могущества Киевской Руси.

Закрывающий эту структуру “плач Русской земли” делает ее строго обязательной в общем плане повествования, позволяет по-новому взглянуть на поход Игоря в цепи всех событий 80-х годов XII в.

Угроза от “хиновы” шла не только с юга, но и с севера. Пользуясь тем, что русские земли обессилены непрекращающимися усобицами, литовские племена объединились и стали совершать набеги на Русь, а русские князья вовлекали Литву в свои усобные войны. *Двина – пограничная река на севере – стала второй Сулой*. Страдать же от литовских набегов пришлось прежде всего полоцким землям. А полоцкие князья и были теми, кто посеял первые усобицы. В одиночку вышел Изяслав Василькович (из полоцких князей) против Литвы и погиб.

Усиление “хиновой” опасности с севера шло параллельно с усилением половецкой агрессии с юга. Литовские набеги – совсем не следствие поражения Игоря (как это полагает В.П. Адрианова-Перетц, а следствие княжеских усобиц вообще, да и *события рассказа об Изяславе были прежде (!) похода Игоря*.

Сразу же после гибели Изяслава следует рассказ о Всеславе – крамольнике предыдущего века. Всеслав противопоставил Полоцкую землю Киевской Руси. Безуспешно киевские князья пытались поставить Полоцк в зависимость от Киева. В борьбе с Ярославичами Всеслав имел хотя и дурную, но славу. Он укрепил независимое положение Полоцкой земли. Но независимость со временем обернулась отчужденностью, а усобицы уже раздирают и Полоцкую землю.

Поражение и гибель Изяслава поставлены в такую же взаимосвязь с крамоллой Всеслава, как и поражение Игоря – с крамоллой Олега.

2. Весь эпизод, рассказывающий об Изяславе, требует особого комментирования, так как до сего времени он не получил приемлемого прочтения, роль его и значение до сего времени не осознаны, с историческими реалиями он не соотнесен совершенно. *А между тем, эпизод об Изяславе, во-первых, один из важнейших в “Слове” в плане раскрытия идеи произведения – осуждение усобицы, призыв к единению; во-вторых, это самый драматический эпизод в поэме; в-третьих, он не только сопоставляет поход Игоря с неудачным выступлением против литвы Изяслава, но и прямо касается биографии Игоря, так как князь Игорь сопричастен событиям, о которых повествуется в этом эпизоде.*

В 1176 г. Святослав Всеволодович, после ожесточенной борьбы за киевский престол, оказался великим князем. Его главных соперников – Ростиславичей – удалось оттеснить от стола киевского. Ростиславичи сочли за лучшее уступить пока Святославу, так как давние союзники Святослава, половцы, вторглись на Русь. Святослав прекрасно понимал, что мир с Ростиславичами ненадежен. И замыслил: “Схвачу Давида (Ростиславича), Рюрика (Ростиславича) выгоню, завладею один с братьями Русскою землею”. Святослав пойдет на злодейство – попытается убить Давида с женой на охоте, но замысел не удастся. Развяжется новая усобица, и Святославу придется покинуть Киев.

В усобице 1180 г. на стороне Святослава выступили и герои поэмы: Игорь и Ярослав Всеволодович – брат Святослава. Святослава поддержало и большое войско ханов Кобяка и Кончака. А Ростиславичи получили по-

мощь от князей Луцких и от Ярослава Осмомысла. Противником Святослава оказался и Всеволод Суздальский, с которым Святослав затеял тяжбу из-за рязанских земель.

В 1181 г. Святослав разделил половецкую помощь на два войска. Одну часть взял с собой и пошел против Всеволода, а другую отдал Ярославу и Игорю и велел им беречь Чернигов. Те, посидев в Чернигове и не предвидя для него бед, решились на самостоятельные действия и пошли на север, к Друцку, где сидел союзник Ростиславичей – Глеб Рогволодович. В конфликт вовлекаются князья полоцкой группы. Большинство полоцких князей было за Ростиславичей, но сами они были вовлечены в свои междоусобицы. И если ранее Васильковичи – один из полоцких родов – были в союзе с Ростиславичами, то сейчас оказались в союзе с “черниговцами”. На помощь Игорю и Ярославу пришли полоцкие Васильковичи: *Брячеслав из Витебска и брат его*, а с ними толпы литвы и ливов. “Так, вследствие союза полоцких князей с черниговскими, в одном стане очутились половцы вместе с литвой и ливами, варвары черноморские с варварами прибалтийскими” [147: 562].

У Друцка будет некоторое время противостояние ратей. Но вот к Игорю и Ярославу подойдет из Новгорода Святослав Всеволодович, а к Глебу – Давид Ростиславич. Давид испугался и ушел в Смоленск, а Святослав разорил все в округе, но Друцк не взял. Весь этот поход для князя Игоря окончился большим конфузом. От Друцка он пошел к Вышегороду. У Долбско-го озера он с половцами расположился станом. Сторожей не выставили, надеясь на свою силу. Ростиславичи (под началом Мстислава Владимировича) нанесли сокрушительное поражение Игорю. Половцы были перебиты или захвачены в плен. Игорь в одной лодке с Кончаком бежал к Чернигову. Был убит брат Кончака – Елтут Отракович (Артыкович), и попали в плен два сына Кончака.

В цепи этих событий:

- а) в 1181 г. в русскую усобную войну была вовлечена *литва*;
- б) события разворачивались в полоцких и смоленских землях, в бассейне *р. Западная Двина*;
- в) литве, чтобы подойти к Друцку, нужно было миновать *Городненские земли*;
- г) *половецкие орды* оказались далеко на Севере и грабили уже “*достояние Всеслава*”;
- д) в события оказались вовлечены *Васильковичи*, и прямо назван в летописях *Брячеслав Василькович*, как *выступающий в союзе с литвой*;
- е) *Ярослав Всеволодович* являлся инициатором похода на север;
- ж) все события имеют прямое отношение к главному герою “Слова” – *Игорю Святославичу*.

Эпизод об Изяславе – прямое обращение к событиям 1181 г., но некоторые факты неизвестны нам по летописям. В источниках говорится о десяти правнуках Всеволода Брячеславича. Имена известны не все, и только “Слово” называет Изяслава и Всеволода Васильковичей. Судя по тексту, Изяслав был моложе Брячеслава и владел Городненской землей. Брячеслав же Василькович в Ипатьевской летописи назван князем Витебска. Нет сведений о том, что городненский князь Изяслав не поддержал политику своих братьев и пытался преградить путь литве на Полоцкую землю. События эти развернулись на периферии, внимание же летописцев было привлечено к Друцку.

Этим, вероятно, объясняется то, что выступление Изяслава против литвы не попало в известные нам летописи. Но Автору “Слова” этот эпизод, не очень уж значимый для хода истории, показался характернейшим. Изяслав, защищая честь Всеславовой отчины, честь земли Полоцкой, преграждая путь языческой литве, оказался противником своих братьев, ибо *Васильковичи были заинтересованы в литовской агрессии*. Родственные чувства оказались попранными. Трагический эпизод гибели Изяслава демонстрирует всю пагубность политики князей. И Автор с болью обращается к участникам этого конфликта – полоцким князьям, Всеславовым потомкам, и Ярославу Черниговскому. В образно-поэтической символике “Слова” – это звук труб, оповещающих о поникших стягах молодого князя, упрек крамольникам, разоряющим Полоцкую землю. Во имя престижа своих родов русские князья наводят половецкие орды и толпы литвы на Русь. Вот смысл этого эпизода. В этом эпизоде полнее всего проявился гений Великого Художника, сумевшего на незначительном в масштабах истории событии северо-западной окраины Руси показать трагедию Русской земли.

3. “...и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ под кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шелома Литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи”.

“...и Двина течет как болото у тех грозных Полочан под криками поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы Литовские, побил славу деда своего Всеслава, а сам был побит под красными щитами на кровавой траве литовскими мечами...” (А.С. Орлов).

Первая фраза – экспозиционная. От событий на юге Русской земли она переключает внимание на Двину – на севере. Перед этим, в предыдущей композиционной структуре, была упомянута Сула. Половцы возмутили ее серебряные струи. Двина не просто замутнена, а превращена в болото, угрожающее полочанам. Это идут несметные толпы литвы и ливов.

“Онымъ” – не дат. пад. мн.ч., как предполагает В.Л. Виноградова [212, вып. 4: 34–35], а творительный падеж единственного числа.

“Грознымъ” – устрашающим, наводящим ужас, угрожающим. И в этом случае не дат. пад. мн.ч. [212, вып. 1: 181–182], а творительный падеж единственного числа. “Угрожающий” – не только “тот, кто грозит”, но и “очень опасный”, “страшный”. Ср. у И.И. Срезневского: “Иорданъ же рѣка глубока и крутоберега, грозна вельмы, течеть же в Содомское морѣ. Игн. Пут. 1392 г.” [213, т. 1: 596].

“Грознымъ Полочаномъ” – уточняет указательное местоимение “онымъ”. Сама история должна была бы удержать переводчиков и комментаторов от утверждения, что полочане, жители города Полоцка, могут устрашать литву. В конце XII в. сами полочане испытывали страх перед литовской агрессией. Причина тому – феодальная раздробленность князей полоцкой группы.

Во всех переводах: “Двина течет как болото у тех грозных Полочан под криком поганых”. Слово “кликъ” Автор обычно употребляет, когда речь идет о бранном крике, крике и шуме сражения: “Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша...”; “...кликомъ плѣкы побѣждають...”. И в этом фрагмен-

те слово “кликъ” употреблено при повествовании и кровавой битве Изяслава с литвой: “Подъ кликомъ поганныхъ единъ же Изяславъ, сынъ Васильков, позвони своими острыми мечи”. “Поганые” здесь, исходя из контекста, – языческая литва.

Выражение “притрепа славу дѣду своему Всеславу” доставило немало затруднений переводчикам и комментаторам. Традиционно считается, что Автор “Слова” восхищается удачами князя Всеслава. Изяслав – потомок Всеслава, потерпев поражение, словно бы уронил честь деда, и забывается, что Изяслав выступил против врага, стремившегося пограбить Русскую землю. *Странно, если бы за свои героические дела Изяслав подвергся упрекам со стороны Автора “Слова”* – такое предположение недопустимо. Но в переводах:

А.Ф. Малиновский: “...погубил славу деда своего...”;

А.Н. Майков: “Да разбил лишь дедову славу...”;

С.В. Шервинский: “Смял Всеславу дедову славу...”.

Были, однако, и попытки “реабилитировать” Изяслава:

В.В. Капнист: “...обновил славу предка своего Всеслава”;

Е.В. Барсов: “Прибавил он славы деду своему Всеславу...”;

О.Огоновский: “Перебил (превысил) славу деда своего...”;

Н.А. Заболоцкий: “Всеславу-деду славы прибавил”.

Но реабилитируя Изяслава – героя и патриота, переводчики и комментаторы еще более возвеличили начинателя усобиц – князя Всеслава: Изяслав только равняется на славу деда, обновляя ее.

Так омрачил или поддержал Изяслав славу Всеслава?

В 1950 г. Л.А. Булаховский высказал мнение, что весь фрагмент об Изяславе настолько искажен, что “вряд ли возможно удовлетворительное его объяснение в целом” [12: 152]. Л.А. Булаховский утверждал, что выражение “притрепа славу” означает не “омрачил” или “поразил”, а “приласкал”. К этой мысли его подводил перевод следующего далее фрагмента, где якобы говорится о том, что Изяслав уложен с женой на кровать литовскими мечами: «Круг образов “с хотию”, “на кровати”, видимо, соединим с метафоризированным представлением о ласке...» [12: 153]. Но спустя восемь лет Л.А. Булаховский отвергает это прочтение как ошибочное. Он указывает, что «корень “треп-” в значении “бить” и “убивать” абсолютно надежно свидетельствуется современным болгарским языком: “трепя” – “убиваю”. Это слово употребляется также в родопских говорах» [15: 35].

Прочтение Л.А. Булаховским слова “притрепати” как “избивать”, “убить” абсолютно верно. Слово это древние тексты не донесли, но оно продолжает жить в говорах и в фольклоре:

Достался мой венец старому мужу.
Мне пора, младеньке, слать
Про стара постелюшку –
В три ряда каменьяца,
В четвертый – кирпичка каленаго,
А во зголовья класть – колоду дубовую.
Одену я шубу ежовую,
Притреплю я дубиною вязовую:
Спи, мой стар, спи от ныне до веку.

[212, вып. 4: 207]

Однако уточнение значения слова “притрепа” само по себе ничего не дает для выяснения смысла всего высказывания.

Ср.: “Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шелома литовские (вступил в сражение с литовцами), прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего предка Всеслава Полоцкого – славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролиту) кровь мечами литовскими...” (Д.С. Лихачев).

“Бить”, “прибивать”, “прирубивать”, “перерубить” славу – выражение совершенно невозможное в живом языке. У Автора ясная речь, образы его доступны и понятны, действия конкретны: Изяслав бьет врагов, бьет по шеломам литовским, и его воинов избивают, побивают враги. Не колокольчиками прозвенели мечи славу, а стучали о шлемы врага: “...позвонилъ своими острыми мечи”. И уточнено: “побилъ о шлемы литовские”. А сделал он это “во славу Всеслава”.

“Деду своему Всеславу” – еще А.К. Югов правильно заметил, что “это особый древнерусский оборот: дательный принадлежности вместо родительного” [194: 176].

Примечание: при переводе глагола “притрепа” учтена форма – аорист (законченное свершившееся действие).

“Притрепанъ Литовскими мечи...” относится к следующей структуре, соответственно уточняется синтаксис этого фрагмента.

Перевод: *“И Двина болотом течет тем, угрожающим полочанам. Под криками язычников один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские – пробил славу предку своему Всеславу, а сам – под красными щитами на кровавой траве. Побита литовскими мечами...”*

4–5. «...притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: “Дружину твою, княже, птицъ крылы приодъ, а звери кровь полизаша”».

В переводе А.И. Мусина-Пушкина: «...погиб от мечей Литовских. Но сам-то на одре лежа произнес он: “Дружину твою, Князь, птицы приодели крыльями, а звери кровь полизали”».

Этот фрагмент не имеет удовлетворительного перевода и дал серию курьезных прочтений. Главное затруднение вызывает “и с хоти ю на кровать и рекъ” (и с хотию). В переводах было:

“И положив славу на кровать, сказал...” (Д. Прозоровский)

Ложась на кровать свою,
Сказал он охранникам...

(Д. Минаев)

“Славу взял с собой на ложе, промолвивши...” (Л.А. Мей)

“...и, с суженою обручась, молвил...” (В.И. Стеллецкий)

“И с милой на кровати сказал...” (С. Шамбинаго и В. Ржига)

“(Место, не поддающееся сколько-нибудь вероятному осмыслению)” (Н.К. Гудзий)

“Прибит на кровь мечами Литовскими со своим любимцем, а тот сказал...” (Д.С. Лихачев)

И похитила юношу мгла.
И – пропал Боян...

(А.К. Югов)

О. Сулейменов предложил разбивку: “Исхоти юна кров, а тьи рекъ...”
Перевод: “Исходя юной кровью, он сказал...” Это прочтение предложено О. Сулейменовым в 1975 г. как личное открытие, но в дополнение он пишет: «Когда статья уже была написана, мне в каталоге одной библиотеки встрети­лась карточка: Н.И. Маньковский. “Слово о полку Игореве” – лирическая поэма внука Боянова. Житомир. 1915 г. Я затребовал и обнаружил в этой книжке разбивку “юна кров” (стр. 98). Уже тогда можно было избавиться от “любownika на кровати”. А он пребывает на оной до сего дня» [152: 35].

О. Сулейменов не обратил внимания на то, что в несколько раз переиз­даваемом переводе Г. Шторма было:

Исходит юна кровь,
а он твердит...

Так было в издании “Academia” 1934 г., так было в изд. “Советский писа­тель” 1938 г. Такое прочтение было предложено М.В. Щепкиной. Она пола­гала, что слово “исхоти” – искаженное “исхйти” – 3-е лицо ед.ч. аориста гла­гола “исхытитъ” (исторгнуть).

Л.А. Дмитриев и О.В. Творогов противопоставили конъектуре Н.И. Мань­ковского–О. Сулейменова (“исходил юной кровью”) конъектуру М.В. Щепки­ной (“источил юну кровь”) как более правильную: «Действительно, “юну кровь” может быть только формой винительного падежа, а не творительного, как утверждает вопреки всякой грамматике О. Сулейменов» [47: 254].

Но в тексте “Слова” мы имеем не “юну кровь”, а “юна кров(ъ)”. М.В. Щепкина не решилась на правку текста. Она высказала только предпо­ложение о возможности совпадения здесь форм именительного падежа и ви­нительного, прямого дополнения. Кроме того, М.В. Щепкину не покидало сомнение – верно ли взят глагол “исхытитъ” для реставрации, так как основ­ное значение его – “исторгнуть”. М.В. Щепкина предположила, что “если он (т.е. глагол) действительно стоял здесь, то только в значении – извергнуть, излить, источить”. Она допускала, что здесь мог быть и иной глагол, и толь­ко в одном была твердо уверена: это должен быть *глагол*.

Палеографические обоснования возможного превращения слова “исхы­ти” в слово “исхоти” у М.В. Щепкиной недостаточно убедительны: буквы “ы” трудно принять за букву “о” даже в некрупном полууставе конца XV – начала XVI в.

М.В. Щепкина указала на еще бóльшую сложность, возникающую при переводе этого фрагмента, в определении лица, которому принадлежат слова прямой речи: “...а ть и рекъ” – “ать и рекъ” – “а тьи рекъ”.

До тех пор, пока не будет четко определен субъект, которому принад­лежит прямая речь с обращением “княже”, фрагмент не может получить, логического осмысленного завершения.

У Д.С. Лихачева: “...а тот и сказал...”

У А. Чернова: “И сказал себе сам...”

Ср. у А. Майкова:

И на том одре, на смертном ложе,
Сам сказал...

В различных толкованиях фразу: “Дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ...” – должен был сказать Изяслав или тот некто, с которым возлег на кровати Изяслав. А.К. Югов ввел в текст перевода даже имя Бояна: «“Ты рекъ” означает: тот сказал или он сказал, по объяснению, данному мною к переводу 1945 года; *тый* – это не кто иной, как Боян, чьи слова, “припевки” неоднократно упоминает Автор “Слова”. Не следует забывать, что юноша Изяслав был внуком того самого Всеслава, о котором “припевку” сложил “вещий” Боян. Столь естественно, что этот “княжий любимец” деда пропел похоронное слово, своего рода “реквием” на смерть внука» [194: 178–179].

Отстаивая свою версию прочтения, А.К. Югов подверг критике Е.В. Барсова, который предполагал, что “рекъ” Фотий [5, т. 2: 244]. Перевод Барсова гласил: «На кровавой траве, изрубленный литовскими мечами. И с Хотием на крови. И тот воспроговорил: “Дружину твою, князь, Птица крыльями одела и звери кровь полизали...”» «Стало быть, – продолжает Югов, – местоимение “ты” – *той, тот* – отнесено Барсовым к Хотию, мышленному другу князя, а не к Бояну. И это весьма помешало естественному и поэтическому прочтению. Нельзя ведь не признать, что слова, ложно приписываемые самому ли Изяславу, или Хотию, очень поэтичны, жалостно-сильные и *веют поэтикой Бояна*, о которой мы имеем представление из других его стихов, приведенных в “Слове”» [194: 178–179].

По мнению А.К. Югова, все, что в “Слове” поэтично, следует приписать Бояну.

Этот фрагмент читается без правки, с уточненным словоделением и синтаксисом: “Притрепанъ литовскими мечи ис хоти юна кровъ, а ты и рекъ”.

Лексика: “Кров (кровъ)” – заимствованное из старославянского языка, это слово многозначно: крыша, шатер, защита, засада разбойничья, заслон. Греческое слово *ἐϋεδρα* в древних текстах переводится то как “застава”, то “разбой” (в значении “засада”), то “кровъ”, то “посада”. Ср. в Книге Иисуса Навина: “VIII. 2. Сделай засаду позади города”; “VIII. 7. Тогда вы встаньте из засады и завладейте городом”; “VIII. 9. ...И они пошли в засаду и засели между Вифлеемом и между Гаем”. “Книга Судей Израилевыхъ”: “IX. 25. Жители Сиамские посадили против него в засаду людей на вершинах гор”. Соответственно в древних текстах: “VIII. 2. Оустои же ...заставу”; “VIII. 7. Въставъша от крова”. “VIII. 9. Идоша въ заставъ”; “IX. 25. Поставиша... разбоя на версѣхъ горьскихъ...” [213, т. 1: 948, 1326; т. 2: 21].

Под “кровомъ”, “заставой”, “посадомъ”, “разбоемъ” понималось и “передовой отряд”, и “отряд войск, отряженный для его защиты”, и “засада” (могла быть и разбойничья).

Передовым отрядом, заставой, преграждающей путь к Полоцку, и была дружина Изяслава. Юношеская пылкость толкнула его на отчаянную и безнадёжную попытку остановить полчища литвы.

“Хоть” – “страстное желание”, “пылкость” [213, т. 3: 1389].

“Юна” – род. пад. ед.ч.; “юнъ” – юный, молодой (им. пад.): “Егда бѣ юнъ, поясаешся самъ ... егда же сътарѣшися, въздѣшися руцѣ твои и инъ ты пояшеть. Ю. XXI, 18 Остр. ев. ...” [213, т. 3: 1628].

“Ис” (исъ) – предлог (перед глухим согласным) = “изъ”. Предлог “изъ” имел одно из значений – “из-за”: “Яковъ работа оу суя своего изо тщере его изъ меньшеѣ лѣт •џ... а изъ тругоѣ реклѣ ему (работати) другоаго •џ лѣт; онъ же работа другою •џ лѣтъ изъ Рахили. Сл. Фил. 986 г.” [213, т. 1: 1083].

Обращается к умирающему князю с укоризной его собственная дружина – “кровь”. Юный князь Изяслав воспринимается как младший брат Брючеслава. Уточнить это по летописям нельзя – сведения о князьях полоцких очень отрывочны. Брючеслав Василькович впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1159 г. В 1180–1181 гг. он был князем витебским. Годы рождения и смерти Брючеслава мы не знаем.

Перевод: «Побита литовскими мечами из-за пыла юного застава, а она то и сказала: “Дружину твою, князь, птиц крыльями ты приделал, а звери кровь полизали”».

5. “Дружину твою, княже, птиц крылы пріодѣ, а звери кровь полизаша. Не бы ту брата Брючеслава, ни другаго Всеволода: единѣ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереліе”.

«Дружину твою, князь, птицы крыльями приделали, а звери кровь полизали”. Не было тут брата Брючеслава, ни другого – Всеволода; один он изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье» (Н.К. Гудзий).

Во фразе “Дружину твою, княже, птиц крылы пріодѣ” субъектом, производящим действие, мыслится *Изяслав*. Во всех же переводах – “птиць”: “Дружину твою, князь, птица крыльями придела...” (А.С. Орлов). Но слово “птиць” не может быть в предложении подлежащим.

Предположение о том, что в древнерусском языке было слово “птиць” (им. пад., собир. – “птицы”), совершенно несостоятельно. А на этом предположении даны переводы фраз: а) “Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубію” – (уже ведь беды ему готовит птица по дубам) – см. поясн. II. 9; б) “Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божіа не минути” – см. поясн. V.19.

Отождествлены формы “птиць” и “птичь” произвольно, так как форма “птиць” в значении “птица” (или “птицы”); (им. пад.) по текстам неизвестна. Во всех случаях форма “птиць” в “Слове” является род. пад. мн.ч. и употреблена Автором в полном соответствии с законами согласования слов в предложении.

Глагол-сказуемое “пріодѣ” понимается переводчиками как аорист 3-го лица ед.ч. Такое прочтение было предопределено версией о наличии в предложении подлежащего “птиць”. Но это равно может быть и аорист 2-го лица: “ты (Изяслав) приделал”. В.П. Адрианова-Перетц считает, что «вместо унижения, поругания трупа “псами” в библейской цитате в “Слове” птицы и звери как бы охраняют убитую дружину, потому-то вместо “псов” и названы “звѣри: – птиц крыль пріодѣ”» [1: 102]. Другое объяснение дает Н.В. Шарлемань: “Когда орлан-белохвост или гриф, паря “под облакы”, увидит труп, он камнем бросается на землю и, опустившись на свою находку, как бы прикрывает ее, “придевает”, по образному выражению “Слова”, своими широко распростертыми крыльями” [181: 116].

Вся беда комментаторов, что они дают свои более или менее убедительные объяснения данной фразы вне связи с контекстом всего фрагмента, и утрачивается тот смысл, что застава с горечью констатирует, что братья-со-

колы Изяслава не прикрыли, как было обещано, и дружина князя Изяслава пала, стала добычей хищных зверей.

Перевод: “Дружину твою, князь, птиц крыльями ты придел, а звери кровь полизали. Не было здесь брата Брючеслава, ни другого – Всеволода. Один же изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье!”

6. “...единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереліе”.

«“Злато ожереліе” – это круглый или квадратный глубокий вырез ворота княжеской одежды, обычно обшиваемый золотом или драгоценными камнями. Другое название этого ожерелья – “оплечье”. Золотое ожерелье служило в Древней Руси одним из отличительных признаков одежды высших классов» (Д.С. Лихачев [144: 216]).

Перевод: “Один же изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье!”

7. “Ярославе и вси внуце Всеслави!”

Д.С. Лихачев считает, что нет основания видеть в Ярославе кого-то из русских князей, враждующих с другими полоцкими князьями. Речь здесь идет, по его мнению, о хорошо известной по летописи распре Ярославичей со Всеславичами. Предполагается правка: читать “Ярослави” вместо “Ярославе”. Конъектура Д.С. Лихачева получила широкое признание. Б.А. Рыбаков пишет: “Аргументация Д.С. Лихачева настолько убедительна и новое чтение настолько логически связывает весь абзац в единое целое, что можно не только принять это чтение, но и основывать на нем ряд выводов” [137: 442].

Б.А. Рыбаков разъясняет: “Если бы речь шла только о недружном гнезде полоцких князей и каком-то Ярославе, который почему-то всех их уравнивает своей персоной, то напоминание о половцах осталось без объяснения. Ведь длительные раздоры полоцких князей, происходившие где-то на краю земли, остальных русских княжеств не касались, а уже к половецким набегам и вторжениям вообще никакого отношения не имели” [137: 441]. К сожалению, Б.А. Рыбаков в своих выводах опирается на традиционно неверное толкование всего фрагмента о гибели Изяслава. «Свое обращение к князьям-современникам автор “Слова о полку Игореве” расположил так, – пишет Б.А. Рыбаков, – что последними оказались полоцкие князья» [137: 441]. Но рассказ о гибели Изяслава и история князя Всеслава являются самостоятельными композиционными структурами, не входят в авторское публицистическое обращение к русским князьям (подробнее см. поясн. V.1, 2).

Отсутствие чисто литературоведческого анализа текста “Слова”, который предполагает прежде всего исследование архитектоники произведения и четкое уяснение средств, которыми раскрывается авторский замысел, приводит к совершенно неверным выводам. Так, при определении границ предыдущей, четвертой, композиционной структуры необходимо принять во внимание ораторский, публицистический пафос повествования, т.е. стиль, и четко определить задачу, которую ставит перед собой Автор. Публицистическое обращение к Всеславу и Изяславу невозможно: *Всеслав умер в 1101 г., Изяслав погиб в 1181 г.* Предполагать же обращение к князьям по-

лоцкой группы также нельзя: оно будет безадресное, а в структуре IV каждое обращение имеет прямой адрес. Обращение же “Ярослав и все потомки Всеславовы”, заключающее рассказ о событиях 1181 г., относится к полоцким князьям и к Ярославу – явно не полоцкому князю. Отметим попутно, что в этом обращении нет призыва Автора к совместным действиям. Он требует только прекратить усобицу. Автор, трезво оценивая обстановку, знает что-то такое, что удержало его от призыва совместно выступить против хиновы. Вероятно, эти князья не выступят против половцев и литвы ни при каких обстоятельствах.

Для того чтобы установить, о каком Ярославе идет речь, нужно найти такой эпизод истории, когда в княжескую распрю были вовлечены одновременно и половцы, и литва, когда усобица коснулась бы рода Васильковичей, когда разорялась бы полоцкая земля, и при сем был бы некий Ярослав. Он совсем не должен “уравновешивать своей персоной” полоцких князей. Он просто должен быть вовлечен в конфликт. Во всей истории Киевской Руси нет иного подходящего события, кроме конфликта 1181 г. (см. поясн. V.2), в который был втянут Ярослав Всеволодович. Поэтому правы были В. Ржига и С. Шамбинаго: “Ярослав – несомненно Ярослав Всеволодович Черниговский (ум. 1198 г.), внук Олега Тмутороканского”. А конъектура Д.С. Лихачева неудачна и должна быть решительно отвергнута. Кроме того, она предполагает радикальную правку текста и делает его безадресным, ибо в конце XII в. никакого противостояния “Ярославичам” уже не было. События 80-х годов сделали взаимоотношения князей столь запутанными, что свести их к двум противоборствующим лагерям (Ярославичи – Всеславовы потомки) уже нельзя. Да и потомков Ярослава Мудрого уже называют Ольговичами и Мономаховичами. Конъектура Д.С. Лихачева не учитывает ни исторические реалии, ни логику прочтения. В отношении же реплики Б.А. Рыбакова следует заметить, что напоминание о половцах не оставалось без объяснения. Напомним, что Игорь Святославич и Ярослав Черниговский повели степняков на север и что многие “полочане” оказались с половцами в союзе. Крамола полоцких князей “навела” поганых на достояние Всеслава. “Поганые” здесь – и литовцы, и половцы – язычники. Прийти же на Русь и литовцам, и половцам позволили распри князей именно полоцкой группы. Укорять “Ярославичей” в том, что они не берегут достояние Всеслава – полоцкого князя – странно. А вот полоцких князей упрекать в этом есть основание: союзники-язычники воевали не без корысти.

Перевод: “Ярослав и все потомки Всеславовы!”

8. “Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганья на землю Рускую...”

“...уже склоните свои стяги и вложите (в ножны) свои мечи поврежденные; уже ведь вы лишились дедовой славы. Ибо вы своими крамолами стали приводить поганых на землю Рускую” (А.С. Орлов).

В копиях согласно дано: “понизить” и “вонзить”. Так как уже первые переводчики были убеждены, что в этом фрагменте недвусмысленное требование к русским князьям прекратить военные действия, то правка текста с целью получения желаемого смысла была предопределена. Крупнейшие ис-

следователи (Н.Ф. Грамматин, Н.С. Тихонравов, Вс.Ф. Миллер, Ф.В. Корш, А.С. Орлов, Д.С. Лихачев) приняли и “узаконили” правку “понизить” на “понизите” и “вонзить” на “вонзите”, т.е. форма глагола была определена как 3-е лицо мн.ч. повелительное наклонение. Одинокое голося, нерешительно возражавшие против очередной правки, на судьбу прочтения этой фразы влияния не оказали. Альтернативное мнение: вероятно, мы имеем дело с безличным инфинитивным предложением, указывающим на действие, которое должно быть осуществлено. Тогда главный член (сказуемое) и выражено инфинитивами “понизить” и “вонзить”. Это предложение ставилось оппонентами под сомнение, так как такая форма инфинитива была необычна для XII в. и для самого “Слова”: “понизить”, “вонзить”, а не “понизити”, “вонзити”. Конечно, можно стать на ту точку зрения, что усеченная форма – фактор, привнесенный в повторном воспроизведении, но опять возникает вопрос: действительно ли мы реставрируем, реконструируем текст, или все более искажаем его, добиваясь лучшего, по нашему представлению, воплощения замысла создателя “Слова”? Кроме того, затруднительно прочитать выражения: “...уже понизить стяги”, “уже вонзить мечи” – по логике прочтения. Правда, Далем в ТСЖВЯ [206, т. 4: 476] указано, что наречие “уже” должно было иметь прежде значение “пора настала”, но фактическое подтверждение отсутствует.

Прежде всего “понизить”, “вонзить” могли быть поняты как глаголы настоящего времени (ед.ч. 3-е лицо; -и-ть), принимая во внимание, что глаголы совершенного вида (по нормам современного языка) в древнерусском языке могли при некоторых условиях предстать в значении настоящего времени. Но представляется, что здесь отнюдь не казуистический случай. В тексте глаголы даны в форме аориста: “понизи” и “вонзи”, а “ть” – указательное местоимение. Форма “ть” = “тъ” = “тъи” уникальна для “Слова” (если мы не имеем в некоторых случаях непрочтение: “тъи” вместо “тъ и”), но тривиальная для летописей и древнейшая. Форма аориста во фрагменте закономерна, так как и далее идет аорист: “скочисте”, “начясте”. Уточнение глагольных форм дает возможность со всей определенностью выявить поэтическую образность в авторском изложении. “Трубы трубят Городненскіи”, а далее в прямой речи (что трубят?) дается оценка событий.

Замечания к лексике: слово “стяг” здесь в значении “боевое знамя”. Ср. “Князь же Святославъ Всеволодович повѣлъ своим вооружитися и стязи наволочити. Никон. л., 6727” [213, т. 3: 591]. Опущенный, приспущенный стяг, как это отметил Д.С. Лихачев [79: 72] означал поражение.

Выражение “вонзите свои мечи” А.И. Мусин-Пушкин уточнил: “Вложите в ножны мечи ваши”. Но у Г. Шторма: “Вонзите в землю свои мечи”. В комментариях к своему переводу Г. Шторм пишет: «Обычно: “вложите в ножны”. Оставляем “вонзите” и вносим пояснительную вставку: “в землю”. Ср. “Весной 1932 г. на конференции ГАИМКА среди работ украинских археологов фигурировал фотоснимок древесного ствола с глубоко вогнанными в него мечами. Зарисовки идентичного характера сделаны в одном из южнорусских музеев проф. В.А. Городцовым, причем дерево всякий раз показывало многолетний наплыв, т.е. рост после совершения этого неизвестного нам символического акта. (Сообщил В.В. Арендт)» [142: 152].

“Вережени” – побитые, пострадавшие, получившие вред. Ср.: “А сего пришахъ аже жены дѣлаюче что либо страдоу и вережаються и изметають.

Вои. Ил.”; “Руцѣ и нозѣ свои вереди^х. Поуч. Влад. Мон.” [213, т. 1: 243]; “Рехъ ему: А оже лизять дѣти не смысльче? – А в томъ, рече, мужьскому полу нѣту бѣды до не лѣтъ; а дѣвицѣ не пытаи: могутъ бо, рече, и борзе вередити... Вопр. Кир. 35 (XIII в. ~ 1156 г.)”. Ср. у В.И. Даля: “верезная лошадь” – испорченная лошадь [206, т. 1: 179].

Во всех без исключения переводах после рассказа о гибели Изяслава следует упрек Всеславовым внукам и Ярославу (или Всеславу и Ярославовым внукам, по версии Д.С. Лихачева), они-де “выпали” из славы Всеслава (“Ибо лишились вы (подлинной боевой) славы ваших дедов” (Д.С. Лихачев)), затем идет рассказ о Всеславе.

Весьма неточные переводы предопределили оценку деяний Всеслава как героических, славных, вопреки тому, что Всеслав-то и был первый крамольник Полоцкой земли, и совершенно очевидно, что отношение к “славе” Всеслава у Автора должно быть явно отрицательным. Истинная цена “славы” Всеслава, по мысли Автора, определилась гибелью Изяслава. Не героическое, а крамольное начало подчеркнет Автор, рассказывая далее о полоцком князе.

Неточность переводов объясняется неточностью и определения границ синтаксических структур, и словоделения. Так, выражение “уже бо вы скочисте” в переводах получило самое фантастическое прочтение. В разбивке Мусина-Пушкина было: “уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ”. С тех пор исследователи доказывают возможность фразеологизма “выскочисте изъ славѣ”, хотя древние тексты утверждают, что слово “выскочити” означало только “выпрыгнуть” (“изъ ноздри его котъ и кошка”) и выбежать (“изъ амбона”, “из града”, в переводах появляются значения: “отстали (от славы)” – А.И. Мусин-Пушкин; “выпали (из славы)” – Ив. Новиков; “отвержены (от славы)” – А.К. Югов; “лишились (славы)” – А.С. Орлов, Д.С. Лихачев и т.п.

Но анализ текста и логика прочтения дают право утверждать, что “выскочисте” не одно, а два слова: местоимение “вы” и “скочисте” (2-е лицо мн.ч. аориста). См. в тексте фрагмента: “вы скочисте” – “вы начасте”, т.е. налицо параллелизм. Это подчеркивается и повтором союза “бо”: “уже бо вы скочисте”, “вы бо ... начасте наводити”.

Кроме того, в выражении “изъ дѣдней славѣ” переводчики учли только одно значение предлога “изъ” – для обозначения места, но предлог “из(изъ)” мог употребляться и при обозначении причины, основания, цели, следствия. Ср.: “1215. И тогда бѣ гладь великии, и дѣти своя дааху въ рабство изъ хлѣба. Ник. лет., X, 68 (XVI в.)” [212, вып. 2: 155].

Перевод: *«Уже опустил тот стяги свои, вонзил тот мечи поврежденные, ибо уже примчались из-за дедовой “славы”, ибо вы своими крамолами начали приводить язычников на землю Русскую».*

9. “...на жизнь Всеславлю, которую бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седмомъ вѣцѣ Трояни...”

Межкняжеские распри привели к тому, что даже в далекой северной Полоцкой земле оказались полчища кочевников. Половецкая орда грабит достояние Всеслава (см. поясн. V.2).

Прекрасно, четко оформленная в предложении авторская мысль в разбивке Мусина-Пушкина искажена. “На жизнь Всеславлю” осталось в преды-

душей структуре; “На седмомъ вѣцѣ Трокани...” начинает следующую структуру. Осталось “Которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыя!”

В переводе А.С. Орлова: “Из-за раздора стало насиліе от земли Половецкой!”

Замечания к лексике: “котора” – распря, вражда, раздор. Ср.: “1073: Вѣзвиже дьяволъ котору въ братъи сеи Ярославичахъ. Бивши распри межѣ ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. Пов. врем. лет (1377 г. ~ нач. XIII в.)” [212, вып. 3: 10]. (В архивной копии и печатном издании 1800 г. – которое. Правка “которое” на “которою” принята ныне почти всеми исследователями как хорошо палеографически обоснованная.)

“Которою” – твор. пад. ед.ч.: здесь творительный причины. Ср.: “І начаша мертви гладѣмъ (от голода). Новг. I лет.”; “Яко нѣльзѣ бѣше поити смрады (из-за смрада). Лавр. лет.” [138: 175].

“Насиліе” – им. пад. ед.ч. В предложении субъект, производящий действие.

О смысле выражения “сѣдмомъ вѣцѣ – см. поясн. I. 24; II. 25.

Перевод: “На достояние Всеславова с раздором ведь явилось насиліе от земли Половецкой на седьмом тысячелетии!”

10. Всеслав Брючеславич – князь Полоцкий, правнук Владимира I, крестителя Руси, и Рогнеды Рогволодовны. Дед Всеслава – Изяслав, родоначальник Изяславичей. Все Изяславичи проводили традиционную политику вражды по отношению к Ярославичам – роду Ярослава Мудрого. Верный этой традиции, Всеслав силой и интригами стремился вырвать первенство у могущественных Ярославичей. Даже на фоне сурового средневековья Всеслав представляется фигурой жестокой и коварной.

Усобная война, развязанная Всеславом, совпала во времени с половецким нашествием. Летописцы видят взаимосвязь между усобицами и нашествием, которое воспринимается как Господне наказание за крамолы.

В “Повести временных лет” под 6575 г. (1067 г.): “Начал междуусобную войну Всеслав Брючеславич Полоцкий...” А под 6578 г.: “Пришли иноплеменики на Русскую землю, половцев множество”; “Наводит ведь бог, в гневе своем иноплемеников на землю, и только пережив это горе, жители ее вспоминают о боге: на междуусобную войну соблазняет людей дьявол”.

Половцы впервые совершили пограничные набеги на Русь в 1054 г. Русским князьям удалось приостановить агрессию половцев. Когда же Всеслав развязал усобную войну, внимание было отвлечено от южных границ, чем незамедлительно воспользовались половцы. В 1068 г. Ярославичи (Изяслав, Святослав и Всеволод) потерпели сокрушительное поражение от половцев на Альте. «Киевляне прибежали в Киев, и устроили вече на торгу, и, обратившись к князю (Изяславу), сказали: “Вот половцы рассыпались по всей земле, выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними”. Изяслав же это не послушал» (Повесть временных лет).

Изяслав Киевский не рискнул дать оружие народу, зная, что у киевлян он не пользуется доверием и любовью. Народ ответил восстанием. Но главной причиной восстания были обострившиеся классовые противоречия. Неудача Изяслава – только повод.

В эти тревожные дни Всеслав Брючеславич находился в Киеве на положении пленного: Ярославичам после кровопролитных битв удалось заманить Всеслава к себе на переговоры: "...приди к намъ, яко не створимъ ти зло". Обещание не творить зла Ярославичи подкрепили крестным целованием. Всеслав поверил и с двумя сыновьями приехал мириться, но был схвачен и посажен в темницу. Перед угрозой народного мятежа сторонники Изяслава предлагают великому князю Изяславу Ярославичу убить полоцкого князя: "пусть призвав его к концу обманом, пронзят его мечом". Опасение сторонников великого князя, что мятежники, люто ненавидевшие Изяслава, могут войти в контакт с пленным полоцким князем, оправдались: народ успел освободить Всеслава, его детей и сидевшую в темнице дружину (летопись не уточняет, что за воины оказались в темнице) и стал громить княжеские хоромы. Изяслав бежал. Всеслава восставшие прославили великим князем. Так выпал Всеславу жребий, который позднее приведет его в число тмутороканских изгоев – "Тороканский жребий".

Изяславу Ярославичу удалось собрать силы и "в год 6577: Пошел Изяслав с Болеславом (польским) на Всеслава; Всеслав же двинулся им навстречу. И пришел в Белогород Всеслав, и ночью тайком от киевлян бежал из Белогорода в Полоцк" (Пов. врем. лет). Всеслав испугался военной мощи Изяслава Ярославича и предал восставших. В Киев вошли дружины Мстислава – сына Изяслава. "И, прийдя в Киев, Мстислав перебил 70 человек киевлян, освободивших Всеслава из темницы, а иных ослепил, а других безвинно умертвил" (Пов. врем. лет). Такова цена предательства князя Всеслава, так расплатились киевляне за веру в хорошего князя.

Усобная война с Ярославичами принимает далее неблагоприятный для Всеслава оборот. А ведь начиналось все с большой удачи. Когда в 1067 г. Всеслав начал военные действия, ему удалось неожиданным разбойным набегом захватить Новгород, где сидел Мстислав – сын Изяслава Ярославича. Город был сожжен и разграблен. Престижу Ярославичей был нанесен серьезный урон. Те же в отместку взяли и сожгли Минск. Всеслав устремился навстречу, проделав путь в 500 км. И 3 марта противники сошлись на р. Немиге. "И был снег великий, и войска пошли друг на друга. И было побоище жестокое, и много людей пало" (Пов. врем. лет). Ярославичи одержали победу, Всеслав бежал. Но, вероятно, силы обеих сторон были так истощены, что Ярославичами делается попытка примирения, но кончается она обманом Всеслава и его пленением Ярославичами. Успех первого набега пошел прахом.

Новый успех – освобождение из плена. Неожиданно Всеслав стал великим князем, правда, всего на 7 месяцев. В это время он вершил судьбы подданных, определял вотчины князьям, совершал по ночам свои стремительные разбойничьи рейды. Но так же внезапно оказался на положении травмированного волка: бросив киевлян, бежит в Полоцк. Это второе падение Всеслава. Автор "Слова" утверждает, что будет и третья неудача – рейд в Тмуторокань к язычникам. Но так как навести на Русь половцев ему не удалось, то следует, что и тут Всеслава постигла неудача.

Образ Всеслава в "Слове" дан столь же "сочувственно", как и образ Олега Святославича. Не простил Автор Всеславу ни ограбления Новгорода, ни предательства восставших киевлян, ни побоища на Немиге, ни попытки навести половцев из Тмуторокани.

Явное осуждение княжеского произвола и междоусобной резни увидел в “Слове” известный писатель и переводчик XIX в. Н.И. Гнедич, рассматривая поэму как произведение народное.

Н.И. Гнедич работает над поэмой о Васильке Ростиславиче, ослепленном в 1097 г. князем Давидом Игоревичем Владимиро-Вольнским. Поэма навеяна “Словом о полку Игореве”. В черновиках Н.И. Гнедича сохранились наброски, связанные с осмыслением исторического содержания “Слова”. Особый интерес представляет оценка личности Всеслава: это свирепый и кровожадный зверь, причинивший огромное зло Русской земле. “Бог казнит нас за грехи князей русских, за вражды и крамолы, за ненависть и раздоры, какими они разделили свои семьи и землю Русскую и наводят на нас поганых половцев. О, Ярослав, ты свел во гроб счастье земли Русской. Ты разделил Россию. Дети зажгли вражду, которая выльется только в крови русского народа. Уже Ярославичи оросили берега Немиги (из песни Игоря), уже свирепый Всеслав воюет Псков, Новгород, грабит святую Софию и берега Немиги убелил костями русскими. Свирепые половцы уже разделяют наше отечество” [30: 306–307].

11. “...Трояни врѣже Всеславъ жребіи о дѣвицю себѣ любу. Тѣ клюками подпрѣ ся о кони и скочи къ граду Киеву...”

“На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о девице, ему милой. Он, исхитрившись, сел на коня и подскочил к городу Киеву...” (Н.К. Гудзий).

Так как Всеславу, сидящему в “порубе” с детьми, было, естественно, не до любовных утех, то комментаторы объясняли: речь здесь идет-де о Киеве или, возможно, о Новгороде. Д.С. Лихачев дает такое пояснение: “В средневековых представлениях город часто олицетворялся в образе девицы, жены или вдовы”.

В 1976 г. была опубликована в журнале “Русская литература” статья Д.С. Лихачева «“Слово” и эстетические представления его времени», в которой он пишет: «Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого – он добывает себе Киев, “девицу любу”, скакнув на коне и дотронувшись до золотого Киевского престола, что напоминает сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки царевны, сидящей высоко в тереме)» [87: 32].

Событийный ряд в “Слове” осмысливается как цепь эпизодов, в которых Автор через церемониал и этикетность стремится утвердить значимость происходящего. По мысли Д.С. Лихачева, церемониальность “требовала не столько изображения действительности, сколько ее оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам” [87: 31].

Это утверждение находится в противоречии с принципами поэтики “Слова”: Автор “Слова” прежде всего стремится к точному изображению действительности. Иное дело, что образная система дана в традиции времени. Это возражение имеет принципиальный характер: событийный ряд в “Слове” прежде всего следует соотносить с фактами истории, т.е. с той действительностью, которая, по мнению Д.С. Лихачева, не столь уж важна для поэта средневековья.

Всеслав, попав в плен, конечно, более всего был обеспокоен своей судьбой и судьбой двух своих сыновей, которых он по неосмотрительности взял с собой, отправившись к Ярославичам на переговоры, и которые вместе с ним были заключены в темницу, судьбой своей “двоицы”. Ситуация, в которую попал Всеслав, вынудила его в дни, когда половцы разоряли Киевскую землю, воспользоваться нашествием для борьбы с Ярославичами: сделать ставку на Торокань (“Торокани” – дательный косвенного объекта). Упоминание о детях закономерно. “...двоицю себе люблю” – и ожидаемо в тексте “Слова” (а не “дъвицю”). Слово “двоица” хорошо известно по летописям. Дает это слово и В.И. Даль [206, т. 1: 417]. Возникновение ошибки, вероятно, было предопределено предыдущим прочтением “д’вою” как “дъвою” (см. поясн. III.3). В тексте рукописи явно была утеряна буква “о” – “двицю”. Но при снятии копии было предположено, что в слове “двицю” утеряно титло. Эта мысль подкреплена тем, что слова “дъвица” и производные очень часто писались под титлом, причем в аббревиатуре могли быть даже одни согласные.

О наличии описки в тексте копий “сигнализирует” грамматика – явно нарушено согласование слов в предложении: в тексте следовало бы скорее всего ожидать не винительный падеж (дъвицю), а местный (дъвицѣ) с предлогом “о”, указывающий предмет (лицо), на которое направлены помыслы Всеслава. При восстановлении же текста – слова “дъвоицю” – фраза получает правильное грамматическое оформление: Всеслав решил свою судьбу так, а не иначе (бросил жребий) *из-за двоицы.* “О” с *винительным падежом* в аналогичных случаях обозначало причину действия: “В то же время мятежю бывшю в сильных жидох, и растворившись о честь, о вольность, не хотящимъ покоритися друг другу. Флав. Полон. Иерус. 167 (XVI в. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 4: 5].

Догадку о том, что слово “дъвицю”, должно означать “двоицю” впервые высказал О. Сулейменов. Он предположил, что здесь должна быть форма “дъвица”. Но форму “дъвица” в значении “двоица” словари не фиксируют.

В этом фрагменте мы имеем еще один случай явного неп прочтения. Всеслав, дабы достигнуть Киева, оперся “клюками” на “кони” (окони). Первоначально под “клюками” подразумевали палку с изогнутым концом и переводили:

И, клюкой согнувшись,
Оперся о кони...

(Ив. Новиков)

“Он, подпершись клюками, сел на коней...” (А.И. Мусин-Пушкин).

Позднее утвердилось, что “клюка” в тексте “Слова” означает “хитрость”, “обман”, “коварство”: “Он хитростями подперся на коне и подскочил к граду Киеву” (В. Ржига и С. Шамбинаго).

А.К. Югов переводит слово “клюка” как “волшебство”, “волшба”:

На волшбу опираясь,
Всеслав добыл-таки

Града Киева...

Повод для такого прочтения, вероятно, дали тексты, где говорится о кознях, хитростях бесовских: “Клюки бѣсовския, потаёныя брани и запинания. Алфавит, XVII в. 446, 125” [212, вып. 2: 189]. Но “клюка” – хитрость вообще. Ср. “Бѣ же Изяславъ муж взоромъ красенъ, тѣломъ великомъ, не-

зловливъ нравомъ, кривды ненавидя, любя правду, клюкъ же в немъ не бѣ, ни лъсти но прост умомъ. Пов. врем. лет (Ипат. лет.), 193 (XV в. ~ нач. XII в.)”(там же).

А.К. Югов решительно возражает против прочтения “оперся о кони” и предлагает читать “клюками подпръ ся, окони и скочи” – “волшбой подперся (оперся), устроился и устремился...”. Но слова “оконити” (оконить) в памятниках не найдено. Даль отмечает его в говорах (новгородском) в значении “докончить” и “устроить”. Но глагол “оконить” дан [206, т. 2: 660] и в примечании, и в примерах как глагол переходный. Отсутствие прямого дополнения в предложенном словоделении не позволяет дать осмысленный перевод. Не имеет подтверждения и приведенное “Словарем-справочником СПИ” значение глагола “окони” – “сделать конным”. Кроме того, наличие союза “и” – “окони и скочи” – не позволяет отнести “ся” при глаголе “подпръ” и к переходному глаголу “окони”.

Д.С. Лихачев читает: “оперся о коней” – и полагает, что здесь намек на восставших киевлян, что потребовали коней и оружие у Ярославичей. Те, дескать, не дали, а Всеслав пообещал и этим хитро добился расположения киевлян. Но если мы знаем о требовании киевлян: “Выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними”, то нет никаких сведений о том, что Всеслав что-то обещал киевлянам. И совсем уже непонятно, как, хитростью опираясь, можно мчаться к Киеву. Захватить Киев можно было только силой оружия, ибо у киевского князя были военные дружины, хотя и потрепанные в боях с половцами. Кроме того, уже давно было отмечено, что конструкция глагола “подпрети” с предлогом + *вин. пад.* невозможна.

В “Повести временных лет” в рассказе об освобождении Всеслава есть любопытная фраза: “Поидем, высадим дружину свою ис погреба”. Это говорят восставшие. О какой дружине идет речь? И почему она оказалась в заточении? Были ли это смутьяны – воины Изяслава или часть дружины Всеслава? Но несомненно, что у Всеслава, когда его освободили, оказалась какая-то малая воинская сила, поддержанная горожанами. Малая воинская сила носила название “копь”.

У А.К. Югова в комментарии (правда по иному поводу): “А теперь приведем прямое свидетельство летописи, что под “копьем” следует понимать *небольшой отряд*. В летописи по Ипатьевскому списку под 1172 годом есть подробный рассказ о битве русских с половцами. Точно указано, что “бысть же у поганых 900 копий, а в Руси 90 копий”. Далее говорится, что множество половцев “избиша”. И тем не менее взяли в плен полторы тысячи: “яша их руками полторы тыще”. И это все из числа девятисот копий!.. В ином свете предстают при таком раскрытии слова “копь” и слова князя Ярослава Галицкого, сказанные им киевскому послу у гроба только что скончавшегося отца: “полк его и дружина его у меня суть разве (т.е. кроме) одно копье, поставлено у гроба его, а и то в руку мою естъ” (Ипатьевская летопись, 1152 г). Иначе говоря: войско и дружина отца моего мне принадлежит теперь, кроме того отряда (как бы почетный караул), что поставлен у гроба отца, да и то – по моей воле!” [194: 199–200].

В тексте СПИ следовало ожидать: “Тѣи клюками подпръ ся о коп’и и скочи къ граду Кыеву и...”, т.е. Всеслав взял Киев “на копь” – силой. “О коп’и” – местный падеж. В аналогичных конструкциях предлог “о” с местным падежом обозначал образ, способ действия (с помощью кого-, чего-

либо): “сѣдять сами о своей милѣ” [212, вып. 4: 7]. Ошибка “кони” – “коп’и” с палеографической точки зрения вполне объяснима. Правильность предлагаемого прочтения подтверждается и тем, что далее в тексте следует: “скочи от нихъ ... изъ Бѣлаграда”. Если принять прочтение “оперся о кони”, то возникает новое недоумение: Всеслав умчался из Белгорода прочь “от нихъ” – “от коней”? Но Всеслав бежал прочь от боевых отрядов, от тех дружин, что поддерживали его, бежал от “копий”.

Перевод: “На Трокань метнул Всеслав жребий из-за двух сыновей, ему милых. Он хитростями подкрепился военным отрядом и устремился к городу Киеву...”

12. В тексте 1800 г.: “Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда...”

“Лютымъ” – “лютый” – дикий, хищный, жестокий. “Княже мои, господине! Бежи ото убож/е/ства, аки от рати; аки от лютого звѣря злого. Посл. Дан. Заточ. (Ник.) 88–89 (XVII в. ~ XIII в.)” [212, вып. 2: 117].

Перевод: “Скакнул от них хищным зверем в полночь из Белгорода”.

13. “Обѣси ся сине мьглѣ утрѣже ваззни, с три кусы отвори врата Нову-граду...”

Всеслав “завесившись синей мглой, поутру же вонзил ... отворил ворота Нову-граду...” (А.С. Орлов).

“Стрикусы” А.С. Орлов предпочел не переводить, но в комментарии дал: «Загадочное “стрикусы” Снегирев и Потенбня сопоставляют с названием боевого топора (streitaxt)».

В существующих переводах за основу взято словоделение А.И. Мусина-Пушкина. Ключевым словом при прочтении этого фрагмента исследователи не без основания посчитали глагол “обѣситися”. “Обѣситися” означает: “повеситься” (лишить себя жизни) и “повиснуть на шею, обнимая” (букв. “обвеситься”). Исследователи предположили, что в контексте СПИ “обѣситися” может означать “повиснуть”, а это представляло возможность прочтения: “повис (Всеслав) на синем облаке” – “обѣсися синѣ мьглѣ”.

Так, в переводе А.К. Югова князь Всеслав:

Во полночь – из Белаграда –
обнял синее облако...

В комментарии А.К. Югов пишет: «Вот единственно правильный перевод: обнял синее облако (или повис на...), ибо “обеситься – повиснуть, обнять”; “мгла – облако”» [194: 189].

Но слово “мгла” не имело значения “облако”, а означало “темнота”, “мрак”, “туман” (см. поясн. VI. 12).

Отметим и то, что при глаголе “обѣсися” существительное “мьглѣ” стоит в дат. пад., неуместном по нормам древнерусского языка. Объяснение, что древнерусский язык здесь повторяет нормы греческого, которому неизвестны творительный и предложный падежи [146: 374], не убеждает, так как текст СПИ оригинальный, Автор не был связан иноязычным образцом.

Видение – повисший на облаке (или увязший в тумане) воинственный князь – ныне уже не поражает воображение читателя, поверившего в значи-

мость и поэтическую красоту этого фантастического образа: “В полночь из Белграда повис он в синем тумане” (С. Шамбинаго и В. Ржига). Осторожнее был перевод: “побежал он лютым зверем в полночи из Бела-града, закрывшись мглою синей” (Мусин-Пушкин).

Дословный перевод дает картину явно импрессионистического восприятия: Всеслав обвешивается (объсися) синей мглой (или обнимает синюю мглу). Отметим, что слово “мгла” никогда в древних текстах цветового обозначения не получало. Пожалуй, только один поэт О. Сулейменов почувствовал, что при переписке этого фрагмента на каком-то этапе возникло явное искажение текста. По его мнению, здесь речь идет о бегстве Всеслава с сыном Глебом. Следует читать: “объсися синѣмъ Глѣ?” Но вызывают недоумение грамматические формы и орфография слов “сынѣмъ” и “Глѣ”. Должно быть “сынѣмъ” или “сыномъ” – твор. пад. “Глѣ?” никак не может быть формой творительного падежа (Глѣбѣ – местн. падеж?). Сомнительно, что “Глѣ” – должно означать “Глѣбѣ”.

В традиционных переводах повисший на синей мгле Всеслав утром уже (так читается “утрѣже”) появился под Новгородом; где и “разбил славу Ярославу”. Но в Новгороде Ярославичей в это время не было, там сидел Святославич – Глеб. Всеслав много позднее окажется под Новгородом, где и потерпит страшное поражение.

Если бы в тексте “Слова” был действительно тот смысл, который отстаивают переводчики и исследователи, то необходима была бы правка: “утрѣ” в значении “утром” не может быть. Правильно должно быть “утрѣ”. Ср.: “Того же мѣсяца въ 15 день, въ недѣлю утрѣ. Псков. I л., 6979 г.” [213, т. 3: 1319]. Слово же “утрѣ” – наречие “внутри” [213, т. 3: 1316–1317].

Если придерживаться “традиционного” прочтения, исправлению должно подвергнуться и следующее далее слово “вазни” (так в Екатерининской копии). Собственно, уже А.И. Мусин-Пушкин, подготавливая текст к печати, исправил “вазни” на “ваззни” и перевел: “...по утру же вонзив стрикусы, отворил ворота...”. И.И. Козловский, В.Н. Перетц, С.К. Шамбинаго, В.Ф. Ржига, А.С. Орлов, Н.К. Гудзий, Д.С. Лихачев и др. приняли исправление “вазни” на “ваззни”: в новгородские ворота князь Всеслав “вонзи стрикусы”. А на основании того, что “стрикусы” можно вонзить, был сделан вывод, что это какое-то орудие или оружие.

“...утром же ударил секирами, отворил ворота Новгорода...” (Н.К. Гудзий).

“...поутру же вонзил секиры и отворил ворота Новгорода...” (Д.С. Лихачев).

Этот перевод Д.С. Лихачев подтвердил в 1976 г. [86], хотя в 1972 г. у него было: “в три удара отворил ворота Новгорода” [145].

Р.О. Якобсоном было предложено новое словоделение: “Утрѣже вазни с три кусы”. В переводе Якобсона это звучит так: “Урвал удачи с три клокка”. “Утрѣже” – аорист глагола “утрѣгнути” – “урвать”, “отринуть”, “лишить”. Но точный перевод дает: “...с три куска (ломтя)”. “Кузь” – кусок, ломоть, часть: “Вельможа же оставлююся часть хлѣба выторгаху, нарѣцаemy же ревнителы видяху челоуѣка журуца кузь задавише горло, выторгъше кузь расхитаху. Палея. толк. 55 об. (1406 г. ~ XIII в.)” [212, вып. 3: 41]. Значения “клок” слово “кузь” не имело.

Д.С. Лихачев сделал попытку улучшить конъектуру Якобсона – “изменить знаки препинания и читать это место так: “утрѣже вазни, с три кусы

отвори врата Нову-граду”. Перевод этого места: «урвал (захватил) счастье (удачу), с три попытки (или “с тех попыток”) отворил врата Новгороду (т.е. занял город)» [84: 537].

Однако Д.С. Лихачев не торопится внести новую конъектуру в свой перевод, так как древнерусский язык не дает примеров, когда слово “кусь” имело значение “попытка”, “покушение”: «Если бы в древнерусских текстах удалось найти слово “кусь” в значении “попытка”, “покушение”, “искус”, то чтение этого места “Слова” можно было бы считать окончательно определенным» [84].

Совершенно справедливо отмечает О.Н. Трубачев [163: 448–449] слабость обеих версий: искусственность в словообразовании “стрикусы” и сомнительность с точки зрения стилистики и фразеологии прочтения Р.О. Якобсона.

Однако само словоделение, предлагаемое Р.О. Якобсоном, нужно признать удачным. Разыскания, предпринятые В.Л. Виноградовой, позволяют внести в него существенные уточнения.

Прежде всего о слове “вазни”: “вазнь” – удача, везение, счастье. Ср.: “Вазнь серѣчь счастье. Измар. цар.”. “Вазнь добра приложися къ нимъ” [213, т. 1: 224]; «Нъкто рече от златолюбець сице: “Уне ми имѣти каплю вазни, нежели ботарь ума”. Ему же отвѣщавъ любу мудрецъ, и рече: “Абы ми капля ума, негли глубина вазни. Пчел. 17 (XIV–XV вв.)» [212, вып. 1: 91]. Приведенные примеры показывают: нет оснований полагать, что слово “вазнь” означает успех, достигнутый исключительно с помощью колдовства или нечистой силы.

Теперь о слове “куса”. В словарях церковнославянских и древнерусских это слово не встречается. Но обследование ряда Прологов XIII–XIV вв., произведенное В.Л. Виноградовой, показало, что слово “куса” является фонетическим вариантом слова “хуса”, которое неоднократно приводится и Востоковым, и Дьяченко, и Срезневским: “Нъ дьяволъ завижѣвъ въздвиже дивии языкъ глазатыхъ на святыхъ отця. Си же суть от Аравия на Черномъ мори до Егупта живуще; и надѣющеса обрѣсти богатство, придоша кусою поплѣнени мниси. Пролог. Синод. Собр. 239, 161 (перв. четвер. XIV в.)”; “И надеющиса обрести у святыхъ богатство, и приидоша кусою полонити мнихи. Пролог., 1530 г. (ГИМ Чертковск., собр. 242) 276 об.” [212, вып. 3: 39]. Ср.: “И надеющеса обрести богатство, придоша хусою пленити мнихи. Пролог. 1425 г. (ГИМ. Синод. собр., 839) 125 об.” (там же).

Слово “хуса” употреблялось, когда речь шла о разбое, разбойной, грабительской войне, набеге, засаде. Ср.: “Хусарь(ъ)” – морской разбойник [213, т. 1: 1423]. “Хусити” – злодействовать, разбойничать [213, т. 1: 1423]. “Хусовати” – грабить, разбойничать [213, т. 1: 1423]. Во всех случаях, когда употреблялось слово “хуса” или производное от него, речь идет об актах насилия, разбоя, злодейства.

С учетом сказанного более правильное словоделение в этом фрагменте должно иметь такой вид: “Обѣсѣтсѣ с инѣмъ: ꙗ̄ лѣ: утрѣже вазни с три кусы. Отвори врата...”

Инѣмъ – совершенно правильное написание местоимения “иныи” – муж., ср. род ед.ч. твор. пад. (ср.: “Инѣмъ путемъ отидоша въ страну свою. Мф. П. 12 Остр. ев.” [213, т. 1: 1109]).

“ꙗ̄” – три.

“Лѣ” – едва, только, еле. Ср.: “Намъ бы лѣ порасмашрятти своя мысли. Жит. Ниф. XIII в.”; “Лѣ живу ему сущу. Соф. вр. 6827 г.” [213, т. 2: 69].

“С три кусы”: «В древнерусских памятниках даже у неодушевленных существительных не наблюдается особенной устойчивости в употреблении родительного и винительного падежей. Например, вин. пад.: “За татя не стояти, съ обѣ половинѣ не стояти...”; род. пад.: “Протожь бо тое смиренье вѣчно непорушимо съ обою сторону”. Поэтому вполне допустимо употребление винительного падежа и в “с три кусы” в “Слове о полку Игореве”. Можно предположить также другое. В подлиннике “Слова” могло быть написано “с три кусъ” (“с три хусъ” по типу “прѣже сихъ три летъ бысть пышениця скудо...”. “И посла (Константин) три воеводъ с своими вои...”)» [23: 84–85].

Уточнение лексики позволяет прочитать текст этого фрагмента без нарушения норм древнерусского языка. Единственным моментом, нарушающим логику изложения, является слово “обѣсися”. Однако уяснение общего смысла высказывания позволяет найти вкравшуюся при переписке ошибку. Должно быть не “обѣсися” – “повесился”, “повис, обнимая”, а “обѣситися” – “подал вестъ о себе”. Ср.: “Удоси^х ключаря того единго, суща въ гробѣ Гни внутрь, и обѣстихся ему. Дан. иг.” [213, т. 2: 587] (там же см. “обѣстити”; “обеститися” – т. 2: 501). Утеря выносного “т” – частое явление при снятии копии. В самом “Слове” И.И. Козловским и М.В. Щепкиной отмечены случаи утери выносного “т”. Например, в Екатерининской копии: “пякъ”; в тексте издания 1800 г. исправлено: “съ заранія въ пяткъ”. В древнем тексте было: “пякъ”.

Вестъ о Всеславе пошла, когда он “в лѣто 6575 заратися ... Полочьскѣ, и зая Новѣгородъ”. Ограбление Новгорода, посрамление Ярославичей и стремительный бросок к Немиге – “три успеха Всеслава”.

Перевод: “Объявился с иным. Три лишь урвал удачи от трех разбойных набегов: отворил ворота Новгорода...”

14. “...скачи волкомъ до Немиги съ Дудутокъ”.

“Дудутки” – предполагается: монастырь под Новгородом (версия Н.М. Карамзина). Немига – ныне исчезнувшая речка, на которой стоял Минск.

Перевод: “...скакнул волком до Немиги с Дудоток”.

15. В издании 1800 г.: “Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ в ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше”.

“Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскал ранее (пения) петухов до Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перебежал. Ему...” (А.С. Орлов).

В комментарии к “Слову о полку Игореве” [114: 282] дано такое толкование этого фрагмента: “В этой характеристике Всеслава автор показывает, что наряду со своими княжескими делами Всеслав занимался волхованием, колдовством, рыскал как волк из одного города в другой”. Признать подобное толкование удовлетворительным не представляется возможным. Ни на какой акт волхования здесь нет и намек. Речь идет о скитаниях Всесла-

ва, когда он бежал от Ярославичей, когда его травили, как волка. Это понимание текста и определило новое членение текста на синтаксические структуры.

Рассказ о деяниях Всеслава начинался повествованием о событиях, происходивших в Киеве в 1068 г., когда Всеслав неожиданно оказался вознесенным на киевский престол. Почему от этого события излагается биография Всеслава? Случайно ли это? Нет. *Взят период от Киева до Тмутороканя – наивысший взлет и бездна падения.* А выпал жребий Всеславу стать тмутороканским изгоем именно в 1069 г. (см. поясн. V.10).

О недолгом княжении Всеслава точных сведений нет. Любопытно, что ни Святослав, ни Всеволод не предприняли активных действий для восстановления власти Изяслава, хотя до половецкого нашествия они действовали согласно. Сослаться на то, что братья были отвлечены половецкой агрессией, нельзя, так как Святославу удалось одолеть половцев у Сновска. (Самого же Всеслава по каким-то причинам половцы не беспокоят.) Весной 1069 г. объявился изгнанный Изяслав с большой польской помощью. И Всеслав, предав восставших киевлян, бежит в Полоцк. Изяслав выбивает его из Полоцка. Тогда Всеслав направляется к Глебу (сыну Святослава Черниговского) в Новгородскую землю. И здесь начинаются загадки. Почему Всеслав бежит к Глебу? Глеб Святославич до событий 1068 г. был князем Тмутороканским, причем утвердился в Тмуторокани с помощью отца, князя черниговского. В 1068 г. он неожиданно оказался в Новгороде, откуда был изгнан Всеславом Полоцким. Кто способствовал вокняжению Глеба на столь отдаленном от Тмутороканя Новгороде? Явно на сей раз не Святослав, которого одолевают половцы, и не разбитый половцами же Всеволод. Кроме того, занять новгородский стол в создавшейся ситуации значило противопоставить себя Изяславу и его сыну Мстиславу, нарушить согласие Ярославичей, не посчитаться со старшинством Изяслава. Есть основания считать, что на занятие стола новгородского было получено согласие Всеслава, который начал как киевский князь *рядить* города. “Возможно также, что Глеб был посажен в Новгород с согласия Всеслава Брючеславича, занимавшего в это время киевский великокняжеский престол. Всеслав, несомненно, был заинтересован в поддержке могущественного черниговского князя” [129: 97].

Когда вернулся Изяслав со своим сыном из изгнания, Всеслав имел основания рассчитывать на поддержку Глеба, но явно ошибся. Глеб не пошел на союз с полоцким князем, и Всеслав находит приют и помощь у финского племени вождя (вожан). С толпами вожан он и двинулся усмирять Глеба. Но Глебу удалось разбить Всеслава, а его самого взять в плен (см.: Владимирский летописец. Т. 30. С. 48). Впрочем, Глеб оказался великодушным – он не выдал Изяславу полоцкого князя, а отпустил его с богом [147: 355]. Глеб не пошел на союз с Всеславом, но не подумал и уступить Мстиславу Новгород. Мстислав удовлетворится Полоцком – уделом своего обидчика Всеслава. Вообще, братья – Всеволод и, особенно, Святослав – не очень дружелюбно относятся теперь к Изяславу, и в его войнах со Всеславом не поддерживают брата. Святослав даже демонстративно дает приют всем, кому угрожает киевский князь преследованием. Изяслав, почувствовав, что Святослав больше не союзник, пытается примириться с Всеславом и вступает с ним в переговоры. Всеслав охотно идет на сближение с Изяславом, возможно потому,

что Святослав словно бы обманул его надежды, когда он дал согласие на занятие Глебом Новгорода. Неизвестно, как далеко зашли эти переговоры, но, вероятно, Святослав имел основания для беспокойства, когда говорил брату Всеволоду, побуждая его к выступлению против Изяслава: “Изяслав сносится с Всеславом на наше лихо, если не предупредим его, прогонит он нас”. Братья предупредили сговор Всеслава с Изяславом и изгнали Изяслава из Киева.

Как видим, произошла радикальная перегруппировка сил: Всеслав идет на неожиданный сговор с Изяславом. Очевидно, что причина его переориентации – несбывшиеся надежды видеть в Глебе союзника.

Еще одна историческая загадка. В октябре 1069 г. Всеслав был разбит Глебом и взят в плен. Он остался без удела, без отцовского стола, без рати, без союзников. Но в 1071 г. он вдруг появился под Полоцком и вернул себе силой оружия отеческий престол. Где он отсиделся почти два года? Где он сумел собрать дружину? Летописи ответа не дают. Мне кажется, что прав В.А. Захаров: Всеслав отсиделся в Тмуторокане [58: 291–295]. В.А. Захаров утверждает, что именно об этом говорят строки СПИ “дорискаше до курь Тмутороканя”.

Многие комментаторы полагают, что речь в приведенной фразе идет о каком-то рейде Всеслава в глубь половецких степей или о поездке с дипломатической целью в Тмуторокань во время его семимесячного княжения. Эта версия неправдоподобна. Поездка могла состояться только в сентябрь-октябре (менее вероятно – в ноябре), когда степные дороги еще доступны для передвижения. Но трудно допустить мысль, что киевляне могли отпустить Всеслава из Киева и в эти тревожные дни остаться без князя, а Всеслав рискнул оставить детей в мятежном городе. Верно замечает В.А. Захаров: “Поездка в Тмуторокань во время его семимесячного великого княжения неминуемо кончилась бы потерей Киева, которым Всеслав, конечно, дорожил” [58: 295]. Путь из Киева до Тмутороканя далекий и опасный. Напомним, что в этот период половцы воевали с Русью. Проехать по половецкой степи сотни верст незамеченным нельзя. Фантастическую версию о поездке Всеслава в этот период в Тмуторокань следует решительно отвергнуть. Логика же повествования “Слова” приводит к мысли, что бегство Всеслава в Тмуторокань было после Киева (и после пребывания у финского племени водь, т.е. после его разгрома под стенами Новгорода). Только в Тмуторокане (оставленном Глебом) лишенный удела и дружины Всеслав мог найти надежное убежище. Сюда стекались обиженные Ярославичами, составляя новые дружины Всеслава. Была и реальная возможность добиться военной помощи от степняков. Но надежда на союз с язычниками, как видно, не сбылась: летописи не сообщают о совместных действиях Всеслава и Степи. *Только спустя 100 лет появляются половцы как союзники полоцких князей и будут разорять землю “внуков” Всеслава.*

Таков подтекст этого фрагмента, который усилиями переводчиков превращен в рассказ о волшебных аттракционах полоцкого князя.

Говоря о Всеславе, Автор позволил себе сарказм: тот Всеслав, что был вершителем судеб других людей как князь полоцкий, потом и киевский, докатился до того, что ночью тайно мчится в Тмуторокань. *Киев и Тмуторокань даны в антитезе: стольный город и окраинное убежище изгоев, где униженные “обидой” князя вынуждены были искать союза с язычниками-*

степняками. Смысл этой фразы четко определяет отношение Автора к князю-крамольнику.

Границы синтаксических структур в этом фрагменте определены логикой изложения: властвовал, сбежал ночью из Киева; добрался тайно до Тмутороканя; “волком путь проложил язычникам” (т.е. Хорсу открыл тропу на Русь).

Замечания к лексике: “людемъ” – здесь в значении “подданные”. Ср.: “Вода мати рыбаемъ, а ты, княже нашъ, людем своимъ. Посл. Дан. Заточ., 60 (XVII в. ~ XIII в.)” [212, вып. 3: 74].

“Рядяше” – здесь в значении “определять”, как понято И.И. Срезневским.

Перевод: *“Всеслав-князь подданных судил, князьям города определял, а сам в ночь волком мчался из Киева. Проскитался до петухов, Тмутороканя великому Хорсу волком путь проложил”.*

16–17. *“...дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови волкомъ путь прерыскаше”.*

О. Сулейменов пишет: «Мусин-Пушкин решил, что князь “рыскал до Курска и Тмутороканя”, поэтому и писал “Куръ” с заглавной буквы.

Ныне принято объяснение Д.С. Лихачева – “до кур” = “до петухов”, подразумеваемая “до пения петухов”. Такое прочтение не согласуется с грамматикой (не говоря уже о смысловой искусственности). Опрощая грамматическую схему, мы получаем единственное число именительного падежа – “кура Тмутороканя”. Таким образом, не до петухов скакал Всеслав, а до куриц (“до кур”). Пренебречь этим нюансом нельзя. Чтобы прийти к нужному Д.С. Лихачеву выводу, следует дописать недостающую форму “до куров Тмутороканя”».

«Я предлагаю рассмотреть, – продолжает Сулейменов, – выражение “до куръ Тмутороканя” и с другой стороны. Есть тюркское слово “кура” – стена, ограда (в современном татарском – кура, в казахском – кара). Древность его доказывается тюркскими памятниками X–XI вв. Происхождение его прозрачное – от корня “кур” – строй, воздвигай; (курган – крепость, постройка; курма – тоже; куран – тоже, курм – тоже).

В “Слове” еще не употребляется лексема “стена” (она германского происхождения и пришла в русский язык позже)» [152: 59–60].

Отметим сразу, что общеславянское слово “стена” было уже известно на Руси: “Не бѣшетъ бо лзѣ ни бѣгающимъ оутечи, зане яко стѣнами сильными огорожены бѣхоу полкы Половѣцскими. Ип. лет., 6693 г.” [213, т. 1: 587], а вот слово “кура” в значении “стена” – в древнерусском языке не отмечено.

Прочтение, которое поддерживается Д.С. Лихачевым (оно было предложено еще Н.М. Карамзиным), находит подтверждение в древних текстах. Так, в “Житии Иоанна Златоуста” по списку XV в.: “даже и до куръ”. “Куръ” – означало “петух”.

О. Сулейменов, к слову, не первый, кто предположил, что речь в этом фрагменте идет о стенах Тмутороканя. Еще в 90-е годы XIX в. А.Ф. Вельтман объяснил выражение “до куръ” как “до дворов, жилищ”, а не “до петухов”. Это прочтение он в письме к А.С. Пушкину от 4 декабря 1833 г. ставит себе в за-

служу [128: 46]. К этой версии весьма благосклонно отнесся М.А. Максимович [94]. Ф.И. Эрдман сближал слово “куръ” с арабским “кура” – деревня [193: 20–21]. Н.Я. Марр [100: 126] утверждал, что следует читать: “до селений или града Тматороканя”. Д.Д. Мальсагов пришел к выводу, что “до кур Тматороканя” нужно переводить: “из Киева дорыскивал до поселков Тматороканя, так как слово “куръ” в вайнахских языках означает: “родовой поселок” [98: 150, 152]. В 1976 г. В.А. Захаров вновь отстаивает прочтение слова “куръ” как строения, “поселения” [58: 271–296]. В 1978 г. это прочтение поддерживает А.Н. Робинсон, не приводя аргументов, а только ссылаясь на Н.А. Баскакова [134: 202]. Но рассуждения Н.А. Баскакова о возможности соотнесения слова “куръ” со сходными формами в тюркском языке идут после голословного заявления, что в выражении “до куръ Тматороканя” естественнее видеть предел места, а не предел времени”. Почему естественнее, не объяснено.

И А.Н. Робинсон, и Н.А. Баскаков забыли отметить одну важную и решающую деталь: слова “кура” в значении “стена”, “поселок” и т.п. в словаре древнерусского языка нет. А убедительным аргументом в пользу прочтения выражения “до куръ Тматороканя” как “до петухов” является присутствие в древнерусском языке слова “кура” в значении “петух”.

Но в контексте “Слова” “до петухов” совсем не означает “до рассвета”, “до утреннего пения петухов”, как это понимают все комментаторы. Ср. у Г. Шторма: “...из Киева до света дорыскал Тматорокани”. “До куръ” означает не “до утра”, а “до полуночи”, “до первого пения петухов”: “Глаголю тебѣ, яко въ сию ночь, прѣжде даже куръ възгласить, три краты отъвержеши мене. Остр. Ев. 159–159 об. (1056–1057 гг.)” [212, вып. 3: 37]. В Евангелии от Матфея, от Луки и от Иоанна Христос говорит, что Петр отречется от него трижды до первого пения петухов. Только в Евангелии от Марка дан вариант: “...истинно говорю тебе, что ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от меня...” (Ев. от Марка, 14–30). Петр отрекся (по Марку) от Иисуса *до первого пения* петухов, т.е. до полуночи, и дважды – до второго пения. Во всех вариантах это происходит глубокой ночью, так как только после допроса у первосвященников рано утром состоялось заседание синедриона, после чего Иисуса отвели к Пилату. Ср.: “В великую субботу в 11 час. начинают вечернюю и до куръ доспеет отпущение. Уст. Студ. ГИМ, Синод. соб. 382 315 (XV в.)” [212, вып. 3: 37].

Всеслав добрался в языческую Тматорокань ночью, скрытно – таков смысл этой фразы. Многие исследователи пытаются доказать, что Автор, рассказывая о Всеславе, подчеркивает его сверхъестественные возможности – Всеслав превращается в волка, совершая свои “поскоки”. В таком случае нужно быть последовательным и утверждать, что Гзак обладает волшебной силой перевоплощения (Гзак мчится серым волком), да и вся дружина неистового Всеволода состояла из магов и волшебников (Сами скачут, как серые волки). Подобное толкование искажает характер всего повествования. Всеслав достигает Тматороканя не волшебством, а в ночных скитаниях. Кроме того, сравнение с волком подчеркивает стремительность передвижения.

А.К. Югов утверждает, что во всех случаях своего сказочного передвижения Всеслав пользовался синим облаком, “излюбленным ковром-самолетом древнерусских волшебников”: «Вот ночью он еще в Белгороде (близ Киева), а наутро он уже “отвори врата Новуграду”, а дальше он уже на Немиге, куда скакнул не иначе как-либо, а волком (оборотничество, мифоло-

гический элемент образа!). Да и далее этот элемент сказочной быстроты Всеслава особо подчеркивается: он до петухов успевал “дорискати” до Тмутороканя. Вот почему и надо принять, что колдун Всеслав совершил свой перелет от Киева до Новгорода на мьгле, т.е. на облаке...» [194: 246].

Отметим полное невнимание А.К. Югова к истории. А ведь А.К. Югов так яростно ратовал за охрану ее грамматикой. После Белгорода Всеслав не сумел открыть ворота Новгорода, а Немига была до его неожиданного вокняжения в Киеве. Да и не утверждает Автор, что все это произошло в одни сутки. И вообще, вероятнее всего, определение “Тмутороканя” относится не к слову “куръ” а к существительному “Хръсови”.

Перевод: “Проскитался до петухов, Тмутороканя великому Хорсу волком путь проложил”.

17. “...Тмутороканя; великому Хръсови волкомъ путь прерыскаше. Тому...”

В.А. Жуковский перевел: “К Херсоню великому волком он путь прерыскивал!” А.И. Мусин-Пушкин в своем переводе опустил эти строки вообще. Д.Минаев:

В пути прерыскивал
Бег Хорсу летучему,
Тому Хорсу славному,
Которому в Полоцке
С колоколен Софии
Звонили заутреню.

“Великого Хорса, волком рыща, в пути перегонял” (В.И. Стеллецкий).

“Великому Хорсу (богу солнца) волком путь прерыскивал (до восхода солнца перебегал ему дорогу)” (Д.С. Лихачев).

Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть”.

(Н. Заболоцкий)

Во всех переводах “тому” относится к следующей далее фразе “...въ Полотьскѣ позвониша заутренюю...”. “Тому” – имеется в виду Всеслав. Но заутреня служитя не лицу, а “только Богу”. Наконец, при таком толковании, предложенном еще Мусиным-Пушкиным, выходит, что заутреню служат Хорсу (см. перевод Д. Минаева). Хорс – языческий бог, и мысль, что православная церковь звоном колоколов могла восславлять Хорса, невероятна.

К имени Хорса можно найти соответствие в санскритском слове “Хорас” (“Хара”), которое означает “огонь”, “пламя”, “наполненность энергией” и употребляется в Индии до наших дней в качестве синонима самого понятия бога [40: 60].

Еще В.Ф. Миллер предположил, что хотя Хорса упоминали в рукописях многократно, но он “не был истинно славянским именем ... бога, а заимствован с Востока”.

В.Ф. Миллер и Ф.Е. Корш находят параллели к имени этого языческого бога в иранских языках. Е.В. Аничков был уверен, что Хорс – бог тюрков, а само слово “Хорс” – тюркское. Это утверждает и О. Сулейменов.

Во всяком случае, Хорс введен в СПИ как некое тмутороканское языческое, следовательно враждебное, божество. Еще лет сто назад возникло недо-

умение: “если в поэме Хорс – бог солнца, то как мог Всеслав пересечь ему путь ночью?” И если нет вразумительного ответа, значит есть основания выразить недоверие к точности перевода. Всеслав не пересекал путь солнцу, он стремился установить контакт с врагом и “прорыскал” путь к язычникам Степи.

“Путь прерыскаше” означает “путь прорыскал”, “путь проложил”, “путь протоптал”. “Рыскати” – мчаться, носиться. Автор употребляет глагол “рыскати”, но с уточняющей приставкой “пре”. Глагол “рыскати” и производные от него (однокоренные слова) имеют довольно широкое семантическое поле: “рыскати” означает и “быстро бегать”, “мчаться”, “передвигаться в разных направлениях”, устремляться на что-либо”, “бегать, кидаясь в разные стороны”, “шататься”, “путешествовать без прямой нужды”; рыскать, морск. – о парусном судне.

См. у Даля: «В стар. и црк. “пре” ставилось вместо “про”: Премедлять, прейти” И в народе и в духов. песн. остались подобные слова. За сим значение слов с предл. “пре” большей частью не требует обоснования» [206, т. 3: 383]. Реализация значений зависит от логики повествования.

Перевод: “...Тмутороканя великому Хорсу волком путь проложил”.

18. “Тому въ Полотьскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы а онъ въ Киевѣ звонъ слыша”.

В 1067 г. Всеслав взял Новгород и разграбил его. Из всех деяний Всеслава самым неблагоприятным, по мысли современников, поступком было ограбление Новгородской Софии. Из храма была взята вся церковная утварь, сняты колокола и отвезены в Полоцк.

Звон колоколов Святой Софии преследует Всеслава, бегущего из Киева. Упоминание их – объяснение причины бегства Всеслава: страх возмездия за разбой.

«В Киеве в 1068 г. существовало живое напоминание о колоколах Софии Новгородской – сюда явился бывший хозяин их, новгородский епископ Стефан. Епископы редко ездили в столицу: Стефан мог приехать сюда в качестве жалобщика на Всеслава, ограбившего его собор; а может быть, Изяслав хотел устроить над пленным Всеславом княжеско-епископский суд, вроде того, который предполагался над Олегом Святославичем в 1096 г. Судьба Стефана оказалась печальной: “1068: Поиде епископ новгородский Стефан к Киеву и тамо свои его холопы удваиша его» [137: 456]. Не исключено, что Всеслав в это время был великим князем и к смерти Стефана имел некоторое отношение.

Комментаторы не поняли смысла этого фрагмента и предложили такое толкование: здесь приводится свидетельство мгновенных перемещений Всеслава в пространстве – звонят ему в Полоцке, а он уже в Киеве и там слышит звон. Более осторожен комментарий Д.С. Лихачева: “Здесь, по-видимому, имеется в виду следующее: Всеслав сидел в Киеве в заключении (в “порубе”), в то время как в родном его Полоцке его считали князем и поминали как князя в церковных службах” [145: 215].

К сожалению, не вспомнили комментаторы, что колокола сняты Всеславом с собора Святой Софии, что упоминание их – укоризна.

Перевод: “Ему в Полоцке позвонили заутреню рано в Святой Софии колокола, а он в Киеве звон услышал”.

19. В издании 1800 г.: «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и прѣвое припѣвку, смыслении, рече: “Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути”».

Автор приводит прическазку Бояна. Трудно сказать определенно, была ли она сказана непосредственно в адрес Всеслава или Автор привел ее, рассказывая о полоцком крамольнике, потому что таким, как Всеслав, Боян в свое время и изрек, что они не уйдут от возмездия, от суда Божия. Во всяком случае, прическазка приведена в укоризну. *Весь смысл присутствия образа Всеслава в СПИ определяется тем, что Автор, осуждая феодальную рознь, показывает, как сложилась традиция усобных войн.* К сожалению, этот аспект не получил должного и правильного освещения.

Среди работ, в которых образ князя Всеслава оценивается как отрицательный, выделяется статья И. Клейна «"Слово" и апокалиптическая литература» [66: 105]. Но многие положения этой работы вызывают возражения. И прежде всего то, что отрицательный образ Всеслава представлен как олицетворение абстрактного мира зла. Автора статьи интересуют два вопроса: 1) родство “Слова” с апокалиптической литературой; 2) влияние апокалиптической топики на изображение действительности в “Слове”.

«Апокалиптик, – уточняет сам И. Клейн, – ограничивается констатацией того, что неминуемо будет: грех, наказание, избавление; он прорицает *fatum*. Совершенно иное у ветхозаветных пророков: они не констатируют, они угрожают: “Если не будете добродетельны, то бог вас сурово накажет”» [66: 105].

Апокалиптическая литература представляет мир как арену борьбы между двумя абстрактными силами: злом и добром. На определенном этапе торжествует зло – “страшное время”, космический беспорядок. Зло олицетворяет Антихрист и его воинство.

Привлечение случайных аналогий из апокалиптической литературы и исследование поэтики “Слова” вне исторического контекста привело к тому, что И.Клейн представляет княжеские распри в “Слове” как общий мотив апокалиптической литературы – “страшное время”, мировой хаос. А образ Всеслава предстает «составной частью апокалиптического субъекта “Слова”»: Автор изображает своего героя по образу Антихриста, отрицательного героя апокалиптической литературы». “Образ антихриста Всеслава поставлен в один ряд с образом Антибогородицы – Девы Обиды как индивидуальное олицетворение зла” [66: 105–106].

«...Автор “Слова” упоминает княжеские которы, будто бы наступившие непосредственно после разгрома на Каяле (см. цитату “Усобица князем на поганья погыбѣ”). Ни один летописец не упоминает о княжеских распрах за это время. Как и в других случаях, и эта “ошибка” объясняется скорее инерцией апокалиптического канона, элементом которого является мотив раздора, чем логикой эпоса» [66: 114].

Но в “Слове” (вопреки И. Клейну) все подчинено именно “логике эпоса”, нет ни ошибки Автора, ни “инерции апокалиптического канона”. Каждая строчка СПИ имеет силу исторического факта. Каждое событие “Слова” соотносится с историческими событиями. Не об ошибке Автора следует говорить, а об ошибках переводчиков... и И. Клейна. Неверно трактуется фраза “Убуди жирня времена усобица” (см. поясн. III.4). Изумительно четко

сформулированная фраза “Пробудила добычливые времена усобица”, которая может быть вынесена эпиграфом ко всему произведению, И. Клейном не прочитана. И речь в “Слове” идет не о новых княжеских распрях, а о традиции усобицы, о феодальной розни и ее последствиях для Русской земли. Ясная авторская мысль искажена Клейном. *Князь Всеслав в “Слове” не некое абстрактное олицетворение мирового зла, а историческое лицо, князь-крамольник, один из тех, кто развязал усобные войны. И эти усобицы есть историческая реалья, отраженная в художественном произведении.*

Но большинство комментаторов и исследователей “Слова” дают диаметрально противоположную оценку крамольного князя. Собственно, характеристика князя Всеслава основана на существующих переводах. Отмеченные выше неточности переводов проецируются в исследованиях и получают, в свою очередь, поддержку в аргументации, основанной на этих же переводах. Для примера – фрагмент из работы крупнейшего советского исследователя “Слова” Б.А. Рыбакова.

«Сказочные тысячеверстные поскоки, полет на синей туче (“обесися сине мьгле”), волшебное превращение в быстрого волка или гибкую рысь – все это создавало образ необычного, сверхъестественного героя, который мог быть соперником самого солнца, великого Хорса. Образ Всеслава поднят поэтом на такую высоту и преподнесен в таком приподнятом тоне, что исчезло личное, человеческое: нет его ареста... нет его долгого томления в Киевской темнице, нет изгнания из Полоцка... Поэтом отобраны большие дела Всеслава, имевшие значение для всей Руси: поэт любит тем, как избранник киевлян распоряжается князьями, сыновьями и внуками Ярослава Мудрого, как быстро и удачно совершил он загадочный для нас опасный поход навстречу половцам в приморскую Тмуторокань. Мало того, восставая против усобиц, крамол и котор, автор “Слова” прощает Всеславу его поход на Новгород и даже не скрывает своего злорадства по поводу расшибленной славы князя-патриарха, отца и деда русских князей 1060 годов Ярослава Мудрого. Сыновья Ярослава оставлены в тени... поэт пренебрег ими. Даже битва на Немиге описана безымянно. Особенно показательна отношение автора... к Святославу Ярославичу. Ведь ему принадлежит первая победа над половцами. Автор поэмы не забыл о нем, но не захотел ставить его рядом с именем своего любимца Всеслава» [137: 457].

Характеристика Всеслава в работе Б.А. Рыбакова – логическое осмысление поэтического образа, созданного современными переводчиками. Переводы не донесли ни сарказм Автора, когда он говорит о пройденном пути от Киева до Тмутороканя, ни многозначительного намека на колокола Святой Софии. Но и в “традиционных” дословных переводах трудно найти любовь Всеславом, когда Автор говорит о побоище на Немиге или о предательстве киевлян. Заметим, что если бы Автор с опозданием на сто лет стал бы на сторону Всеслава, он вспомнил бы не о софийских колоколах, а о нарушении клятвы крестного целования Ярославичами или избииении минчан. Автор об этом умолчал. *Он не стал на сторону ни одной из враждующих сторон (княжеских группировок), он не обелил Ярославичей, но и не реабилитировал полоцкого князя. Он осудил усобицу и того, кто ее породил.*

Кроме стремления возвеличить Всеслава, не может не удивить в исследованиях и комментариях к СПИ настойчивое желание сделать из реального князя полоцкого мага и чародея, а всю поэму превратить в сказочную феерию. Особенно преуспел в этом А.К. Югов, написавший даже на сей предмет целую статью – «Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в “Слове о полку Игореве”» [194: 239–240]. Результат исследований следующий: а) князь Всеслав – колдун; б) хитрости его волшебные; в) Всеслав не только колдун, но и оборотень-волк; г) Всеслав обладает дьявольской скоростью передвижения: за полночь успел от Белграда до Новгорода, за ночь – из Киева до Тмутороканя (средство передвижения – синее облако).

Комментаторы неверным толкованием *всего* повествования о Всеславе, искажением образа князя-крамольника, превращением одного из зачинателей убоиц в сказочного волшебника и чуть ли не положительного героя заранее предопределили смысл настоящего фрагмента. Так, по мнению исследователей, если чародей Всеслав и на мгле летает, да так стремительно, что обгоняет звук (см. поясн. V.18), и по ночам превращается в волка и совершает моцион, то, явно, у души его вещей, т.е. колдовской души, два тела (“одно” и “другое”) [194: 239–249]. Кажется, первый додумался до этого в прошлом веке Ф.И. Буслаев. В наше время Р.О. Якобсон и М. Шефтель повторили это прочтение, не сославшись на Буслаева: «Человек, который является на свет, имея вторую оболочку, помимо естественной кожи, соответственно одарен магической способностью изменять по желанию свое телесное обличие и таким образом господствовать над пространством и временем. Короче говоря, он одарен “двойным зрением”, и “не одним обликом”, eigi ein-hamr согласно скальдическому наименованию оборотня. Краткое определение князя-оборотня в “Слове” точно формулируется: “вѣща душа в друзѣ тѣлѣ! – вещая (провидящая) душа во втором (или более чем одном) теле» [212, вып. 2: 50].

На защиту приоритета Ф.И. Буслаева решительно встал А.К. Югов. Судя по страстному тону его статей, создается впечатление, что прочтение Буслаева чрезвычайно важно для уяснения и смысла, и поэтики “Слова”. Иначе чего же ради копыа ломать?

Этот вариант прочтения прежде всего подчеркивает чародейские возможности крамольника Всеслава к трансформации и явное сочувствие к нему Автора. А результат такого подхода к исторической личности Всеслава: припевка Бояна, явно лишняя в тексте поэмы. Логическая связь этого фрагмента с предыдущим, где говорилось об украденных у новгородцев колоколах, отсутствует. Не коррелируется прочтение этого фрагмента с главной мыслью Автора (осуждение убоиц). Не учитывается, что этот фрагмент должен перейти в страстное: “О, стонать Русской земле!”. Логический переход от рассказа о крамолах Всеслава к реплике о розни Давида и Рюрика утерян. Ср.:

...и в Киеве звон слышал!
Колдовская была душа
И не в одном теле обитала!
А в войнах много страдал он!
О нем вещей Боян

еще и древле
 песню, прозорливец, пропел:
 “Ни колдуну,
 ни удалому,
 ни тому,
 кто птицы быстрей, --
 от суда божья
 не уйти!..”
 О!
 Стонати...

(А.К.Югов)

Есть еще один вариант прочтения. Он меньше акцентирует магические возможности Всеслава. “Хотя и вещая душа (была у него) в отважном теле, но часто он страдал от бед” (А.С. Орлов).

Но и в этом переводе фрагмент не включен в общее повествование. И здесь – сожаление о князе-крамольнике. Кроме того, при этом прочтении слово “друзъ” исправлено на “дръзъ” – “дерзком”.

В сущности варианты прочтения очень похожи: в каждом из них звучит сожаление о невезучем богатыре и волшебнике и роняется элегическая слеза:

И хотя в его могучем теле
 Обитала вещая душа,
 Все ж страданья князя одолели...

(Н. Заболоцкий)

Уясним прежде всего смысл высказывания и его оформление. Кому Боян “и пръвое” сказал припевку? Тому, кто “бѣды страдаше”, хотя тот, возможно, и был мудр, имел мудрую душу. Этот “тот” мог быть любым лицом. Сама по себе присказка безадресная. Но в контексте она является приговором Всеславу. Таким образом, присказка Бояна начинается со слов “Аще и вѣща душа...”. Слово “друзъ” употреблено в СПИ четыре раза в значении “другой” (иной). Это значение подтверждается примерами из древних текстов (причем “иной” имеет в контексте логический оттенок: “некий”): “1172: Безъмилостивъ сѣи мучитель другимъ челоувѣком головы порѣзываетъ и бороды, а другимъ очи выжгаше. Ипат. лет. 552 (XV в.)”; “1181: И затворишася новотържци въ градъ съ княземъ Яропѣлкомъ. И осѣдоша городъ, и сѣдѣша 5 недѣль, и изнемогоша въ градъ, зане не бяше имъ кърма, друзии бо ихъ и конину ядаху. Новг. I лет. 37 (XIII в.)” [212, вып. 2: 50].

“Вѣща душа” – мудрая душа.

“Аще” – союз; мог быть в уступительном предложении – “хотя” – или в придаточном условном – “если”. Именно в таком значении он будет употреблен в “Слове” еще раз: “Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца...”

Слово “бѣда” в значении “страх возмездия” подтверждают примеры: “...воленъ естъ мужъ своими руками такового (прелюбодея) убити, никаковая бѣды сего дѣля бояся. Кн. закон. 68 (XV в. ~ XII–XIII вв.)” [212, вып. 1: 44].

“Ни” в значении “даже”, “даже и” [213, т. 2: 443]. В позднем списке “Моления Даниила Заточника” была найдена фраза: “Повидаху ми, яко той суд божий надо мною, и суда де божия ни хитру уму, ни горазду не минути”. В.П. Адрианова-Перетц делает предположение, что это, вероятно,

свидетельство знакомства редактора-переписчика “Моления...” со “Словом”. Но возможно, что и в том и в другом случае приводятся народные пословицы. И действительно В.И. Даль записал: “Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать” (“Пословицы русского народа”).

Если авторы “Моления...” и “Слова” приводят народные пословицы, то Боян, цитируемый Автором “Слова”, что-то изменил, добавил от себя и ввел в текст сентенции. Иначе зачем Автор бы народную мудрость приписывал Бояну.

О. Сулейменов считает, что присказка Бояна – “ходовая церковная пословица” [152: 60], и она должна иметь такой вид: “Ни хитру, ни горазду, ни птице Горазду суда божия не минути”. “Горазду”, считает О. Сулейменов, испорченное, непонятное переписчикам слово “Гораз” – “Хораз”, т.е. “Хорс”. Хорс и назван птицей.

Сомнение вызывает и метаморфоза слова “Хърсь”, и сама необходимость правки текста. В сочетании слов “птицу Горазду” все слова подтверждаются словарем древнерусского языка. Слово “гораздъ” имело значение: либо “умелый”, “ловкий”, “искусный”; либо “сведущий”, “знающий”. Исходя из контекста, здесь – “ловкий”. (“Птицу” – дат. пад.; “горазду” – дат. пад.)

Припевка Бояна явно адресована князю Всеславу. Она приведена Автором сразу же после упоминания о смятении Всеслава, слышащего звон украденных колоколов, когда он “бѣды страдаше”.

Перевод: *«Если и мудрая душа в ином теле, но часто от страха возмездия страдала, тому мудрый Боян и впервые припевку, глубокомысленный, изрек: “Даже хитрому, даже ловкому, даже птице ловкой суда божья не миновать!”»*

20–21. “О! стонати Руской земли, помянувшѣ первую годину, и первыхъ Князей! Того стараго Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзїи Давидови...”

“О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича) и другие (его брата) Давида (Ростиславича)...” (Д.С. Лихачев).

В переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги: “Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским. Его теперь стали стяги Рюриковыми, а другие Давидовыми...”

Комментарий С. Шамбинаго и В. Ржиги к переводу: “...настоящее печально: Владимир Мономах еще заботился о единстве и умиротворении Русской земли, но не мог же он вечно оставаться на горах Киевских, а теперь у каждого князя свое войско”.

В предложенных переводах отражены две точки зрения.

Д.С. Лихачев: старый Владимир – Владимир I Святитель.

В. Ржига: Владимир – Мономах.

Во всех переводах выражается сожаление, что князя Владимира нельзя было пригвоздить к Киевским горам. Как ни странна эта фраза, но и она получила у комментаторов объяснение: а) Владимир был смертен, его нельзя было удержать навечно на престоле; б) Владимир был все время в походах, а не отсиживался в Киеве. В действительности же речь идет о том, что уже первых князей Владимира нельзя было удержать у Киева. “Пригвоздिति” означало “удержать”: «“Въоружии нась оружиемъ правды твоея, пригвозди нась истинѣ твоея”. Требник 299 (XVI в.)» [212, вып. 4: 197] – “...удержи нас в истине твоей”.

Скорбный драматический смысл этого великолепного *плача Русской земли* так и не был уяснен. А в этом фрагменте Автор поднимается до осуждения всего периода феодальных усобиц, последовавших за смертью Владимира Святого.

Уже при жизни Владимира I крупные русские области были вверены киевским князем своим 12 сыновьям. При жизни же Владимира Святополк – Петр Ярополчич Окаянный, приемный сын Владимира, составил усобный заговор. А с 1015 г. начались усобные войны. *И первых князей прежнего Владимира уже нельзя было помянуть добром.* Уже для них не дороги были Киевские горы, если Киев не был их уделом. Они предали идею единения. Упоминание о стене Русской земли является, таким образом, не риторической фразой, а текстом, несущим конкретно-исторический смысл. Неединодушие Давида и Рюрика, по мысли Автора, не является чем-то новым, из ряда вон выходящим. Как далеки комментаторы от понимания сущности повествования, может служить пример объяснительного перевода Д.С. Лихачева. В заголовке к этому фрагменту переводчик объясняет: “В лирическом отступлении автор вспоминает первых русских князей, их многочисленные походы на врагов Руси, и противопоставляет их современным ему...”.

“И” не соединительный союз, а частица со значением “еще” или “даже” [212, вып. 2: 146–147]. Автор не противопоставляет Владимира и первых князей Давиду и Рюрику, а сопоставляет князей первых после Владимира и нынешних. И здесь не лирическое отступление, а прямая речь – плач Русской земли (от слов: “И первыхъ князей”).

Когда Автор говорит о Владимире, он уточняет: “тот”. У Даля: “Тот” – местоимение указательное. Ср. противопоставлено “этот”, как “сей и “онный”; “дальний по месту или времени” [206, т. 4: 422]. Тот, далекий Владимир – это Владимир Святой.

“Сей” (Владимир) – это Мономах. “Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 5: 119] дает для справки (не предполагая возможность реализовать это значение при переводе): “Сей – сии, сия, сие, съ, си, се 1. Указат. местоим. Указывает на одно из сопоставляемых лиц...”.

“Тот” Владимир противопоставлен этому – Мономаху; дистанция во времени (от событий Игорева похода – 170 и 60 лет, соответственно). Дружины Владимира Мономаха ныне наследуют Рюрик и Давид.

Перевод: «О, стонать Русской земле, вспомнив предыдущее время: “И первых князей того, прежнего, Владимира невозможно было удержать у гор Киевских. Этого же ныне выступили дружины – Рюриковы, а другие – Давидовы...»

21. В издании 1800 г.: “...сташа стязи Рюриковы а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть, кпіа поють! На Дунаи...”

Первые переводы были неудачны: “...знамена достались одни Рюрику, а другие Давиду: их носят на рогах, вспахивая землю; копыя же на Дунае славятся” (А.И. Мусин-Пушкин).

У Мих. Делярю перевод еще курьезнее:

...стяги его уже стали

Рюрика-князя одни, а князя Давида другие.

Роги носящим, хвосты чешут; копыя поют на Дунае...

Л.А. Мей [101: 125], комментируя это место, писал: «Я перевожу эти слова так: знамена его (Владимира) отошли – одни к Рюрику, другие – Давиду; но у них они развеваются хвостами порознь. “Рози нося им хоботы”. *Рози* – врозь; *нося хоботы* – нося хвосты».

Но “хвосты знамен (стягов)” – выражение невозможное. А перевод “нося” как деепричастия недопустим, так как в XII в. краткие действительные причастия еще изменялись по родам, числам (и падежам): “нося” – им. пад. ед.ч. муж. род; “хоботы” – им. пад. мн.ч. или твор. пад. мн.ч., муж. род – необходимого согласования нет.

Н. Тихонравов предложил конъектуру “нъ розно ся имъ хоботы пашуть”, т.е. нет между ними единомыслия: розно развеваются их знамена” [161: 46]. Ср.: “...его стяги теперь стали Рюриковы, а другие Давидовы, но ведь врозь у них развеваются знамена. Копья поют” (А.С. Орлов).

Кроме того, недоумение вызывают и “поющие копыя”. “Пети” в древнерусском языке означало: либо исполнение песни голосом, либо создание самой песни. Песнь пети могли петь птицы и трубы. *Никаких переносных значений у глагола “пети” не было.* Утверждая противоположное, составитель “Словаря-справочника СПИ” В.Л. Виноградова не смогла привести ни одного примера ни из древнерусских, ни из старорусских текстов. В “Словаре-справочнике СПИ” приводится суждение Д.С. Лихачева: «Слова эти (“кпіа поють”. – В.В.) не совсем ясны по своему месту в общей композиции “Слова”. Если копье предназначалось и для метания, то в полете вибрирующее древко, конечно, могло издавать поющий звук... Однако не совсем ясно, было ли копье, подобно сулице, также и метательным оружием. Возможно, что слова “копия поють” равносильны выражению “происходит война”, “идет бой”. В таком случае – это лирическое восклицание, подобное многим другим в “Слове о полку Игореве”» [212, вып. 4: 73].

Копье – довольно тяжелое оружие ближнего боя, длиной до 2,5 м. Оно не предназначалось для метания, как сулица. Если же мы имеем дело с поэтической метафорой, то о какой битве 1185 г. на Дунае упомянул Автор? “Поют копыя” никогда не означало “идет бой”.

“Скептики” уцепились за злополучные поющие копыя, и вот в борьбе с хулителями “Слова” так ревностно отстаивалось выражение “кпіа поють”, что поющие копыя даже стали нравиться, к ним привыкли, они стали обязательными при анализе поэтики “Слова”.

Впрочем, от поющих копий пытались избавиться:

...Не копыя поют на Дунае, –

То слышен мне глас Ярославны...

(Ив. Новиков)

Компромиссное решение вопроса: копьа вроде поют и не поют. Правда, при этом прочтении необходима правка текста – “не копіа”.

А.К. Югов еще решительнее избавляется от копий. “Копіа” предполагается понимать как “дружины”, “боевые единицы”: “врозь дружины поют”.

Была попытка внести и радикальные исправления в тексте “Слова”. П.П. Вяземский сделал вывод, что “копіа поють” – “чтение ошибочное и выражение дикое”, и предположил, что «в рукописи, вероятно, было “копя поюють”» [27: 400].

Казалось бы, самое простое решение – предположить, что слова “копіа” и “поють” не являются принадлежащими к одной и той же синтаксической структуре, – так и не было предложено.

“Стати” – здесь в значении “оказать сопротивление”, “выступить”. Ср.: “1157: И въсташа на князя Мьстислава на Гюргевица и начаша изгоняти из Новгорода, търговьи же полъ сташа въ оружи по немъ. Новг. I лет., 30 (XIII в.)” [212, вып. 5: 215].

“Розъ” – “врозь”, “в несогласии”, “в разлуке”. В летописях зафиксировано “розно”. Это слово сохраняется в живом русском языке. Но в диалектах живет и ныне форма “розъ”. У Даля: “Дело делу розъ”; “Вещь вещи розъ, а иную хоть бросъ” [206, т. 4: 102].

“Врозь”, в разладе, несогласии были дружины Рюрика и Давида. Причем фраза построена так, что виновными оказались оба князя.

Прочтение этого фрагмента оказалось возможно без правок после уточнения словоделения и разбивки на синтаксические структуры:

“Ино” – здесь: “так” Ср.: “Твои люди безвъстно приидоши, шкоды великии въ панствѣ нашомъ подѣлали...: ино самъ того посмотри, гораздо ли ся то дѣеть. Посольст. д. Менд. Гир.” [213, т. 1: 1101].

“Пахатися” – “развеваться”, “колыхаться”, “помахиваться”. Ср.: “Хоругви аки живи пашутся. Сказ. о Мам. поб. 62 (XVI в.)” [212, вып. 4: 62].

“Хобот” – хвост; “хоботы” – твор. пад. мн.ч.; здесь: “хвосты бунчуков”. “Бунчук” – хвост лошади или яка, укрепленный на конце древка. Обычно бунчук, как и хоругвь (прапор), укреплялся на древке копьа: “...и прапоры отъ того же копих привязаны” [213, т. 2: 1371].

Речь здесь идет о несогласных действиях братьев Рюрика и Давида. Когда Киев получил известие о разгроме Игоря и об осаде Переяславля, великий князь принял меры по сбору сил для отпора врагу. Обратился он за помощью к Рюрику и Давиду. Давид пришел с опозданием. Но идти на Переяславль отказался. Его дружины, посовещавшись, сказали: «“Мы пошли только до Киева. И если бы пришел сюда неприятель, то бы мы бились, а далее неприятеля искать не можем, понеже мы, и так далеко идучи, устали и всем издержались”. Святослав же с Рюриком и с другими полками перешли за Днепр и пошли против половцев, а Давид возвратился в Смоленск» [154, т. 3: 137].

В разные стороны развеваются бунчуки и стяги уходящих в противоположных направлениях войск. Буквально: “им хвостами бунчуков колышутся копьа”.

“Поють на Дунаи...” – см. поясн. VI.2.

Перевод: “...выступили дружины – Рюриковы, а другие Давидовы – но врозь, так им хвостами бунчуков помахивают копьа”. “Поют на Дунае...”

Шестая композиционная структура

1. Шестую композиционную структуру “Слова о полку Игореве” составляют:

- Плач Ярославны.
- Побег Игоря.
- Погоня и разговор Кончака и Гзака.

Эта композиционная структура чрезвычайно важна в идейно-тематическом плане. Именно здесь, в этой части поэмы, окончательно определяется отношение Автора к Игорю и его походу. Если авантюра Игоря осуждалась как сепаратистские действия, наносящие ущерб интересам Русской земли, то это еще не означает, что Игорь для Автора фигура столь же одиозная, как Всеслав или Олег Тмутороканский. Для Автора важно не только осудить Игоря, но и показать возможность осознания им своей вины. При такой постановке вопроса, конечно, не могло быть и речи о том, что поэма – анафема князю Игорю.

А такая точка зрения существует как реакция на попытку возвеличить северского князя и даже представить его как самоотверженного радателя за землю Русскую. Стремление дать оценку князю Игорю без учета позиции Автора отчетливо определилось в работе О. Сулейменова “Аз и я”.

Анализ межкняжеских отношений легко убеждает нас, что *князь Игорь был не лучше и не хуже многих князей*, он был человеком своего времени и своего сословия.

Шестая часть поэмы начинается песней о плаче Ярославны. Ярославна – не только любящая жена, скорбящая о муже-воине. Это – образ Родины, оплакивающей воинов, павших в бою. И словно бы силой ее, Родины, любви Игорь возвращается из плена.

Отношение автора к Игорю сложнее, чем представляет это себе О. Сулейменов, когда утверждает, что Игорь – “ужас и проклятье Руси”. Но О. Сулейменов трижды прав, когда говорит, что не половцы главное зло Руси, что Игоревая авантюра осуждена Автором, что нельзя смягчать отрицательное отношение Автора к князю Игорю, когда речь идет о злополучном походе.

Главная заслуга Автора в том, что он сумел в своей гениальной поэме осудить усобицу, рознь, межкняжескую распрю за уделы, обессилившую Русь. И Автору нужно было провести Игоря через осознание этого. Такой поворот сюжета ясно и четко доносил авторскую идею до современного читателя. Вот почему Бог указывает Игорю путь, вот почему теперь ему покровительствует природа, вот почему будут рады русские земли, вот почему, наконец, он и поедет к Киеву и к Пирогощей.

Если не принимать все это во внимание, то возникает странное противоречие: осуждение Игоря в начале поэмы, потом – вдруг – пробудившееся сочувствие к нему и неожиданная слава в конце.

О. Сулейменов пишет: “...фигура раскаянья – необходимое звено в христианской диалектике образа грешника”. И далее: “Всепрощение христианское распространяется и на Игоря” [152: 96].

Но для Автора стояла проблема не христианского всепрощения, а проблема осознания князем необходимости покончить с разобщенностью. Эта проблема и решается чисто художественными средствами через судьбу князя Игоря.

2–4. “...кпіа поють! На Дунаи Ярославнымъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычеть...”. В издании 1800 г.: “...кпіа поють! На Дунаи Ярославнынъ гласъ...”

Обычно это место переводчики считают незатруднительным для прочтения, хотя имеются некоторые разночтения:

Поют копя на Дунае-реке.
Ярославнынъ голос слышится...
Перелетною кукушкой
Поутру она кукует...

(Л.А. Мей)

Не копя поют на Дунае.
Слышите ли Ярославнынъ голос?
Кукушкой притаясь, на зорьке кличет.

(Н.М. Павлов (Бицын))

“Копья поют. На Дунае слышен голос Ярославны, кукушкою в безвестьи рано (она) кукует...” (А.С. Орлов).

Сравнивая переводы с авторским текстом, отметим, что они весьма прилизительны, не дословные. Пословный перевод на основе принятой лексики дает нечто малоубедительное: «Ярославнынъ голос слышит кукушкой неизвестный (незнакомец) рано “кычет”». Непонятно, кто же слышит голос Ярославны? “Неизвестный” не согласуется с “кукушкой” в роде и падеже: “зегзицею” – жен. род твор. пад. ед.ч.; “незнаемъ” – муж. род им. (вин.?) пад. ед.ч.

Стремясь грамматически упорядочить текст, переводчики пришли к выводу, что утеряно “ся”: “гласъ ся слышитъ”. На несогласование же “зегзицею” и “незнаемъ” перестали обращать внимание.

Но представляется возможным прочтение без нарушения норм языка и радикальной правки: “Поють на Дунаи: “Ярослав нынѣ гласъ слышитъ: зегзицею незнаѣмъ рано кычеть...” Предполагается всего одна ошибка, связанная с непрочтением слова “нынѣ”. Ошибка, с учетом древнерусской графики, вполне объяснима. Вероятно, рукопись в этом месте была подпорчена, о чем косвенно свидетельствует разночтение, возникшее в первопечатном тексте и в Екатерининской копии: “Ярославнынъ – Ярославнымъ”.

“Незнаемъ” – “неизвестный”, прилагательное (им. пад. ед.ч.). В древнерусских текстах прилагательное “незнаемъ” имело тенденцию к субстантивации: “Аще же и из-ынѣхъ градовъ приходять чужи и незнаемии, но то же житие держаще, то идуть къ ним, яко же и къ своим. Флав. Полон. Иерус. 252 (XVI в. ~ нач. XII в.)” [212, вып. 3: 156]. Ср. в современных говорах: “Выходятъ два из лихавой машины незнаимья, как нѣчаои спрашивѣтъ, фсеѣ записывають” [71: 56, 148].

В предложении “зегзицею незнаемъ рано кычеть” подлежащее – “незнаемъ”, сказуемое – “кычеть”. За отсутствием эквивалента в современном русском языке слову “незнаемъ” перевод его осуществлен двумя словами – “неизвестно кто”.

“Кычеть” – в диалектах – стонущий крик птицы: “Кычет, кычет лебедь белая”; “Пигалица кыкает еще громче касатки, беду сердцем чувствует, предвещает”. Применительно к людям: “В кабаке поет невежа, кычет-кычет”; “Вот тѣтки-то мои поют, так кычат, воют, што до слѣс”; “Век горюшко мне-ка мыкати, / Во несчастье до веку кыкати” [71, вып. 3: 88–89].

Б.Д. Греков [35: 325] дает “кычать” – “в апокрифических книгах есть примета: “жаба кычать”. Рукопись, откуда взят пример, не указана.

Примеры дают основание полагать, что слово “кыкати” означает “стенать”, “горестно плакать”, “тосковать”.

На Дунае, в Галичской земле, поют песнь о Ярославне. Ярослав слышит чей-то голос: стенанием кукушки доносится отзвук плача молодой жены Игоря, тоскующей в Северной земле. Дунай – конкретная река, локализирующая место действия, а не река вообще, как утверждали Ф.И. Буслаев и В.Н. Перетц. В песне трижды будет уточнено, что Ярославна далеко в Путивле. Песня же приведет в прямой речи причитания самой Ярославны.

“Слово” пронизано речевой стихией. Гул живых голосов врывается в эпическое повествование. Это и крик сражающихся воинов, и покрик пахарей, и голос искусного создателя песен Бояна, и галдящие, как воронье, пленные-половцы; слышится бранная речь половецких орд, окружающих в степи Игоря. Свою речь говорят и птицы, и злое языческое божество Див, и сама природа. Особое мастерство проявляет Автор, вводя монологическую речь. Причем интонационный рисунок, манера речения и даже лексика служат средством образной выразительности. Дважды обращается с пылкой и взволнованной речью Игорь к своим воинам. К Игорю обращается при встрече у Оскола Всеволод. Половецкое смятение передано через монологическую речь: “Игорь к Дону рать ведет, уже ведь беды ему готовит!” Половецкая “обида” и злорадное торжество даны в прямой речи – “Пробудила добычливые времена усобица!” Обращение друг к другу Игоря и Всеволода: “Это мое, а то – мое же!” Заплакали, причитая, русские вдовы – и дан “плач”. Поют хулительную песню об Игоре чехи, и моравы, и венецианцы. Святослав рассказывает свой сон. Его толкуют бояре. Во сне Святослава дана прямая речь половцев. Молвит “золотое слово” Святослав. И в самом “золотом слове” дана прямая речь Святославичей. Обращаются к Изяславу гибнущие воины заставы. Цитируется корительная песня Бояна. Дан плач Русской земли. Кричит встревоженный Овлур, побуждая князя к побегу. Поздравляет Донец Игоря с благополучным завершением побега, и благодарит его князь Игорь. Введен как монолог плач матери Ростислава. Реплики Гзака и Кончака образуют уже диалог. Цитируется вновь Боян в финале поэмы и даны “славы” будущих песен о “молодых” князьях. *Дважды в “Слове” даны песни, пропетые в Галицкой земле.* Первая песня – о Ярославне: “Ярослав нынѣ глась...” – до слов: “Прысну море...”. Вторая песня: “До Киева Игорь ѣдет по Боричеву къ Святеи Богородици Пирогощей. Страны ради, гради веселы”. Перед песнями идет соответственно авторский текст: “Поють на Дунаи” и “Поють дѣвицы на Дунаѣ” (см. поясн. V.6).

Перевод: «Поют на Дунае: “Ярослав нынче голос слышит: кукушкой неизвестно кто рано стенает...”»

3. “Ярослав...”

Ярослав – отец жены Игоря. Речь идет о Ярославе Владимировиче Галицком, земли которого имели выход к Дунаю (см. поясн. IV.8).

4. “...зегзицею незнаемь рано кычать...”

“Зегзицею” – принято как наиболее достоверное – “кукушкой”. Явно о кукушке идет речь в “Молении Даниила Заточника”: “Уподоблюся зогзицы, иже едину поет пѣснь, того ради ненавидима бывает. Пос. Дан. Заточ. (вт. пер.), 107 (XVII в. ~ нач. XIII в.)” В более поздних текстах встречается: “зогуля”, “зогзица”, “зогула”. В говорах найдены формы “зога”, “загоска”, “загосочка”, “загонька”, “зозуля”, “зозуленька”, “зезуля”, “зезулька”, “зезуленька”, “жегожа” [114: 32].

М.А. Максимович [96: 549–550] отмечает, что в украинских песнях “всегда зозуля прилетаєт тужити над неоплаканным трупом: это живая печаль матери или сестры”, а в литовских поверьях “в кукушку обратилась сестра, тосковавшая о смерти трех братьев”. Ср.: “Як зачула тее мати / Стала плакати, ридати”; / “Ой сине мій Іване / Дитя мое кохане! / Ой коли-б же я зузуля я-б до тебе полинула! Максим. Нар. укр. песня, I, 139”; “Як то тоже козака ні мати оплакала / Як сива зозуля прилітала, / Та у головах сідала / Та жалібно закувала. Ант. и Драг. Истор. пес. малор. нар. I, 132”.

Это поверье нашло свое отражение в “Задонщине”: “...только часто вороны грають, зогзицы кукують на трупы падаючи. Задон. К.-Б., 550 (XV в. ~ XIV в.). (Все примеры здесь приведены по “Словарю-справочнику СПИ” [212, вып. 2: 121]).

Уподобление плача Ярославны стенанию кукушки дано явно в народной традиции. Ср. у В.И. Даля: “не кукука кукует, а жена горюет” [206, т. 2: 214].

То, что голос, услышанный Ярославом, принадлежит женщине, подчеркнуто глаголом “кычать”. Известно, что кукушка-самка не кукует. Самка издает либо громкую трель “кли-кли-кли-кли”, либо глухой, негромкий крик. В точном переводе *кукование* Ярославны неуместно.

А.И. Мусин-Пушкин перевел “зегзица” как “горлица”: “...она, как оставленная горлица, по утрам воркует...”. Но горлица в древнерусском языке “гърлица” (горлица), а “воркование” – “воркование”. Ср.: “Принесеши даръ о горлицы ли о голуби. Лев. I, 14 по сп. XIV в.” [213, т. 1: 615]; “Подобно есть гръло плачущихся ворканію голубиному. Упыр. 173” [там же: 301].

У В.А. Жуковского: “Голос Ярославны слышится, на заре одинокой чечеткой кличет...”

В справочнике “Жизнь животных” чечетка (*Acanthis famnea*) определяется как маленькая птичка. “Распространена обыкновенная чечетка в полосе тайги, лесотундры... Поздней осенью и зимой (они, чечетки) появляются в средней части нашей страны...” [54: 561]. В переносном значении “чечетка” – “болтливая женщина”, “тараторка” [206, т. 4: 60].

А.Н. Майков “зегзицею” считал ласточку, ошибочно полагая, что есть в говорах слово “зѣгзица” – ласточка или стриж: “...раным-рано ласточкой щебечет...”

Н.В. Шарлемань в 1948 г. высказал предположение, что “зегзицею” может быть названа птица, которую на Украине сейчас называют “чайкой”, а по-русски “чибисом” или “пигалицей”. Под Новгород-Северским и сейчас бытует название чибиса (по-украински чайка – “зігзичка”). Излагая свою мысль, Н.В. Шарлемань часто употребляет название птицы “чайка” без уточнения, что это название чибиса по-украински. Н.В. Мещерский, полагая, что Н.В. Шарлемань говорит о чайке – *Larus ridibundus*, уверенно пере-

водит слово “зегзица” как “чайка”: с точки зрения поэтического образа это значение слова “зегзица” значительно лучше мотивируется, чем общепринятое ранее (кукушка). Контекст плача Ярославны: «”...полечю, рече, зегзицею по Дунаи, омочю бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ” вызывает образ именно водной птицы, чайки, низко летящей над речной поверхностью и задевающей ее крылом, а отнюдь не связывается с представлением об обитательнице лесов – кукушке” [102: 76].

Но чибис, так как Н.В. Шарлемань вел разговор именно о чибисе (пигалице), не “водяная птица”. Сравнение же Ярославны с подвижной и крикливой пигалицей (чайкой) представляется неуместным. Кроме того, чибис (пигалица) будет упомянут в СПИ и назван “чайцей” (см. поясн. VI.16).

Перевод: “...кукушкой неизвестно кто рано стелает...”

5. “Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ”.

“Полечу, – сказала, – кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, оботру кровавые его раны на крепком его теле” (А.С. Орлов).

Во всех переводах Ярославна-кукушка летит по Дунаю. Но для человека XII в., близкого к миру природы, в этой поэтической образной картине был существенный изъян. Жителям лесной полосы хорошо известно, что кукушка не могла лететь *над* Дунаем, вдоль водной поверхности. Та кукушка, которую знали русские, избегает открытых пространств, особенно водной глади (“та” – так как среди 150 видов кукушек есть и живущие в степной зоне с иными инстинктами поведения).

Синтаксическая разбивка: “Полечю, – рече, – зегзицею, – по Дунаеви – омочю бобрян рукав. В Каялѣ рѣцѣ утру князю...” – является более мотивированной. В предыдущей фразе говорилось о том, что “неизвестно кто” стелает кукушкой, теперь уточняется, что же сказано голосом кукушки. Сравнение отнесено только к звуку, голосу. “Рече зегзицею” и зегзицею кычеть” – в обоих случаях “зегзицею” – обстоятельство образа действия.

Конструкция “рече зегзицею” в контексте представляет собой интересную, с точки зрения лингвистики, попытку Автора выделить действие и состояние без соотнесения его, до времени, с конкретным лицом-деятелем. Ярославна в начале фрагмента не названа. Действие (кычеть) производит “неизвестно кто” (незнаемь). Это изначальное умалчивание поддерживает конструкция “рече зегзицею”. Субъект-деятель находится за границей синтаксической конструкции “аорист + творительный падеж”. Безличные предложения подобного типа – безусловный факт языка XV–XVII вв. и, по мнению В.Л. Георгиевой [62], результат проникновения члена предложения, указывающего источник (средство, причину) действия. Более же ранние примеры дают основание видеть в аналогичных конструкциях скорее неполные предложения с названным в предыдущем предложении субъектом.

Тем не менее, учитывая саму тенденцию Автора, логику изложения и возможности русского языка XII в., следует переводить в конкретном тексте выражение “рече зегзицею” как безличную конструкцию – страдательное причастие, краткая форма, + творительный падеж: “поведано кукушкою”.

В новой синтаксической разбивке учтено как достаточно мотивированное прочтение А.К. Югова, при котором после слов “бобрянъ рукавъ” сле-

дует пунктуационный знак: «Мысль Ярославны, ее мольба летит сперва к Дунаю, к ее родителю, могучему князю Карпатской Руси. Лишь после этого – на берег мрачной Каялы-реки. Символ! Омочив “бებрянъ рукавъ” в живой воде отцовского сочувствия и помощи, Ярославна затем только полетит на Каялу отереть кровавые раны супруга. Исходя из этого толкования, я “в Каяле” понимаю, как возле Каялы, у Каялы, где произошла роковая битва. Тем более что в древнерусской письменности предлоги “у” и “в” иногда замещали друг друга: “Лежашу ему у возе”; “у Вьльне у реце» [194: 198].

Учено при переводе и уточнение Н.А. Мещерского значения слова “бѣбръ” – “бებерь” – “бобръ”. Опираясь на параллельное чтение древнерусских, греческих, еврейских, сирийских и армянских версий аналогичных текстов, Н.А. Мещерский установил, что “бებерь” в Древней Руси означало не только известное пушное животное, но и драгоценную шелковую ткань [102: 5–6].

Перевод: “Полечу, – поведано кукушкой, – по Дунаю. Омочу шелковый рукав в Каяле-реке. Утру князю кровавые его раны на сильном его теле”.

6. “Ярославна рано плачет в Путивль...”

Версия Автора, что Ярославна была в эти дни не в Новгороде, а в Путивле, вполне вероятна, так как Путивль был хорошо укрепленным городом Северной земли. А когда Святослав Киевский получил сведения о поражении братьев Святославичей, он немедленно послал в Путивль дополнительные военные силы. Это дало жителям Путивля относительную безопасность. И действительно, Гзак не смог взять укрепленный Путивль: “И потеряв много людей, а паче знатных, не взяв города, отступили...” [154: 138].

Но возможно, что это и поэтический прием: Путивль дальше всех из укрепленных городов Северной земли вынесен к чужим землям. Во всяком случае, версия Автора не противоречит фактам истории.

Перевод: “Ярославна рано плачет в Путивле...”

7–8. Текст в разбивке А.И. Мусина-Пушкина (по первому изданию 1800 г.): “...О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеси хиновскыя стрѣлки на своено не трудною крилцю на моеи лады вои? Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?”

Перевод Мусина-Пушкина: “О Ветр! Ветрило! К чему ты так сильно веешь? К чему навеваешь легкими своими крылами Хиновские стрелы на илых мне воинов? Или мало тебе гор под облаками? Развевай ты тамо, лелея корабли на синем море! Но за что развеял ты, как траву ковыль, мое веселье?”

“О ветр! Ветрило! Зачем, господин, бурно веешь? Зачем мчишь вражеские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего милого? Мало ли тебе было бы в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? К чему, господине, мое веселье по ковылю развеял?” (Н.К. Гудзий).

Слово “горѣ” (так в Екатерининском и первопечатном тексте) в Шукинской копии дано в написании “горѣ”.

Ярославна обращается к ветру с упреком: “Ты несешь в степи стрелы, а мог бы веять в вышине, под облаками. Ты развеял мое счастье, а мог бы сохранить его, ведь оберегаешь же корабли на синем море”.

Слово “вѣтрило” в древнерусском языке имело *только одно* значение: “парус”; это значение сохраняется еще в XIX в. как архаичное: “Шуми, шуми, послушное ветрило!” (А.С. Пушкин).

“Вѣтрило” – винительный падеж без предлога, неоднократно употребленный в СПИ. В переводе дан с предлогом “в”. Слово “вѣтрило” обращением не является. См. в других переводах:

“О ветер, ветр могучий! К чему, властелин, ты веешь напротив?” (Мих. Делярю).

“О ветер, вихрь! Зачем ты, господин, бурно веешь...” (А.С. Орлов).

В системе поэтических образов ветер, буря, противодействующие парусу, воспринимались как превратности судьбы, противостоящие стремлениям и действиям. Именно в таком понимании и дан в плаче образ паруса, а затем идет и “разъяснение”: летят стрелы, разящие русских воинов. Ср.: “... и сия все о томъ скръбѣть, ожидаючи милости отъ бога и подобная вѣтрила противу бури и волнамъ морскимъ направляющи... Ж. Авр. Смол., 36 (XVI в. ~ XIII в.)” [212, вып. 1: 112].

“Насильно” – прямой эквивалент слову “насилно” в современном русском языке найти затруднительно. “Насильно” – это и “сильно”, “с силой”, и в то же время “насилничая”, “противодействуя”, “противодействуя с силой”. В говорах бывшей Пермской губернии “насилно” было отмечено в значении “навстречу”.

“Хиновские” – относящиеся к чужим, враждебным племенам.

“Мычеши” – возможно в переводе и “влечешь”, “мчишь”, “мечешь” [212, вып. 3: 119]. Ср.:

“Зачем мчишь хиновские стрелочки...” (Д.С. Лихачев).

К чему

половецкие мечешь стрелы...

(А.К. Югов)

Перевод: “О ветер! В парус к чему, повелитель, с силой враждебно навстречу веешь? К чему мчишь чужих племен стрелки на своих легких крыльщиках на моего супруга воинов? Разве мало тебе было в вышине под облаками вейть, храня корабли на синем море. К чему, повелитель, мое веселье по ковылю развеял?”

8. “...лелѣючи корабли на синѣ морѣ?”

“...лелѣючи корабли на синѣ морѣ” – дословно: “...пестуя (нежа) корабли на синем море”. Ср.: “И даше (царь Давид) сына своего Соломона хранить и лелѣяти доброму слузѣ Ичкалу. Лож. и от. кн. 63 (XII в.)” [212, вып. 3: 54].

Глагол “лелѣяти” встречается в “Слове” дважды. Второй раз: “О Днепре Славутицю! Ты лелѣялъ еси на себе Святославовы насады...”. В обращении к Днепру Ярославны есть и однокоренной глагол “възлелѣяти”: “възлелѣи... мою ладу къ мне...”. Глаголы “лелѣяти” в обращении к Днепру и “възлелѣяти”, судя из контекста, – “колыша” и “приколыхать” – “принести, колыша”. В древних текстах аналогий нет, хотя глагол “лелѣяти” в значении “колыхать”, “течь”, “нести волнами” отмечают Добровольский, Потебня, Котков и др. [212, вып. 3: 54–55].

Перевод: “...храня корабли на синем море”.

9. В издании 1800 г.: “О Днепре Славутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады...”

“О Днепре Славутич! Ты пробил каменные горы через землю Половецкую; ты качал на себе Святославовы лодки...” (А.С. Орлов).

О Днепр ты Славутич!
Каменные горы пробил ты
Сквзсь землю Половецкую
И на себе колыхал ты
Ладьи Святославовы...

(Ив. Новиков)

Во всех переводах Днепр пробивает горы через половецкую землю. Только В.И. Стеллецкий внес уточнение в пословный прозаический перевод, вставив слово “проходя”: “Ты пробил каменные горы, проходя сквозь землю половецкую”. Фраза приобрела смысл, но это уже вариант “улучшения” текста.

Д.С. Лихачев в переводе дает: “Ты пробил каменные горы (в местах Днепровских порогов)” – тут бы и поставить точку, но Д.С. Лихачев по инерции продолжает: “сквозь землю половецкую”.

Днепр не двигает горами по земле половецкой, не пробивает горы сквозь землю половецкую, а прорывается через горы. Должно быть: “О Днепре! Славутицю! Ты пробилъ еси каменные горы!”

Могучий Днепр – союзник русских – принес на своих волнах насады Святослава в низовья, в половецкую землю. Речь идет об экспедиции Святослава в 1184 г., когда часть войска была посажена на насады. “Насады” – большие лодки особой конструкции: в основу клалась коряга и обшивалась тесом. Насады имели характерную форму с поднятым носом и кормой.

“Насады” – переведено нейтральным словом “суда”, так как уже Даль отмечал потерю за словом “насады” прежнего значения. (“Лодка, челн, ладья” – менее удачно, ибо эти названия были конкретны.)

Перевод: “О Днепре Славутич! Ты пробил каменные горы! Сквозь землю половецкую ты колыхал на себе Святославовы суда...”

9–10. В издании 1800 г.: “...рано”. «Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: “Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси...”»

В Екатерининской копии было: “...рано”. “Ярославна на морѣ плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи...”, т.е. слово “рано” сразу же было отнесено к предыдущей структуре: “...а быхъ не слала къ нему слезъ на морѣ рано”. В Щукинской копии: “Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ...”

“Тресвѣтлое” – эпитет применительно к солнцу неожиданный. Одни исследователи видят здесь намек на христианский догмат божества (“тресветлая троица”), другие – намек на теорию “Шестоднева” о троичности появления света. Во всяком случае, хотя “тресвѣтлое” и книжное слово, пришедшее из гимнографии, Автором осмыслено как “трижды светлое”, что соответствует современному “пресветлое”. Ср. у В.И. Стеллецкого: “Светлое и пресветлое солнце! Для всех тепло и красно ты!”

“Красно еси” – “красный” не имело значения цвета, вероятно, до XVI в.; его значение – “прекрасный, нарядный и благодатный”.

Исправление “къ” на “въ” принято ныне всеми переводчиками как хорошо обоснованное (в Шукинской копии было “въ”): “въ Путивлѣ на забралѣ (местн. падеж)”

Перевод: “...рано”. *«Ярославна рано плачет в Путивле, на стрельнице крепостной причитая: “Светлое и пресветлое солнце! Всем тепло и благодатно”...».*

11. “Въ полѣ безводнѣ жаждю имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче”.

“...жаждю имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче...” – это и параллель, и антитеза к строкам о готовности курян к походу: “...лучи у нихъ напряжени, тули отворени...” – так было в начале похода.

“Затче” – 3-е лицо ед.ч. аориста от “заткнути” – плотно закрыть отверстие чем-либо. Ср.: “Затчена корчага ти молчаливъ человѣкъ, невѣдати, что въ немъ есть. Изреч. Ис. и Варн. 13 (XIV–XV вв.)” [212, вып. 2: 111]. В переводах:

“...и к горести колчаны их закрепило?” (А.И. Мусин-Пушкин);

“...и заточило им тулы печалью?” (В.А. Жуковский);

“...печалью им тулы заткало” (Мих. Делярю);

“...и горем им колчаны заткнуло?” (А.С. Орлов);

“...мукою колчаны замкнуло?” (А.К. Югов).

Перевод: “*В степи безводной жаждой им луки стянуло, печалью им колчаны заткнуло...*”

12. “Прысну море полунощи; идутъ смерчи мглами...”

“Прыснуло море в полночи, идут смерчи облаками” (Д.С. Лихачев).

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к Северу родному...

(Н. Заболоцкий)

“Ночью смерчи не возникают”, – совершенно справедливо отметил Н.В. Шарлемань [83: 55]. Еще ранее к этому выводу пришел А.А. Потебня [139: 143].

Но выражение “всплеснуло (дохнуло, взыграло, прыснуло) море” не предполагает, как думал Н.В. Шарлемань, близкого присутствия моря. Действие происходит на значительном отдалении от моря, в степи. Смерчи идут мглою (во мгле), что бывает при пылевой буре, которая сопровождается потемнением воздуха. Пылевые смерчи характерны для степей. Но Автор знает, что буря и смерчи это – “дыхание” моря, смерчи идут от моря, с юга.

“Полунощи” – здесь имеет значение “Севера”. Ср.: “Церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, яко же она не обращается во всемъ полунощи (и) замнеѣмъ от востока дъ запада. Илар. Зак. Благ. (Приб. Тв. св. о. 2, 246)” “Подаль на полунощи. Пов. врем. лет, 6604 г.” [213, т. 2: 1140].

“Мьглами” – твор. пад. мн.ч. Только два значения слова “мьгла” фиксирует древнерусский словарь: мгла, темнота (мрак); туман. В летописях слово “мьгла” обычно дано в соседстве со словом “облако”: “дън облака и мьглы”.

И.И. Срезневский предполагал, что “мьгла” могло иметь значения “облако” и “туча”, но примеры такого употребления слова “мьгла” приводит только из болгарских народных песен. Летописных же свидетельств нет. Летописи же, наоборот, свидетельствуют, что “мьгла” и “облако” – разное: “Облаци и мьглы отъ буря гонимы”. Но ср.: «“Т’ма и м’гла и дымъ”» (в др. сп. мракъ) Втз. VI, 11, V, 22 по сп. XIV в. [213, т. 2: 223].

“Словарь-справочник СПИ” [212, вып. 3: 82] утверждает, что слово “мьгла (мьгла)” означает “облако”, “туча”. Примеры не приводятся, и дана ссылка на И.И. Срезневского. Утверждение, что слово “мьгла” в “Слове” означает “облако”, “туча”, основано на неверном прочтении фрагмента из самого “Слова” (“...объсися синѣ мьгле...” и “...полѣте соколомъ подѣ мьглами...”).

Прочтение “мьгла” как “облако” необходимо переводчикам для утверждения версии, что князь-оборотень, колдун и маг Всеслав совершал стремительные перелеты на “синем облаке” (см. поясн. V.11–12). Наличие в тексте СПИ слова “облако” для обозначения “облака” переводчиков не смутило: “летая умомъ подѣ облакы”, “шизымъ орломъ подѣ облакы”, “под облакы вѣяти”, “меча бремены чрезъ облакы”. Присутствует в СПИ и “туча” в значении “туча”: “чръныя туча съ моря идутъ”. В “Слове” “облако” – облако; “тучи” – тучи; “мьгла (мьгла)” – туман, мрак, мгла.

Отметим, что речь будет идти о бегстве Игоря: “полетѣ соколомъ, под мьглами, избивая...” – следует читать “под туманами, избивая”, а не “полетел соколом под туманами”. Прочтение “полетел соколом под туманами” явилось одной из главных причин, побудивших ученых предполагать наличие неуточненного значения слова “мьгла” (см. поясн. VI.15).

В образной системе “Слова” идущие к Северу смерчи – еще одно знамение Игорю. Отметим, что слово “смркъ” в значении “смерч” известно по древним текстам. Фиксируется и форма “смрци” [212, вып. 5: 180–181]. Но и перевод слова “смркъ” как “смерч”, и символика знамени (благословение побега) поставлены под сомнение А.Л. Никитиным. По его мнению, “сморци” – это корабли, и фрагмент следует читать так: “разыгралось море к полуночи, и идут во тьме (в тумане) суда” [110: 159]. Система доказательств А.Л. Никитина: так же, как от названия дерева “дуб” образовалось название долбленого челна, так, вероятно, и от слова “смрц” – “кедр” возникло название корабля, изготовленного из кедра. Но кедр, вопреки предположению А.Л. Никитина, имел в древнерусском языке наименование не “сморц”, а “смрѣча”, “смѣрчъ”. Конструирование парусно-весельного судна “сморца” понадобилось А.Л. Никитину, чтобы доказать, что начало рассказа о побеге Игоря не принадлежит Автору СПИ, а представляет собой неумелое заимствование из песни Бояна, в которой рассказывалось о побеге Олега Святославича на кораблях из Византии, где он был в плену-ссылке, и если в песне Бояна присутствие кораблей было уместно, то, по мнению Никитина, в “Слове” они вызывают недоумение. С последним, впрочем, можно согласиться.

Перевод: “Всплеснуло море. К северу идут смерчи мглою...”

13. “Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти князю Игорю небыть! Кликну, стукну земля, въ шумѣ трава, вежи ся Половецкїи подвизашася”.

В.Н. Татищев [154: 138–139] сообщает, что Игорь Святославич “будучи в плену во всяком довольствии содержался и никакой ему обиды и досады половцы не делали, только крепко стерегли”. Половцы просили за Игоря очень большой выкуп, и он предполагал, что в плену ему придется пробыть очень долго. О побеге не было и помыслов. Следует иметь в виду и то, что бегство Игоря ухудшило бы положение брата Всеволода. Когда “сыскался один муж, родом половчанин, именем Лавер и стал предлагать Игорю бежать из плена, тот наотрез отказался, хотя конюший и тысяцкий Игоря понуждали его к побегу. Но, когда возникла угроза, что возвращающиеся после военной неудачи половцы могут учинить расправу над Игорем, князь изменил свое решение. Татищев пишет, русские узнали о том, что “половцы положили, если им в войне не удастся, Игоря убить”.

То, что побег Игоря тесно связан с возвращением Кончака из похода на Русь, подчеркивает Б.А. Рыбаков: “Расчет времени набега Кончака на Русь и его возвращение показывают, что вернулся он (Кончак) на кочевье приблизительно в день побега Игоря” [136: 296–271].

Как же дана картина побега в переводах?

“В полночь Овлур свистнул коня за рекою, велит князю разуметь; (но) князю Игорю (понять не пришлось); (тогда Овлур) крикнул, стукнула земля, зашумела трава, двинулись (кочевые) шатры Половецкие” (А.С. Орлов).

“Коня в полночь Овлур (крещеный половец – друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться (в плену)! (Овлур) крикнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря)” (Д.С. Лихачев).

Коней до полуночи
свистнул Овлур за рекою –
велит князю разумети:
“Князю Игорю – пора!”
Крикнул.

Стукнул оземь.

Прошумела трава...

От кибитки половецкой

отделились...

(А.К. Югов)

В переводах снят акцент Автора: *побег – внезапно наступившая необходимость*. Хотя Игорю пророчески указывают путь на север смерчи, и он уже в мыслях своих проделал путь на Русскую землю, князь все еще колеблется. Но вот Овлур приносит весть, что половцы собираются убить Игоря: “князю Игорю небыть!” Он втолковывает это князю – “велит князю разумѣти” (“разумѣти” – “понять” [213, т. 3: 57, 58]). То, что половец велит понять князю, показывает на чрезвычайные обстоятельства и на то, что Овлур возбужден. И действительно, далее следует: “кликну...” (аорист, 3-е лицо ед.ч.). Одно из значений глагола “кликнуть” – закричать [212, вып. 2: 118]. Уже отмечалось, что в поэтике “Слова” во всех случаях, когда Автор

вводит слово, означающее речение, следует прямая речь. Овлур кричит, что слышал стук и шум в степи, что все кочевье в движении: “вежи ся половецкїи подвизашася”.

В Екатерининской копии и в печатном тексте 1800 г.: “вежи ся...”, “подвизашася”. Обычно считают, что один из переписчиков “Слова” не обратил внимания на препозитивное “ся” и, исходя из смысла, вписал и постпозитивное. Но “ся” в препозиции отделено от “подвизашася” всего одним словом – “половецкїи”. Не логичнее ли предположить выпадение буквы “в” в слове “вся” или “и” в “сия”, причем возможно и написание “ся” вместо “сия” (указательное местоимение им. пад. мн.ч.). Предположение, что “ся” – “сия” дает некоторое уточнение при переводе: “вежи – сия”, т.е. “вежи эти” – подчеркивает конкретность и четче осознается значение слова “вежи” в контексте как “кочевье-становище”. Это в переводе подчеркнуто: “становище всё половецкое”. Буквально же “вежи вот эти...”.

“Подвизашася” – приходит в движение [212, вып. 4: 114–116]. Очень выразительно в переводе В.В. Капниста: “Слышно смятение в жилищах половецких”. Движение и шум в половецком стане ночью могли возникнуть, вероятнее всего, из-за того, что прискакали половцы из войска Кончака с недобрými вестями. И Игорь “уполошася приезда их и возмиска бѣжати”. Вот этот момент тревоги и отсутствует, вернее, в переводах тревога возникает уже после побега. Характерен объяснительный перевод Д.С. Лихачева: “...вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря)”. По объяснению Д.С. Лихачева, вежи были на колесах, и они двигались, когда для погони стали выводить заставленных кибитками коней. Лошади, заставленные кибитками, и произвольное движение (“подвизашася” – двинулись) самих кибиток, конечно же, плод фантазии. И уже совершенно фантастическая картина побега дана А.С. Орловым: Овлур велит князю “разуметь”, но Игорь почему-то “не понимает”. Тогда Овлур кричит, да так, что стукнула земля, шумит трава, двинулись шатры, и Игорь бежит горностаем.

Непонятные действия производит Овлур и у А.К. Югова. Хотя А.К. Югов в своем комментарии и утверждает, что считает свой перевод “единственно правильным грамматически, при абсолютном соответствии с рассказом летописи о бегстве Игоря”, но в переводе допущены явные нарушения грамматических норм. Очень приблизительно: “Князю Игорю – пора!” Маловероятным представляется перевод “стукну земля” как “стукнул оземь” (субъект, производящий действие, – Овлур). Конечно же, при желании можно нафантазировать, чем и почему Овлур ударяет о землю, – “это он условным свистом и возгласом, и стуком, ударами по земле подает знак Игорю” [194: 200]. Но сам же А.К. Югов утверждает, что Автором дана картина “опасливого, тихого бегства Игоря, которую рисует летопись” [там же: 256].

Сомнительно: “от кибитки половецкой отдалились”. Здесь субъекты, производящие действие, по мысли А.К. Югова, – Игорь и Овлур. Но нет ожидаемого двойственного числа у глагола. Ссылка А.К. Югова на случай употребления в летописях множественного числа вместо двойственного не убеждает. Неверен и перевод “от кибитки половецкой отдалились”. Здесь А.К. Югов предполагает в древнем тексте родительный беспредложный падеж. Но окончание прилагательного “половецкїи” не свидетельствует в пользу такого предположения.

«...Замена “-ии” в прилагательном “половецкіи” окончанием “-ия” у А.К. Югова совершенно произвольна и графическими данными текста не оправдывается и не подтверждается ни в какой степени...” [50: 45–46].

Ключевым при прочтении этого фрагмента является слово “земля”. Неоднократно слово “земля” было употреблено Автором в значении военной силы: “Дивъ кличетъ врѣху древа, велит послушати земли незнаемѣ...”; “О Руская земле, уже за шеломянемѣ еси”, “...уже врѣжеса Дивъ на землю...”; “...тресну земля...”.

“Стукнути” означало в древнерусском языке “загреть”, “произвести очень сильный звук”. (В летописях глагол “стукнути” передает грохот землетрясения, подземного толчка.) “Стучати” – “грохотать”, “греть”, т.е. речь идет не о тихом постукивании.

Уместно обращение к “Задонщине”, повторяющей образный строй и лексику “Слова”: как орлы, слетаются русские князья в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу. “Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славѣ градѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни громъ гремитъ, стучить сильная рать великого кн(я)зя...” (Список ГПБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (К-Б). Л. 125).

Войско, особенно конное, при движении производило сильный шум, а от топота тяжелых коней содрогалась земля. Автор “Задонщины” не удержался от уточнения: “...гремитъ удалцы золочеными шеломами, черлены щиты” (там же). Грохочет земля под копытами коней проходящего войска – “земли”. Вот что, забыв субординацию, требует понять Овлур, обращаясь к князю. Создается словно бы два смысловых плана благодаря многозначности слова “земля”. Причем значение слова “земля” – “военная сила” возникает только ситуационно для аудитории, хорошо знавшей события похода. Вот почему в переводе для современного читателя дан второй план. Буквально же перевод: “прогремела земля”. В поэтическом следует дать: “от подходящего войска”. (Ср. выше перевод Д.С. Лихачева.)

Во всех переводах “не быть” понято как отрицание при инфинитиве. А между тем это совершенно невозможное написание: по нормам XII в. должно быть: “не быти”. “Быть” – не инфинитив им. (вин.) пад. существительного “быть” – “бытие”, “существование”. “Небыть” – “несуществование”, “небытие”, “смерть”. Слово “небыть” отмечено Далем в ТСЖВЯ [206, т. 2: 504].

Ср.: “Быть” – “Самъ же естъ начало и вина бытию и якоже быть естъ вомѣ. Ио. екз. Бог, 74”; “Еже въ бытии въ тли приобрѣтеніе. Ио. екз. Шест. 1263 г.” [213, т. 1: 211].

Ср.: “Небыть” – “Ты от небытя ны приведе. Служ. Варл. XII в.” [213, т. 2: 359].

Фраза “...князю Игорю небыть” означает: “князю Игорю не жить (смерть)”.

Перевод: *«Коня в полночь Овлур свистнул за рекой. Велит князю уяснить: князю Игорю – смерть. Прокричал: “Прогремело войско! Прошумела трава! Становище все половецкое пришло в движение!”»*

14–15. “...въвержеса на борзъ комонь, и скочи съ него босымъ волкомъ, и потече къ лугу Донца...”

“Он помчался на борзом коне и, соскочив с него босым волком, побежал к лугу Донца...” (А.И. Мусин-Пушкин).

Перевод “Бросился на борзого коня и соскочил с него босым волком, и побежал к Лугу Донца” А.С. Орлова, несомненно, правильный, но исследователи непременно хотели доказать, что эпитет “босой” к “волку” является постоянным и означает:

а) стремительный волк (версия Г. Ильинского);

б) оборотень (версия В.А. Гордлевского);

в) “босый волк” – это Босов волк (неведомого бога Бооза), или демонический волк (версия М.В. Щепкиной);

г) белоногий волк (версия А.И. Соболевского);

д) особая разновидность волка. Летописи сообщают о ценном, редком мехе какого-то волка. Не “босого” ли? (вторая версия А.И. Соболевского).

Многими переводчиками принята правка В.В. Макушева: по аналогии с “бусыми вранами” следует читать “бусымъ влѣкомъ”, т.е. “серым волком”. Но и прочтение “бусовы врани” было получено после правки текста (см. поясн. III.18).

А.А. Потебня писал: «...“босым” считают “бусым”, но для этого в “Слове о полку Игореве” есть обычный эпитет “серый”» [126: 145].

Отметим, что выражение “бусый” или “бусов” (волк) в говорах обнаружить не удалось. (Нашлись “бусова кошка”, “бусовый заяц”.) Да, определение цвета шерсти через слово “бусый” известно – в основном в регионе Сибири. Равно сомнительно прочтение и “бусый волк”, и “босов волк”, если предполагается, что это некий особый, исключительный волк. Но почему волк? Почему никто не предположил, что “босой” и должно означать “босой” и этот эпитет относится к человеку? И в современном русском языке, и в древнерусском, о чем свидетельствуют “Материалы...” И.И. Срезневского и “Словарь-справочник СПИ”, слово “босой” означало: необутый, с голыми ногами. В текстах XI в. есть слово “босоу”, опять-таки с единственным значением “разутый”, “голоногий” (о людях); “Уча(ще) и проповѣдници, безводна алчюща весь, ноги босы и апостольскимъ наслѣдующемъ, ничтоже мертва имуще... Хрон. Амарт. 241 (XIII–XIV вв. ~ XI в.)”; “1216: ...новгородци же съседавъше съ конь и порты съметавъше, босии, сапогы съметавъше, поскочиша... Новг. I лет. 56 (XIII в.)”; “1237: А прочии люди и жены и дѣти босы и беспокровны, издыхающимъ имъ от мраза. Лавр. лет. 517 (1377 г.)” [212, вып. 1: 65]; “Ереи бось да не входить въ цркъовь пѣти. Дуб. сб. XVI в. 181 Всел. собр. о. Иер.” [213, т. 1: 153].

“Босым” мог быть только человек, и им в конкретной ситуации был беглец-князь Игорь. Если суммировать все сведения из известных нам источников и все соображения исследователей-историков, то картина побега представляется такой. Возвращаются передовые отряды изрядно потрепанных войск Кончака. Воины принесли недобрые вести. В кочевье скорбят о павших, растет озлобление против русских пленных. Овлур приготовил коней на случай побега. Игорь колеблется. Овлур выходит из себя, ибо он, Овлур, узнал, что раздаются голоса с требованием убить Игоря. Сообщение Овлура о том, что слышен шум приближающегося

войска (топот-стук земли; шелест степных трав, приминаемых копытами, оживление в кочевье) заставляет Игоря решиться. Побег, хоть о нем и раздумывал Игорь, внезапен. Воины, уже пришедшие с брани, упились кумысом. Бесшумно, босой, Игорь пробирается к реке. Потом перебрался вброд через реку. И, сев на коня, отъехал от кочевья. То, что в пути он оказался “бос”, неудивительно. Но, если он действительно был босым, то Автор, рассказывая о побеге, не мог не припомнить этого. Автор рассказывает быль. Как он мог знать, что пройдут века и потомки – соотечественники Автора сумеют трансформировать быль в волшебную сказку с превращением князя-оборотня сначала в горностая, потом в гоголя, а потом в демонического волка, а возможность князя быть босым представляется фантастической.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

(Н. Заболоцкий)

Горностаем помчался к реке,
Белым гоголем на воду упал,
И волком вскочил
На спину коню.

(А. Чернов)

Не следует думать, что поездка “бусова” волка верхом на коне – вольность поэтического перевода. Ср.: “Вскочил на борзого коня, соскочил с него волком-оборотнем и побежал к берегу Донца...” (прозаический перевод В.И. Стеллецкого).

Реальная картина побега была восстановлена для того, чтобы стала яснее метафорическая образность “Слова”. Логика изложения такова: князь Игорь соскочил с коня босым и побежал стремительно, как волк. Так родился метафорический образ босого волка, причем качество (босой) не является постоянно присущим, т.е. не является постоянным эпитетом к слову “волк”, а только средством характеристики при ситуации, в которую попал князь-беглец. Вот почему и оказалось сочетание “босой волк” уникальным. Вот почему и тщетны все попытки ученых дать иное объяснение.

Вероятнее всего, по нормам XII в. не следует считать возможным употребление творительного падежа на месте второго именительного: “князь скочи босымъ”. Но, во-первых, были отмечены близкие случаи второго именительного, во-вторых, можно предполагать наслоение более позднего времени (“бос” вместо “босой”). Главным же при определении синтаксиса в тексте перевода было донесение смысла, логики изложения. Вот почему подчеркнута пунктуацией характеристика Игоря – “бос”, что крайне необходимо при наличии “фантастических” переводов.

Перевод: “...бросился на быстрого коня и соскочил с него босым, волком и побежал к лугу Донца...”

15. “...волкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди...”

“...волком, и устремился къ лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей...” (Н.К. Гудзий).

Обратим внимание на причастие “избивая”. Игорь не стрелял, не убивал, а избивал гусей и лебедей. Но это не поэтический образ, а совершенно точная реалистическая картина.

В июне месяце в южных районах нашей страны начинают линять гуси, а в конце июня – лебеди. Линька начинается с выпадения маховых перьев. Птица делается “нелетной”. Она ищет глухие места, хорошо защищенные водной и прибрежной растительностью водоемы. Во время линьки гуси и лебеди собираются в большие стаи. В этот период их можно избивать палками. Такой промысел и ныне известен народам, в жизни которых охота занимает важное место.

Для того чтобы написать: “избивая гусей и лебедей”, Автору нужно было знать не только то, что существует способ охоты на линяющую птицу, не только то, что в тумане зоркая птица слепнет, но и точное время побега, и то, что маршрут побега пролегал у реки, и то, что Игорь был безоружен. Нужно было знать в деталях весь побег, знать, как он протекал. Всей этой суммой информации едва ли мог обладать сторонний человек, не участник побега.

Слово “мгла” могло означать “мгла”, “туман”, “тьма” и не имело значения “облако” или “туча” (см. поясн. VI.12), а именно такое значение мы находим во многих переводах:

И к излучине Донца поскакал,
И соколом под тучами полетел!
(А. Чернов)

...и помчался к лугу Донца
и полетел соколом под облаками.
(А.К. Югов)

А.К. Югов пишет: «Это (т.е. прочтение “под облака”. – Ю.П.) столь бесспорно, что, кажется, никто от Мусина-Пушкина вплоть до нашего времени иначе и не переводил» [201: 345].

Однако и это спорно, и были другие переводы “от Мусина-Пушкина вплоть до нашего времени”. “Под туманами” переводили: Ник. Гербель, А.Н. Майков, Н.М. Павлов (Бицын), С. Басов-Верхоянцев, Н.К. Гудзий, А.С. Орлов, С. Шамбинаго и В. Ржига, Ив. Новиков, В.И. Стеллецкий.

Прочтение “мгла” как облако” было спровоцировано разбивкой Мусина-Пушкина, ибо она предполагала такое синтаксическое построение, при котором “соколомъ под мглами” является обстоятельством (образа действия) уточнением к глаголу “полетѣ”. Сокол, размышляли переводчики, летать под туманом не может. Оставалось предположить, что слово “мгла” означает не туман, не мрак, а нечто иное.

Уточним логику прочтения. Игорь волком устремился к лугу Донца. Игорь соколом полетел. Сравнение с мчащимся волком повторяется в тексте СПИ многократно и всегда вызывает представление о стремительном движении. Это усиливается сравнением бегства Игоря с полетом сокола.

Сравнение для современников Автора, знавших соколиную охоту, очень яркое: сокол идет на добычу с огромной скоростью – 75 км/сек.

Продвигаясь в Северскую землю, Игорь прячется у Донца, под покровом туманов добывает себе дичь. Таким образом, не Игорь соколом летит под туманами, а под туманами Игорь избивает птиц. Предлог “под” употреблялся и для обозначения того, что прикрывает, укрывает, защищает: “Подъ кровь твои вѣрно прибѣгающе, чистая божия родительнице, зълъ моихъ не прѣзри. Мин. Нояб. 357–358 (1097 г.)” [212, вып. 4: 110].

Перевод: “...волком и побегал к лугу Донца, и полетел соколом, под туманами избивая гусей и лебедей...”

16–17. “О Донче! Не мало ти величїя, лелѣявшу Князя на волнахъ, стлавшу ему зелену траву на своих сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядьми на вѣтрѣхъ”. “Не тако ли, рече...”

Оборот “Не мало ти величїя...” повторяется в тексте дважды: в обращении Донца к Игорю и в обращении Игоря к Донцу: “О Донче! Не мало ти величїя...”.

“Величїя” – обычно переводится и в том, и в другом случае как “слава”. Но “слава” обычно понималась как “воинская слава”, “боевая слава”, а такой славы Игорь не добыл. Иные значения слова “величїе” – слава Божия, гордость, высокомерие, почет, величина. “Гордость” хорошо вписалось в контекст и образовало смысловой параллельный ряд: тебе – гордости; Кончаку – досады; Русской земле – веселье.

Во втором случае следует читать: “Не мало тебе почета...”. Здесь речь идет не о внутреннем состоянии, а об извне направленном на объект (почет от русских людей – Донцу).

“В большинстве случаев при переложении “Слова о полку Игореве” на современный русский язык слово *чаица* остается без перевода или заменяется современным *чайка* – словом, которое в русском литературном языке обозначает водоплавающую птицу *Larus ridibundus*. Не имеющее под собой реального основания (кроме, пожалуй, факта, что эти слова имеют общий корень), такое толкование является весьма произвольным. Современные диалектные материалы позволяют дать фактическое обоснование толкованию этого слова в памятнике” [71: 114]. В.А. Козырев (в указанной работе) приводит примеры, подтверждающие: “чаица” означает “чибис” (ср. у Даля: “чайка, юж. птица луговка, пигалица, чибиз” [206, т. 4: 581]). В.А. Козырев объясняет, что Автор отвел чибису роль сторожевой птицы по той причине, что чибис очень осторожен и чуток, и делает вывод, что прочтение слова “чаица” как “чибис” находится в полном соответствии с контекстом.

Однако если ввести слово “чибис” (правильный перевод слова “чаица”) в существующие ныне переводы, то точность в изображении жизни природы, а следовательно, и художественная правда будут искажены (напомним, что чибис – не водоплавающая птица).

Ср.: “О Донец! Не мало величїя тебе, качавшему князя на волнах, поставшему для него зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками в воздухе” (А.С. Орлов).

Н.К. Гудзию показалось: “чайками на волнах” и “утками в воздухе” неубедительно, и он изменил: «чернядями на струях, чайками на ветрах (“чибисами на волнах”?)».

Абсолютно ничего не означают и выражения “утками (чернетью) в воздухе” и “одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева”. Следует изменить синтаксическую разбивку: “...стлавшему ему зелену траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами; под сенью зеленого дерева стерег его гоголем” (гоголь устраивает гнезда в дуплах деревьев – осин, лип, дубов, каштанов и т.п. [54: 154], “на воде чибисом” (чибис живет у воды [там же: 282]), “на волнах чернетью” (чернеть водоплавающая птица, прекрасный нырок [там же: 143]). “На вѣтрехъ” относится к следующей структуре, рассказывающей о коварной в непогоду и паводок р. Стугне.

Перевод: “*О Донец! Немало тебе почета, колыхавшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами, под сенью зеленого дерева стерег его гоголем, на воде – чибисами, на течении – чернетью*”. “*На ветрах не такова ведь, – сказал...*”

17. “...на вѣтрѣхъ”. “Нетако ли, рече, рѣка Стугна...”

“Ли” – здесь усилительная частица, вопросительного значения не имеет (см. поясн. I.3). Пунктуация объяснена в поясн. VI.16.

“На вѣтрѣхъ” – “при ветре”. Ср.: “Съниде дъждъ и придоша рѣкы и възввѣяши вѣтри. Мв. VII, 25, Остр. Ев.” [213, т. 3: 221]. Предлог “на” с местным падежом мог употребляться при обозначении времени: “На зноу и на зимѣ. Поуч. Влад. Мон.” [213, т. 2: 264].

Перевод: “*На ветрах не такова ведь, – сказал, – река Стугна*”.

18. “...худу струю имѣя, пожръши чужы ручьы и стругы, ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ, темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславлѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли преклонило”.

“Она пагубными струями пожирает чужие ручьи и разбивает струи у кустов. Юношу князю Ростиславу затворил Днепр берега темные. Плачется мать Ростислава по юному князю Ростиславе. Уныли цветы от жалости, преклонились к земле деревья от печали” (А.И. Мусин-Пушкин).

“...скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и ладьи раскидав к устью, юноше князю Ростиславу затворила Днепр у темного берега. Плачется мать Ростислава по юноше князю Ростиславу. Уныли цветы от жалости и дерево с печалью к земле приклонилось” (Н.К. Гудзий).

«...скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширяясь к устью, юноше князю Ростиславу затворила Днепр у темного берега. Плачет мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе: “Приуныли цветы от жалости и дерево с печалью к земле приклонилось”» (С. Шамбинаго и В. Ржига).

“...имея мелкое течение, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная к устью, заключила она на дне у темного берега юношу князя Ростислава. Го-

рует мать Ростиславова, по юноше князе Ростиславе уныли цветы от сожаления и дерево с горя к земле приклонилось” (А.С. Орлов).

...река Стугна
тощую струю имела,
а пожрала чужие ручьи и струи –
и погубила юного в пасти:
юношу-князя Ростислава

предала!

...На берегу скорбном Днепра
плачется матери Ростислава
по Юноше-князе Ростиславе...
Цветы почернели от скорби!
Дерево в тоске

К земле припало!..

(А.К. Югов)

В 1093 г. Святополк Изяславич, только что занявший киевский престол, неосмотрительно спровоцировал конфликт со Степью. Совместно с Владимиром Мономахом и его братом Ростиславом он предпринимает плохо подготовленный поход против половцев. Вопреки воле Мономаха русские дружины переправились через обычно мелководную, но на этот раз разлившуюся р. Стугну. Битва с половцами была неудачной для русских, нужно было уходить за Днепр, а за спиной была Стугна в паводке. При обратной переправе через Стугну Ростислав, “въехав в реку на коне, быстротою воды свержен был с коня и стал утопать перед очима братними. Владимир тотчас сам въехал в реку и хотел подхватить брата своего, но быстротою воды и теснотою коней смялся конь его, и едва сам не утонул” [154, т. 2: 100]. Владимиру и Святополку удалось уйти за Днепр. Тело же Ростислава Стугна отнесла вниз по течению, и люди, посланные Владимиром, едва сумели его найти. Покойного князя повезли в Киев, где он был оплакан матерью и киевлянами “юности ради”.

При прочтении этого фрагмента необходимо учесть:

а) “князю Ростиславу” нельзя рассматривать как приложение к слову “юношу” – вин. пад. ед. ч.; “князю Ростиславу” – дат. пад. ед. ч.;

б) варианты словоделения: “рострена к усту” и “ростре на кусту” – не дают возможности получить удобочитаемый текст при дословном переводе: слово “рострѣти” означало “размельчить трением”, но не “погубить”, “разбить”, “расшириться”, как это дано в переводах. Таких значений не отмечено даже в говорах. Не очень убедительным представляется исправление “рострена” на “рострепа”, так как слово “растрѣпа” (но не “рострепа”) известно только по диалектологическим материалам. Н.К. Гудзий принял словоделение “рострепа к усту”. “Рострепа” было понято как аорист глагола “рострепати” в значении “раскидать”, но, не говоря уже о необходимости исправления “о” на “а”, это значение глагола “растрѣпати” в говорах не отмечено. Кроме того, “к усту” заставляет предполагать наличие в древнерусском языке слова “усто” в значении “устье реки”. Но такого написания в текстах нет. Да и упоминание устья Стугны не мотивировано: переправа была далеко от впадения Стугны в Днепр;

в) невероятно прочтение “стругы” как “лодки”: затонул Ростислав при переправе войск вброд с лошадьми. Прочтение “стругы” как “потоки” впол-

не оправданно. Срезневский дает: “Възмоути рѣкы струги своя. Псалт. Толк. XII в. по ХСП. 4(В)” [213, т. 3: 558]. Основываясь на параллельных чтениях с греческого, И.И.Срезневский определяет значения: “струя”, “течение”. В старорусских текстах: “Струга Пружинка течет из озера Хотыша в реку Семь” [67: 18, 19]. Ср. в брянских говорах: “Вясной нъ равним такія струги к рекѣ” [72: 70];

г) “худый” могло означать “плохой”, “дурной”, “скверный”, “зловредный”: “Въсе погоуби, сластью хоудою прельщенъ. Изб. 1073 г. л. 37” [213, т. 3: 419];

д) “на кусту” – “куст” (ед.ч.) – очень неубедительно по логике прочтения;

е) невозможны прочтения “(Стugna) затвори Днѣпръ темнѣ березѣ” и “Днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати”, так как “Днѣпръ” – вин. (им.) пад. ед.ч. (но не местный падеж!), а “темнѣ березѣ” – местный падеж ед.ч.; “Днѣпръ” не может быть понят и как вин. пад. направления движения (в свое время указывал Н.К. Гудзий А.К. Югову [37: 104]).

В настоящем переводе принята правка “ростре” на “простре” – аорист глагола “прострети”. Этот глагол отмечен в “Слове”: “простре горячую свою лучю” и “прострашася половци”.

“Кусту” понято как вин. пад. существительного “куста”. В “Материалах...”: “За кидарь же, егда поведоша ѿ на распятіе възложиша тѣрнов вѣнецъ на главу его, се же есть мниху малыхъ власть куста. Кир. Тур. о черн. Чин. 112” [213, т. 1: 112]. Ср. “хуста” – плат: “А о тыхъ то речехъ жадного габаня не чинечи, вынявши одноѣ кривавоѣ мокроѣ хусты светоѣ костелное. Жал. Гр. 1388 г.” [213, т. 3: 1424]. “Куста” (хуста) – “кусок холста”, “ширинка”, “капище”, “платок”. Следует отметить образный параллелизм: Ростислав на “кусту” – Борис на “паполому” уложены.

“...плачется мати Ростиславля” – слова Автора, вводящие прямую речь – плач-причитание – характерное явление поэтики СПИ (плач Ярославны, плач русских жен). “Плакаться” означало не только “пролитие, горюя, слез”, но и “оплакивание умершего, сетуя”.

Перевод: «*“Коварное течение имея, пожрав чужие ручьи и потоки, распростерла на плат холщовый юношу – князю Ростиславу перекрyla Днепр”. На мрачном берегу плачется мать Ростислава: “По юноше, князю Ростиславу, уняли цветы от скорби, и дерево с печали к земле склонило”».*

19. “...на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ”.

Летописи сообщают, что Игорь и Лавр (Овлур) бежали в пятницу (“се же избавление створи господь в пяток и вечере”). Пятницы в июне 1185 г. приходились на 7, 14, 21, 28 числа. По расчету движения Кончака мы должны безусловно отбросить 7 июня; маловероятно и 14 июня.

Решающей в нашем выборе оказывается фраза в “Слове о полку Игореве”, давно обратившая на себя внимание исследователей: “Соловьи веселыми песнями свет поведают”.

Во время своего бегства Игорь слышал предрассветное пение соловьев. Как известно, по народной примете, соловьи поют до ...Петрова дня, т.е. до 29 июня. Следовательно, как наиболее вероятную начальную дату побега Игоря из половецкого плена на берегах Тора мы должны принять 21 июня

1185 г. ...” [136: 271]. “И по малых днех ускочи Игорь князь у Половец” (Лавр. лет.).

Кроме того, Ипатьевская летопись связывает побег Игоря с опасением, что Кончак может свести счеты с ним за неудачу похода на Русь. Поход на Русь был летом 1185 г.

Игорь бежит из мест, близких к тем, где разыгрались драматические события: бежал князь по левому берегу Тора. Он и его спутники скакали, пока не пали лошади. Потом пешком устремились к Донцу. За ночь бешеной скачки и 11 дней пути покрыли около 280 км (от Кривого Торца до города Донец), т.е. проходя примерно 20–25 км в день. Где-то у Донца беглецов пытались перехватить Гзак и Кончак, но Игорю удалось скрыться.

Перевод: “...по следу Игореву едут Гзак с Кончаком”.

20. “Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сороки нетрескоташа, по лозію ползоша толко. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдають”.

Перевод А.С. Орлова: “Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, по ветвям ползали, только дятлы стуком кажут путь к реке, да соловьи веселыми песнями возвещают рассвет”.

Перевод В.И. Стеллецкого:

Тогда вороны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползши стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Перевод А.К. Югова:

Тут вороны не граяли,
галки позамолкли,
сороки не трескотали, –
одни змеи ползали только!..
Дятлы стуком
Игорь-князю
путь к реке кажут!
Соловьи
радостною песнею
свет возвещают!..

В варианте 1970 г. читаем:

...сороки не трескотали, –
по ветвям ползали только!..

Перевод Д.С. Лихачева: “Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали (в противоположность помощи Игорю гоголей, чаек, чернядей – вороны, галки и сороки молчали), полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях деревьев в глубоких долинах степных рек) кажут путь к реке (Игорю) да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают”.

Разночтение возникает при переводе “полозію ползоша толко”. В приведенных переводах отражены три разные версии прочтения.

В прочтении А.С. Орлова и А.К. Югова (ред. 1970 г.) – “по лозію” (так в Екатерининском списке) означает “по ветвям”. “Лозіе” – собир. ветви, кустарник: “лозію” – дат. пад.

Переводы Д.С. Лихачева и А.К. Югова (ред. 1952 г.) отражают точку зрения Н.В. Шарлеманя: “полозіе” – полозые, змеи. Но образ ползающих змей прежде всего нарушает поэтическую целостность всей картины, так как в этом фрагменте речь идет только о птицах:

<u>вороны</u>	_____	не каркали
<u>воронье</u>	_____	примолкло
<u>сороки</u>	_____	не трещали
?	_____	ползали
<u>дятлы</u>	_____	стучат
<u>соловьѣ</u>	_____	поют

Конъектура Н.В. Шарлеманя предполагает исправление текста: “полозію” – “полозіе”. Кроме того, нет оснований предполагать, что древнерусское “полозь” тождественно по значению современному “полоз” – пресмыкающееся, змея. Слово “полозь”, судя по поздним примерам, употреблялось обычно в сочетании со словом “змий” и означало каких-то громадных змей: “Страбо м/у/дрецъ приравниваетъ Европу к дракону: сии речь змию полозу. Орб. Тер. 8 (1685 г.)” [212, вып. 4: 144]. Ср. у Даля: “Полоз – огромный из змей, Воа constrictor, удав, тропическая” [206, т. 3: 260].

Прочтение, предложенное Вс.Ф. Миллером и поддержанное И.А. Новиковым и В.И. Стеллецким: “полозіе” – поползни (Sitta), птицы из семейства поползневых, отряд воробьиных. Поползни действительно ползают по деревьям и из пернатых являются лучшими лазунами. Но в древнерусских и старорусских текстах нет упоминания о поползнях птицах. И это прочтение предполагает исправление “полозію” на “полозіе”.

А ведь Вс.Ф. Миллер вплотную подошел к правильному прочтению: “Ползунами вообще называется семья дятлов, иначе лазуны” [105: 246]. Нужно было сделать последний шаг: воздержаться от правки текста и усомниться в безупречности разбивки на синтаксические структуры Мусина-Пушкина: “...по лозію ползоша только дятлове – тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ...” – одно предложение. Подлежащее “дятлове” (им. пад. мн. ч.); сказуемое – “ползоша” (3-е лицо мн.ч. аориста); второе сказуемое – “кажутъ” (3-е лицо мн. ч. наст. вр.). Текст читается без правки. Автор обнаруживает удивительно точное знание повадок лесных обитателей: а) дятлы, прекрасные лазуны, осматривают не только стволы деревьев, но и боковые ветви, и кустарники; б) дятлы весьма своеобразно ведут себя: при приближении человека продолжают свое дело, словно не замечая пришельца (остальные птицы обычно улетают или замирают). “...Во всех случаях они (т.е. дятлы. – Ю.П.) предпочитают лезть по стволу дерева, пользуясь крыльями лишь для перелета на соседнее дерево. Даже тогда, когда птице грозит опасность, она не спешит улететь. Заметив ... приближение человека, дятел как бы преднамеренно, ничем не выдавая того, что заметил опасность, переползает, продолжая что-то искать в неровностях коры, на противоположную сторону ствола ... лишь изредка выглядывает из-за него, как бы невзначай наблюдая за человеком” [54: 443].

Перевод: “Тогда вороны не каркали, воронье примолкло, сороки не трещали. По ветвям ползали только дятлы – стуком путь к реке указывают. Соловьѣ веселыми песнями рассвет возвещают”.

21. “Аже соколь къ гнѣзду летит...”

За аллегорией проступают реальные события: возвращение Владимира Игоревича с Кончаковной в 1187 г.: “...приде Володимеръ из Половецъ съ Кончаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему и венча ею съ дѣтятемь”. Этот факт следует учитывать при определении времени написания “Слова о полку Игореве” (см. поясн. VII.13).

Перевод: “*Если сокол к гнезду летит...*”

Седьмая композиционная структура

1. Седьмая композиционная структура, заключающая поэму, рассказывает о возвращении князя Игоря на Русскую землю.

Есть некоторые основания предполагать, что мы имеем в копии не все последние страницы авторского текста. Многие исследователи пришли к выводу, что основная сюжетная линия не имеет четкого завершения. Финал плохо соотносится с очень фрагментарным эпизодом возвращения Игоря и логически не вытекает ни из последней структуры, ни из всей композиции в целом. Существует точка зрения, что финал поэмы вообще не мог быть написан Автором, что это приписка переписчика XVI в. Так, О. Сулейменов считает, что не мог Автор, осудив Игоря, в конце пропеть славу, что финал разрушает “конструкцию поэмы” [152: 130].

С.К. Шамбинаго писал: «...текст этой части носит явные следы порчи. Если само “Слово” до сих пор содержит несколько неясных выражений, чтение которых восстанавливается лишь гадательно, то заключение особенно туманно. Сразу нарушается присущая всему памятнику стройность: фразы следуют друг за другом без всякой логической связи. Начальная фраза заключения (о Бояне) до сих пор не нашла себе устойчивого толкования. Обращение к князьям и дружине, “поборающим за христиан на полки поганых”, – определенная тенденция поздней воинской повести, которую еще более подчеркивает традиционный, но не идущий к “Слову” заключительный “аминь”. Несомненно, по всему заключению прошла рука позднейшего редактора-переписчика, сделавшего неумолимое сокращение и исказившего текст» [180: 192].

Обратим внимание, что предыдущая, шестая, композиционная структура, самая поэтическая и высокохудожественная, словно не обязательна. Она вне общего авторского замысла – призыва к единению. До сих пор Автор был так последовательно целенаправлен, что обращение к судьбе им же осужденного героя кажется началом новой темы. Тем более что переход очень резок: от обращения к князьям и рассказа об Изяславе к плачу Ярославны, который не может не вызвать сочувствия к Игорю.

Логика неумолимо должна подвести к выводу, что *Автор не сводит счёты с Игорем, а сводит счёты с тем, в чем виновен не только Игорь, но и все князья, в том числе и те, к кому обращается Автор, – с усобицей, с раздором, с рознью.*

Для блага Русской земли нужны усилия всех ее воинов. И нужен неистовый Игорь, но осознавший свою вину перед Родиной.

Нет, не потому Автор с трепетом следит за побегом Игоря, что он, Игорь, невинно пострадал, а потому, что ему *важно привести Игоря к идее единения, к Киеву*.

В стройном здании поэмы явно не хватает фрагмента. Но столь стройно все здание, так ясен авторский замысел, что недостающее звено легко угадывается.

В седьмой структуре ожидается: на радость Русской земле возвращается Игорь, ибо он осознал свой грех. Отныне не честолюбие и не удельные интересы будут побуждать его к действию, а интересы Русской земли. Игорь принял идею Киева. И ему, и его сподвижникам, вставшим за землю Русскую, как и всем русским воинам, защитникам Родины, будет пропета слава.

И оказывается, что все, о чем повествует Автор в шестой композиционной структуре, чрезвычайно важно. Вспомним, что рассказ о побеге Игоря начинается словами о том, что “Игореви князю бог путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу”. Это может быть понято и как “к Святославу”, “киевскому столу”, т.е. начиная побег, Игорь уже знал, что путь его теперь лежит к Киеву. В седьмой композиционной структуре будет: “до Києва Игорь ѣдетъ по Боричеву”. В Киеве Игорь идет к Пирогощей. Зачем? Почему Автор, опустив многие события, вводит эпизод посещения Игорем Успенской Пирогощей церкви? Был поход, предпринятый вопреки разуму и знамению, было поражение, плен, побег. Почему теперь Пирогощая – одна из главных святынь христианской Руси? В церкви дают отчет о содеянном, каются; и, если кающийся осознал свое преступление, получают искупление. Так мы вновь подходим к мысли, что в финале должно быть *осознание Игорем своей вины*. И это должно быть не в Чернигове, не в Новгороде, а в Киеве – символе единения Русской земли. Фраза о том, что Игорь едет к Пирогощей, не проходная. Начиналось повествование об Игоре тем, что он поехал по чистому полю, заканчивается – едет по Боричеву. События начинались монологом Игоря, сжигаемого честолюбием и завистью к успехам великого князя. Заканчивается... Отсутствие заключительного фрагмента в “каноническом” тексте слишком очевидно.

Стоит представить себе в финале монолог Игоря с осуждением своей авантюры – и все становится понятным: и возникшие вдруг симпатии Автора к Игорю, и обращение к личным переживаниям героя. Без этого завершающего монолога не только не обязательно повествование о бегстве Игоря, но и неожиданна финальная слава. Монолог Игоря, несомненно, был, и древняя литература донесла его, пусть неточно, может быть, текст его и подвергся редактуре, но он передает нам авторский замысел. Я имею в виду загадочный фрагмент Ипатьевской летописи: “Рече бо дѣи Игорь...”.

В летописях Галицко-Волынской и Ипатьевской в некоторых местах ощущается редакционная правка опытной и талантливой руки. Иногда эта правка принимает характер вставок, несколько чужеродных основному тексту, или реминисценций. На это обратили внимание Вс. Миллер, Ив. Новиков, Б.А. Рыбаков. Два наиболее цельных вставочных фрагмента – это “Сказание о Сырчане и Отраке” (этот фрагмент, помеченный 1201 г., начинает Галицкую летопись и по своему стилю столь разнится от остального текста, что всеми исследователями определен как явная поэтическая вставка) и второй фрагмент – монолог Игоря в Ипатьевской летописи.

Монолог Игоря в летописи столь чужероден, что понадобилась нелепая связка, причем с употреблением лексики СПИ, чтобы увязать его с основным летописным повествованием. Так, после рассказа о последних событиях сражения Всеволода с половцами идет сентенция: “И тако во дне святого воскресения наведе на ны господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю на рѣцѣ Каяле” А далее идут прекрасные поэтические строки исповеди Игоря. Смысл их – осуждение себя за усобицы. Игорь раскаивается, что и сейчас, и прежде он руководствовался только удельными интересами. Поражение Игорь расценивает как возмездие. Но удивляет то, что этот великолепный монолог Игорь весьма некстати приносит на поле битвы в самый напряженный момент боя. В лаконичном рассказе летописи о сражении монолог совершенно неуместен. Он явно привнесен из иного по жанру произведения. Точный экспрессивный язык, ритмический строй и некоторые лексические совпадения приводят к мысли о взаимосвязи фрагмента Ипатьевской летописи с поэмой об Игоре.

На стилистическую близость “Слова” и монолога из Ипатьевской летописи обратил внимание Б.А. Рыбаков: «Когда мы читаем эти поэтические дополнения (речь идет о вставках в Ипатьевскую летопись), нам начинает казаться, что автор сознательно подражал “Слову о полку Игореве”» [136: 10].

Б.А. Рыбаков пришел к мысли, что некий галичанин Тимофей, привлеченный к редактированию летописи, внес многие добавления, отличные от остального текста по стилю и даже по политической тенденции, в том числе и монолог Игоря.

В книге «Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”» Б.А. Рыбаков тщательно исследовал обширный летописный фонд, исходя из мысли, что талантливый Автор “Слова” едва ли мог быть создателем только одного произведения. Исследователь делает вывод, что имя Автора следует искать среди современников, участвовавших в составлении летописного свода. Анализируя творчество всех книжников XII в., Б.А. Рыбаков останавливает свое внимание на двух именах: галичанине Тимофее и киевском боярине Петре Бориславиче (предпочтение отдано Петру Бориславичу).

«У Тимофея (для удобства буду пользоваться этим условным именем) наиболее поэтическим местом является покаянная молитва Игоря, искусственно вставленная в описание разгрома войск у Сюурлия 12 мая 1185 г. Достаточно вспомнить только начало вставки, чтобы сделать два важных для нашей темы вывода:

И тако во день святаго воскресения
наведе на ня господь гнѣвъ свой
и радости места наведе на ны плачь
и во веселье место – желю на реце Каяле...

Во-первых, летописец выступает здесь в роли церковного проповедника, красноречие которого поставлено на службу провиденциализму, что абсолютно не свойственно автору “Слова”, а во-вторых, на этой поэтической вставке явно ощущается прямое воздействие “Слова о полку Игореве”: только здесь употреблено народное, необычное для летописания слово “желю”, известное нам по поэме, и, кроме того, река Сюурлий названа в этой вставке “Каялой”, как в поэме. Вероятно, следует оставить в силе предполо-

жение о том, что вся повесть о походе Игоря и событиях 1185 г. составлялась на основе двух киевских летописных источников 1189–1190 гг., когда “Слово полку Игореве” уже существовало и воздействовало на современников. Конечно, можно допустить и другое: Галичанин Тимофей сначала написал по следам событий в 1185 г. “Слово о полку Игореве”, а затем около 1190 г., участвуя в составлении нового летописного свода, написал “Повесть о 1185 г.”, где цитировал самого себя”. Б.А. Рыбаков приходит к выводу: “Летописец Тимофей не мог быть автором поэмы, но, по всей вероятности, знал ее и даже пытался подражать ей, хотя дух церковных сентенций резко отличается от духа поэмы с ее свободой мысли, отсутствием церковной фразеологии и широким применением языческой символики” [137: 502–503].

Но о подражании ли идет здесь речь? Подражание содержит в себе нечто внешнее. О подражании можно скорее говорить, сопоставляя “Слово” и “Задонщину”. Здесь же речь идет о стилистической общности.

Предположение, что Автору может принадлежать некий период в тексте летописного свода, т.е. что Поэт подвизался и в роли Летописца, может быть подтверждено или опровергнуто только при сравнительном лингвоанализе, что естественно предполагает наличие сравнительно правильного прочтения “Слова” и наличие анализа текста памятника. При других условиях предположение становится постулатом, который позволяет легко прийти к логическому выводу, что Галичанин не мог быть Автором “Слова”: в этом убеждает простейшее сопоставление текстов. Это относится ко всем текстам, приписываемым Галичанину, кроме монолога-исповеди Игоря. Здесь не только стилистическая близость, но и аналогичная ритмическая организация текста.

Б.А. Рыбаков, конечно, не мог не обратить внимания на это, но объяснил близость тем, что Галичанин стремился подражать Автору “Слова”. Но во всей повести о походе Игоря в Ипатьевской летописи, если исключить монолог, Галичанин ни одной фразой не сумел подняться до подражания тому источнику, из которого он, по мнению Б.А. Рыбакова, черпал и сведения, и вдохновение. Более того, связки-сентенции, соединяющие монолог с текстом повести, несмотря на использование лексики “Слова”, удивляют и неточностью, и несовершенством.

Отметим и то, что летописная повесть о походе Игоря не только отличается по стилю, но и дает несколько отличное от “Слова” изложение событий и их оценку. Иными словами, текст повести писался независимо от “Слова”, и только потом редактором был внесен фрагмент из иного произведения.

Был ли редактором Галичанин или некто иной, но это ему принадлежит неумелая связка, по поводу которой Б.А. Рыбаков сделал замечание, что она свидетельствует о склонности к церковному проповедничеству, и не ему принадлежит монолог Игоря.

Но так же как Галичанин не может быть Автором “Слова”, так и боярин Петр Бориславич весьма сомнительная кандидатура в Великие Поэты: почти все то, что может быть приписано Петру Бориславичу, резко отличается по своей поэтической природе – можно говорить о некоторой лексической общности, но не о стилистическом единстве. При этом условии и соотношении взглядов Петра Бориславича и Автора не может служить решающим аргументом. Тем более что выводы о взглядах Автора строятся, к сожалению,

нию, на весьма несовершенных переводах и комментариях к ним. Это относится, в частности, к суждению, что Автор СПИ отдал предпочтение языческому началу: «Автор “Слова о полку Игореве” был повинен перед церковью не в философии и не в цитировании афоризмов Аристотеля, а в тяжком грехе воскрешения своих русских языческих богов, против которых почти два столетия боролась церковь. Стрибог и Сворог, Дажьбог (Дажьбог) и Велес в его поэме оказывались на таком почетном месте, что совершенно заслонили незначительные элементы христианства» [137: 397].

Летописи, как известно, не представляют собой нечто цельное. В них включались и фрагменты из военных повестей, сказаний, но все это подчинялось общему плану повествования, композиционно увязывалось. Только благодаря летописям до нас дошли многие литературные фрагменты. Сами же летописи, строго говоря, не литературные, а исторические сочинения. Введение в ткань исторической летописи литературного фрагмента не представляет собой явления исключительного. Когда летописец излагал события Игоревой эпопеи, все, о чем рассказывал Автор “Слова”, он мог передать лаконичным языком своего жанра. Все, но не монолог. Монологическая речь характеризуется развернутостью, наличием распространенных конструкций, специфическим оформлением их. Ср., в Лаврентьевской летописи нет монолога Игоря, там идет сентенция религиозного характера, обычное явление в летописи. Летописцу Ипатьевской летописи захотелось передать потрясенность Игоря. Выход мог быть только один: внести монолог из поэтического произведения. И он изыскивает ему подходящее, по его мнению, место в повествовании.

Откуда же заимствовал редактор летописи монолог Игоря? Рассказ о событиях 1185 г. в Ипатьевской летописи писался в 1189–1190 гг. Создание “Слова о полку Игореве” можно доказательно датировать 1987 г. (см. поясн. VII.13). Следовательно, ясно определяется ситуация: “Слово о полку Игореве” было создано ранее летописной повести о походе 1185 г.

Если утверждать, что монолог Игоря не является заимствованным из “Слова”, то должно допустить невероятное: в 1189 г. существовало еще одно произведение о походе Игоря Святославича, не уступающее по художественной выразительности “Слову”, ибо резкое стилистическое различие всей летописной повести о походе Игоря и монолога не допускает возможность версии, по которой сам Автор принимал участие в составлении летописного свода и цитировал себя. Причины отсутствия монолога Игоря в тексте СПИ списка XVI в. могли быть не столь уж невинными. Можно, конечно, предполагать простую утрату листов, но более вероятно сознательное опущение всего фрагмента переписчиком XVI в. Молитва Игоря должна была его ужаснуть. Русский христианский князь Игорь кается в ужасных преступлениях, совершенных им на Русской земле. В период усиления государственной власти, которая воспринималась как Богом данная, в период правления Ивана Грозного рассказ о княжеском произволе производил впечатление неприкрытой крамолы. По мысли же переписчика, опущение монолога не должно было нанести урон поэме. Та функция, которая была возложена редактором летописи на монолог Игоря в “Повести 1185 г.”, гарантировала его сохранность. В контексте Ипатьевской летописи, где Игорь осуждается, хотя и мягче, чем в Лаврентьевской, но более определенно, чем в СПИ, внесенный редактором монолог может быть понят только как стремление при-

мирить читателя с Игорем Святославичем, снять недобрые чувства к виновнику страшных бедствий, а “связки” перед и после монолога выполняют еще функцию религиозной тенденциозности.

Иное значение приобретает этот же монолог (без связок редактора) в контексте “Слова”: он акцентирует не столько то, что Игорь раскаивается, сколько то, в чем он раскаивается. Князь Новгород-Северской земли осознает, что много зла сотворил на Русской земле, и осуждает себя за это – за разбой в усобных войнах, за усобицу. Возникает связь между тем, что мы знаем об Олеге Тмутороканском и Всеславе Полоцком и их судьбе, и судьбой Игоря Святославича. Крамолы, рознь несут гибель. Наступает рано или поздно возмездие, оно неотвратимо. Для Автора это, понятно, Божье возмездие: “ни хитру, ни горазду...” “суда божіа не минути...”. Эта мысль подкреплена авторитетом Бояна. *И если это положение выдвинуто, оно должно быть доказано всей логикой повествования, оно должно иметь утверждение в финале.*

Исповедь Игоря в контексте СПИ не является показателем повышенной религиозности Автора и самого князя – это суть единственная возможная форма самоосуждения и единственное художественное средство для Автора.

Отметим, что монолог как способ организации речи – характернейшая особенность “Слова”. Монолог служит “нервом”, центром в композиционном решении почти каждой частной темы, подчиненной идее повествования. Можно сказать, что каждая такая тема в “Слове” обязательно приводит к монологу.

Есть и еще одно косвенное доказательство наличия в тексте XII в. монолога Игоря – композиция “Задонщины”. Автор “Задонщины”, как известно, следовал литературному образцу (насколько это позволяло) – “Слову о полку Игореве”. Заканчивает автор “Задонщины” повествование речью Дмитрия Ивановича, причем речью покаянной, хотя каяться Дмитрию Ивановичу не в чем: “Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем”. Есть основания думать, что автор “Задонщины” имел полный текст, где был монолог Игоря.

К аналогичным выводам пришел и О. Сулейменов, но он полагает, что Автор “Слова” заканчивал поэму не здравицей Игорю, а его монологом-исповедью. С этим согласиться невозможно, и не только потому, что в “Слове” здравица так и не пропета Автором. Главное же, закончить покаянной молитвой Автор не мог по той причине, что ему нужен в поэме *Игорь, вставший на защиту Родины, нужен воин, защищающий Русскую землю, а не промышлявший легкой поживой в степи удельный князек, представленный в финале как кающийся грешник.*

Учитывая все это, следует считать, что седьмая композиционная структура состоит из песен:

- а) Припоминание о высказываниях Бояна в адрес Игоря Рюриковича – любимца Когана Олега;
- б) Рассказ о поездке Игоря в Киев;
- в) Покаянный монолог Игоря, князя Новгород-Северской земли, с осуждением усобиц (текст монолога в “каноническом” тексте “Слова” отсутствует);
- г) Заключение.

2. В “Слове” имя Бояна упомянуто 7 раз. Во вступлении Автор информировал аудиторию, что он будет рассказывать о походе в глубь половецких степей, предпринятом Игорем Святославичем, по былям и противопоставил свою поэму “замышлениям” Бояновым.

Но, отстаивая право на творческую самостоятельность и иной взгляд на события, Автор, однако, отдает должное и авторитету Бояна, и его мудрости и умению. Но у Автора проскальзывает любопытная мысль: если бы Боян был в этом злополучном походе, он, вероятно, не ограничился бы только “славой” князьям. Вероятно, были известны случаи, когда Боян говорил великим и слова укоризны, хотя обычно он был певцом, прославлявшим воинские подвиги князей.

Возможно ли на основании чрезвычайно скурых сведений высказать обоснованное предположение, кто же был этим прославленным певцом?

Прежде всего суммируем все сведения, дошедшие до нас. В “Слове о полку Игореве”:

Боян воспел Ярослава Мудрого, Мстислава Храброго и Романа Красивого (см. поясн. I. 11–12);

Боян был исполнителем своих песен и музыкантом (см. поясн. I.11);

Боян пел о воинских подвигах (см. пясн. I.4,5,7);

Боян пел о событиях первых усобиц (см. поясн. I.10);

Боян – певец старого времени Ярослава (см. поясн. VII.3);

Боян сложил песню для Святослава (см. поясн. VII.3);

Боян обращался к седой старине и рассказывал предания об Игоре Рюриковиче (см. поясн. VII.3);

для песен Бояна характерны афористичность и поэтическая образная метафора (см. поясн. I.7, 23–26; V.19).

Имя Бояна, музыканта и певца, упоминает и “Задонщина”. Текст “Задонщины” дошел до нас в нескольких списках, существенно различающихся друг от друга. Здесь речь идет уже о разных редакциях (или вариантах), а не о простых искажениях текста.

В одном из списков “Задонщины” (список ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (К-Б)) дважды упомянут Боян: “Первѣ всѣхъ вшедѣ восхвалимъ вѣщаго го Бояна в городѣ Киевѣ гораздо гудца. Тои бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живая струны, почаше славу русскимъ кн(я)земь: первому кн(я)зю Рюрику, Игорю Рюрикович(ю) и С(вя)тославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю...” (л. 122 об.). Автор “Задонщины” не просто повторяет Автора “Слова”, упоминая Бояна. Он (автор “Задонщины”) уточняет: Боян – музыкант города Киева, он пел славу первому князю Рюрику (этого нет в СПИ!). Сведения, что он пел Ярославу Владимировичу и Святославу Ярославичу, совпадают со сведениями о Бояне в “Слове”.

Список ГБЛ (собр. Ундольского № 632 (У)), повторяя обращение к Бояну, не называет его по имени: “Похвалим вещанного боярина, гораздо гудца в Киеве. Тот боярин воскладаше горазная свои персты на живая струны, пояша руским кн(язем) славу: первому кн(я)зю киевскому Игорю Бяриковичу, и великому кн(я)зю Владимиру Всеславъличю Киевскому, и великому кн(я)зю Ярославу Володимеровичю” (л. 172 об.). Боян, настойчиво утверждает в этом варианте, – *боярин*, музыкант, певший об Игоре Рюрикови-

че (ошибочно Бяриковиче), Владимире Святославиче (ошибочно Всеславльичю) и Ярославе Владимировиче.

Редактор списка ГИМ (собр. Музейское № 2060 (И-1)) также не считал нужным назвать имя Бояна, но упомянул его дела: "...и помянем первых лѣтъ времена, и похвалим вѣща боинаго гораздого гудца в Киевѣ. Тот боюн воскладаше гораздыя свои персты на живыя струны и пояше кн(я)земъ рускимъ сл(а)вы: первую славу великому кн(я)зю Киевскому Игорю Рюриковичю), 2 – великому кн(я)зю Владимиру С(вя)тославичю) Киевскому, третью – великому кн(я)зю Ярославу Володимировичю" (л. 216 об.). Эта редакция подчеркивает, что Боян – киевлянин, сказитель (баюн) и музыкант.

Список ГИМ (собр. Синодальное № 790 (С)) упоминает искусного певца: "...помянем первых лет времена похвал вещаго горазда гудца. Тот бо деи похвалы вещи буиньи накладаетъ свои белыя руцы на золотыи струны, пояше руским князям похвалу: первому князю рускому на земле Киевской Рюрику, великому князю Володимеру Святославичу, и великому князю Ерославу Володимировичу" (л. 37 об.). В этой редакции назван среди тех князей, о которых пел Боян, и *Рюрик*.

"Слово" и "Задонщина" (список К-Б) согласно утверждают, что Боян пел о (или для) Святослава Ярославича. Это последний временной предел (Святослав Ярославич умер в 1076 г.). Столь же согласно эти два основных источника утверждают, что Боян был певцом Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.) (списки У, И-1, К-Б, С). Следует предположить, что Боян в последний период жил в Киеве. И действительно, "Задонщина" уверенно называет его киевским боярином и музыкантом. Но, судя по тому, что Боян воспевал Романа и Мстислава, он как-то был связан ранее с ними, следовательно, в его биографии должен быть и эпизод пребывания в далеком Тмуторокане. Судя по фрагментам в "Слове", в которых даются песни Бояна, его творчество касалось злободневных вопросов, но он не стремился передать факты истории со всеми подробностями, они скорее были для него поводом для назидательных и морализирующих поучений. Здесь угадывается большой жизненный опыт певца и уверенность, что к его авторитетному голосу должны прислушаться. Трудно предположить, что столь яркое явление, как Боян, не было в поле внимания русских летописцев. Да еще если учитывать, что жил он не в отдаленные времена, а в период широкого распространения просвещения, во время Ярослава Мудрого. Как могло случиться, что еще в XV в., кто такой Боян, было известно образованным людям, а летописи XI, XII, XIII вв. о нем хранят заговор молчания. Молчит даже летописец Святослава, хотя Боян был его певцом и боярином. Остается предположить, что *возникла та же ситуация, как если бы мы искали Осмомысла или род Шестокрыльцев в русских летописях.*

Отметим, что *Боян назван только в поэтических текстах так же, как и наименование реки – "Каяла"* (причем, в тех же текстах!).

Что, собственно, означает "Боян"? Имя? Прозвище? Или боян означает певца вообще, т.е. не есть имя собственное? Если это прозвище, то есть название, данное человеку по какой-то характерной его черте, свойству, то какое еще имя носил он?

Судя по времени и обстоятельствам, *этот человек должен быть христианином и иметь имя, данное при крещении.* Какое в таком случае реальное историческое лицо имел Автор в виду?

Это историческое лицо должно было в какой-то период своей жизни быть связано с Тмутороканью. Это лицо должно было быть сказителем и киевским боярином. Он, этот боярин и сказитель, должен был прожить довольно длинную жизнь – жить и при Ярославе, и при Святославе. Он должен был быть создателем сказаний или песен для Святослава, он должен быть очень авторитетным лицом, пользоваться большим уважением. Этот боярин должен был неоднократно менять политическую ориентацию в войнах первых усобиц, но во время Святослава прийти к осуждению междоусобной розни (об этом свидетельствуют заключения из песни Бояна, приведенные Автором в конце “Слова о полку Игореве”).

В истории Киевской Руси есть лицо, которое отвечает всем этим условиям, – Ян Вышатич. “Ян был сыном Вышаты; Вышата, как это отмечено в Повести временных лет под 1064 г., был сыном новгородского посадника Остромира, с именем которого связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности – знаменитое Остромирово евангелие 1056–1057 гг. ...” [80: 14–15].

Со слов Яна Вышаты и его отца в киевской летописи сделаны записи многих событий. Некоторые рассказы Яна имеют отношение к событиям, свидетелем которых он был, другие – предания, рассказы о былом.

Судьбы и Яна, и его отца сложились так, что они были вовлечены в бурные события XI в. Вышата, приближенный Ярослава, примкнул в 1064 г. к обиженному Ростиславу Владимировичу и бежал с ним в Тмуторокань. Но Ростислав через два года был отравлен, и дальнейшая судьба Вышаты (и его сына Яна) была связана с Черниговом. Когда в 1073 г. Святослав Ярославич черниговский изгоняет Изяслава Ярославича из Киева и становится великим князем, объявляется в Киеве и Ян. Уже в 1071 г. Ян пользовался большим доверием у Святослава (так, он умиряет смуту волхвов в Белозерье). При Всеволоде (последнем Ярославиче) Ян достиг высокого поста тысяцкого. Но Всеволод не всегда считался со старейшими, часто опирался на молодую дружину, что вызывало недовольство Яна. А Святополк и вовсе не считался с советами Яна. Так, не внял Святополк совету Яна, убеждавшего великого князя, что не следует обострять отношения с половцами, ибо Киев не обладает должной военной мощью. Не послушался советов Яна и Мономах Святополк и в предпринятом походе против половцев в 1093 г.: вопреки Яну войска перешли через Стугну, и разлившаяся в половодье река оказалась могилой русских воинов. Здесь-то и погиб молодой князь Ростислав (см. по-ясн. VI.18). Умер Ян в 1106 г., на девяностом году жизни.

И вот от имени могущественного и богатого боярина-рассказчика Яна к певцу Бояну тянется тоненькая ниточка – запись (граффито) Киевской Софии. На стене собора Святой Софии в Киеве С.А. Высоцким была открыта надпись, в которой сообщается о покупке земли Бояновой княгиней Всеволодовой в присутствии поименованных свидетелей (“послухов”). За землю дано 700 гривен – деньги очень значительные.

С.А. Высоцкий считает, что надпись на стене относится ко второй половине XII в. [26: 60–61]. Но Б.А. Рыбаков уверенно отнес надпись к более раннему периоду. Во-первых, по мнению Б.А. Рыбакова, на это указывает начертание букв “Ж” и “Ч”, а буквы “Б” и “Е” приближают надпись к началу XII в. Во-вторых, граффито уведомляет о покупке земли женой Всеволода Ярославича, “умершей 7 октября 1111 г. В пользу этой даты (конец XI – на-

чало XII в.) говорит и состав послухов. Между перечнем попов и бояр (три последних имени с отчеством) указаны два послуха с необычными определениями по женским именам: Михаил Елисавиничъ и Иван Янъчин. Елисава – порфиноносная вдова, мать Святополка Изяславича, умерла 4 января 1107 г., а Янка – дочь Всеволода Ярославича, основательница Янчина монастыря, скончалась 3 ноября 1112 г. Оба выделенных послуха ... были, очевидно, духовниками княгини Елисавы и княжны Янки, а так как со смертью их “духовных дочерей” их функции кончались, то и наименование этих попов по Елисаве и Янке ограничено датой 1107–1112 гг. Самостоятельные действия Всеволожей княгини естественнее отнести ко времени после смерти самого великого князя и, таким образом, датировать купчую запись о Бояновой земле 1093–1107 гг. ...” [137: 415–416].

Как можно понять, граффито Киевской Софии сообщает о продаже земель Бояна по той причине, что это была очень крупная финансовая операция. Шли с торгов земли, представлявшие очень большую ценность. По расчету Б.А. Рыбакова, стоимость земель Бояна соотносится со стоимостью семи городков.

Некто, названный Бояном, был очень богатой и значительной персоной. О кончине столь значительного лица следовало бы ожидать упоминания в летописи. Но летописи о смерти богатого и влиятельного Бояна хранят странное молчание. Но вот что интересно: в “Повести временных лет” под 1206 г. есть сообщение о смерти боярина, человека преклонного возраста, всеми уважаемого, очень богатого, в прошлом советника Святослава, сказчика-сказителя, со слов которого летописец Никон очень много записал и о событиях настоящего, и о далеком прошлом, только имя умершего не Боян, а Ян. К мысли о том, что Бояновы земли – это явно земли Яна, что Боян и Ян – одно и то же лицо, приводит и соотнесение дат времени торгов и смерти Яна, и тождественность биографических данных. Объяснимо, и почему имущество Яна-Бояна шло с торгов. О прямых наследниках его ничего не известно, жена же умерла еще в 1091 г. Земля Яна продавалась как выморочная.

Мысль о том, что Боян – это Ян Вышатич, была высказана еще в прошлом веке, когда о граффито Софии Киевской еще ничего не было известно.

А.Ф. Вельтман [20] опубликовал небольшую заметку: «Упоминаемый бо Ян в “Слове о полку Игореве” есть старец Ян, упоминаемый Нестером». А.Ф. Вельтман предполагал, что переписчик “Слова” слил частицу “бо” с собственным именем. Но на это последовало возражение: в тексте СПИ есть случай, когда “бо” стоит после слова “Боян”. Здесь уже речь не может идти об описке.

Мысль о том, что Ян и Боян – одно и то же лицо, была высказана и советским исследователем Л.В. Черепниным [170: 328–329]. А много ранее Л.В. Черепнина И. Безсонов высказал мнение, что Боян – собственное имя Яна плюс «эпический эпитет “бай”». “Бай-Ян” не кто другой, как Ян Вышатич – именитый боярин, смысленый воевода и просвещенный муж своего века...» [8: 78]. Свою мысль И. Безсонов подкрепляет сравнительным анализом тех отрывков летописей, где записано предположительно рассказанное Яном.

Но, вероятнее всего, “Боянъ” образовалось от народного “бай” – “говоруна”, “сказитель” + “Ян”. Ср. у Даля: “Бай, байщик, м. байла об., байщица,

бáялка ж., бáюно м., прм. бюкѡн твр., баюня ж., баюня об., говорун, розскащик, красной [206, т. 1: 39]. Ср.: “Байка – повѣсть, или повѣстей сказитель. Алф., 33, XVII в.” [210, вып. 1: 66].

Отнюдь не простой опиской представляется фраза о Бояне в одном из списков “Задонщины”: “Тот Боюн воскладаше гораздыя своя персты на живыа струны и пояше кн(я)земъ рускимъ сл(а)вы...” (Список ГИМ, собр. Музейское № 2060 (И-1). Л. 215 об.).

Итак, поэт-сказитель Ян Вышатич создавал песни, рассказывал истории, свидетелем которых он был, и те, которые слышал от отца. Летописец уже в своем изложении вносил истории, рассказанные Яном, в летописи. В “Повести временных лет” под 1106 г. летописец (вероятно, Нестор) подтвердит это: “От него же и азъ многа словеса слышах, еже вписах в лѣто писаньи семь, от него же слышах”.

Боян был потомком просвещенного новгородского боярина Остромира, а не не существовавшего никогда бога Велеса, как дано в переводах. Не бродячий пастух-гуслиар, не певец языческих времен, а киевский боярин, что был с почетом погребен “въ Печерском монастыре, а при творѣ, иде же лежит тело его, положено мѣсяца иуны въ 24 (в лѣто 6614)”. *Никогда Боян не прославлял языческое прошлое, а “живѣ по закону божью не хужии бѣ первыхъ праведник”, хотя до самых преклонных лет был воином.*

В новом свете предстает утверждение Автора, что он будет петь по былям, а не по творениям Бояна. *Это не только утверждение своей независимой творческой позиции по отношению к Бояну, но и по отношению к практике того времени.* Нестор не скрывал того, что многие его истории записаны со слов боюна Яна. *В отличие от летописца Нестора, Автор рассказывает о виденном не со слов сказителей.*

Абсолютно беспочвенными представляются (с учетом всего изложенного) все рассуждения по поводу того, что творчество Бояна – это явление первого периода древнерусской литературы, для которого характерны подражания скандинавской поэзии скальдов и языческое мировоззрение, обогащенное затем византийскими образцами [134: 7–59; 185: 14–23]. *Испытывая, вероятно, влияние и иных культур, древнерусская поэзия рождалась, однако, из родника народного, фольклорного начала, от него брала образность языка и сравнений, а умению передать ход событий учились у летописей.*

3–5. «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти: “Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы”, – Рускои земли безъ Игоря».

В первом переводе: «Сказал Боян сие, и о походах, воспетых им в прежние времена князей Святослава, Ярослава и Олега сим кончил: “Тяжело быть голове без плеч; худо и телу без головы: а Русской земле без Игоря”».

В переводе Ив.Новикова:

Молвил так Боян,
Песнотворец давнего времени,
Княжьего –
Ярославова, Олегова:

“Хоть и тяжко тебе,
Голова, без плеч,
Но и зло же телу, тебе,
Без головы” –
Русской земле
Без Игоря!

Все существующие переводы – попытка прояснить смысл путаной фразы: “Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти...”.

А.С. Орлов предложил такое прочтение: “Сказал Боян и конец для (меня) песнотворца Святославова, песнотворец Ярославова старого времени, Олега княжеского...”

Н.К. Гудзий ограничился словами: “Сказал Боян...”, а далее дает пояснение: “В первопечатном тексте и Екатерининской копии мы здесь имеем очень испорченное, не поддающееся убедительному осмыслению место”.

У Д.С. Лихачева: «Сказал Боян и Ходына – песнотворцы Святославо-вы (Святослава Ярославича) старого времени Ярослава, Олега-князя (Олега Святославича – “гориславича”) любимцы...». В пояснении Д.С. Лихачев пишет: “Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять прочтение “ходы на” как “Ходына” и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в “хоти” видеть двойственное число от “хоть” – “любимец”.

Так появился на свет неведомый певец Ходын(а). Собственно, “Ходына” был изобретен И. Забелиным в 1894 г. В “Археологических известиях и заметках” [56: 297–301] была опубликована статья, где автор высказал предположение, что в рассматриваемом фрагменте речь идет о двух лицах, так как далее идет двойственное число – “пѣснотворца”.

М.В. Щепкиной предложена следующая конъектура: “Сказал Боян исходный стих, песнотворец старого времени, коганова Ольгова Святославича Ярославича...”. Это прочтение предполагает наличие многочисленных ошибок в тексте XVI в., которые М.В.Щепкина пыталась объяснить палеографически [190: 20–22].

В 1975 г. Н. Гаген-Торн [28] предложил прочтение: “Говорил Боян про походы на Святославля, яро славя Олега коганя...”. Текст был подвергнут не только новому словоделению, но и радикальной правке, так как и Н. Гаген-Торн был уверен в наличии искажений.

Наконец, О. Сулейменовым была предложена следующая конъектура: “...пѣснотворец старого времени Ярославля...” – межстрочная приписка переписчика XVI в., который пытался дать свой комментарий, а А.И. Мусин-Пушкин включил эту приписку в основной текст. О. Сулейменов предположил, что слово “боян” произошло от “бокънъ”, и следует читать: “бо кънъ”. «Предполагаю читать: “Рекъ бо кънъ: “И ходына Святославля, Ольгова коганя хоти”. Это авторская расшифровка метафорической речи Гзака.

Бо – частица, используемая при подобного рода обнажении метафор; Кънъ – вероятно, написание титула кон (кан). В русском языке утвердилось произношение “хан”.

Не Бояну, а хану Гзаку, скорее всего, и принадлежали слова – “и баба Святославова и Олега каганя жена...”» [152: 127].

Все предложенные конъектуры неубедительны уже по той причине, что предполагают радикальные правки окончательно, по мнению переводчиков, испорченного текста.

Затруднение вызвало и комментирование изречения Бояна, которое цитируется Автором “Слова”.

Д.С. Лихачев в комментарии к переводу разъясняет: «Слова Бояна и Ходыны противопоставлены разговору (“стрекотанию”) Гзы и Кончака». В чем же заключается это противопоставление, объяснения нет.

Наибольшее удивление исследователей вызывает то, что Игорь назван “головой” Русской земли. Если Автор “Слова” цитирует Бояна (см. перевод 1800 г.), то Боян не мог под Игорем иметь в виду северского князя – это был бы анахронизм, так как Боян – певец “старого времени”. Учитывая это, переводчики пытались слова “Русской земле без Игоря” представить как добавление Автора “Слова” (см. перевод Ив.Новикова). Однако справедливо писал О. Сулейменов: “Не мог ... Автор делать такой вывод в пользу Игоря. Он-то знает его подлинную цену” [152: 130]. Напомним, что формальный “голова” Русской земли – киевский князь – назван в “Слове” – Святослав.

В 1975 г. историком Н. Гаген-Торном была высказана мысль, что речь идет здесь явно не об Игоре Святославиче, а, вернее всего, об Игоре Рюриковиче. Замечательная догадка, к сожалению, совершенно не была принята к сведению исследователями и переводчиками. А она позволяет полностью прояснить совершенно необъяснимое до сих пор “темное” место. Да и сам Гаген-Торн не попытался, опираясь на версию о двух Игорях, прокомментировать смысл изречения Бояна. А между тем в цитате из песен Бояна заключены и идея образа Игоря Святославича, и авторская идея всего произведения.

Почему Автор, заканчивая поэму, цитирует Бояна? Вспомним, что Боян воспевал героические деяния князей “старого” времени: Ярослава, Мстислава, Романа. В “Слове” названы только эти имена. Принцип отбора: Автор решил писать по-новому об усобицах нового времени и противопоставил свое творение Бояновым песням, который обращался к событиям “первых усобиц” (Ярослав Владимирович Мудрый, Мстислав Владимирович Великий, Роман Святославич Тмутороканский – это имена князей, вовлеченных в “первые” усобные войны).

Но “Задонщина”, вспоминая Бояна, утверждает, что Боян пел об *Игоре Рюриковиче и Святославе Ярославиче* (Игорю Рюриковичу – списки У, И-1, К-Б; Святославу – список К-Б; см. поясн. VII.2).

Фраза: “Рекъ Боян иѣходы на Святъслава пѣ творѣ, а стараго времени Ярославля...” (сплошной древний текст дан в новом словоделении с исправлением всего одной ошибки: в слове “исходы” утеряно выносное “с”) – не противоречит утверждению о том, что Боян певец Святослава.

Уже давно была высказана догадка, что слово “иходы” – непочтение слова “исходы”, хорошо знакомого по летописям (Л. Дубенский, Я. Малашов, М. Щепкина; А. Потехина принял прочтение, но позднее отказался от него). Это прочтение является убедительным с палеографической точки зрения, так как в слове “исходъ” “с” действительно обычно выносилось: “А жить на том селе Харитону до его роду половья до иѣхода. Купч. Конст. Фед. XV в.” [213, т. 3: 135]. Слово “исходы” имело значения: окончание, заключение. М.В.Щепкина по смыслу высказывания установила, что речь здесь идет

о заключительных стихах Бояна, о *концовках песен*. Но ошибочное словоделение первых переводчиков исключило слово “пѣс(нь)”, без которого конъектура М.В. Щепкиной теряла свою убедительность.

При снятии копии первые редакторы прочитали: “...на Святъславля пѣснотворца...”. В правильности словоделения никто не усомнился, и текст ныне дается так: “и ходы (или исходы) на Святъславля пѣснотворца...”. А между тем слово “пѣснотворца” представляет собой: слово “пѣс(нь)”, слово “твор’ц” и союз “а”.

“Пѣснь” в некоторых случаях в “Слове” имело написание “пѣсь”: “пѣсь пояше”, “пети было пѣсь”, “веселыми пѣсьми”. О.В. Творогов пишет: «В изданиях нередко слово “пѣсь” (как в первом издании) исправляют на “пѣснѣ” (во фразе “та преди пѣснь пояше”. – Ю.П.) как в Екатерин. копии. Едва ли это правомерно: первое издание, видимо, передает написание пѣс (так же считает М.В. Щепкина в статье “К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания “Слова о полку Игореве”. ТОДРЛ, XIV, М.-Л., 1958 г. С. 72–73). Сходные сокращения пѣс вместо *пѣсни* мы находим на л. 130 Ипатьевской летописи» [155: 471].

Слово “твор’ц” – “тврѣць” – хорошо известно по летописям и имеет параллели в древнегреческих и латинских текстах; его значения: создатель, поэт, сочинитель, изобретатель. Ср.: “Съѣ црѣь въприси Ксенофонта о твр’ци Омирѣ. Пчел. И. Публ. б., л. 56”; “Бѣаху философи и творци. Ио. Мал. Хрон.” [213, т. 3: 939].

“А” здесь объяснительный союз во вставочном предложении в значении “что”, “который”, “а именно”. В “Хождении Игумена Даниила” читаем: “Ходилъ есьми тамо, во княжение руськое великого князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Владимерича Киевского” [18]. Речь здесь идет о Святополке Изяславиче, “что внук Ярослава Владимировича Киевского” (см. поясн. II.27). Итак, текст, который считали окончательно испорченным, читается в полном соответствии с нормами древнерусского языка, всего с одной ошибкой: “Сказал Боян заключения для Святославовой песни, поэт, что старого времени Ярослава...”. “Поэт, что старого времени Ярослава” относится к Бояну. То, что приложение удалено от определяемого слова, несколько странно по нормам современного русского языка, но в практике древнерусской письменности – это обычное явление: “Володимеръ иде на Емь съ Новгородьци, сын Ярославль”; “Преставися Мьстиславъ Киеве априля в 14, а Яропѣлкъ сиде на столе, братъ Мьстиславль” [150: 59].

Бояну принадлежат два исхода в “Святославовой песне”. О чем эта песня? Ответить затруднительно. Но то, что такая песня о Святославе Ярославиче (или для него) была, свидетельствует “Задонщина”.

В “исходах” к песне о Святославе Ярославиче Боян вспоминает о любимце когана Олега. Названо и имя любимца этого Олега – Игорь. О каком Игоре идет речь? Игоря Святославича, князя новгород-северского, как уже отмечалось, следует исключить.

Не могла ли речь идти об Игоре Ольговиче, сыне Олега Святославича? Но и эту версию следует решительно отвергнуть.

Игорь был великим князем в августе 1146 г. Он был буквально навязан киевлянам великим князем Всеволодом Ольговичем, который в 1143 г. заставил всех князей целовать крест, что по смерти его, Всеволода, Киев переходит к брату Игорю. Правил Киевом Игорь всего 13 дней. Люто ненави-

девшие Ольговичей киевляне призовут Изяслава Мстиславича. Спустя малое время Игорь Ольгович будет казнен по приговору веча за участие (или по подозрению) в заговоре. Как видим, и Игорь Ольгович явно не та фигура, о которой могла бы скорбеть вся Русская земля. Не имеет смысла и характеристика Игоря Ольговича как любимца Олега (Святославича?).

Кроме того, мог ли Боян писать (петь) об Игоре Ольговиче? Боян – певец времени Ярослава, а временной промежуток от смерти Ярослава до гибели Игоря Ольговича – 93 года (1054–1147) (см. поясн. VII.2).

Итак, кандидатура Игоря Ольговича отпадает. *Речь может идти только об Игоре Рюриковиче.*

В 879 г. умер Рюрик, передав княжение родичу своему Олегу. На попечении Олега остался и малолетний сын Рюрика, Игорь. Олег нежно любил Игоря, вынянчил, его, принес на руках в Киев и утвердил на киевском престоле как продолжателя рода Рюрика. Игорь Рюрикович и был любимцем “Ольга коганя”. (Коганъ – титул владык хазарских, оварских и великотюркскоалтайских – применялся иногда и к русским князьям: “И похвала когану нашему Владимиру, от кого же крещени быхомъ. Сл. о зак. 152 (XVI в. ~ XI в.)” [212, вып. 2: 196]. После смерти Олега Игорь стал “главой Русской земли” – великим князем.

Что же имеется в виду, когда Боян говорит: Игорю тяжело, ибо тело без головы? И почему оказалась Русская земля без Игоря?

В 941 г. Игорь Рюрикович пошел морем на Византийскую империю. Греки оказались предупрежденными об экспедиции Игоря. Против Игоря был выслан протовестиарий Феофан, “который пожег Игоревы лодки греческим огнем. Потерпев поражение на море, руссы пристали к берегам Малой Азии и по обычаю сильно опустошили их, но здесь были застигнуты патриkiem Вардою и domestиком Иоанном, бросились в лодки и пустились к берегам Фракии, на дороге были нагнаны, опять разбиты Феофаном и с малыми остатками возвратились назад в Русь. Дома беглецы оправдывались тем, что у греков какой-то чудесный огонь, точно молния небесная, который они пускали на русские лодки и жгли их. Но на сухом пути что было причиной их поражения? Эту причину можно открыть в самом предании, из которого видно, что поход Игоря не был похож на предприятие Олега, совершенное соединенными силами многих племен; это был скорее набег шайки, малочисленной дружины. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показывают слова летописца, который тотчас после описания похода говорит, что Игорь, пришедши домой, стал собирать большое войско, послал за море нанимать варягов, чтобы идти опять на Империю” [147, кн. 1, и. 1–2: 146].

Автор “Слова”, прежде чем дать картину радости Русской земли по поводу возвращения князя Игоря Новгород-Северского на Русь без войска, без соратников и своих близких, постарался сказать нечто оправдывающее такой финал. Да, тяжело и Игорю, и Русской земле, что погибли воины, потеряли свои головы с плеч, но плохо, если в рядах защитников, во главе защитников Русской земли не будет храброго князя Игоря. Игорь должен, по мысли Автора, осознать свои ошибки и стать защитником Киева, прийти к идее единения русских земель перед угрозой половецкого вторжения.

Автор приводит имя Бояна как высший авторитет. И здесь цитируемые строки Бояновой песни являются, по мысли Автора, веским аргументом: то,

что сказал в старые времена Боян в адрес Игоря Рюриковича, имеет и сейчас поучительный смысл применительно к Игорю Святославичу.

В Бояновых песнях “головой” назван Игорь Рюрикович – великий князь киевский. Подобный метафорический образ князя хорошо знаком по летописям.

Историческая параллель (Игорь Рюрикович – Игорь Святославич) убедительна тем, что оба Игоря потерпели поражение в авантюрном походе с малой дружиной против сильного противника, оба вернулись, потеряв тысячи воинов. *Припоминание об Игоре Рюриковиче играет еще и роль урока Святославичу: нужно взять реванш за поражение, собрать общерусские силы и отомстить за павших у Каялы русичей – искупить свою вину.* Нужно поступить так, как поступил его, Игорь Святославича, тезка.

Игорь Рюрикович в 994 г. собрал огромную рать для похода на Византию. Кроме почти всех русских племен, Игорь привлек к походу варягов и нанял печенегов. Император Византии перед лицом объединенных сил запросил мир без боя и дал большую дань. Этот поход привел к договору с греками в 945 г. Выражением надежды, что Игорь Святославич поступит подобным образом – начнет собирать общерусскую коалицию, и случит следующий эпизод в “Слове о полку Игореве” – рассказ о приезде Игоря в Киев.

Перевод: «Сказал Боян заключения для Святославовой песни, поэт, что старого времени Ярославова: “Олега когана любимец! Тяжко тебе – голове без плеч. Беда тебе, телу, без головы: Русской земле без Игоря”».

4. “Зло ти тѣлу кромѣ головы...”

“Голова” – метафорический образ князя: “Великъ звѣрь, а глав не имѣет, тако и многи полки без добра князя. Слов. Дан. Зат. 19 (нач. XII в. ~ XII в.)” [212, вып. 3: 98]; “...князь глава есть земли” (Лавр. лет. 1015 г.); «аще князь не правдиви бывають, то много отдается согрешенья земли той, поне то есть глава земли (там же, 1117 г.). Летопись ссылается, применяя такой образ, на изречение пророка Исаии: “Согресиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простых людей” (Лавр. лет., 1015 г.)» [1: 123].

Перевод: “Беда тебе, телу, без головы...”

5. “...Руской земли безъ Игоря”.

Значение многозначного слова “земля” определено из контекста, хотя возможно: “...русскому воинству без Игоря...”.

Перевод: “...Русской земле без Игоря”.

6–8. “Солнце свѣтитя на небесе – Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи – выются голоси чресь море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣи Богородици Пирогощен. Страны ради, гради весели”.

Этот фрагмент композиционно и стилистически нерасторжимо связан со всем “Словом”. И видеть в нем более позднюю приписку нет ни малейшего основания.

Сама природа неблагоприятна была в начале поэмы к начинанию Игоря. И было Игорю знамение: “тъма шла по небу скрывая солнце”.

Новое начинание Игоря – поездка в Киев – и сияет солнце на небе. Повторяется символика второй и третьей композиционных структур: пленение князей – гаснут солнца; освобождение Игоря – солнце сияет на небе.

Во все времена и у всех народов солнце – источник жизни. Но символика солнца в “Слове” имеет два истока: народный (фольклорный, песенный) и книжный. В книжной традиции с солнцем часто отождествляется князь (цесарь, царь; см. поясн. I.15).

В седьмой композиционной структуре Автор стремится к тому, чтобы история Игоревой авантюры была воспринята как горький урок. Именно по этой причине явилась свету поэма, а не потому, что личность Игоря была столь яркой, значимой и героической в русской истории. Страстный призыв к единению находит свое разрешение через идеальный финал: Игорь стремится к Киеву – символу, по мысли Автора, общности русских земель. К сожалению, во многих работах роль поэтической символики рассматривается без учета общего идейного замысла Автора.

Так, увлеченный расшифровкой солнечной символики советский исследователь А.Н. Робинсон пришел к выводу, что многократное пересечение солнечных явлений с событиями в судьбах Ольговичей и было той единственной причиной, что привлекла особое внимание Автора к событиям Игоря похода и определила необходимость создания поэмы. «По нашему убеждению, эти чрезвычайные астрально-исторические обстоятельства и их совокупность возбудили тот особый общественный интерес к походу Игоря, который яснее всего выразился в творческом подвиге автора “Слова о полку Игореве” и в создании летописцами двух значительных повестей 1185 г.» [134: 56]. Далее логически следует вывод, что Автор главное внимание должен был уделить переменам “роковой солнечной судьбы Ольговичей”, которая “осуществляется внезапно, при помощи сильнейшего эмоционально-магического вмешательства в течение событий” [134: 49]. А.Н. Робинсон утверждает, что «автора “Слова”, как феодального эпического поэта-певца, в первую очередь интересовала гибель князей, родственников (предков) его героев» [134: 53]. Прежде всего Автора интересует судьба Ольговичей, к которым он постоянно испытывает приязнь. С явной симпатией он, по мнению А.Н. Робинсона, относится к Олегу Святославичу и к Игорю. При этом предпринята крайне неубедительная попытка обелить Олега, игнорируя текст “Слова” и оценки, данные Олегу его современниками. И утверждает мысль, что Автор “Слова” не возлагает никакой вины на Игоря за гибель войска и потери Русской земли от набегов Гзака и Кончака. «...Для автора “Слова” вся действительность не имела значения: он не осудил своих героев. Напротив, солнце вернуло свое благоволение “внуку” Дажьд-бога, для него и его родичей все окончилось благополучно, а поэтому “Слава Игорю Святославичу, Буи-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!”» (У А.Н. Робинсона Дажьдбог – солнечный бог, “астрально-антропоморфное” существо, функционировавшее в идеологии “в качестве промежуточного поколения между солнцем и солнечными династиями”). И Боян, и Автор “Слова” предстают певцами “княжеско-дружинного родового эпоса”, возвеличивающими род Ольговичей – потомков Дажьдбога, – противопоставленных другим ветвям Рюриковичей. Так, у А.Н. Робинсона героическая поэма, содержащая страстный призыв к конкретным князьям встать на защиту родной земли, повествующая о страшном бедствии во время усобиц, осуждающая тех, кто

породил усобицы – Всеслава и Олега, становится родовым эпосом Ольговичей, величие которых утверждается солнечной символикой. Совсем не случайно А.Н. Робинсон в предыдущих работах стремился идейный центр поэмы – поименное обращение к русским князьям – лишить конкретно-исторического смысла, представить обращение как чисто риторическое упражнение Автора (см. поясн. IV.1).

Вопрос о виновности князей в несогласии, в разорении русских земель в усобных войнах, в непомоге Киеву А.Н.Робинсоном снимается, ибо судьбы героев predetermined. «Внутренняя логика солнечной символики “Слова” такова: солнце и за ним два солнечных бога (Дажьбог, Хорс) оказывают определенное влияние на состояние и действия как природы, так и людей» [134: 56]. Так найден главный вершитель всех событий – Солнце. Следовательно, найден и главный виновник. Но, читая строка за строкой поэму, приходишь к глубокому убеждению, что Автор придерживался иной точки зрения: виновник всех бед – усобица, что началась еще при Ярославе. Отсутствие целостного анализа хотя бы одного эпизода “Слова” в работе А.Н. Робинсона, игнорирование образно-поэтической системы поэмы, отрыв частного вопроса от общей проблематики СПИ – причины неверных, глубоко ошибочных выводов исследователя.

В этом фрагменте повторно введена и поэтическая картина поющих девушек на Дунае. Но если структура VI начиналась песней-плачем о Ярославне, то теперь радостно поют на Галичской земле. Дунай здесь не река вообще, а конкретная река на юго-западной границе Руси. Здесь воспели русские девы (вспомним: половецкие пели на Дону, у Синего моря), далее в тексте в прямой речи дана песня девушек Подунавья.

Перевод: “Солнце сияет на небе. Игорь-князь в Русской земле!” – девушки поют на Дунае, вьются голоса через море: “К Киеву Игорь едет по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей! Страны рады, города веселы”.

7. “...до Киева Игорь ъдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей”.

Вопреки установившейся традиции, “до Киева” относится к “ѣдетъ Игорь”, а не к “вьются голоса чрьсь море”. Киев совсем не лежит за морем. Выражение “вьются голоса чрьсь море” – не адрес, а поэтический образ.

“До” – предлог, имел значение “к”: “До града до Киева. Новг. 1 лет. 6907 г.”; “До города до Орѣшка. Новг. 1 лет., 6900 г.”; “Мономахъ посылають молбу к Иоану игумену, да принудить Агапита прити до него. Патр. Печ.” [213, т. №: 670].

Богородица Пирогощая – один из самых ранних храмов Киевской Руси, заложенный Мстиславом Великим, и чудотворная икона, ради которой и был сооружен храм. (В 1976 г. при строительных работах в Киеве в районе Красной площади были обнаружены остатки древнего храма. См.: По следам былин // Правда. 1976. 29 августа). Пирогощая лежит на пути маршрута князя Игоря из Чернигова в Киев. Князь Игорь едет по Боричеву спуску, носящему ныне имя Андреевского. Здесь шла единственная дорога из Чернигова в Киев.

Въезжая в стольный город не героем, а с повинной, князь Игорь никак не мог не захватить в храм. Здесь у лика Богородицы и уместна исповедь-мо-

нолог Игоря. Без монолога Игоря упоминание Богородицы Пирогощей не было бы обязательным.

Перевод: “К Киеву Игорь едет по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей!”

8. “Страны ради, гради весели”.

По мысли О. Сулейменова, этот текст – поздняя приписка. С сарказмом он пишет: “И рады ему жители Новгород-Северского за то, что вернулся сам, оставив на чужой земле тысячи их сынов, братьев и отцов. И рад двоюродный брат Ярослав Черниговский (погиб воевода Ольстин Олексич и весь его полк). И рад Святослав Всеволодович и сват его Рюрик (им пришлось по вине Игоря еще раз встретиться с Кончаком у Переяславля и считать пленных и казненных половцами людей русских, не говоря уже о том, что Игорь сорвал их далеко идущие замыслы).

...Святослав при встрече с обесилленным, несчастным князем мог проявить жалостливую радость сильного. Иного неудачник Игорь и не достоин. Последнюю попытку выбиться в “великие” он использовал, а другой возможности ему более не представится. “Страны ради, гради веселы”, – мог утверждать человек, не знакомый со всей этой историей» [152: 122–123].

О. Сулейменов, конечно, прав. Но это правда человека XX в. Автору же, человеку XII в., нужно было отстоять идею единения. Во имя этой идеи нужно было утвердить неправоту Игоря его покаянием, раскаяньем, его приездом в Киев. Вот почему в поэме нет: “иде во свои Новьгородъ, и обрадовавшася ему. Из Новгорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи проси на Посемье”. А есть: Пирогощая, Киев и “страны ради”.

Радость Русской земли имеет отношение не к самому факту возвращения князя из плена, а к его приезду в Киев. Это соответствует стремлению Автора – объединение русских земель вокруг Киева. Строки “страны ради” – не приписка писцов. Да и едва ли в тексте СПИ есть произвольные приписки.

“Страны ради, гради веселы” мажорным рефреном венчает песнь девушек Галичской земли (см. поясн. VI.2), хотя главная идейная нагрузка лежит на первых строках: “До Киева Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей”. Вероятно, по-своему прав О. Сулейменов: слова радостной песни не могли сорваться с губ черниговцев, переяславцев. И Автор очень мудро нужные ему мысли и эмоции представляет хором галичских девушек.

Перевод: “Страны рады, города веселы”.

9.

Именно в этом месте в тексте “Слова о полку Игореве” явно ощущается пропуск (см. поясн. VII.1). Привлекая монолог из Ипатьевской летописи при восстановлении общей архитектоники поэмы, нужно, конечно, учитывать, что текст монолога мог быть подвергнут редактуре, когда вносился в летопись. Но, вероятнее всего, правка была не радикальной, так как монолог так и остался чужеродным в тексте Ипатьевской летописи. Возможно, что монолог Игоря является только частью утраченного фрагмента седьмой композиционной структуры СПИ.

Как уже отмечалось, О. Сулейменов также пришел к мысли, что в тексте СПИИ монолог-исповедь – необходимейшее звено в общей архитектонике. Но следующее после монолога “Слава князьям” и “аминь” и слова о радости Русской земли О. Сулейменов считает позднейшей припиской: “Заканчивалось “Слово” не здравицей, а монологом Игоря, в котором он подводит итог своей деятельности. И слушателем его единственным был Овлур” [152: 137].

С этой версией трудно согласиться, так как финал “Слова” дает композиционную законченность всему произведению и имеет стилистическую общность со всей поэмой.

Монолог Игоря, как имеющий свою историческую судьбу, не введен в текст настоящего перевода и дается только в комментарии:

“Рече бо дѣи Игорь / помянухъ / азъ грехы / своя / предъ господемъ богомъ / моимъ / яко много убиство / кровопролитъ / створи хъ в землѣ / хрестьянстѣи / яко же бо / азъ (не) пощадѣхъ / хрестьянъ / но взяхъ / на щить городъ Глѣбовъ / у Переяславля / тогда бо / не мало зло / подъяше / безвиннии / хрестьяни / отлучаеми / отецъ от рожении / своихъ / братъ отъ брата / другъ отъ друга / своего / и жены отъ подружии / своихъ / и дщери отъ материи / своихъ / и подруга / отъ подруги своя / и все сметено / плѣномъ и скорбью / тогда бывшую / живии / мертвымъ завидять / а мертвии / радовахуся / акы мученици / святѣи / огнемъ отъ жизни / сея искушение / приемши / старцѣ / порѣвахуться / уноты же лютыя / и немилостивыя / раны подъяше / мужи же пресѣкаеми / и расѣкаеми / бывають / жены же оскъвѣрняеми / и та / вся / створивъ азъ / рече / Игорь / не достойно ми / бѣшеть жити / и се нынѣ / вижю отмѣстѣе / отъ господа Бога моего / где нынѣ / возлюбленнии мои братъ / где нынѣ / брата моего / сынъ / гдѣ чадо рождения моего / гдѣ бояре думаютъ / гдѣ мужи / храборствующи / гдѣ рядъ полчннии / гдѣ кони / и оружья / многоцѣнная / не ото всего ли того / обнажихъ / и связня / преда мя / в руки безаконнии / тѣмъ / се возда ми / господь по безаконию / моему / и по злобѣ / на мя / и снидоша / днесъ грѣси / мои / на главу / мою / истененъ господь / и прави / суди / его / зело / азъ же убо / не имамъ со живыми / части / се бо нынѣ / вижю другая / мучения / вѣнца приемлюще / почто азъ единъ повиннии / не прияхъ страсти / за вся си / но владыко господи / боже мои / не отрини / мене до конца /” (текст приведен по книге А.С. Орлова “Слово о полку Игореве”, но в ритмической разбивке).

Перевод: «Сказал же Игорь: “Вспомнил я грехи свои перед Господом Богом моим, много убийств, кровопролитий совершил в земле христианской, так ведь я не пощадил христиан, но взял в добычу город Глебов у Переяславля. Тогда ведь немало зла приняли безвинные христиане: отлучались отец от детей своих, брат от брата, друг от друга своего и жены от супругов своих. И дочери от матерей своих, и подруга от подруги своей, и все смятены пленом и скорбью, тогда бывшей. Живые мертвым завидовали, а мертвые радовались: как мученики святые огнем от жизни эти испытания приняли. Старцы повержены, юноши же жестокие и беспощадные раны получали, мужчины убивались и рассекались, женщины бесчестились. И это все сотворил я! – сказал Игорь. – Недостойно мне быть живым. И вот теперь вижу возмездие Господа Бога моего. Где теперь возлюбленный мой брат? Где теперь брата моего сын? Где ребенок, рожденный мною? Где бояре, прини-

мающие решение? Где мужи воинственные? Где строй воинский? Где кони и оружие драгоценное? Не всего ли того лишился? И узником предав меня в руки беззакония к тем – это воздал мне Господь за беззаконие мое в гневе на меня. И упали сегодня грехи мои на голову мою. Истинен Господь и справедлив суд его совершенно! Я ведь не захватил с живыми удачи. Вот ведь теперь вижу другие мучения венца принимающих. Зачем я, один повинный, не принял страдания за все это? Но, Владыко, Господи, Бог мой, не отвергай меня до конца»».

Два пояснения к тексту “Монолог Игоря”.

Неудача похода 1185 г. осознается Игорем как следствие его феодальной политики и как возмездие за преступление перед Русской землей. В исповеди упоминается о разбойном набеге Игоря в усобной войне на город Глебов, который принадлежал Владимиру Переяславскому. В 1184 г. Игорь безобразничал в Переяславской земле, а после поражения Игоря у Каялы Владимиру Глебовичу и переяславцам пришлось принять на себя главный удар ответного нападения половцев. “...самой главной виной Игоря в глазах современников стала преждевременная смерть Владимира Переяславского от тех самых ран, которые были получены им в 1185 г. в боях с Кончаком. Всем было ясно, что гибель молодого отважного князя, любившего ездить в авангарде и смело врезавшегося в гущу половецких войск, лежит на совести Игоря” [136: 189] (см. поясн. III.31).

Игорь корит себя и за судьбу Всеволода Святославича, Святослава Ольговича и Олега Игоревича, положение которых осложнилось после побега Игоря. Владимира Игоревича Игорь не назвал – о его судьбе не приходилось беспокоиться: он был принят в семью хана Кончака.

10. По изданию 1800 г.: “Пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: “Слава Игорю Святъславлича, Буй туру Всеволодъ, Владиміру Игоревичу!”

В Шукинской копии: “... Игорю Свят(ъ)славличю, буй туру Всеволоду...” “Спевши песнь старым князьям, надо молодым запеть...” (В.И. Стеллецкий).

Кого следует назвать молодыми?

У А.С. Орлова: “...молодым надо петь: слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!”

У Д.С. Лихачева: “Слава (старым князьям) Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, (а также и молодому князю) Владимиру Игоревичу!”

“Старый” в лексике “Слова” означает: или “бывший давно”, или “преклонных лет”. В 1187 г. все герои “Слова” еще были молодыми: Владимиру 17 лет, Всеволоду 28 лет, старше всех был Игорь, но ему было всего 36 лет.

“Певше” – действительное причастие, *прошедшего времени*, им. пад. мн. ч. (!), т.е. слова “старым” князьям пелись ранее, равно и многими, не Автором (ед.ч.).

“Потомъ” – впоследствии, в будущем. Ср.: “Заткни, государь князь великий, они ворота чтобы погании потом к намъ не заходили. Задон. Ист. – 2546 (кон. XV – нач. XVI в. ~ XIV в.)”.

Кем будет в будущем пропета “слава” молодым Игорю, Всеволоду и Владимиру, Автор не уточнил. Но сам-то он, по существу, ушел в финале от традиционной славы, ибо еще нет тех свершений, которых он ожидает от

“гнезда” неистовых Святославичей. Пропеть же славу за злосчастный поход гениальный Поэт не мог. Это начисто разрушало бы идею поэмы.

Не очень внимательно прочитав текст, О. Сулейменов пишет: «“Слово” начиналось славой князьям XI века, старому Ярославу, храброму Мстиславу и др. Тем, кто объединял, собирал Русь» [152: 133].

Но Автор в начале поэмы не воспел славу даже Ярославу. Мстислава же он вспомнит дважды (второй раз даже не назвав по имени) как о первом крамольнике. Это о Бояне говорит Автор как о певце, который прежде всего слагал славу Ярославу.

Слава Игорю, присутствующая в переводах, удивляет. “Неуместность подобной здравицы очевидна”, – пишет О. Сулейменов и делает вывод, что весь финал – неумелое добавление переписчика XVI в. [159, с.135].

Но в “Слове” сказано, что слава *будет* пропета позднее и за то, что герои поэмы встанут за землю Русскую, защищая христиан, то есть весь народ (см. поясн.VII.11).

Перевод: «Певали песнь о старых князьях, а в будущем о молодых петь: “Слава Игорю Святославичу! Неистовому туру Всеволоду! Владимиру Игоревичу!”»

11. “Здрави Князи и дружина, побарая за христиьяны на поганья полки!”

“Да здравствуют князи и их дружина, поборая за христиан на воинство неверных!” (А.И. Мусин-Пушкин).

Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!

(В.А. Жуковский)

“Да здравствуют князья и дружина, борющиеся за христиан с поганями полками!” (Н.К. Гудзий).

Здравие –
Князьям с дружиной,
За христиан,
Бившимся в поле
С полками поганями!

(Ив. Новиков)

Здрав, здрав буди,
княже, и дружина,
поборая поганые полки
за землю Русскую!

(А.К. Югов)

“Здрави” означает: не больной, здоровый, невредимый, целый. Ср.: “Придоша вси здрави. Новг. 1 лет. 52 (XIII в.)”; “...и паки возвратишася вси здрави. Псков. 2 лет. (XV в.)” [212, вып. 2: 120].

Если бы в тексте было пожелание князьям и дружине, то это имело бы такое написание: “Здрави же будете...”.

“Здрави князи” означает: здоровы, целы, невредимы князья. Дружина же теперь вновь сражается с язычниками. Это прочтение и определило синтаксис предложения.

Глагол “побарати” означает “сражаться, защищая”: “Ярославъ утеръ пота, побараа по братьи своей, и съде в Киеве, и всю взя Рускую землю. Пе-

реяслав. лет. 41 (XV в.); “Великий князь Иван Васильевич воспрять велие дерзновение, побарая по крестьянстеи вѣре. Каз. лет. (Рум.) 199 (XVII в. ~ XVI в.)” [212, вып. 4: 90].

“Християнинъ” – означало не только принадлежащий к христианской вере (церкви), но и житель Русской земли (как противоположное иноплеменникам) [213, т. 3: 1404]. Позднее под христианами прямо понимались все люди или же крестьяне. Следовательно, и в финале Автор выказал обеспокоенность судьбой всего люда Русской земли.

Перевод: “Невердимы князя, и дружина сражается за христиан против языческих полков!”

12. “Княземъ слава, а дружинъ! Аминь”.

Наиболее общепринятое прочтение:

“Князьям слава и дружине! Аминь” (Д.С. Лихачев).

При таком прочтении “а” понято как объединительный союз, соединяющий однородные члены предложения. Случаи такого употребления союза “а” летописи дают. Но нельзя не считаться с лексикой самого “Слова”.

О. Сулейменов пишет: «В “Слове” четко разделяются эти два союза (“а” и “и”)... Нет ни одного случая применения “а” в качестве союза “и”, да и зачем, если оба союза полноправно участвуют в грамматике “Слова”... Нет никаких грамматических и исторических оснований подозревать, что писатель вдруг применяет союз “а” в качестве соединительного, противореча грамматике своего текста» [152: 135–136].

О. Сулейменов считает, что переписчик XVI в. позволил себе дерзость высказать свое отношение к рассказанной истории неудачного похода: “князьям слава, а дружине – конец!”

Но слово “аминь” не имело значения “конец”. “Аминь” означает “воистину”, “да будет так”, “истинно”. Обращение слова “аминь” в существительное, означающее “конец”, произойдет много позднее. В древних текстах как существительное слово “аминь” могло означать “молитва”.

В.А. Жуковский читал это предложение так: “Слава князьям, а дружине – аминь!”

И.А. Новиков полагал, что следует читать последнее слово поэмы так:

Князьям – слава,
А дружине,
Полегшей в бою,
Вечная слава!

(Перевод 1967 г.)

Прочтение интересное, но произвольное по отношению к авторскому тексту. Вечная слава не может быть произнесена в адрес дружины, так как в “Слове”: “и дружина побарая за хрестьяны на поганья полки!”.

А в 1938 г. И.А.Новиков дал совершенно точный перевод, от которого по непонятным причинам отказался:

Князьям
Слава;
А дружине
Воистину
Слава!

Последняя фраза финала соотносится с предыдущей:

Князья невредимы - - - - - дружина сражается.

Князьям слава - - - - - дружине воистину слава.

Здесь столь явный и очевидный смысл, столь определенное отношение Автора к русскому воинству, что разночтения просто недопустимы.

Перевод: “Князьям – слава, а дружине воистину!”

13. 1187 год

Когда и кем было написано “Слово о полку Игореве” – вопросы взаимосвязанные. Оба эти вопроса, в свою очередь, связаны со многими проблемами, возникающими при прочтении “Слова”.

Прежде всего, сама история прочтения поэмы опровергает мысль о возможности подделки ее в XVIII веке, ибо в большинстве случаев трудности при прочтении возникли от недостаточных и по сей день сведений по истории Киевской Руси, недооценки очень высокого уровня русской культуры до монгольского нашествия, недостаточных знаний по разделу “синтаксис сложного предложения” в исторической грамматике и еще многих проблем в истории древнерусского языка. Несколько поколений ученых по крохам собирали утраченное. Большую стимулирующую роль при этом играло само “Слово”. В настоящей работе сделана попытка обобщить накопленные факты и на этой основе дать принципиально новый подход к прочтению “Слова”. Несомненно, что чем многозначительнее и талантливее оказывается текст “Слова”, тем нелепее сама мысль о возможности фальсификации его в XVIII в. даже сообществом просвещенных мужей России. И дело не только в том, что не было поэта соответствующего дарования, но и в том, что обширные и точные исторические сведения “Слова” были в то время “знаниями ниоткуда” и не могли бы подтвердиться много лет спустя. Они стали известны уже в наши дни в результате длительных научных разысканий. Вероятно, наступило время, когда спор со “скептиками” стал скорее традицией, чем необходимостью, так как на данной стадии исследования можно уверенно назвать время создания “Слова”, но, к сожалению, весьма осторожно высказать некоторые суждения относительно самого Автора, хотя некоторые исследователи и решились назвать имя поэта: галицкий книжник Тимофей [32]; Тимофей Рагуйлович, шурин Овлура [113]; галичанин-певец Митуса [194]; брянский боярин из Рязани Сафоний [151]; киевский боярин Петр Бориславич [137]. Но все предположения относительно имени Автора не подкреплены фактами и приходят в противоречие со свидетельством самого “Слова”.

Со всей определенностью следует признать, что на основании имеющихся в настоящее время сведений с достаточной убедительностью имя Автора названо быть не может. Не рискуя делать необоснованные выводы, можно только уверенно утверждать, что *Автор был участником похода Игоря в 1185 г. и бежал с ним из плена.*

Уже в зачине Автор дает понять, что поэма рождалась в походе и что в основе ее лежат были. Обращаясь к Бояну, Автор задает вопрос себе и предполагаемой аудитории: “А какую бы ты песню сложил, прославленный певец прошлого, скитаясь в земле Троканской?”, т.е. находясь в тех же условиях, что и создатель “Слова о полку Игореве”.

Сам же автор, рассказывая по былям, отбирает самые значимые события, и часто, не замечая того, “проговаривается” – вводит в повествование очень точные, но не столь уж обязательные детали. Для очевидца эти частные детали – нечто само собой разумеющееся, но при передаче рассказа из уст в уста они, как правило, теряются, “уходят”. Обилие этих “обмолвок” только в эпизодах, рассказывающих о походе и побеге.

Нужно прямое, непосредственное видение, и, конечно, талант художника, чтобы дать такую емкую картину, как в эпизоде окружения русских войск половецкими полчищами. Здесь и ветер, удлиняющий полет стрел, ветер, действительно в это время года дующий от Азовского моря (“низовка”); и взбаламученная конями вода ручьев и потоков; и топот, и чужая речь, враждебная речь; а через поднятую всадниками пыль – багрово-красные щиты русичей.

Автор явно был в самом сражении и в плену. Во время боя угадывается даже его (Автора) место – он рядом со Всеволодом, к которому испытывал симпатию. Обратим внимание, что только воины Всеволода даны в развернутой характеристике через речь-монолог буй тура Всеволода. Один только Всеволод и показан в бою. Это идет от оценки непосредственного восприятия. А об Игоре сказано глухо, что он поворачивает полки на помощь брату, когда уже только один Всеволод со своей дружиной стоит в обороне. “Что мне шумит, что мне звенит нынче рано?” – обмолвка очень многозначительная. Явно подчеркнуто присутствие Автора: происходящее событие от него удалено, он не видит, а только догадывается о маневре Игоря; бой же неистового тура Всеволода он видит, он знает о его ранах, о проклятьях, срывающихся с его губ: “Куда, тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат языческие головы половецкие. Пощеплены саблями закаленными шлемы аварские от тебя, яростный тур Всеволод! Проклинай раны, дорогие друзья, забыл почести и богатство и города Чернигова золотой престол...”

Сражающегося же Игоря в поэме нет. Выступая в поход, князь Игорь поклялся перед своей дружиной голову сложить с русичами, но русичи погибли, не дойдя до Дона, погибли, посеченные саблями половецкими, в поле чужом, а князь остался жив и оказался плененным. Свидетелем этому пришлось Автору быть, свидетелем не сторонним. *Строки поэмы – личные впечатления Автора, его раздумья о трагедии этого времени, о причинах поражения, о Русской земле.*

В любом эпизоде похода Автор точно отмечает местонахождение русских войск. Вот русские покинули гряду возвышенностей, удобных в стратегическом отношении, и уже в ровной степи. Вот приходится преодолевать топкие берега реки. Вот они пали в поле безводном. Столь же точен Автор, определяя время событий: к вечеру, до полуночи, в полночь, очень рано, на рассвете, к полудню и т.п.

Столь же детально, как поход, описаны Автором и события побега Игоря из плена. К Северу идут “мыглами” смерчи – это воспринимается пленными как знамение, благословляющее на побег. События происходят летом: долго гаснут зори. К полуночи совсем уже темно. Очень выразительна и точна картина самого побега: “Коня в полночь Овлур свистнул а рекой...”. “За рекой” – у Автора произвольно, от знания, это память увиденного, оговорка. Далее автор рассказывает: Игорь босой бежит сначала к тростни-

ку, потом переплывает реку – “помчался горностаем к тростнику и – белым гоголем – в воду”. Для гоголя характерно белое пятно, образованное второстепенными маховыми перьями. Отсюда “белый гоголь”. Гоголь – прекрасный нырок.

“Белым гоголем” – это не одно из превращений князя-оборотня, а белеющее во мраке ночи тело (или одежда) плывущего по реке беглеца. И горностаем назван не случайно: горностаем – ловкий, быстрый зверек, со стремительным стелющимся ходом при беге. Отметим, что и горностаем не боится воды – прекрасно плавает. Такие детали, как белеющая во мраке фигура босого Игоря и бесшумный стремительный бег к воде, дают убедительность всему происходящему удивительную. Все это от непосредственного видения, восприятия событий. Побег вызван был чрезвычайными обстоятельствами – возвращение половецких воинов, настроенных враждебно по отношению к Игорю после очередной военной неудачи, и Автор описывает реакцию Овлура на это событие. Далее Автор расскажет не только о том, что бегство было на лошадях, припасенных Овлуром, но то, что они загнаны и беглецам пришлось идти босыми; а было уже утро, и была холодная роса. Не забудет Автор, что путники испытывали голод – нужно было достать пищу, и дотошно перечисляет, что птиц приходилось забивать к завтраку, и обеду, и ужину. Знает Автор, что спать пришлось на зеленой траве, а утром спящего одевали туманы. Туманы названы теплыми, так как появление тумана утром связано с повышением температуры. Знает, что вывел их к воде стук дятла и что берега Донца белые от известковых отложений.

Но может быть эффект присутствия ощутим в тех эпизодах, где Автор, находясь он в плену или скрываясь с Игорем, не мог быть очевидцем; т.е. “эффект присутствия” использован опытным художником как литературный прием?

Для ответа на этот вопрос соотнесем эпизоды похода и побега с теми эпизодами, в которых присутствие Автора не предполагалось.

Ночь в степи. Томительное ожидание рассвета. Так и не встала утренняя заря. Ползут по полям туманы. Замолкли соловьи. Зловеще закаркало воронье – пробудившиеся от короткого и тревожного сна русичи готовятся к бою. Так поведал Автор о ночи в степи половецкой. Наблюдения за жизнью природы делают картину и выразительной, и убедительной.

А вот утро следующего дня: кровавые зори и синие гроззовые тучи, ползущие от моря, и ветры, дующие русским в лицо; топот многих коней половецкой конницы, встающая пыль. Не нарочно, проговариваясь, Автор точен в деталях.

Обратимся теперь к трем большим эпизодам, рассказывающим о событиях в Киеве – сон Святослава, речь бояр, “золотое слово”. Если опустить прямую речь, то останется: “А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах в эту ночь”; “И сказали бояре князю...”; “Тогда великий Святослав вымолвил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал...”. И это скупо описывает Автор столь важные в композиционном отношении эпизоды, когда, даже рассказывая о военных трофеях, взятых в степи, точен до педантичности.

Разговор Гзака и Кончака дан как диалог. В “ремарках” детализированная и уточнения нет вообще. Но вот от Гзака и Кончака Автор переносит внимание на беглецов, и опять мы отмечаем “эффект присутствия”. Пройти

мимо этого нельзя, если действительно полагать, что свидетельствование “Слова” – основной материал, позволяющий нам судить об Авторе.

Есть некоторые основания предполагать, что Автор был и участником похода 1183 г. князя Всеволода на волжских болгар. Внимательное чтение обращения Автора к Всеволоду Юрьевичу подводит к выводу, что в этом эпизоде явно есть “эффект присутствия” (см. поясн. IV.2–5). Отметим и то, что всех прежде Автор обращается к Всеволоду (назвав его великим князем!) и недвусмысленно подчеркивает его право на киевский престол.

В походе Всеволода в 1183 г. приняли участие: сын Святослава – Владимир и Изяслав Переяславский. Отправил свои войска и Игорь Святославич. Автор “Слова”, вероятнее всего, был с войсками Игоря. Ратные страницы его биографии дают основание видеть в нем воина, предполагать, что он из дружинной среды. Наконец, возможно еще отметить, что Автор хорошо знал Киев и Галицкую землю, а к Ярославу Галичскому и Всеволоду Святославичу он испытывал явную симпатию.

Несравненно больше наши знания об Авторе как поэте. Неоднократно представлялась возможность убедиться в его эрудиции, точности как историка, независимости взглядов, а поэтический талант поэта столь очевиден, что пора уже отказаться от всех попыток “улучшения” текста “Слова” радикальными правками и от упрощенно-наивных комментирований с оглядкой на “младенчество” древнерусской литературы. Нужно судить Автора по законам, им предложенным, а не пытаться понять “Слово”, соотнося его с произведениями заведомо более слабыми и иных жанров.

Строка за строкой было прочитано “Слово”, каждый фрагмент был прокомментирован с учетом соответствующих данных по истории, географии, биологии, и, завершая пояснения к тексту, можно утверждать, что только несовершенством переводов объяснимы выводы ученых, что в СПИ можно отметить случаи вольного обращения Автора с фактами истории и географии и недостаточной осведомленности его о предмете повествования.

Так, исследователь А.Л. Никитин пишет: «Как объяснить, что современник Игоря, его сподвижник или придворный поэт киевского князя, безошибочно разбиравшийся в событиях более чем столетней давности, допускал ошибки в современной ему географии южной Руси? Он перемещал Переяславль с берегов Трубежа на Сулу, заставлял Святослава побеждать Кобыка в таинственном Лукоморье, хотя битва произошла близ Орели, называл киевского князя “великим и грозным”, но через несколько строк заставлял его обращаться с просьбой о помощи к держателю Владимиро-Суздальской Руси. Неясно место битвы и самого Игоря. Никакие объяснения поэтической гиперболизацией не оправдывают мрачных картин, которыми автор рисует положение на Руси после поражения Игоря. Ни Киев, ни Чернигов не “востонали” “тугою и напастями”; не вызвала междоусобиц среди князей мимолетная победа половцев, никак не в Путивле, тотчас подвергшемся ответному половецкому удару, могла “плакать” на заборонах Ярославна. Но, пожалуй, наибольшее удивление у историков может вызвать такая враждебность к половцам в конце XII века, когда родственные линии не только южнорусских, но и далеких северо-восточных князей настолько переплелись с родственными линиями ханских родов, что взаимные набеги и походы друг на друга можно рассматривать в известной мере как обычные междоусобные стычки и “молодечество”, ограниченные летописным “рядом”: при наездах

на чужие владения людей “лупить, но не бить” – грабить, но не убивать” [110: 139–140].

Уже сама возможность постановки этих вопросов – свидетельство того, к каким заблуждениям приводят существующие переводы, на которые в основе и опирается А.Л. Никитин, хотя часто и предлагает свои конъектуры.

Мнимые ошибки “Слова” подробно рассмотрены в соответствующих пояснениях настоящего комментария. Отметим, что все обвинения, выдвинутые А.Л. Никитиным в адрес Автора, несостоятельны:

а) о том, что Переяславль не всегда стоял на реке Трубеже, можно сделать заключение и из Повести временных лет (см. поясн. IV.17);

б) автор “Слова” не утверждает, что Кобяк был разгромлен у Лукоморья, а только указал, что он из Лукоморья (из лукоморских половцев) (см. поясн. III.9);

в) великий Святослав отнюдь не обращается за помощью к “держателю Владимиро-Суздальской Руси”. Это **Автор “Слова”** обращается ко всем князьям русским (в том числе и к Всеволоду Юрьевичу) с призывом о совместном отпоре агрессии (см.поясн. IV.1);

г) место битвы в “Слове” (поэтическом произведении!) дано не очень точно. Но летописи намного ли удачнее дали его координаты?

д) автор не утверждает в “Слове”, что поражение Игоря вызвало среди русских князей междоусобные войны. Это утверждение целиком на совести переводчиков, комментаторов и А.Л. Никитина (см. поясн. III.8);

е) утверждение, что после поражения Игоря, гибели многотысячного войска, разграбления Переяславской и Северской земель, после резни в Римове Русская земля не “востонала” “тугою и печалью”, представляется просто кощунственным и противоречащим историческим источникам;

ж) полемизировать на предмет, где же плакала жена Игоря, не приходится, так как русских летописцев явно не заинтересовала персона Ярославны. Присутствие же ее в Путивле вполне возможно (см. поясн. VI.6), и нет никаких оснований ставить под сомнение свидетельство современников;

з) удивление А.Л. Никитина по поводу чувства вражды у русских к грабителям их половцам способно в свою очередь вызвать удивление. Летописи дают далеко не идиллическую картину русско-половецких отношений: тысячи убитых в каждом сражении, тысячи русичей, угнанных в рабство; сожжены дотла города, села и монастыри, ограбление всего Юга Руси. Нужно очень пристрастное чтение летописей, чтобы видеть в половецких набегах нечто вроде молодецких потех. “Бить, но не убивать” – в какой-то мере относилось только к ханам и князьям, да и то не всегда. Все герои “Слова” (русские и половцы) имели близких, павших в этих “молодецких потехах”, а некоторые и сами погибли при “наездах”.

А.Л. Никитин выписывает еще серию возникающих недоумений и приходит к выводу, что они появились по вине Автора: он верный ученик Бояна, очарованный его талантом, повторял его слова, его приемы, приспособлял целые фрагменты, иногда удачно, чаще не совсем удачно, рассказывая о событиях 1185 г.

Так как программное утверждение Автора, что петь он будет не по “замышлению” Бояна, противоречит версии А.Л.Никитина, то предполагается,

что текст был искажен переписчиками, – версия, помогающая многим исследователям получить желаемый результат.

А.Л. Никитин уверен, что Автор имел перед собой некий гипотетический труд Бояна (музыканта и поэта-сказителя?), в котором было “изображение похода со зловещим предзнаменованием, картина битвы, гибель героя и – возможно – обращение к князьям-современникам с просьбой о помощи”. Там были и плач вдов, и вещей сон, и “золотое слово”, и история гибели князя Бориса. Но не было, вероятно, побега из плена, ибо в строках этого фрагмента, по мнению Никитина, не наблюдается метрическая организация текста, свойственная творчеству Бояна. Если учитывать, что автор статьи (правда, не очень уверенно) и плач Ярославны припишет Елизавете Ярославне (дочери Ярослава Мудрого), то от самого Автора в тексте СПИ – только сцены побега, и, может быть, обращение к князьям. Иными словами, все в “Слове о полку Игореве”, что имеет хотя бы намек на ритмическую организацию, по мнению А.Л. Никитина, – заимствование из песен Бояна.

Напомним, что *мы не имеем ни единой фразы “песен” Бояна вне текста “Слова”*, а в “Слове” Боян, возможно, не цитировался, а дан в свободном поэтическом пересказе Автора.

Так как ритмическая организация текста прослеживается нами от первой до последней строки, то, по версии А.Л. Никитина, Бояну должен принадлежать весь текст СПИ без исключения (плюс монолог Игоря в Ипатьевской летописи?).

Последовательно проведенный литературоведческий анализ показывает, что каждый эпизод, каждый фрагмент СПИ является столь необходимым в общем построении, столь подчиненным идее произведения, что любые домыслы о случайном, привнесённом, неумело заимствованном кажутся кощунственными по отношению к “Слову” и по отношению к Автору. Но А.Л. Никитин всю свою работу посвящает демонстрации того, как неудачно увязаны у Автора “Слова” целые фрагменты и отдельные фразы с событиями XII в. Достигается это перестановкой текста, радикальной правкой, довольно свободным обращением с лексикой “Слова”. Не очень уж большой комплимент – слова А.Л. Никитина, что имя Автора столь же значимо, как и имя Бояна, только потому, что он донес до нас его песни. А.Л. Никитин пишет: “Они рядом, вместе, передающие из рук в руки драгоценный цветок русской поэзии, как священную чашу Грааля” [110: 163]. Рядом, ибо “неведомый автор сохранил для нас имя и подлинные строки Бояна: сохранил, не думая об этом...”

Но, увы, нет ни малейшего основания утверждать, что “Слово” несет подлинный текст Бояновых песен, на который наслонилась, как на древние фрески, краска более позднего мастера, утерявшего во многом секреты великого предшественника. Мы не имеем основания утверждать, что текст “Слова” писался с “матрицы” (выражение А.Л. Никитина) Бояна. Нет у нас и ни малейшего основания утверждать, что Автор добросовестный, но неумелый ученик Бояна. Иной предстает фигура Поэта. Великая боль за землю Русскую определила необходимость поисков новой формы, способной не только донести до аудитории авторскую точку зрения на события, хорошо известные современникам, но и отстоять ее аргументами фактов и обобщений.

Стремление Автора объяснить происходящее в причинной связи и зависимости, стремление выявить исторические закономерности, дать оценку

событий с общерусской и общенародной позиций вели Автора к стихийному реализму, поднимали его над временем и современниками. В то же время, решиться на анализ целого исторического периода и через единичное суметь показать общее мог только очень большой талант. Творческая задача, стоявшая перед Автором, не допускала слепого подражания.

Стоит задуматься, почему А.С. Пушкин последние годы своей жизни так пристально вглядывался в строгие строки Великого Художника, почему *он определил место Автора в нашей словесности выше самых больших имен русской литературы.*

Великому Поэту XII в. было о чем рассказать аудитории – он был свидетель трагедии, разыгравшейся в глубине половецкой степи. Но не только это обязывало его создать поэму небывалой страстности, гражданского пафоса. Главным было то, что он знал и верил в силу слова. И в самый напряженный, кульминационный момент Автор обращается с прямым призывом к конкретным князьям: “Вступите в золотое стремя за землю Русскую!” Наличие обращения-призыва, имеющего прямой адрес, – убедительное свидетельство, что “Слово” создавалось в те дни, когда это обращение имело, по мнению Автора, смысл.

Именно по этой причине Б.А. Рыбаков время создания “Слова” относит к лету 1185 г., когда русским князьям пришлось отражать спровоцированное Игорем половецкое нашествие. (Вторым доводом Б.А. Рыбакова в пользу отнесения времени написания “Слова” к лету 1185 года является упоминание о союзе сынов Глебовых с Всеволодом Юрьевичем. Но этот аргумент основан на неточном прочтении текста (см. поясн. IV.5).

Но представить себе, что поэма, столь стройная в своей композиции, так тщательно продуманная, была написана буквально за несколько недель, – невозможно. Следует принять во внимание и то, что финал сообщает о благополучном для всех князей исходе, а это можно было сказать не ранее 1187 г.

В последнее время наметилась тенденция отнесения даты завершения работы Автора над “Словом” к более позднему периоду, к самому концу XII в. Можно, например, указать на работу Н.С. Демковой [42: 72–77] и работу Б.И. Яценко [197: 116–122].

Если Н.С. Демкова определяет период, когда могло быть написано “Слово”, 1194 – маем 1196 г. (т.е. после смерти Святослава Всеволодовича, но до смерти буй-тура Всеволода), то Б.И. Яценко называет иные временные пределы: 1198–1199 гг.

Полемизируя с Н.С. Демковой, Б.И. Яценко пишет: «Однако заключительная часть “Слова” истолкована Н.С. Демковой не совсем точно. Автор “Слова” провозглашает “славу” трем князьям – Игорю Святославичу, “буй туру” Всеволоду, Владимиру Игоревичу – и продолжает: здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки”. Здесь “здравица” в честь всех князей и воинства русского, которые защищают Родину. Провозглашение “славы” – еще не достаточное свидетельство, что Всеволод к тому времени был жив. Автор может рассказывать о событиях, вспоминая о дедовской и прадедовской славе» [197: 121].

Слава действительно могла быть провозглашена посмертно, но в тексте СПИ: “Здрави князи”, т.е. здоровы, невредимы князья. Это выражение (см. поясн. VII.11) неточно дано во всех переводах. Но даже перевода “Здрави

князи” как здравицу, трудно предположить, что она произносится в адрес усопшего Всеволода Святославича.

Распространение же здравицы буквально на *всех* князьях не обусловлено конкретным текстом. Далее Б.И. Яценко пишет: «Политическая характеристика, данная Игорю Святославичу в “Слове”, не могла возникнуть в 1194–1196 гг.» [197: 121] (а по мнению Б.И. Яценко, несколько позднее). Какова же это политическая характеристика? Для защиты Русской земли, утверждает Б.И. Яценко, есть единственный достойный кандидат – князь Игорь (?!). И Автор стремится оправдать Игоря и его поход.

Утверждая, что Автор “Слова” воспевает Игоря и его поход, Б.И. Яценко делает вывод, что это было возможно только тогда, когда Игорь по смерти Ярослава становится князем черниговским. Иными словами, в этот период Автор мог исказить историческую правду ради своих симпатий к Святославичам, владеющим славным Черниговом. Чтобы утвердить эту точку зрения, Б.И. Яценко выстраивает ряд аргументов.

– В “Слове” нет обращения к Ярославу Черниговскому. Более того, к Ярославу обращено осуждение Святослава Киевского. “Так мог писать, – считает Б.И. Яценко, – только политический противник Ярослава”.

Действительно, в СПИ нет обращения Автора к владеющему многими войсками Ярославу Черниговскому с призывом встать за землю Русскую, и действительно звучит в его адрес упрек (но не от Автора, а от *Святослава*) за “непомогу”, но это определяется исключительно позицией Ярослава в конфликте со Степью. Дружба Ярослава с половцами была известна. Он многократно отказывался от совместных действий против Степи. Автора можно упрекать в историческом утопизме, когда он ратует за объединение русских князей вокруг Киева, но нельзя обвинить в политической наивности и неосведомленности. Обращение Автора к Ярославу Черниговскому (да еще после монолога Святослава) могло вызвать у аудитории только недоумение. О личных же симпатиях Автора к Ярославу Черниговскому у нас просто нет данных. Мы можем только уверенно сказать, что политика сепаратного союза с половцами в ущерб общерусским интересам, проводимая Ярославом, вызывает осуждение Автора. *И политическую актуальность это осуждение имело именно при жизни Ярослава, а не после его смерти.*

– Б.И. Яценко на основании того, что черниговский престол назван “отнимъ” Игоря и Всеволода, делает вывод, что, когда писалась поэма, Ярослав уже умер, что только при этом условии Автор мог назвать черниговский “стол” “отнимъ”.

Но напомним, что в том же “Слове” киевский престол назван “отнимъ” *столом Всеволода Юрьевича, хотя он княжил во Владимиро-Суздальской земле, а на престоле в Киеве сидел Святослав.* “Отнимъ” столом черниговский престол назван, к слову, не столько для Игоря, сколько для Владимира. Доводы Б.И. Яценко совершенно не имеют доказательств.

– «“Слово о полку Игореве” не могло появиться раньше 1198 г. еще и потому, – утверждает Б.И. Яценко, – что здесь очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.: Всеволод может “Донь шелома выльяти”. Хотя в Лаврентьевской летописи поход Всеволода датирован 1199 г., он состоялся в 1198 г.» [197: 122].

Этот аргумент опровергается логикой повествования. Фраза “Ты бо можеш Волгу веслы раскропити, Донъ шеломы выльяти” может быть понята только в контексте всего повествования.

Автор призывает могущественного Всеволода Юрьевича “прилетѣти” постеречь отцовский золотой престол: “Ты же можешь Волгу веслами разбрызгать, а Дон шлемами вычерпать”. А далее: “Если бы ты был, то была бы невольница по монете, а кочевник по резаной монете”.

Вся беда в том, утверждает “Слово”, что Всеволод еще не был на Дону. Автор “Слова” уверен, что если бы Всеволод двинулся на Дон, то его войско смогло бы одолеть половцев. Когда появилось “Слово”, Автор не мог знать, что много лет спустя Всеволод совершит два похода против половцев. При иных условиях, за что же упрекать владими́ро-суздальского князя.

Кроме того, если принять точку зрения Б.И. Яценко и предположить, что Автор “Слова” создавал свое произведение в 1198–1199 гг., то возникают совершенно неправдоподобные ситуации: Автор “Слова”, обращаясь к князьям с призывом объединить свои усилия по обороне Руси, обращается к Ярославу Галицкому, но Ярослав умер в октябре 1187 г., и Автор не мог этого не знать, так как смерть его вызвала длительные войны за галицкое наследство.

Обращается Автор и к Давиду, но Давид умер в 1198 г. (1197 г.?). Но еще до смерти он постригся в чернецы, и обращаться к монаху с просьбой вступить в золотое стремя несколько легкомысленно.

– Последний аргумент Б.И. Яценко: в 1198 г. Игорь был уже князем черниговским. Ему и свита, считает Б.И. Яценко, слава “Слова о полку Игореве”. “Обаполы” понято Б.И. Яценко как две половины славы прошлого и нового времени.

Но если “одна половина” славы – бесславный поход Игоря и жесточайшее поражение, то “вторая половина” – новый поход Игоря на половцев до Оскола в 1191 г.? Игорь ходил на половцев, дошел до Оскола, вновь, как в мае 1185 г., половцы обнаружили Игоря и стали его окружать. Но князь Игорь, наученный горьким опытом, не остался ночевать в Степи, а узнав об опасности, ушел в ночь. Половцы гнались за ним и не достигли. Этот поход не принес успеха князю Игорю. *Свистать воедино такие “славы” черниговскому князю было бы бестактно.*

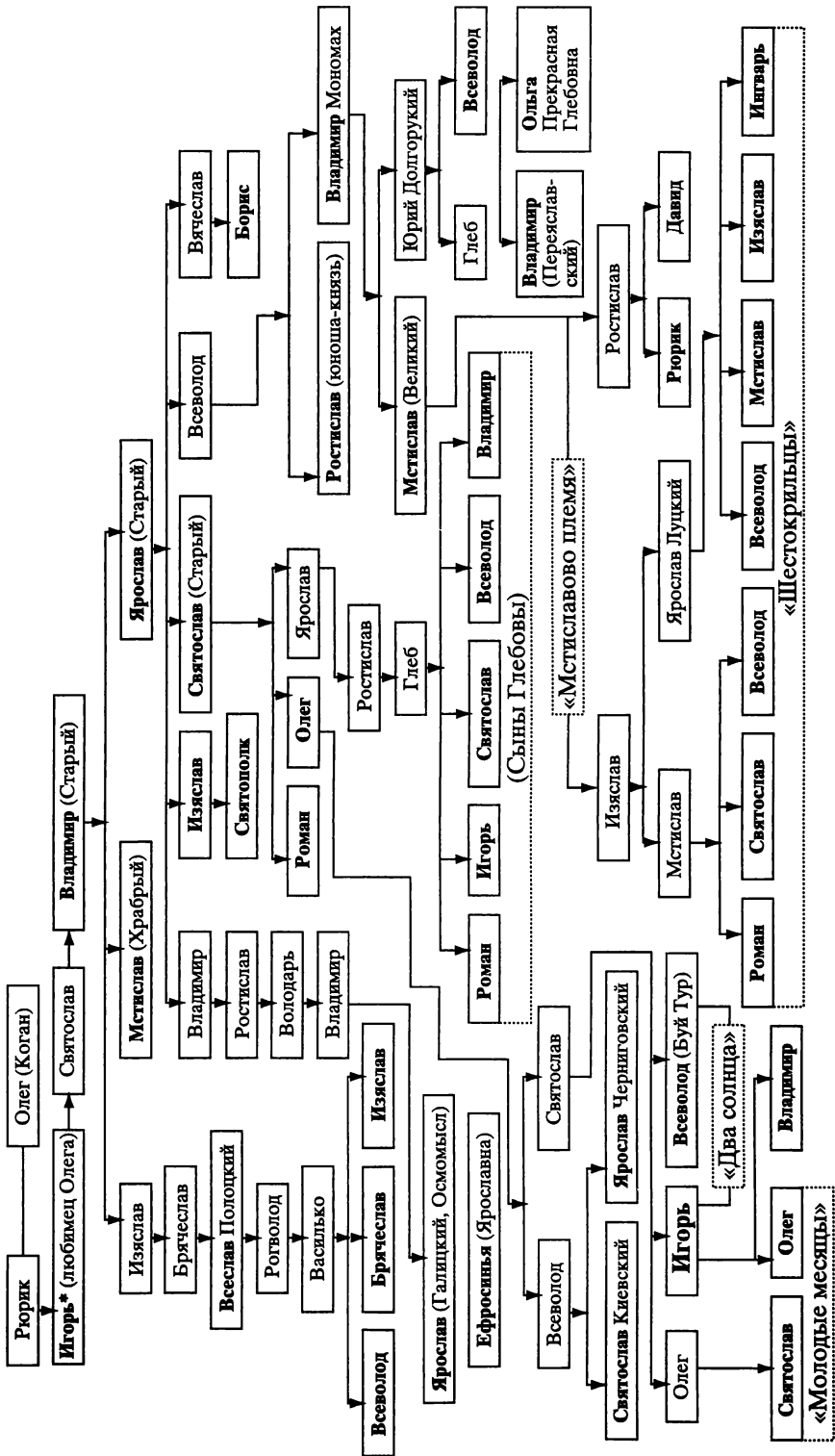
“Слово о полку Игореве” было написано в 1187 г. Время завершения “Слова” определяется очень четко: до смерти Ярослава Галицкого в *октябре 1187 г.* К этому времени вернулся и Владимир Игоревич с Кончаковной. Теперь можно было сказать обо всех князьях – участниках похода, что они невредимы, живы. В 1187 г., в апреле, умер Владимир Глебович. Умер, разболевшись от ран, полученных в 1185 г., когда сдерживал превосходящие силы половцев, ринувшихся на Русь после поражения Игоря. Вот откуда скорбные слова: “Туга и тоска сыну Глебову” – смерть Владимира напомнила о его подвиге при защите Переяславля.

Летом 1187 г., после свыше полутора лет затишья, начали половцы под предводительством Кончака вторжение на русские земли. Поэма об Игоре была более чем актуальна: киевский князь собирает третий по счету поход на половцев. Возможно, Автор “Слова” живым призывом помог сбору сил, но проповедь всеобщего единения в борьбе с хиновой в большинстве русских земель не нашла отклика – князья жили прежде всего удельными инте-

ресами. Но страстный призыв к единению усилий перед лицом общего врага обеспечил долгую жизнь “Слова”, ибо в нем отразилась вера народа, его надежды. Высокая идея и совершенство формы определяют судьбу этого Великого Творения Великого Художника.

Автор “Слова” – вершина той древнерусской литературы Киевской Руси, развитие которой было внезапно прервано татаро-монгольским нашествием. Немеркнущая красота “Слова” свидетельствует о высоком развитии культуры и литературы в Киевской Руси, свидетельствует, какой дорогой ценой заплатила Русская земля за спасение Европы, приняв на себя весь напор татаро-монгольских орд у стен своих пылающих городов. Русский народ выдержал страшнейшее испытание, сохранив свой язык, свою культуру, сознание общности. От духовных ценностей эпохи Киевской Руси многое сохранилось. Но это “многое”, есть основание полагать, – только малая толика того, что было создано руками художников, зодчих, поэтов и летописцев. Рукописи, к сожалению, сгорают.

Генеалогические связи русских князей, упомянутых в "Слове о полку Игореве"

*Жирным шрифтом выделены имена князей – персонажей "Слова о полку Игореве".

Библиография

І. Сборники статей, монографии, издания “Слова о полку Игореве”

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Фразеология и лексика “Слова” // “Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла”. М.; Л., 1966.
2. *Аксаков К.С.* Ломоносов и история русской литературы и русского языка (1846 г.) // Сочинения. М., 1875. Т. 2. Ч. 1.
3. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 1, 3.
4. *Афанасьев В.А.* Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев // Исторический журнал. 1939. № 6.
5. *Барсов Е.В.* “Слово о полку Игореве” как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887–1889. Т. 1–3.
6. *Баскаков Н.А.* Еще о тюркизмах “Слова о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве”. М., 1978. (Сер. “Памятники литературы и искусства X–XVII веков”).
7. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначения в русском языке. М., 1975.
8. *Безсонов И.* “Слово о полку Игореве”: Памятник изящной словесности XII века. Одесса, 1895.
9. *Беликов И.* Некоторые исследования “Слова о полку Игореве” // Учен. зап. МГУ. 1834. Ч. V. № 11.
10. *Бицын Н. (Павлов Н.М.).* Предисловие к переводу // Русский вестник. 1874. Т. 109. № 2.
11. *Брэм А.Э.* Жизнь животных. СПб., 1902. Т. 2.
12. *Булаховский Л.А.* “Слово о полку Игореве” как памятник древнерусского языка // “Слово о полку Игореве”: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950.
13. *Булаховский Л.А.* О первоначальном тексте “Слова о полку Игореве” // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1952. Т. XI. Вып. 5.
14. *Булаховский Л.А.* Функции чисел в “Слове о полку Игореве” // Мовознавство. 1952. Т. V. Вып. 1.
15. *Булаховский Л.А.* К лексике “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV.
16. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.; Л., 1959.
17. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1.
18. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1961.
19. *Бутков П.Г.* Нечто о “Слове о полку Игореве” // Вестник Европы. 1821. № 21.
20. *Вельтман А.Ф.* Упоминаемый бо Ян в “Слове о полку Игореве” есть старец Ян, упоминаемый Нестером // Москвитянин. 1842. № 1.
21. *Вельтман А.Ф.* Письмо к Пушкину // Пушкин А.С. Собр. соч. М., 1948.
22. *Веселовский А.Н.* Новый взгляд на “Слово о полку Игореве” // ЖМНП. СПб., 1877.
23. *Виноградова В.Л.* Еще одна догадка о “стрикусах” “Слова о полку Игореве” // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1969. Т. XXVII. Вып. 1.

24. Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. 1969. Т. 30.
25. Вологодско-Пермская летопись XVI в. // Библиотека АН СССР. 16.8.15.
26. *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.
27. *Вяземский П.П.* Замечания на “Слово о полку Игореве”. СПб., 1875.
28. *Гаген-Торн Н.* О двух Игорях древней поэмы // Знание – сила. 1975. № 6.
29. *Гетманец М.Ф.* По следам князя Игоря // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
30. *Гнедич Н.И.* “Слово о полку Игореве”: Сб. статей и исследований. М.; Л., 1950.
31. *Головенченко Ф.М.* “Слово о полку Игореве”: Библиографический очерк. Перевод, пояснения к тексту и переводу // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1963. Вып. 198.
32. *Головин Н.* Примечания на “Слово о полку Игореве”. М., 1846.
33. *Гонсиоровский О.* Заметки о “Слове о полку Игореве”; пересмотр вопроса, на каком языке написано “Слово”, и несколько замечаний и поправок к тексту // ЖМНП. 1884. Февр.
34. *Грамматин Н.Ф.* “Слово о полку Игореве”. М., 1823.
35. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. 3-е изд. М.; Л. 1944 (1953).
36. *Григорович В.И.* Что значит слово “толковинъ” или “толковник” в русских летописях и в “Слове о полку Игореве” // Труды III Археологического съезда в Киеве. 1878. Т. 1.
37. *Гудзий Н.К.* Слово о полку Игореве. М., 1938.
38. *Гудзий Н.К.* История древнерусской литературы. М., 1956.
39. *Гумилев Л.Н.* Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1.
40. *Гусева Н.Р.* Индия: тысячелетия и современность. М., 1971.
41. *Дёмин А.С.* Книжные предисловия XI–XII вв. и некоторые литературные потребности древнерусского общества // “Слово о полку Игореве”. М., 1978 (Сер. “Памятники литературы и искусства XI–XVII вв.”).
42. *Демкова Н.С.* К вопросу о времени написания “Слова о полку Игореве” // Вестник МГУ: История, язык, литература. 1973. Вып. 3. № 14.
43. *Дмитриев Л.А.* Комментарий к “Слову о полку Игореве”. Л., 1952. (Сер. “Библиотека поэта”).
44. *Дмитриев Л.А.* Глагол “каяти” и река Каяла в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1953. Т. IX.
45. *Дмитриев Л.А.* Два замечания к тексту “Слова” // ТОДРЛ. Т. XXXI. 1976.
46. *Дмитриев Л.А., Творогов О.В.* Осторожно – “Слово о полку Игореве” // Русская литература. 1976. № 1.
47. *Дмитриев Л.А., Творогов О.В.* “Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова // “Русская литература”. 1976. № 1.
48. *Драчук В.С.* Дорогами тысячелетий. М., 1976.
49. *Дубенский Д.* “Слово о полку Игореве”. М., 1844.
50. *Дылевский Н.М.* “Вежи ся половецкии подвизашася” в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1958. Т. XV.
51. *Дылевский Н.М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности “Слова о полку Игореве” по старым и новым данным // “Слово о полку Игореве” – памятник XII века. Л., 1962.
52. *Егоров Н.М.* Мышью или мыслью // ТОДРЛ. 1955. Т. XI.
53. *Еремин И.П.* “Слово о полку Игореве” как памятник политического красноречия Киевской Руси. М.; Л., 1950.
54. Жизнь животных: В 6 т. М., 1970. Т. 5.
55. *Жинзифов Р.* “Слово за пълкъ-тъ Игоревъ” Новобългарска сбирка. М. 1863.
56. *Забелин И.* Заметки об одном темном месте “Слова о полку Игореве” // Археологические известия и заметки. 1894. № 10.

57. *Зарубин Н.Н.* Заря утренняя или вечерняя? // ТОДРЛ. 1935. Т. II.
58. *Захаров В.А.* Что означает “до кур Тмутороканя” в “Слове о полку Игореве”? // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
59. *Зимин А.А.* Ипатьевская летопись и “Слово о полку Игореве” // История СССР. 1968. № 6.
60. *Иловайский Д.И.* О мнимом призвании варягов // Русский вестник. 1871. Т. 96. № 12.
61. Историко-географические сведения о Половецкой земле // Изв. Геогр. об-ва. М., 1956.
62. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. М., 1978.
63. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. В.И. Борковского. М., 1979.
64. *Карпунин Г.* По мысли древу // Сибирские огни. 1978. № 10.
65. *Катков М.Н.* [Рецензия] // Отечественные записки. 1839. Т. IX. № 4.
66. *Клейн И.* “Слово” и апокалиптическая литература // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
67. *Козленицкая С.* “Старая Украина”: Сборник дум, песен, легенд // Пер. с малорусского. Пг., 1916.
68. *Котков С.И.* “Слово о полку Игореве”: Заметки к тексту. М., 1958.
69. *Котков С.И.* Лексические элементы в “Слове о полку Игореве”, связанные с Новгород-Северской землей // Русская речь. 1975. № 5.
70. *Козырев В.А.* О слове “смага” в “Слове о полку Игореве” // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Вопросы развития грамматики и лексики русского языка. 1968. Вып. 373.
71. *Козырев В.А.* Словарные параллели к лексике “Слова о полку Игореве” в современных брянских и других говорах // Брянские говоры. Л., 1975. Вып. 3.
72. *Козырев В.А.* “Слово о полку Игореве” и современные русские народные говоры // Русская речь. 1975. № 5.
73. *Колесов В.В.* Ударение в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
74. *Кондаков Н.И.* Македония: Археологические путешествия. СПб., 1909.
75. *Котляревский А.А.* О погребальных обычаях языческих славян // ОРЯС. СПб., 1891. Т. XLIX.
76. *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948.
77. *Кудряшов К.В.* Историко-географические сведения о Половецкой земле // Изв. Геогр. об-ва. М., 1956.
78. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка. (X – середина XVIII в.). М., 1975.
79. *Лихачев Д.С.* Комментарий исторический и географический // “Слово о полку Игореве”. М.; Л., 1950.
80. *Лихачев Д.С.* Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2.
81. *Лихачев Д.С.* Исторический и политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”. М.; Л., 1950.
82. *Лихачев Д.С.* Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве”. М.; Л., 1950.
83. *Лихачев Д.С.* Повесть о Николе Заразском // ТОДРЛ. 1950. Т. VII.
84. *Лихачев Д.С.* Вазни и стрикусы в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1962. Т. XVIII.
85. *Лихачев Д.С.* Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест “Слова о полку Игореве” // “Звезда”. 1976. № 6.
86. *Лихачев Д.С.* “Слово о полку Игореве”: Историко-литературный очерк. М., 1976.

87. Лихачев Д.С. “Слово” и эстетические представления его времени // Русская литература. 1976. № 2.
88. Лихачев Д.С. “Слово о полку Игореве” и культура его времени. Л., 1978.
89. Лихачев Н.П. Инока Фомы слово похвальное. СПб., 1908.
90. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
91. Лященко А.И. Комментарий к “Молению Даниила Заточника” // Историко-литературный сборник, посвященный И.И. Срезневскому. Л., 1924.
92. Мавродин В.В. Очерки левобережной Украины. Л., 1940.
93. Майков А.Н. “Слово о полку Игореве”: Несколько предварительных замечаний об этом памятнике // Заря. 1870. Янв.
94. Максимович М.А. [Рецензия на книгу А. Вельтмана “Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского” // Молва. 1833. № 24.
95. Максимович М.А. История древней русской словесности. [Б.м.], 1839.
96. Максимович М.А. “Песнь о полку Игореве” // Собр. соч. [Б.м.], 1800. Т. III.
97. Макушев В.В. “Слово о полку Игореве” / Изд. Н.С.Тихонравова // ЖМНП. 1867. Т. СХХIII.
98. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах “Слово о полку Игореве” // Изв. Чечено-Ингуш. Науч.-иссл. ин-та истории языков и литературы. Т. 1. Вып. 2: Языкознание. Грозный, 1959.
99. Маркс К. Собр. соч. М., 1957. Т. 22.
100. Марр Н.Я. Абхазоведение и абхазы // Восточный сборник. Л., 1936. Т. 1.
101. Мей Л.А. “Слово о полку Игореве” // Москвитянин. 1860. № 22. Кн. 2.
102. Мецкерский Н.А. К толкованию лексики “Слова о полку Игореве” // Учен. зап. ЛГУ. Вып. 198. Сер. филол. наук. 1956. Вып. 24.
103. Мецкерский Н.А. О территориальном приурочении “Слова о полку Игореве” // Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Сер. историко-филол. наук. Петрозаводск, 1965. Т. 3. Вып. 1.
104. Менгес К.Г. Восточные элементы в “Слове о полку Игореве” (*Menges K.J. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russi and Epos “The Igor’s tall”*. N.Y., 1951).
105. Миллер В.Ф. Взгляд на “Слово о полку Игореве”. М., 1877.
106. Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. 2-е изд. М., 1865. Т. 1.
107. Млекопитающие Советского Союза. М., 1961. Т. 1.
108. Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский хронограф и “Слово о полку Игореве”. Л., 1978.
109. Мусин-Пушкин А.И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутороканского княжения. СПб., 1794.
110. Никитин А.Л. “Слово о полку Игореве”: загадки и гипотезы // Октябрь. 1977. № 7.
111. Новиков И. “Слово о полку Игореве” / Перевод, предисл., поясн. М., 1938.
112. Новиков И. Примечание к переводу “Слова о полку Игореве” // Собр. соч. М., 1967. Т. 4.
113. Новиков И. “Слово о полку Игореве” и его автор // Писатель и его творчество. М., 1956.
114. Орлов А.С. “Слово о полку Игореве”. М.; Л., 1938; 1946.
115. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
116. Осетров Е. Мир Игоревой песни. М., 1977.
117. Павлов-Бицын Н.М. “Слово о полку Игореве”: Заметки об исследованиях памятника и переложение на современный язык. 2-е изд. М., 1902.
118. Павлович А.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1969. Ч. 3.
119. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Т. 1.
120. Перевод “Слова о полку Игореве” // Галатя. 1829. № 20. (Автор не указан.)

121. Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложение М. Делярю. [Б.м.], 1838.
122. *Петрусь В.П.* Сокол в мытгах // Учен. зап. Кировского пед. ин-та. 1957. Вып. II.
123. *Плетнева С.А.* Исчезнувшие народы: Половцы // Природа. 1977. № 2.
124. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.
125. *Потебня А.А.* Объяснение малорусской песни XVI века // “Слово о полку Игоре-ре”. Харьков, 1914.
126. *Потебня А.А.* “Слово о полку Игоре-ре”: Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914.
127. *Прозоровский Д.И.* Новый опыт объяснительного изложения “Слова о полку Игоре-ре” // Записки отдела русской и славянской археологии”. СПб., 1882.
128. *Пушкин А.С.* “Песня о полку Игоре-ре” // Полн. собр. соч., М., 1949. Т. 12.
129. *Рапов А.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XII в. М., 1977.
130. *Расовский Д.А.* Тльковины // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый ин-том им. Н.П.Кондакова. Прага, 1936. Т. 8.
131. *Ржига В.Ф.* Восток в “Слове о полку Игоре-ре” // “Слово о полку Игоре-ре” / Гос. лит. музей. М., 1947.
132. *Ржига В.Ф.* Из очерков по “Слову о полку Игоре-ре” // Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ. 1947. Вып. 3.
133. *Робинсон А.Н.* О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август, 1973. М., 1973.
134. *Робинсон А.Н.* О задачах славистической и тюркологической традиций в изучении “Слова о полку Игоре-ре” // “Слово о полку Игоре-ре”. М., 1978. (Сер. “Памятники литературы и искусства XI–XVII вв.”).
135. *Робинсон А.Н.* Солнечная символика “Слова о полку Игоре-ре” // “Слово о полку Игоре-ре”. М., 1978. (Сер. “Памятники литературы и искусства XI–XVII веков”).
136. *Рыбаков Б.А.* “Слово о полку Игоре-ре” и его современники. М.; Л., 1971.
137. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор “Слова о полку Игоре-ре”. М., 1972.
138. *Самсонов Н.* Древнерусский язык. М., 1973.
139. *Сапунов В.В.* Ярославна и древнерусское язычество // “Слово о полку Игоре-ре”. М.; Л., 1962.
140. *Скляр И.М.* К источниковедческим основам истолкования “Слова о полку Игоре-ре” // Русский язык в киргизской школе. 1977. № 6(110).
141. *Скуратов В., Николаев Н.* Таинственная летопись // Неделя. 1976. № 8(842).
142. “Слово о полку Игоре-ре”. [Б.м.]: Akademia, 1934.
143. “Слово о полку Игоре-ре” / Вступ. ст. Н.К. Гудзия. М.: Сов. писатель, 1938.
144. “Слово о полку Игоре-ре”. М.: Сов. писатель, 1952 (“Библиотека поэта”. Большая серия).
145. “Слово о полку Игоре-ре”. М.: Детская литература, 1972.
146. *Соловьев А.В.* Восемь заметок к “Слову о полку Игоре-ре” // ТОДРЛ. 1964. Т. XX.
147. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 1.
148. *Стеллецкий В.И.* “Слово о полку Игоре-ре”. Л., 1952 (“Библиотека поэта”. Большая серия).
149. *Степанов А.Г.* Сон Святослава и синее вино в “Слове о полку Игоре-ре” // “Слово о полку Игоре-ре”. М., 1978 (Сер. “Памятники литературы и искусства XI–XVII вв.”).
150. *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
151. *Суетенко В.П.* Соловей Древней Руси // Огонек. 1976. № 42.
152. *Сулейменов О.* Синие молнии и синяя мгла // Простор. 1968. № 9.
153. *Сулейменов О.* Аз и я. Алма-Ата, 1975.
154. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2; 1964. Т. 3.

155. *Творогов О.В.* “Слово о полку Игореве”. Л., 1967 (“Библиотека поэта”. Большая серия).
156. *Творогов О.В.* “Сокол трех мытей” в Повести об Акире Премудром // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969.
157. *Творогов О.В.* О датировке Мусин-Пушкинского сборника со “Словом о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
158. *Тиховский Ю.* Прозой или стихами написано “Слово о полку Игореве”? // Киевская старина. 1893. № 10.
159. *Тихомиров М.Н.* Городская письменность в Древней Руси XI–XIII вв. // ТОДРЛ. 1953. Т. IX.
160. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1965.
161. *Тихомиров Н.* “Слово о полку Игореве” / Издано для учащихся. 2-е изд. М., 1868.
162. *Томашевский Б.В.* Стихи и язык // IV Междунар. съезд славистов: Доклады. М., 1958.
163. *Трубачев О.Н.* Этимология и текст // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974.
164. *Трубачев О.Н.* Еще раз мыслию по древу // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.
165. *Федоров В.Г.* Кто был автором “Слова о полку Игореве” и где расположена Каляя? М., 1956.
166. *Финдейзен Н.Ф.* Очерки по истории музыки в России. М.; Л., 1928. Т. I. Вып. 2.
167. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1974.
168. *Халанский М.Г.* I. Сведения и заметки о говорах русского языка. II. О некоторых особенностях народного говора в сев. части Путивльского у. Курской губ. РФВ. Варшава, 1886. Т. XVI.
169. *Халанский М.Г.* Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1894. Ч. II.
170. *Черепнин Л.В.* “Повесть временных лет”, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. № 25.
171. *Чернов А.* У истоков русской рифмы // Литературная учеба. 1977. № 7.
172. *Чернов А.* Два штриха к портрету рифмы // Литературная учеба. 1978. № 5.
173. *Чернов А.* “Слово о полку Игореве” // Литературная учеба. 1979. № 5.
174. *Чернов А.* Надо ли переводить “Слово о полку Игореве” // Юность. 1980. № 1.
175. *Черных П.Я.* Происхождение русского литературного языка и письменности. М., 1950.
176. *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1954.
177. *Черных П.Я.* Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956.
178. *Чаудзе М.П.* К толкованию одного места в “Слове о полку Игореве” // Труды Тбилис. гос. ун-та. 1964. Т. 98.
179. *Шамбинаго С.К.* “Слово о полку Игореве” / Ред. перев. и объясн. прив.-доц. С.К. Шамбинаго. М., 1912.
180. *Шамбинаго С.К.* “Слово о полку Игореве”: История и характеристика текста // “Слово о полку Игореве”. [Б.м.]: Academia, 1934.
181. *Шарлемань Н.В.* Из реального комментария к “Слову о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1948. Т. VI.
182. *Шарлемань Н.В.* Природа в “Слове о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве”: Сб. статей и исследований. М.; Л., 1950.
183. *Шарлемань Н.В.* Заметки натуралиста к “Слову о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1951. Т. VIII.
184. *Шарлемань Н.В.* Заметки к тексту “Растѣкашется мыслію по древу” в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1958. Т. XIV.

185. Шарыпкин Д.М. Боян в “Слове о полку Игореве” и поэзия скальдов // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
186. Шейнкерман Л.Р. “Слово о полку Игореве” // Литература в школе. 1938. № 4.
187. Шервинский С.В. “Дивъ” в “Слове о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве”. М., 1978. (Сер. “Памятники литературы и искусства XI–XVII вв.”).
188. Шишков А.С. Замечания // Сочинения и переводы, изданные Российской академией. СПб., 1805. Ч. 1.
189. Щепкина М.В. К вопросу о неясных местах в “Слове о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве”: Сб. статей и исследований. М.; Л., 1950.
190. Щепкина М.В. Замечания о палеографических особенностях рукописи “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1953. Т. IX.
191. Щепкина М.В. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1958. Т. XIV.
192. Щепкина М.В. О личности певца “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI.
193. Эрдман Ф.И. Следы азиатизма в “Слове о полку Игореве” // ЖМНП. 1842. Ч. XXXVI.
194. Югов А.К. “Слово о полку Игореве”. М., 1970.
195. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
196. Яценко Б.И. Кто такой Борис Вячеславич “Слова о полку Игореве”? // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
197. Яценко Б.И. Солнечное затмение в “Слове о полку Игореве” // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI.
198. Leger L. La mythologie slave. P., 1901.
199. Leger L. Histoire la litterature russe. P., 1907.
200. Mazon A. Le slovo a' Igor. P., 1940.
201. Огоновський О. “Слово о полку Игореве” поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. У Львові, 1876.
202. Перетц В.Н. “Слово о полку Игоревім”. У Києві, 1926.
203. Picchio P. On the Prosodie structure of the Igor Tale // Slavie and East European journal. Madison (Wisc.), 1972. Vol. 16. N 2.
204. Ржигза В.Ф. Гармонія мови “Слова о полку Игореве” // Україна. 1926. Кн. 4.

II. Словари

205. Гринченко Б. Словарь української мови. У Києві, 1907–1909.
206. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956.
207. Носович И.Н. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
208. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975.
209. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1949.
210. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1; 1978. Вып. 5.
211. Словарь синонимов. Л., 1975.
212. Словарь-справочник “Слова о полку Игореве” / Сост. Б.Л. Виноградова. М.; Л., 1965. Вып. 1; 1967. Вып. 2; 1969. Вып. 3; 1973. Вып. 4; 1978. Вып. 5.
213. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 1893–1912.
214. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 ч. М., 1964–1974.
215. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. 1974. Вып. 1.

Список сокращений

- ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина (Москва)
- ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
- ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (СПб.)
- ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Академии наук
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом)
- ТСЖВЯ – “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И. Даля
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Научное издание
Подлипчук Юрий Викторович
“Слово о полку Игореве”
*Научный перевод
и комментарий*

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Т.В. Печко, М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 27.02.2004
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,7. Усл.кр.-отг. 27,2. Уч.-изд.л. 29,6
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 9729
Заказное

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Ю.В. Подлинчук икодрожиге свое и гтв
поба хопре втвствт послалн. и ска зашай свою погиве

и ни же слышавше поидоша кти. а подроего глаша.
искобаша и мисрелин. то ты мисрелин аще

«ГЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

притвша кти друмазса. мпо емго ство. наши вадт
вше оужасоша. и ктлийнй свое итвша. ниведамоуе
глмаго пррикма. гтв тлко мртти. ниемоу ства. ани едо
мы противобтви. и знимо гнибоба хобтвое мнй и кони
и сами. возмо нивто гтв. и по ступиша мкво и кривше
ратни оустремиша гали. притксноша ктв оде ктвша
спими кривтко. бтв ствзла белми. друзни коней и се до
кони боба хобогимми знемо гани и пове нибтвм гтв себен.

НАУКА

ISBN 5-02-010257-1
9 785020 102576